

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

№ 4 (133)

Гуманитарные науки

Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины

ИЗВЕСТИЯ

Журнал зарегистрирован в Министерстве информа-
ции Республики Беларусь
(свидетельство о регистрации
№ 546 от 06.07.2009 года)

Журнал включен ВАК Республики Беларусь
в перечень научных изданий Республики Беларусь,
в которых публикуются результаты
диссертационных исследований
(приказы № 207 от 13.12.2005, № 9 от 15.01.2010,
№ 57 от 16.05.2013)

Журнал включен в библиографические базы данных
ВИНИТИ и Научную электронную библиотеку
eLIBRARY.RU

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.А. ХАХОМОВ**,
д-р. физ.-мат. наук, доцент
Зам. главн. редактора **О.М. ДЕМИДЕНКО**,
д-р тех. наук, профессор
Зам. главн. редактора **М.В. СЕЛЬКИН**,
д-р физ.-мат. наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Г.Г. Гончаренко, д-р биол. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
Ф.В. Кадол, д-р пед. наук, проф.
В.Н. Калмыков, д-р филос. наук, проф.
В.И. Коваль, д-р филол. наук, проф.
Г.Г. Лазько, д-р ист. наук, проф.
И.В. Семченко, д-р физ.-мат. наук, проф.,
чл.-кор. НАН Беларуси
В.С. Смородин, д-р тех. наук, проф.
В.М. Хомич, д-р юрид. наук, проф.
О.Г. Шляхтова, ответственный секретарь

Члены редакционной коллегии по гуманитарным наукам:

В.А. Дятлов (Украина), д-р ист. наук, проф.
А.И. Зеленков, д-р филос. наук, проф.
Ю.А. Лабунцев (Россия), д-р филол. наук, проф.
А.М. Литвин, д-р ист. наук, проф.
Н.Н. Мезга, д-р ист. наук, проф.
С.И. Михальченко (Россия), д-р ист. наук, проф.
А.А. Станкевич, д-р филол. наук, проф.
Г.П. Творонович-Севрук (Польша),
д-р филол. наук, проф.
И.Ф. Штейнер, д-р филол. наук, проф.
Я.С. Яскевич, д-р филос. наук, проф.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
246028, Беларусь, Гомель, ул. Советская, 104,
Телефоны: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Интернет-адрес: <http://vesti.gsu.by>

Francisk Skorina Gomel State University

PROCEEDINGS

The Journal is registered in the Ministry of Information of
Republic of Belarus
(registration certificate
number 546 dated 06.07.2009)

The Journal is included in the Republic of Belarus High-
er Attestation Commission list of scientific publications
of the Republic of Belarus, which publish the main re-
sults for the degree of Doctor (Candidate) of Sciences
(order number 207 dated 13.12.2005, number 9 dated
15.01.2010, number 57 dated 16.05.2013)

The Journal is included in bibliographic databases of the
All-Russia Institute of Scientific and
Technical Information (VINITI), Scientific electronic
library eLIBRARY.RU

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S.A. KHAKHOMOV**,
Sc. D., Docent of Physics
Deputy editor-in-chief **O.M. DEMIDENKO**,
Sc. D., Professor
Deputy editor-in-chief **M.V. SELKIN**,
Sc. D., Professor

Members of editorial board:

G.G. Goncharenko, Sc. D., Professor, Corre-
sponding Member NASB
F. V. Kadol, Sc. D., Professor
V.N. Kalmykov, Sc. D., Professor
V.I. Koval, Sc. D., Professor
G.G. Lazko, Sc. D., Professor
I.V. Semchenko, Sc. D., Professor,
Corresponding Member NASB
V.S. Smorodin, Sc. D., Professor
V.M. Homich, Sc. D., Professor
O.G. Shlyahтова, executive secretary

Members of editorial board for the humanities:

V.A. Diatlov (Ukraine), Sc. D., Professor
A.I. Zelenkov, Sc. D., Professor
Y.A. Labyntsev (Russia), Sc. D., Professor
A.M. Litvin, Sc. D., Professor
N.N. Mezga, Sc. D., Professor
S.I. Mihalchenko (Russia), Sc. D., Professor
A.A. Stankevich, Sc. D., Professor
G.P. Tvoronovich-Sevruk (Poland),
Sc. D., Professor
I.F. Shteiner, Sc. D., Professor
Y.S. Yaskevich, Sc. D., Professor

EDITORIAL OFFICE ADDRESS:
246028, Belarus, Gomel, Sovetskaya Str., 104,
Tel: +375 (232) 51-03-21
E-mail: vesti@gsu.by
Site: <http://vesti.gsu.by>

ИЗВЕСТИЯ

Гомельского государственного университета
имени Ф. Скорины

НАУЧНЫЙ И ПРОИЗВОДСТВЕННО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1999 г.
Выходит 6 раз в год

• 2022, № 4 (133) •

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ: ИСТОРИЯ • ФИЛОЛОГИЯ • ФИЛОСОФИЯ

СОДЕРЖАНИЕ

История

Друзенюк О.В., Лебедев А.Д. Эволюция советского конфессионального законодательства в 1940-е– 1960-е годы (на примере БССР)	5
Елизаров С.А. Восстановление органов государственной власти и управления в Гомельской области (сентябрь 1943 – май 1945 гг.)	11
Кротов А.М. Этнопсихологические установки в генезисе белорусского стереотипа поляка в период Нового времени	17
Крыварот А.А. Удары па нямецка-паліцэйскіх гарнізонах– асноўны від баявога ўзаемадзеяння савецкіх партызан Беларусі і Украіны (вясna – восень 1943 г.)	23
Кукса А.Н. Политехнические институты: основные тенденции, проекты и попытки реализации в Гомельской губернии (1920–1930 гг.)	30
Мязга М.М. Сучасная расійская гістарыяграфія аб узнікненні польска-савецкай вайны 1919–1920 гг.	36
Настусевич С.В. Историографические проблемы изучения биографии в исторической биографии	43
Старовойтов М.И. Рабочие и служащие в социальной структуре белорусского общества (1920–1930 гг.)	48
Тютюнкoв А.Н. Оформление системы политико-воспитательной работы в Рабоче-крестьянской милиции БССР в 1931–1941 гг.	55
Цацарын В.У. Гомельскі рабфак: спроба першая, няўдалая	61
Черепко С.А. Попытки развития казацкого движения на Туровщине в 1648–1651 гг. .	68
Шиляев А.П. Пехота ВКЛ во второй половине 16 века. Реформы Стефана Батория.	72

ФИЛОЛОГИЯ

Афанасьев И.Н. Литература как служение: Даниил Гранин и белорусская память о войне...	77
Бобрык У.А. Да некаторых прозвішчаў Хойніцкага раёна	82
Гардзей Н. М., Хвясько С. Г. Чаргаванне фанем як марфаналагічны сродак утварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса -#ств- у беларускай мове	86
Гладкова Г.А. Мастацкае ўвасабленне вобраза палкоўніка Аляксандра Лісоўскага і дзейнасці яго атрадаў у творах беларускіх і польскіх пісьменнікаў	93
Дашкевич Ю.В. Перцептивная роль консонантизма и вокализма в фонетически адаптированных английских заимствованиях в корейском языке	97
Кирюшкина А.А. Зоонимы и ботанимы как эмотивные номинации в позиции обращения	103

Лапицкая Н.И. Трансформация коннотативного значения устойчивых словесных комплексов 23 февраля и 8 марта	107
Лешчанка Л. А. Увасабленне смерці ў творчасці нацыянальных рамантаў (Ян Барычэўскі і Эдгар По).....	111
Лисова А.Б. Интенсификация в реализации гармоничного общения в испаноязычном политическом диалоге	116
Ляшчынская В.А. Выразы-адказы як устойлівыя адзінкі дыялагічнага маўлення	121
Ничипорчик Е. В. Идеологемы Великой Отечественной войны в словаре белорусских паремий М.Я. Гринблата.....	125
Серигов Г.В. Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского.....	131
Симончук О.А. Худой мир лучше доброй ссоры: жизнь пословицы в текстах Национального корпуса русского языка.....	138
Славина О.В. Методы улучшения дистанционного (онлайн) обучения: внедрение художественного текста в образовательный процесс	145
Солодкая О.И. К вопросу о генезисе праславянского *v.....	149
Станкевіч А.А. Функцыянальна-сэнсавыя тыпы дыскурсу беларускіх народных загадак...	155
Тимошенко Е.И. Этимологические гнезда с корнями *god- и *dob- в русском языке	160
Федотова Н.А. Нормативные теории журналистики: кризис и ревизия подхода	165
Ючко О.Л. Мифолексемы как средство характеристики персонажей в художественных текстах.....	171

ФИЛОСОФИЯ

Ермакоў Я.С. Філасофскія і тэарэтыка-метадалагічныя падставы супрацьстаяння сепаратыўным працэсам.....	176
Корень Е.В. Ценность исторической памяти в менталитете русской интеллигенции Нового времени.....	183
Малахов Д.В. Конституирование темпоральных структур исторической памяти и их трансцендирование в социокультурном пространстве (на основе феноменологии времени Э. Гуссерля)	190
Одиноченко В.А. Религиозный плюрализм в современной Беларуси	197
Степанюк В.К. Системное моделирование как инструмент решения глобальных проблем современности.....	202
Яхно В.Н. Диалектика коллективизма и индивидуализма в размышлениях философов и в восприятии современных студентов	206

PROCEEDINGS

of Francisk Skorina Gomel State University

SCIENTIFIC, PRODUCTION AND PRACTICAL JOURNAL

Published since 1999

Released bimonthly

• 2022, № 4 (133) •

HUMANITIES: HISTORY • PHILOLOGY • PHILOSOPHY

CONTENTS

HISTORY

Druzenok O.V., Lebedev A.D. <i>The evolution of Soviet confessional legislation in the 1940s–1960s (on the example of the BSSR)</i>	5
Yelizarov S.A. <i>Restoration of state authorities and administration in the Gomel region (September 1943 – May 1945)</i>	11
Krotov A.M. <i>Ethnopsychological attitudes in the genesis of the Belarusian stereotype of a Pole in the period of the New Age</i>	17
Kryvarot A.A. <i>Attacks on German police garrisons are the main type of combat interaction of Soviet partisans of Belarus and Ukraine (spring – autumn 1943)</i>	23
Kuksa A.N. <i>Polytechnic institutes: main trends, projects and attempts at implementation in the Gomel province (1920s–1930s)</i>	30
Miazga M.M. <i>Contemporary Russian historiography on the Polish-Soviet war of 1919–1920</i>	36
Nastusevich S.V. <i>Historiographical problems of studying biography in historical biography</i> ..	43
Starovoitov M.I. <i>Workers and employees in the social structure of Belarusian society (1920s–1930s)</i>	48
Tiutiunkov A.N. <i>Formation of the system of political and educational work in the Workers' and Peasants' Militia of the BSSR in 1931–1941</i>	55
Tsatsaryn V.U. <i>Faculty for workers in Gomel: the first attempt was unsuccessful</i>	61
Czaropka S.A. <i>Attempts to develop the Cossack movement in the Turau region in 1648–1651</i>	68
Shiliaev A.P. <i>Infantry of the Grand Duchy of Lithuania in the second half of the 16th century. Reforms of Stefan Batory</i>	72

PHILOLOGY

Afanasiev I.N. <i>Literature as ministration: Daniil Granin and Belarusian memory of the war</i>	77
Bobryk U.A. <i>To some surnames of Khoyniki region</i>	82
Gardzei N.M., Hviasko S.G. <i>Alternation of phonemes as a morphophonemic means of forming nouns from nouns using the suffix -#stv- in the Belarusian language</i>	86
Gladkova H.A. <i>Artistic embodiment of the image of Colonel Alexander Lisowski and the activities of his detachments in the works of Belarusian and Polish writers</i>	93
Dashkevich Yu.V. <i>The perceptual role of consonantism and vocalism in phonetically adapted English loanwords in the Korean language</i>	97
Kiriushkina A.A. <i>Zoonyms and botanymy as emotive nominations in the position of vocative</i>	103
Lapitskaya N.I. <i>Transformation of the connotative meaning of sustainable verbal complex February 23 and March 8</i>	107
Leshchanka L.A. <i>The embodiment of death in the works of national romantics (Jan Barszewski and Edgar Poe)</i>	111

Lisova A.B. <i>Intensification in the implementation of harmonious communication in Spanish political dialogue</i>	116
Liashchynskaya V.A. <i>Expressions-answers as stable units of dialogic speech</i>	121
Nichiporchik E.V. <i>Ideologemes of the Great Patriotic War in the dictionary of Belarusian proverbs by M.Ya. Greenblat</i>	125
Serikov G.V. <i>Polish reflexive models in an interview with R. Kapustinsky</i>	131
Simonchuk O.A. <i>Better a lean peace than a fat victory: the life of the proverb in the texts of the National Corpus of the Russian Language</i>	138
Slavina O.V. <i>Methods for improving distance (online) learning: introduction of literary text into the educational process</i>	145
Solodkaya O.I. <i>To the question of the genesis of the Proto-Slavic *v</i>	149
Stankevich A.A. <i>Functional and semantic types of discourse of Belarusian folk riddles</i>	155
Timoshenko E.I. <i>Etymological nests with *god- and *dob- roots in the Russian language</i>	160
Fedotova N.A. <i>Normative theories of journalism: crisis and revision of the approach</i>	165
Yuchko O.L. <i>Mytholexemes as a means of characterizing characters in literary texts</i>	171

PHILOSOPHY

Ermakou Ya.S. <i>Philosophical, theoretical and methodological foundations of opposition to separative processes</i>	176
Koren E.V. <i>The value of historical memory in the mentality of the Russian intelligentsia of the New Age</i>	183
Malahov D.V. <i>Constituting the temporal structures of historical memory and their transcending in the socio-cultural space (based on the phenomenology of time by E. Husserl)</i>	190
Odinochenko V.A. <i>Religious pluralism in modern Belarus</i>	197
Stepanyuk V.K. <i>System modeling as a tool for solving global problems of the present time</i> ..	202
Yakhno V.N. <i>Dialectics of collectivism and individualism in the reflections of philosophers and in the perception of modern students</i>	206

История

УДК 94:322:348(476)«194/196»

Эволюция советского конфессионального законодательства в 1940-е–1960-е годы (на примере БССР)

О.В. ДРУЗЕНОК¹, А.Д. ЛЕБЕДЕВ²

В статье исследована специфика советского конфессионального законодательства во второй половине 1940–1960-х гг. На основе опубликованных и архивных документов продемонстрирована его преемственность с законами 1918–1929 гг. Показана решающая роль ЦК КПСС в формировании конфессиональной политики в СССР.

Ключевые слова: советская власть, контроль, церковь, религиозные общества.

The article examines the specifics of the Soviet confessional legislation in the second half of the 1940s–1960s. Its continuity with the laws of 1918–1929 is demonstrated on the basis of published and archival documents. The decisive role of the Central Committee of the CPSU in the formation of confessional policy in the USSR is shown.

Keywords: soviet power, control, church, religious societies.

Советское конфессиональное законодательство формировалось на основе идеологических постулатов большевистской программы, в рамках которой религия считалась «опиумом для народа» [1, с. 5]. На протяжении 1920–1930-х гг. в ходе реализации антицерковной политики в БССР фактически прекратили свое существование большинство официально зарегистрированных общин. Служители культа массово подвергались уголовному преследованию либо вынуждены были отречься от сана священника, а храмы закрывались и переоборудовались под хозяйственные и культурно-просветительские нужды.

Кардинальные изменения в конфессиональной политике произошли с началом Великой Отечественной войны. Совокупность различных факторов подтолкнула советское правительство к диалогу с Русской Православной церковью, что в дальнейшем отразилось и на положении верующих других религиозных течений [2], [3, с. 54–55].

В данный период, с целью реализации государственной конфессиональной политики, начинают работу новые контролирующие органы. 14 сентября 1943 г. при СНК СССР был создан Совет по делам Русской Православной церкви под руководством Г. Карпова [4, с. 246], а 19 мая 1944 г. – принято постановление о создании Совета по делам религиозных культов во главе с И.В. Полянским, на который возлагалось решение вопросов в отношении неправославных организаций верующих СССР. Свои функции данные Советы осуществляли с помощью института уполномоченных при Совнаркомах союзных и автономных республик и при обл(край)исполкомах [5].

Однако, несмотря на некоторое послабление антирелигиозного давления, деятельность объединений верующих всех конфессий осуществлялась в условиях жесткого контроля. Так же следует отметить, что поставленная ранее задача борьбы с религией и церковью продолжала оставаться одной из основных в государственной политике [6, с. 61].

В первую очередь, вопросы, связанные с религией нашли свое отражение в положениях основного закона страны. Статья 124 Конституции СССР 1936 г., действующая в 1940-е–1960-е, закрепляла отделение церкви от государства и школы от церкви, провозглашая за всеми гражданами «свободу отправления религиозных культов», но в то же время декларировалась «свобода антирелигиозной пропаганды» [7].

В рассматриваемый период также одним из основных документов государственно-церковных отношений остается первый юридический акт, положивший начало антицерковной политике советской власти – декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г. Согласно его содержания церковь лишалась статуса юридического лица, а церковное имущество подлежало национализации. Религиозные объединения верующих мог-

ли получить все необходимое для богослужения на условиях бесплатного пользования и только с разрешения местных властей. Полученное «в бесплатное пользование» церковное имущество подлежало налогообложению. В декрете оговаривалась возможная свобода религиозных обрядов в случае, если они не нарушают общественного порядка, однако при этом местные органы власти имели право принимать любые меры для его обеспечения.

В соответствии с данным декретом школа отделялась от церкви. В государственных, общественных и частных учебных заведениях запрещалось преподавание религиозных вероучений. Обучаться религии граждане имели право лишь частным образом. Также была отменена религиозная присяга.

Однако наряду со всеми вышеперечисленными преобразованиями в документе провозглашалась свобода вероисповедания и не допускалась дискриминация по религиозному признаку [8].

Юридической базой для деятельности религиозных объединений вплоть до конца 1980-х гг. оставалось постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 г.

На первый взгляд текст документа содержал в себе благоприятные предпосылки для дальнейшей стабилизации в отношениях между государством и религиозными учреждениями. Согласно постановлению на государственном уровне была разрешена деятельность религиозных организаций, и каждый гражданин страны мог беспрепятственно стать членом одной из религиозных групп, проповедуя свою религию. Однако вместе с тем, советское правительство уже не могло отказаться от контроля за религиозными организациями. Согласно постановлению, несмотря на то, что религиозные объединения не имели статуса юридического лица, они подлежали обязательной регистрации. Местные власти в свою очередь имели право отказать в регистрации. Также объединения должны были предоставлять соответствующим инстанциям информацию о членах группы, они же имели право контролировать состав так называемых «двадцаток» и исключать всех неугодных представителей. Религиозным объединениям запрещалось заниматься каким-то другим видом деятельности (благотворительной, экономической, культурной, просветительской и т. д.), а также проводить съезды и собрания, не имея на то специального разрешения властей [9, с. 250–261].

Строго запрещались также любые религиозные действия, осуществляемые за стенами храма, деятельность представителей духовенства ограничивалась лишь возможностью посещения больных и умирающих. Также принимались различные меры экономического удушения религиозных общин. Они рассматривались как отдельно функционирующие частные предприятия и облагались непомерными налогами. Духовенство заставляли подписываться на облигации государственных кредитов, сдавать деньги в разные фонды. Во многих случаях неуплата налога или отказ от той либо другой подписки приводили к аресту священников и верующих, закрытию приходов [10, с. 169–170].

Как уже упоминалось выше, переломный момент в отношениях власти и церкви в 1940-е гг. сопровождался лишь незначительным послаблением, борьбу с религией и ее институтами в Советском Союзе никто не отменял. Подтверждением этому явилось принятие 27 сентября 1944 г. постановления ЦК ВКП(б) «Об организации научно-просветительной пропаганды». Согласно данного документа комсомольские и профсоюзные организации, органы народного образования и культурно-просветительские организации должны были «широко поставить» антирелигиозную пропаганду. В постановлении подчеркивалось, что она «приобретает в нынешних условиях особо важное значение в деле дальнейшего подъема культурного уровня широких слоев трудящихся и преодоления пережитков бескультия, суеверий и предрассудков» [6, с. 61].

Стремление большевистского руководства к сохранению контроля над религиозными объединениями выражалось в обязательной процедуре их регистрации. Толчком к этому послужило постановление СНК СССР от 19 ноября 1944 г. «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов». Для вынесения окончательного вердикта по открытию молитвенного здания немаловажную роль играл ряд факторов. В первую очередь, проверке подвергались все лица, подписавшие поступившее ходатайство. Обязательным компонентом выступала характеристика состояния молитвенного сооружения, а также его использование непосредственно в период подачи заявления верующих. В дальнейшем требовалось выяснить, когда именно и в соответствии с решением какого государственного органа здания было закрыто.

Немаловажным являлось рассмотрение сложившейся ситуации на местности. Представителям контролирующих органов требовалось обладать информацией о количестве уже функционирующих молитвенных зданий конфессии, к которой принадлежат заявители. Также необходимо было знать расстояние, на котором они находятся друг от друга либо от места жительства составителей ходатайства [11].

Середина 50-х гг. ознаменовалась постепенным развертыванием очередного наступления на церковь. Религия рассматривалась в качестве главного врага научного мировоззрения. Огромное значение в этот период советское руководство придавало атеистическому воспитанию, поэтому росли его место и роль в системе идейно-воспитательной работы КПСС [10, с. 263–264, 294].

В 1954 г. были приняты важные постановления по вопросам научно-атеистической пропаганды. В одном из них от 7 июля 1954 г. «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» подчеркивалось обязательное использование всех возможных форм и средств «идейно-политического воздействия на трудящихся», привлечение лучших пропагандистов, интеллигенции и научных работников. Во всех учебных заведениях было необходимо «усилить воспитательную работу учащихся и студентов в духе воинствующего материализма». Учебную программу и преподавание различных предметов «насытить атеистическим содержанием». Особое внимание следовало уделять представителям молодежи, «которая еще находится под влиянием церкви» [12, с. 428–432].

В постановлении от 10 ноября 1954 г. «Об ошибках в проведении научно-атеистической пропаганды среди населения» осуждались «факты грубого администрирования и оскорбления чувств верующих и духовенства» со стороны отдельных представителей местных органов власти. Однако, в то же время партийное руководство настоятельно требовало «дальнейшего усиления идейной борьбы против религиозных воззрений» [13].

Наблюдались изменения в отношении процедуры открытия культовых сооружений религиозных объединений. Соответствующее Постановление Совета Министров СССР «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» от 17 февраля 1955 г. гласило, что решения по открытию культовых сооружений организаций верующих теперь принимают Советы Министров союзных республик после предварительного соглашения с Советом по делам Русской православной церкви и Советом по делам религиозных культов. Кроме того, Советам «предоставлялось право» регистрировать фактически действующие религиозные объединения, имеющие молитвенные здания на момент выхода указанного постановления [14].

Переломным моментом в жизни советского государства становится 20 съезд КПСС 1956 г., что также непосредственным образом отражается на развитии государственно-церковных отношений. Критика личности и политики И.В. Сталина повлекла за собой необходимость пересмотра «сталинского» конфессионального законодательства. С течением времени в партийном и государственном аппарате начинают преобладать сторонники жесткого курса к религии и церкви [15]. Нормализация отношений с религиозными организациями в период Великой Отечественной войны многими руководящими работниками была воспринята как мера вынужденная и временная, связанная с чрезвычайными обстоятельствами. Кроме того, наступление на религию и ее институты прекрасно вписывалось в контекст борьбы с культом личности и его последствиями, а также в процесс освобождения сознания советских людей от «религиозных предрассудков и суеверий», без чего невозможным считалось строительство коммунизма, провозглашенное новым советским лидером Н.С. Хрущевым и его сторонниками [16, с. 82].

Активизация антирелигиозной борьбы началась с издания ряда постановлений. Основными мерами, ограничивающими активность объединений верующих, стала кампания по увеличению соответствующих налогов и выплат, а также комплекс проводимых мероприятий по сокращению численности молитвенных зданий и монастырей действующих конфессий.

4 октября 1958 г. вышло постановление ЦК КПСС «О записке отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды»», а 16 октября 1958 г. Советом Министров СССР были приняты два постановления «О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей» и «О монастырях в СССР».

Исходя из содержания документа от 16 октября следовало установление «повышенных ставок налога с земельных участков, находящихся в пользовании монастырей», а также отменялись ранее установленные для них льготы [17].

Согласно положениям постановления «О монастырях в СССР» необходимо было существенно сократить территории, находящиеся в их пользовании, «запретить применение наемного труда». Уполномоченным Советом по делам Русской православной церкви и Советом по делам религиозных культов в течение 6 месяцев следовало «изучить вопрос о возможности сокращения количества монастырей и скитов» [18].

28 ноября 1958 г. выходит очередное постановление ограничительного характера – «О мерах по прекращению паломничества к так называемым святым местам». Местные контролирующие органы начинают активный сбор информации о планируемых посещениях верующими почитаемых мест во всех регионах страны. В отношении паломников проводится активная воспитательная работа. В местах паломничества начинаются непредвиденные строительные и восстановительные работы, они закрываются для посещений. Природные святыни, почитаемые верующими, ликвидируются путем вспахивания, огораживания и т. д.

В 1959 г. начинается активное закрытие культовых сооружений всех конфессий, проживающих на территории СССР. Одновременно проходят мероприятия по ликвидации монастырей [19, с. 31].

С новой силой развернулась антирелигиозная кампания после издания постановления ЦК КПСС от 13 января 1960 г. «О мерах по ликвидации нарушений духовенством советского законодательства о культах». В соответствии с ним, представители религиозных объединений активно пытались использовать церковь в интересах, враждебных советскому народу, всячески препятствовать проведению мероприятий научно-атеистической пропаганды, выходить за рамки религиозной деятельности. По мнению руководящих органов, такая ситуация сложилась по причине ослабления контроля со стороны соответствующих инстанций за деятельностью священнослужителей и религиозных организаций, что позволяло им беспрепятственно нарушать конфессиональное законодательство и распространять свое влияние на местное население. С другой стороны, признавались факты нарушений советского законодательства о культах непосредственно местными органами государственной власти [15].

С начала 1960-х гг. на территории СССР получили распространение так называемые «закрытые» инструкции, фактически трактующие действующее конфессиональное законодательство под выполнение партийных задач. Так, например, специальная инструкция от 16 марта 1961 г. запрещала организацию благотворительной деятельности в религиозных общинах и центрах, а также оказания финансовой помощи приходам и монастырям, которые не пользуются поддержкой местного населения.

После принятия 16 марта 1961 г. Советом Министров СССР постановления № 263 «Об усилении контроля за выполнением советского законодательства о культах» и соответствующей инструкции был выполнен учет религиозных организаций, культовых сооружений и церковного имущества (даже незарегистрированных объединений).

Закрытые инструкции, разработанные на основе данного постановления, требовали «... в целях дальнейшего ограничения деятельности духовенства, полной ликвидации их влияния на деятельность церковных исполнительных органов, а также более полного собрания сведений о религиозных обрядах... перевести духовенство римско-католической церкви и духовных наставников староверов на твердые оклады», как это ранее сделали с православным духовенством».

В этот период особое внимание контролирующих органов было сосредоточено на полном запрете религиозного образования и воспитания несовершеннолетних, при этом случаи присутствия несовершеннолетних на религиозных службах, молитвенных собраниях расценивались как нарушения советского конфессионального законодательства.

Значительные изменения произошли в статусе и организации приходов. Управление приходами было передано исполнительному комитету, который должен был решать все финансовые и хозяйственные вопросы. Таким образом, священнослужители были отстранены от всякого рода власти, превратившись в наемных лиц, которых в случае недовольства прихожан могли уволить или отлучить от службы [20, с. 50].

Очередные изменения курса государственной конфессиональной политики происходят в середине 1960-х гг., что было связано с приходом к власти нового советского руководства во главе с Л.И. Брежневым.

По сравнению с хрущевским периодом в отношении религиозных объединений снова наблюдаются некоторые послабления. Однако и на этот раз советское руководство не отступает от поставленных ранее задач борьбы с религиозными верованиями, но в то же время «государственный курс был существенно скорректирован, что позволило выстроить государственно-религиозные отношения на принципах компромиссов и стабильности» [21, с. 49].

В данное время также произошла реорганизация государственных структур, осуществлявших контроль за деятельностью религиозных объединений. В декабре 1965 г. было принято постановление об упразднении Совета по делам Русской православной церкви и Совета по делам религиозных культов и создании на их основе – Совета по делам религий. 10 мая 1966 г. Совет Министров СССР утверждает соответствующее положение. Функции нового контролирующего органа были несколько расширены, кроме того, дела о регистрации и снятии с нее, закрытии культовых сооружений были изъяты из ведения местных органов власти и их окончательное решение передавалось Совету.

Свою деятельность новый орган управления, как и его предшественник, реализовывал через институт уполномоченных, которых он имел в автономных республиках, краях и областях. Уполномоченные в служебной деятельности подчинялись Совету, однако в части финансово-хозяйственной и организационной обеспечивались местными органами власти. В реальной действительности Уполномоченные находились в большой зависимости от местных партийных и советских органов, так как их кандидатуры вносились именно местными партийными органами, что в достаточной мере осложняло реализации намеченных планов.

Согласно Положения о Совете по делам религий уполномоченные реализовывали общие задачи и полномочия Совета в рамках регионов, они являлись связующим звеном между органами власти и религиозными организациями в республиках СССР и одновременно между республиканскими органами власти и Советом в Москве. Председателем Совета по делам религий был назначен В.А. Куроедов, который оставался главой этого органа почти 20 лет (с 1965 по 1984 гг.) [22].

Таким образом, советское конфессиональное законодательство 1940–1960-х гг. как и в довоенный период продолжало носить противоречивый и двойственный характер. С одной стороны, оно декларировало свободу вероисповедания, а с другой стороны было нацелено на установление контроля и ограничение деятельности религиозных организаций. Нормативно-правовые акты 1940-х–1960-х гг., стали отражением той непоследовательной конфессиональной политики, которая формировалась под влиянием волонтаристских устремлений лидеров СССР.

Литература

1. Конфессии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.) : док. и материалы/ сост.: М. А. Алейникова [и др.] ; под ред. В. П. Пичукова ; редкол.: В. И. Адамушко [и др.]. – Минск : НАРБ, 2013. – 388 с.
2. Одинцов, М. И. Государство и религиозные организации в СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс] / М. И. Одинцов // Сайт Российского Объединения Исследователей Религии. – Режим доступа : <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-177/>. – Дата доступа : 27.06. 2021.
3. Друзенко, О. В. Переломный момент государственно-церковных отношений в период Великой Отечественной войны / О. В. Друзенко // Великая отечественная война 1941–1945 гг. в исторической памяти народа : сб. науч. ст. / БрГТУ ; редкол.: Н. П. Яловая (гл. ред) [и др.]. – Брест, 2020. – С. 54–57.
4. Саўчык, К. В. Станаўленне інстытута ўпаўнаважаных Савета па справах Рускай Праваслаўнай Царквы і Савета па справах рэлігійных культаў пры СНК СССР па Гомельскай вобласці ў 1944–1945 гг. / К. В. Саўчык // Гомельщина в событиях 1917–1945 гг. : материалы науч. практ. конф. ; редкол.: А. А. Коваленя [и др.]. – Гомель, 2007. – С. 245–250.
5. Советов, И. М. (Одинцов, М. И.) Совет по делам религиозных культов при СНК СССР в 1944–1945 гг. : обязанности и сфера компетенции, организационная структура и основные направления деятельности [Электронный ресурс] / И. М. Советов // Сайт Российского Объединения Исследователей Религии. – Режим доступа : <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-186/>. – Дата доступа : 30.06.2021.

6. Нестерович, Н. Б. Государственная политика по отношению к религии и церкви в Беларуси в 1943–1953 гг. / Н. Б. Нестерович // Религия и общество – 10 : сборник научных статей ; под общ. ред. В. В. Старостенко, О. В. Дьяченко. – Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2016. – С. 60–63.
7. Конституция СССР 1936 года [Электронный ресурс] // Сайт Конституции Российской Федерации. – Режим доступа : https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfr/1936/red_1936/3958676/. – Дата доступа : 01.07.2021.
8. Об отделении церкви от государства и школы от церкви : Декрет Совета нар. комиссаров РСФСР, 23 янв. 1918 г. // Собр. узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьян. Правительства. – 1918. – № 18. – Ст. 263.
9. Постановление Всероссийского центрального исполнительного комитета и Совета народных комиссаров «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года // Русская Православная Церковь и коммунистическое государство. 1917–1941. Документы и фотоматериалы. – М. : Издательство Библийско-Богословского Института св. апостола Андрея, 1996. – С. 250–261.
10. Канфесіі на Беларусі (канец XVIII–XX ст.) / В. В. Грыгор’ева, У. М. Завальнюк, У. І. Навіцкі, А. М. Філатава ; навук.рэд. У. І. Навіцкі. – Мінск : ВП «Экаперспектыва», 1998. – 340 с.
11. Постановление СНК СССР «О порядке открытия молитвенных зданий религиозных культов» // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3. – Опубл.: Старообрядцы на Гомельщине (1918–1991) : документы и материалы / сост.: З. А. Александрович [и др.]. – Минск : А.Н. Янушкевич, 2017. – С. 97–99.
12. Постановление ЦК КПСС «О крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах ее улучшения» 7 июля 1954 года // КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 1946–1955. – М. : Политиздат, 1985. – Т. 8. – С. 428–431.
13. Записка отдела пропаганды и агитации ЦК КПСС по союзным республикам «О недостатках научно-атеистической пропаганды» [Электронный ресурс] // Сайт Российского Объединения Исследователей Религии. – Режим доступа : <http://rusoir.ru/03print/03print-02/03print-02-239/>. – Дата доступа : 29.06.2021.
14. Постановление СМ СССР от 17 февраля 1955 года «Об изменении порядка открытия молитвенных зданий» // ГАГО. – Ф. 1354. Оп. 4. Д. 9. Л. 37.
15. Крикун, В. Г. Советское государство и религиозные объединения в период развертывания антирелигиозной компании (октябрь 1958 – март 1961 гг.) [Электронный ресурс] / В. Г. Крикун, В. И. Подгорный. – Режим доступа : <http://www.sworld.com.ua/konfer32/436.pdf>. – Дата доступа : 28.06.2021.
16. Чумаченко, Т. А. Государство и Русская Православная Церковь в 1958–1964 годах : новая политическая война с религией, церковью и верующими [Электронный ресурс] / Т. А. Чумаченко // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 19. – Режим доступа : <http://cyberleninka.ru/article/n/gosudarstvo-i-russkaya-pravoslavnaya-tserkov-v-1958-1964-godah-novaya-politicheskaya-voyna-s-religiey-tserkovyu-i-veruyuschimi>. – Дата доступа : 27.06.2021.
17. О налоговом обложении доходов предприятий епархиальных управлений, а также доходов монастырей : постановление Совета Министров СССР, 16 октября 1958 г., № 1160 // Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). – М. : Юридическая литература, 1971. – С. 35.
18. О монастырях в СССР : постановление Совета Министров СССР, 16 октября 1958 г., № 1159 // Законодательство о религиозных культах (сборник материалов и документов). – М. : Юридическая литература, 1971. – С. 36.
19. Сосковец, Л. И. Положение Русской православной церкви в период «хрущевской оттепели» [Электронный ресурс] / Л. И. Сосковец // Вестник Томского государственного университета. – 2011. – № 4. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-russkoy-pravoslavnoy-tserkvi-v-period-hrushevskoy-ottepeli/viewer>. – Дата доступа : 02.07.2021.
20. Верашчагіна, А. У. Гісторыя канфесій у Беларусі : Мінулае і сучаснасць / А. У. Верашчагіна, А. В. Гурко. – Мінск : Тэхналогія, 2000. – 157 с.
21. Гончаренко, Е. В. Модернизация советского законодательства о религиозных культах в 1964–1982 гг. (период Л. И. Брежнева) [Электронный ресурс] / Е. В. Гончаренко // Исторические исследования : материалы III Междунар. науч. конф., Казань, май 2015 г. – Казань, 2015. – Режим доступа : <https://moluch.ru/conf/hist/archive/129/8092/>. – Дата доступа : 30.06.2021.
22. Советов, И. М. Совет по делам религий при СМ СССР : структура функции и основные направления деятельности (Эпоха В. А. Куроедова. 1966–1984 гг.) [Электронный ресурс] / И. М. Советов // Сайт Российского Объединения Исследователей Религии. – Режим доступа : <http://rusoir.ru/president/president-works/president-works-268/>. – Дата доступа : 03.07.2021.

¹Белорусский государственный университет

²Гомельский государственный университет имени Франциска Скорины

Восстановление органов государственной власти и управления в Гомельской области (сентябрь 1943 – май 1945 гг.)

С.А. ЕЛИЗАРОВ

Статья посвящена исследованию процессов восстановления системы местных органов государственной власти и управления на территории освобожденной от нацистской оккупации Гомельской области: на первом этапе – образование и деятельность партийно-советских оперативных областной, городской и районных групп, на втором – формирование и передача власти исполкомам местных Советов. Эти процессы представлены в динамике, приводятся пофамильные составы оперативных групп и исполкомов.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Гомельская область, освобождение, оперативные группы, Советы, исполкомы.

Благодарность. Статья подготовлена в рамках выполнения задания государственных программ научных исследований на 2021–2025 гг.

The article is devoted to the study of the processes of restoring the system of local state authorities and administration in the territory of the Gomel region liberated from the nazi occupation: at the first stage – the formation and activities of the party-soviet operational regional, city and district groups, at the second – the formation and transfer of power to the executive committees of local Soviets. These processes are presented in dynamics, and the full names of the operational groups and executive committees are given.

Keywords: Great Patriotic War, Gomel region, liberation, operational groups, Soviets, executive committees.

Acknowledgements. The article is prepared within the framework of the state research programs task for 2021–2025.

Введение. Изучение вопросов организации и функционирования системы органов местного управления на разных исторических этапах служит важным условием всестороннего, глубокого и эффективного научного исторического анализа процессов формирования, трансформаций и функционирования всей советской системы власти управления в контексте становления и развития белорусской советской государственности.

В частности, интерес представляет практика восстановления системы органов советской государственной власти и управления на освобожденных от нацистской оккупации территориях БССР (в том числе и территории Гомельщины). Некоторые аспекты этой проблемы нашли свое определенное отражение в белорусской историографии. Прежде всего следует отметить фундаментальную работу советских белорусских историков-правоведов «История государства и права Белорусской ССР», в которой в сжатом виде освещены вопросы формирования и деятельности партийно-советских оперативных групп, механизм формирования исполкомов местных Советов, их кадрового обеспечения [1]. В таком же виде они представлены и в современных обобщающих научных изданиях по вопросам истории белорусской государственности [2], [3]. Интересный материал о деятельности партийно-советских оперативных групп содержится в работе гомельского историка М.И. Скринникова [4].

Вместе с тем за пределами исследователей остались вопросы обеспечения этих оперативных групп материальными ресурсами, их взаимодействия с иными органами на освобожденной территории, состава этих групп в их динамике, практики формирования исполкомов местных Советов, подбора их руководящих работников, степени остроты кадрового вопроса. Кроме того, имеющиеся работы охватывают процессы восстановления органов советской власти в общереспубликанском масштабе. Цель данной статьи – на конкретных примерах восстановления системы местных органов государственной власти и управления на территории Гомельской области (в границах 1940-х гг.) попытаться заполнить указанные пробелы в наработках белорусских историков.

Основная часть. В сентябре 1943 г. началось освобождение территории Гомельщины от нацистской оккупации: 23 сентября был освобожден первый районный центр Беларуси и современной Гомельщины городской поселок Комарин, 26 сентября – городской поселок Тереховка.

По мере освобождения от нацистской оккупации восстанавливается советская система власти и управления в ее довоенном виде. Применялся механизм, уже опробованный на ранее освобожденных территориях – создание партийно-советских оперативных групп по областям и районам.

17 сентября 1943 г. бюро ЦК КП(б)Б утвердило «Организационные мероприятия по Гомельской области в связи с приближающимся ее освобождением от немецких захватчиков» [5, л. 113–115]. Для возобновления на освобожденных территориях работы советских и партийных органов и решения первоочередных задач восстановления экономики и социальной сферы, организации обслуживания населения и оказания помощи наступавшим частям Красной Армии создавались оперативные группы, состоявшие из руководящих работников обкома и горкома КП(б)Б, областного и гомельского городского исполкомов, других партийных и советских работников. В состав областной группы, которую возглавил секретарь обкома партии Ф.В. Жиженкова, вошли заместители председателя облисполкома С.М. Лебедев и М.Т. Финогенов, начальник облуправления НКГБ Фукин К.А., редактор облгазеты Д.Т. Лебедев, инструктор отдела пропаганды и агитации ОК М.Н. Гавриленок, начальник облземотдела И.Е. Борисенко, начальник облуправления связи Н.М. Хомяков, прокурор области И.Д. Ломако, зав. облздравотделом Е.Е. Радовский, зав. облФО С.Д. Бочаренко, и.о. председателя Облпотребсоюза С.Н. Меркулович.

Группа Гомельского ГК КП(б)Б и Горсовета была утверждена в составе секретаря ГК Антонова С.Ф., председателя горсовета М.М. Кореневича, зав. военным отделом горкома партии В.Д. Лисовского, секретарей горрайкомов (Железнодорожного – А.М. Болховитина и Г.В. Ранчинского, Центрального – Е.И. Рамбаева, Ново-Белицкого – А.Н. Нестеровича), председателя Железнодорожного райсовета г. Гомеля И.Д. Морозевича, заместителя председателя Центрального райсовета Л.Г. Игнатович, и. о. председателя Ново-Белицкого райсовета К.Ф. Шарова.

По 10 районам Гомельской области (Тереховскому, Добрушскому, Ветковскому, Гомельскому, Светиловическому, Чечерскому, Кормянскому, Журавичскому, Буда-Кошелевскому, Уваровичскому) были сформированы районные группы, каждая из которых состояла из уполномоченного обкома партии, председателя (и.о. или заместителя председателя) райисполкома, начальника районного отдела НКГБ, редактора районной газеты.

Местонахождением областной оперативной группы определялся Военный Совет Центрального фронта, городской и районных групп – Военные Советы армий, командование дивизий, имевших направление на соответствующие районы.

Гомельский обком КП(б)Б обеспечивался радиостанцией РАФ для связи с ЦК КП(б)Б и районами области, в его распоряжение выделялось 12 портативных типографий с запасом красок, клише, бумаги и 12 радиоприемников, выделялось две грузовые и одна легковая машина. Для всех групп выделялся фонд продовольствия, для обкома и облисполкома – финансовые средства в размере 200 тыс. руб.

Составы этих оперативных групп, конечно, не были статичными. Они постоянно менялись, уточнялись конкретные фамилии, должности, число участников. В архивах сохранилось несколько списков оперативной группы по Гомельской области. В списке, утвержденной бюро ЦК КП(б)Б 17 сентября 1943 г., числилось 62 человека. В другом списке, также датированном сентябрем 1943 г., значилось 56 человек [6, л. 20]. В справке отдела кадров Гомельского ОК КП(б)Б за 19 ноября 1944 г. «О подборе, расстановке руководящих кадров Гомельского ОК КП(б)Б говорится о 53 членах гомельской оперативной группы [7, л. 29]. А в «Списке партийных и советских работников, направленных в Гомельскую оперативную группу, на 30.09.1943 г.» насчитывалось уже 106 человек. Кроме перечисленных в предыдущих списках, здесь присутствовало значительно больше заведующих областными и районными отделами исполкомов (дорожными, коммунальными, народного образования, мобилизации рабочей силы, социального обеспечения, связи), управляющие отделениями Госбанка, а также рядовые работники (врачи, радисты, киномеханики, шифровальщики и т. д.) [6, л. 4–16].

В помощь этим оперативным группам по Могилевской и Гомельской областям «для усиления печатной и устной пропаганды» в 5 октября 1943 г. бюро ЦК КП(б)Б решило направить в освобожденные от оккупации районы этих областей пропагандистскую группу ЦК КП(б)Б в

составе работников отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б)Б, журналистов и известных белорусских поэтов М. Танка и П. Бровку. Члены группы должны были оказать практическую помощь в организации создания типографий, налаживании выпуска районных газет, организации парткабинетов и радиослушаний, проведении лекций, бесед и «других форм политмассовой работы среди населения». Требовалось оснастить группу «всеми необходимыми средствами печатной техники, массовыми библиотеками из расчета не менее одной библиотеки на каждый парткабинет и 5–6 библиотек помимо этого на каждый район для крупных населенных пунктов, а также газетами, плакатами, географическими картами, портретами вождей, лозунгами и необходимыми культурными принадлежностями» [5, л. 162–163].

А 12 октября 1943 г. ЦК КП(б)Б принимает решение образовать оперативные группы Белорусского штаба партизанского движения по областям (в том числе и по Гомельской области во главе с Зайцевым Н.К.) для решения вопросов, связанных с соединением ряда партизанских бригад и отрядов с частями Красной Армии: приёме от отрядов и бригад материалов, списков личного состава, наградных листов, оказание помощи в направлении на лечение больных и раненых партизан, оказание финансовой и материальной помощи партизанам и направления их в Красную Армию, а также в трудоустройстве партизан-инвалидов, выдача справок партизанам. В том числе эти оперативные группы должны были помочь местным партийным и советским органам в подборе кадров из числа партизан для работы в управленческих структурах освобожденных белорусских территорий. Группы обеспечивались продовольствием, денежными средствами «для расчета с партизанами» и средствами связи [5, л. 166–167].

В условиях продолжавшейся войны и экономической разрухи Президиум Верховного Совета БССР своими Указами от 24 декабря 1943 г. и 20 декабря 1944 г. отложил очередные выборы в местные Советы и продлил срок полномочий довоенных Советов [1, с. 180]. В связи с этим Президиум Верховного Совета БССР утвердил механизм, который предусматривал либо избирание исполкомов на сессиях местных Советов (как того требовало довоенное законодательство), либо их формирование и утверждение вышестоящими властными структурами. Предполагалось, что исполкомы могут либо избираться на сессиях местных Советов (как того требовало довоенное законодательство), либо утверждаться вышестоящими властными структурами. Возможности проводить выборы исполкомов местных Советов на освобожденных от нацистской оккупации территориях на сессиях депутатов Советов, избранных до войны, были крайне ограничены из-за отсутствия необходимого кворума. За годы войны выбыло более 70 % довоенного состава депутатов местных Советов [4, с. 192].

В таких условиях исполкомы местных Советов практически повсеместно формировались партийными и советскими органами и утверждались вышестоящими структурами (областные – ЦК КП(б)Б и Президиумом Верховного Совета БССР, районные и городские – областными обкомами КП(б)Б и исполкомами, сельские и поселковые – районными партийными комитетами и исполкомами).

Процесс формирования состава областных, городских и районных исполкомов Советов депутатов трудящихся начинался еще до освобождения территорий от оккупантов, чаще всего одновременно с формированием оперативных групп. По различным причинам сделать это путем простого восстановления прежних составов оказалось невозможным. При формировании состава Гомельского облисполкома оказались неизвестны адреса проживания и место работы довоенных заведующих областными отделами народного образования, здравоохранения, финансов, коммунального хозяйства, местной промышленности, областных управлений народнохозяйственного учета и кинофикации, председателей Гомельского, Речицкого, Журавичского, Лоевского, Ново-Белицкого райисполкомов. Председатель Гомельского облисполкома С.П. Матусевич, его заместитель М.А. Шайкевич, председатели Добрушского и Ветковского райисполкомов не проходили «по деловым качествам» (в документе – без пояснений и расшифровки). Из 23 пофамильно планировавшихся в сентябре 1943 г. руководящих работников облисполкома (председатель, его заместители, заведующие областными отделами) до войны на этих должностях работало лишь 11 человек. В списке из 11 человек руководящего состава Гомельского горисполкома, предложенного для утверждения ЦК КП(б)Б, на-

ходилась лишь трое, работавшие здесь до войны – председатель горисполкома, народный судья и заведующий городской конторой связи. Еще более напряженная ситуация была с кадрами райисполкомов [6, л. 27–29, 266–269]. Вполне понятно, что требовалось время, чтобы подобрать на эти должности новых руководителей.

В связи с этим конкретный состав исполкомов Советов со временем менялся. За сентябрь–октябрь 1943 г. имеются по крайней мере три списка состава Гомельского облисполкома, которые отличаются и численно (от 11 до 13 человек), и персоналиями. В сентябрьском списке председателем облисполкома рекомендовался И.П. Кожар, бывший до войны секретарем Гомельского обкома партии по пропаганде, в годы Великой Отечественной войны – секретарь Гомельского подпольного обкома КП(б)Б, командир Гомельского партизанского соединения. Его заместителями планировались А.Ф. Жданович, В.Н. Поленичко (до войны оба – заместители председателя Гомельского облисполкома), М.Т. Финогенов (до войны – работник Белорусского представительства в Москве), С.М. Лебедев (до войны – секретарь райкома КП(б)Б в Белостоке).

В октябрьском списке членов Гомельского облисполкома, направленном на утверждение в ЦК КП(б)Б, уже в качестве председателя облисполкома фигурирует П.П. Ковальчук, а И.П. Кожар – лишь как член облисполкома, второй секретарь обкома партии. Кроме них, в октябрьском списке были первый секретарь обкома КП(б)Б Ф.В. Жиженков, секретарь облисполкома И.Ф. Мышак, заместители председателя облисполкома В.Н. Поленичко, П.И. Хилимонов, М.Я. Карасик, начальник облуправления НКВД А.Л. Клименко, начальник облуправления НКГБ Е.А. Фукин, начальник облземотдела Я.Н. Островский, председатель Гомельского горисполкома М.М. Кореневич [6, л. 266], [8, л. 72].

Подобная ситуация была и на уровне районных управленческих структур. Еще находясь в Москве, Гомельский ОК КП(б)Б 7 сентября 1943 г. утвердил составы райкомов партии и исполкомов по восьми сельским районам (Журавичскому, Кормянскому, Чечерскому, Светиловичскому, Ветковскому, Добрушскому, Гомельскому, Тереховскому), Гомельскому горсовету и Ново-Белицкому городскому району, которые одновременно составили основу районных оперативных групп. А 5 декабря 1943 г. обком КП(б)Б утвердил новых председателей Тереховского, Журавичского, Гомельского райисполкомов. В состав каждого утвержденного состава райисполкома, как правило, входили председатель, его заместители, секретарь, заведующие земельным и финансовым отделов (в ряде случаев, в зависимости от наличия кадров – руководители райотделами коммунальным, социального обеспечения, районной плановой комиссией). В дальнейшем таким же образом формировались райисполкомы по другим районам, одновременно уточнялся и персональный состав уже утвержденных исполкомов, и их количественный состав [9, л. 10–11, 24–25].

После решения Президиума Верховного Совета БССР от 24 декабря 1943 г. начался процесс формализации существования исполкомов, не имевший большого практического значения – исполкомы формировались вне выборных процедур, их состав менялся в зависимости от наличия соответствующих кадров, нередко даже без утверждения партийными и советскими инстанциями. Формально составы исполкомов, как и ранее, утверждались соответствующими партийными комитетами /от ЦК КП(б)Б до РК КП(б)Б/, а после этого – советскими органами (от Президиума ВС БССР до райисполкома).

В официальном порядке состав Гомельского облисполкома был утвержден Указом Президиума Верховного Совета БССР от 7 июля 1944 г.: председатель – П.П. Ковальчук, его заместители – А.Ф. Жданович, В.Н. Поленичко, П.И. Хилимонов, М.Т. Финогенов, секретарь облисполкома – А.Н. Подобедов, члены – Ф.В. Жиженков, М.М. Кореневич, К.А. Фукин, А.Л. Клименко, Я.Н. Островский. Таким образом, можно с большой уверенностью утверждать, что с октября 1943 г. областью руководил в качестве официального органа государственной власти (с небольшими коррективами) октябрьский (1943 г.) состав облисполкома [10, л. 118].

Впрочем, такое довольно позднее утверждение состава Гомельского облисполкома никаким образом не влияло ни на его функционирование, ни на состав его руководящих работников, ни на его права в отношении нижестоящих исполкомов. Еще задолго до своего офи-

циального утверждения Президиумом Верховного совета БССР Гомельский облисполком на своем первом заседании 4 января 1944 г. утвердил составы Гомельского горисполкома и Лоевского райисполкома, на следующем (14 января) – составы Буда-Кошелевского, Гомельского, Журавичского, Кормянского и Чечерского райисполкомов [11, л. 11–12, 32–37].

Состав исполкомов требовалось сохранить прежний: областного – председателя, двух заместителей, секретаря и до 11 членов, районного – председатель, его заместитель, секретарь и 2–4 члена, городского – председатель, его заместитель и 4–6 членов, сельский и поселковый – председатель, секретарь и (в зависимости от числа депутатов) до 4 членов. После нового избрания или утверждения исполкомы имели все прежние юридические права и действовали как исполнительные и распорядительные органы местной власти. Говорилось и о восстановлении работы постоянных комиссий местных Советов.

Структура исполкомов в основном повторяла довоенную с корректировкой на условия восстановления мирной жизни и продолжавшейся войны. В период с 1943 по май 1945 гг. в Гомельском облисполкоме и всех райисполкомах появились отделы по государственному обеспечению и бытовому устройству семей военнослужащих и партизан (постановление СНК БССР и ЦК КП(б)Б от 12 октября 1943 г.), в облисполкоме – отдел по делам архитектуры (постановлением ЦК КП(б)Б и СНК БССР от 21 декабря 1943 г.), бюро по учету и распределению рабочей силы (постановление СНК БССР от 15 февраля 1944 г.), отдел полиграфии и издательств (постановление СНК БССР от 27 декабря 1944 г.).

Кадровый дефицит в Гомельской области (как и в других освобожденных регионах республики) решался главным образом за счет партизан (131 человек) и возвратившихся из эвакуации из тыловых районов СССР работников (95 человек). К октябрю 1944 г. с трудом, но удалось в основном решить кадровую проблему: в Гомельской области из 343 номенклатурных советских кадров в наличии имелось 291 [7, л. 5].

Тем не менее многие вопросы, связанные с подбором управленцев, оставались нерешенными. Во-первых, по-прежнему ряд важных должностей оставались не заняты. К концу 1944 г. в облисполкоме не хватало двух заместителей председателя облисполкома, одного заведующего отделом, четырех заместителей заведующих отделами и управлениями. В райисполкомах оставались вакантными должности двух председателей, восьми заместителей председателей райисполкомов, 31 заведующего райотделами.

Во-вторых, серьезной проблемой было отсутствие опыта руководящей советской работы. Всего по номенклатурным гомельским советским работникам 136 человек не имели такого опыта. Из председателей райисполкомов области таких было 10, из 248 руководящих работников финансов, торговли, здравоохранения, просвещения – 131 [7, л. 5].

В-третьих, низкий образовательный уровень руководителей исполкомов. Так, на 11 ноября 1944 г. из шести первых лиц гомельского облисполкома (председатель и его заместители) высшее образование имел только один, еще трое – среднее, двое – низшее. Из 18 председателей городских и районных исполкомов высшее образование имели 1, среднее – 5, низшее – 12 [7, л. 31].

В целом на конец 1944 г. «среднестатистический портрет» председателя Гомельского облисполкома и его заместителей выглядел примерно следующим образом: мужчина со средним или низшим образованием, белорус, коммунист, занявший эту должность впервые и прибывший из восточных областей СССР; председателя райисполкома Гомельской области – мужчина с низшим образованием, белорус, коммунист, из партизан, впервые занявший эту должность.

В-четвертых, ряд партийных и советских руководителей, чьи стиль и методы руководства сложились в условиях вооруженной борьбы с оккупантами, и в новых условиях продолжали использовать прежние, ставшие привычными, насильственные средства, зачастую – в целях личного обогащения. В отчетах партийных органов БССР и Гомельской области содержится немало примеров нарушений законности районными руководителями: «...грубый произвол и издевательства над населением», «грубое извращение устава сельскохозяйственной артели», «нарушение советских законов и зажим критики и самокритики», «недостойное поведение в быту», «присвоение трофейных коров», «неправильное проведение хлебозагото-

вок под силой оружия и избиения крестьян и систематическое пьянство», «самоснабжение, присвоение государственных ценностей, трофейного имущества и спекуляцию» и т. п. В Уваровичском районе «первый секретарь райкома партии и председатель райисполкома систематически пьянствовали, разложились в морально-бытовом отношении, втянули в пьянство некоторую часть районных работников и сельского хозяйства». Приводились сведения об незаконном использовании в Гомеле стройматериалов и рабочей силы для строительства собственных домов секретарями городского и районных (городских) комитетов КП(б)Б, а также рядом работников горисполкома (в том числе председателем и заместителем председателя горисполкома, председателем горплана, главным архитектором города, зав. отделом коммунального хозяйства) и др. [12, л. 54–68].

Заключение. Таким образом, процесс восстановления системы органов местной государственной власти и управления на освобожденной территории Гомельской области проходил с применением общих для других территорий механизмов. Первоначально формировались партийными инстанциями партийно-советские оперативные областные, районные и городские групп, в задачи которых входило возобновление работы партийных и советских органов на освобожденной территории в качестве чрезвычайных органов власти и управления. После этого происходил постепенный переход официальных властных полномочий исполкомам Советов, которые, в силу обстоятельств военного времени, главным образом формировались партийными органами (от ЦК КПБ до райкомов КПБ) методом назначения без использования выборного механизма, но с последующим официальным утверждением соответствующими советскими структурами (от Президиума Верховного Совета БССР до райисполкомов).

Кадровый состав и оперативных групп, и исполкомов постоянно менялся в зависимости от наличия соответствующих кадров. Главными источниками кадров были бывшие партизаны и подпольщики, а также вернувшиеся из эвакуации работники, а основной проблемой – отсутствие у многих руководителей управленческого опыта и низкий образовательный уровень.

Литература

1. История государства и права Белорусской ССР : в 2 т. / Редколл.: С. П. Маргунский (руководитель) [и др.] ; АН БССР, Ин-т философии и права. – Минск : Наука и техника, 1976. – Т. 2. – 1976. – 654 с.
2. Гісторыя беларускай дзяржаўнасці ў канцы XVIII – пачатку XXI ст. : у 2 кн. / М. У. Смяховіч [і інш.] ; рэдкал.: А. А. Каваленя [і інш.] ; Нац. Акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – Кн. 2. – 654 с.
3. История белорусской государственности : в 5 т. / А. А. Коваленя [и др.] ; отв. ред. тома Н. Б. Нестерович. – Минск : Беларус. наука, 2019. – Т. 4 : Белорусская государственность накануне и в период Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления (1939–1953 гг.). – 567 с.
4. Скринников, М. И. Советы и война (о деятельности Советов депутатов трудящихся в годы Великой Отечественной войны) / М. И. Скринников. – Гомель : [Б.и.], 2001. – 245 с.
5. Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. НАРБ. Ф. 4п. Оп. 81а. Д. 4.
6. Государственный архив общественных объединений Гомельской области (ГАООГО). – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3014.
7. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 3016.
8. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 3. Д. 23.
9. ГАООГО. – Ф. 144. Оп. 1. Д. 4.
10. НАРБ. – Ф. 968. Оп. 1. Д. 40д.
11. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 1174. Оп. 3. Д. 1.
12. НАРБ. – Ф. 4п. Оп. 41. Д. 395.

УДК 94:159.922.4(=161.3):316.647.8(=162.1)«16/19»

Этнопсихологические установки в генезисе белорусского стереотипа поляка в период Нового времени

А.М. КРОТОВ

Статья посвящена роли этнопсихологических установок в генезисе белорусского стереотипа поляка в период Нового времени. Автор делает вывод, что опыт сосуществования белорусов с поляками привёл к формированию предвзятого отношения к ним. Оно стало базовым фактором в генезисе белорусского стереотипа поляка, подпитывая этот процесс на психоэмоциональном уровне.

Ключевые слова: этнопсихологическая установка, предвзятость, белорусский стереотип поляка, период Нового времени.

The article is devoted to the role of ethnopsychological attitudes in the genesis of the Belarusian stereotype of a Pole in period of the New Age. The author concludes that the experience of coexistence of Belarusians with Poles led to the formation of a prejudiced attitude towards them. It has become a basic factor in the genesis of the Belarusian stereotype of a Pole, fueling this process on a psycho-emotional level.

Keywords: ethnopsychological attitude, prejudice, Belarusian stereotype of a Pole, the period of the New Age.

Белорусский стереотип поляка является, пожалуй, единственным белорусским национальным стереотипом «чужого», генезис которого полностью завершён. Едва ли стоит сомневаться в том, что его характер определили не только исторические условия, в которых он формировался, но и другие факторы. Их выявление и изучение – задачи, которые необходимо решать в рамках комплексного изучения данного стереотипа. Прежде всего это касается фактора предубеждения, который имел, как представляется, определяющее значение в возникновении и развитии стереотипа, являлся его психоэмоциональной основой. Когда оно появляется и почему – проблема, требующая своего решения. Очевидно, что в данном случае необходимо фокусироваться на особенностях восприятия белорусами всего того, что было связано с присутствием на белорусских землях польского этнического элемента, опытом соседства с ним, зафиксированном в генетической памяти белорусов и материализованном в являющемся частью их национального менталитета стереотипе.

Белорусские земли являлись буфером между Польшей, позиционировавшей себя защитницей католицизма и европейской цивилизации, и Россией, ассоциировавшей в польской национальной мифологии с азиатским варварством. Поскольку местное население имело чрезвычайно низкий уровень этнического самосознания, не удивительно, что и в польской, и в российской стратегии в отношении его ставилась, в конечном счёте, цель полной ассимиляции. Поляки, образно говоря, «распахнули двери» для вовлечения русинов (белорусов) в лоно «культуры польской», чем воспользовались представители русинской знати, принявшие польское шляхетство, а вместе с ним так называемую «польскость», в которой ёмко объединяются польская идентичность, ощущение и манифестация принадлежности к польскому народу, самоидентификация с Польшей и поляками. Стремление же России к приобщению белорусов к исконным духовным и культурным традициям восточнославянского пространства связывалось, прежде всего, с их возвращением в лоно православной церкви.

К тому времени, когда российская стратегия на белорусских землях восторжествовала, белорусы успели уже лишиться собственной элиты, на которой, кроме всего прочего, лежала ответственность за сохранение и развитие белорусской культуры, за преумножение её достояния. Белорусская народность, не успев толком оформиться как самостоятельная этносоциальная общность, оказалась в крайне невыгодном для себя, дискриминированном положении. Белорусская культура стала восприниматься как крестьянская, «хлопская» или «хамская» [1, с. 66]. Таковой она оставалась на протяжении долгого времени.

В существовавшем в Речи Посполитой социальном разделении шляхтичи считали себя потомками древних сарматов, которым приписывались идеальные качества. Мировоззрение

и образ жизни шляхты определялись идеологией сарматизма, полностью оторвавшей её от хлопов. Хлопы же рассматривались шляхтой как потомки скифов, покорённых сарматами. Они были бесправным быдлом, несшим бремя обязанностей и обречённым на рабство [2].

Инкорпорация белорусской знати в состав шляхты и её ассимиляция облегчалась во многом заложенным в мифологии сарматизма тезисом, что потомки сарматов жили не только в исконно польских землях (Европейской Сарматии), но и в так называемой Азиатской Сарматии, частью которой являлась Московия [3]. Не лишним будет сказать, что лозунг объединения двух Сарматий стал чуть ли не основным в идеологическом обосновании польско-литовской интервенции в Россию в 1609–1618 гг.

Идеологическое обоснование единства польской и литовско-руси́нской шляхты как особого народа, стало, с одной стороны, пропагандистским прикрытием колониационного движения поляков на восток, в земли ВКЛ, а с другой, являлось, по сути, вариантом компромисса, который должен был устроить дворянство ВКЛ, вынужденное согласиться на унию с Польшей на её условиях, не уронив, образно говоря, своего лица.

По мере укрепления польско-литовского союза и полонизации государственно-политической модели ВКЛ колониационное движение поляков на белорусские земли усилилось. Польских переселенцев поставляла Мазовия и та часть Подляшья, которая к XV в. была уже колонизована поляками. Главным образом это была бедная шляхта, которой по причине её многочисленности не было места на родине и которая в поисках земли и холопов «покрыла землю как саранча» [4, s. 49]. Привилеи великих князей литовских поощряли мазовецкую колонизацию – князья жаловали своим служилым людям (земьянам) прерогативы коронной шляхты. И хотя в результате противодействия православной магнатории массовому наплыву безземельной мазовецкой шляхты в земли ВКЛ была создана законодательная база – Статут ВКЛ 1529 г. (раздел 3, статья 3) [5, с. 48], и Статут ВКЛ 1588 г. (раздел 3, статья 12) [6], которые запрещали иностранцам, не являвшимся уроженцами ВКЛ, занимать в нём государственные должности любого уровня, а также покупать, получать в наследство и в подарок недвижимое имущество, это не помешало полякам расселяться по белорусским землям и укореняться там. Касался запрет, судя по всему, католических монахов, которые своим поведением возбуждали в среде местного населения вражду к польскости и католицизму [7, s. 61–62].

Конечно, эта законодательная норма нередко нарушалась. Тем не менее, подобные нарушения не стали правилом и потому нет оснований утверждать, что Беларусь наводнялась польскими шляхтичами. Другое дело, что собственная белорусско-литовская шляхта успешно полонизировалась, усваивая традиции, обычаи, нормы поведения своих польских собратьев. В глазах хлопов, носителей традиционной белорусской культуры, они уже являлись поляками. Правда, культурная и языковая ассимиляция этих ренегатов шла медленно и неравномерно. Наибольшие успехи демонстрировали те, кто принял католичество и вместе с ним этноним «поляки». Всё же, несмотря на успехи полонизации, часть шляхты придерживалась православия, а часть обратилась в униатство. Первые называли себя «русинами», вторые же так и не определились окончательно в своей этнической принадлежности [8].

Присутствие польской по происхождению шляхты на белорусских землях и полонизация их теперь уже «братьев» из числа представителей местного дворянства, принятие последними польского шляхетского стиля жизни, обычаев и традиций, создало предпосылки для складывания базовых черт белорусского стереотипа поляка. Поляк предстал перед белорусскими хлопам в своём этническом и сословном облике, демонстрируя весь комплекс присущих ему достоинств и недостатков. И недостатков – прежде всего! Естественно, что на чужаков белорусы изначально смотрели критически. Противопоставляя себя «*schłory ruskietu*» (русскому хлопам), как чаще всего было принято называть в шляхетской среде белорусских крестьян [9, р. 59–60], польские шляхтичи способствовали трансформации этого критического отношения в предвзятость.

Шляхта и хлопы жили в параллельных, но, к сожалению для хлопов, не изолированных друг от друга мирах. Шляхту, заикленную на самой себе, интересы других социальных и этнических слоёв общества не интересовали [2]. Она не предпринимала никаких попыток культуртрегерства в отношении крестьянства. Хлопы разговаривали на местных диалектах и оставались в массе своей безграмотными. Шляхта считала их тупым скотом (*bydłom*). Это презрительное обозначение крестьянской массы, как безвольного, бессловесного и покорного стада, стало для неё своеобразной нормой. Разумеется, это порождало ответную реакцию, характер которой це-

ликом зависел от пассионарных качеств конкретной этнической группы хлопов. В наименьшей степени это касается, разумеется, хлопов польских. На деле, вне сарматских фантазий шляхты, они являлись частью польского народа. Говорили с шляхтичами на польском языке, являлись католиками, имели одни и те же традиции, обычаи, национальный характер и менталитет.

В Украине же нещадное угнетение местного крестьянства привело к хмельничине – народному движению, которое отличалось от предыдущих казацких бунтов тем, что активное участие в нём приняло не только недовольное политической зависимостью свободное казачество, но и широкие массы крестьянства, а также православных мещан. Приход казацких отрядов в Беларусь вызвал погромный энтузиазм среди части белорусских крестьян. Хотя мотивация их соучастия в действиях украинских повстанцев была, конечно же, разная, в целом она отличалась от мотивации последних. К тому же в скором времени выяснилось, что украинские повстанцы, пришедшие в Беларусь, ведут себя не как освободители от польско-еврейского ига, а как захватчики и разорители [10].

Различия в поведении украинцев и белорусов, явственно обнаружившие себя в период хмельничины, позволяют говорить о том, что формирование основ белорусского национального характера уже произошло, как и формирование основ белорусского менталитета. Внешним показателем этого стало отношение белорусов к полякам и евреям, сильно отличавшееся от отношения к ним украинцев. В случае с белорусами нет оснований говорить о ксенофобии и вражде. Тем более о таких их формах, которые имели место в отношении украинских повстанцев, в частности, к евреям.

Что касается польского элемента, то следует отметить, что он был представлен в Беларуси не только шляхтой. Ещё в XVI в. в земли, расположенные к востоку от Подляшья, стали переселяться крестьяне, имевшие польско-мазовецкие корни. Они являлись потомками свободных крестьян, сидевших когда-то на королевских землях. Чаще всего к переселению их подталкивало пожалование этих земель магнатам и шляхте. Не желая попасть в зависимость от последних, они вынуждены были искать новое место для жизни, прежде всего к востоку от Подляшья [11, s. 317].

Со второй половины XVII в. началась инфильтрация поляков во внутренние районы Беларуси. Документы архива Радзивиллов свидетельствуют о значительном их присутствии в княжеских имениях. В частности, в княжестве Несвижском. В них указывается, из каких земель Польши прибыли переселенцы и где они оседали в Беларуси. Теперь уже не только Мазовия поставляла мигрантов. Указываются воеводства Сандомирское и Краковское (Малая Польша), Серадзское (юг Великой Польши) и др. [12]. Польские мигранты стремились к обособленному от местного населения существованию, но не всегда этого удавалось достичь. Небольшое их количество проживало в деревнях. Составители реестров их всегда отличали от местных [13]. Представляется, что и в повседневной жизни существовало чёткое разделение сельчан по этнокультурному принципу.

У белорусов появилась возможность наблюдать за жизнью поляков, принадлежащим к разным социальным группам, изучать их национальный характер, образ жизни, особенности социальных коммуникаций, обычаи и, разумеется, приходиться к окрашенным эмоциями умозаключениям, напрямую связанным с формированием стереотипа поляка.

Явившись на белорусские земли, поляки не только потеснили белорусский элемент в чисто демографическом плане, но и в плане экономическом. Магнаты являлись не только главными распорядителями земли, но и защитниками, покровителями бедной шляхты, состоящей, в основном, из людей, о шляхетстве которых говорили лишь их собственные, зачастую мнимые родословные [7]. Уровень жизни последних не отличался от уровня жизни местных крестьян. Однако сами они выделялись высокомерием, необузданностью нрава, склонностью к разбою и иному криминалу [14]. Польские, мазовецко-подляшского, как правило, происхождения переселенцы демонстрировали на новых землях примеры естественной для них жизни. Известный польский историк В. Смоленский писал по этому поводу: «В воеводстве Подляшском... отец убивал сына, сын отца, жена мужа, брат брата. Привычной ареной драк и убийств были: корчма, рынок, сеймик и костёл. Шляхтич мазурский... по любому поводу начинал драку. Отвечая на любое... оскорбление или клевету, защищая свою честь, калеча обидчика или убивая его. Врождённую вспыльчивость в нём усиливало пиво... В корчме, подвыпивши, водился и дрался с крестьянами. Авантюриничал на рынке с горожанами и евреями. Рубил товарищей на сеймике. Вспыльчивости своей давал волю даже в костёле. Дома имел тысячу причин для ссор с соседями: о меже, о вреде, причинённом посевам,

пастбищам и огородам... Дети, наученные примером родителей, оскорбляли их, выгоняли из дома и причиняли иные обиды. Суды были завалены жалобами об оскорблениях, побоях, увечьях, травле собаками и т. д.» [15, с. 32–33].

Бедность мазовецко-подляшской шляхты впечатляла поляков из других воеводств. Равно как и особенности её социального поведения, носившие экстремальный характер. В. Смоленский отмечал, что шляхтичи-мазовшане обращали на себя внимание всех своей бедностью, болтливостью, сварливостью, твердолобостью и другими качествами, которые он назвал племенными [16, с. 52]. Эти качества стали «притчею во языцех» в библейском смысле этого слова, т. е. у народов. Белорусы не стали исключением. В новой для себя этнокультурной среде польские мигранты воспроизводили привычный уклад жизни. Однако нельзя не отметить, что в условиях вынужденного сосуществования с чужаками они проявляли сплочённость, что не удивительно, учитывая высокий уровень их этнического самосознания, а также идеологическую подготовленность к выполнению особой миссии на востоке – «защите католицизма и европейской цивилизации».

Ошибкой было бы полагать, что польский этнический элемент на белорусских землях сознательно противопоставлял себя местному населению. Осваивая новое жизненное пространство, он его просто не воспринимал как конкурента. Белорусы действительно не были таковым. Отсутствие этнического самосознания превращало их в безмолвствующую, пассивную массу, лишённую не только стремления и возможностей, но и всякого права распоряжаться своей судьбой. Тем не менее, эта масса, как оказалось, имела большой ассимилирующий потенциал. Если процесс колонизации затронул верхи «русинского» общества, то процесс белорусизации всерьёз затронул польское крестьянство и даже мелкую шляхту. Общее славянское происхождение ликвидировало многие препятствия для адаптации друг к другу, не позволяло развиваться отчуждённости.

Жители «застянков» (букв. с польского – глушь, захолустье) и «шляхетских» деревень в Беларуси всегда считали себя поляками, ходили в костёл, старались придерживаться «шляхетских» традиций, насколько это у них получалось. Но польский язык ими использовался только в качестве культового и репрезентативного социального диалекта. А в повседневном быту они пользовались уже языком местного населения. Кроме того, одинаковый или примерно одинаковый уровень жизни польских и белорусских «хлопов», близкий к нему уровень жизни мелкой шляхты, не позволял возникнуть конфронтации на социально-экономической основе.

Белорусский языковед В.Л. Веренич, основываясь на результатах изучения местных диалектов, заключал, что местным этническим элементом были ассимилированы также польские переселенцы, которые в конце XVII–XVIII в. и, в меньшей степени, в первые шесть десятилетий XIX в. осели в Припятском Полесье. Местные жители их называли «будниками» или «будцами». От белорусов их отличала лишь конфессиональная принадлежность [17, с. 131]. Из других этнических особенностей остались лишь высокомерие, заносчивость, кичливость, надменность, т. е. то, что белорусы называли «фанабэрыстасцю». Это качество оказалось «неистребимым», и польские ассимилянты демонстрировали его всякий раз, когда хотели показать, что поляк – это «не абы што».

В начале 60-х гг. XIX в. в Беларусь устремился новый поток польских мигрантов. Это были участники восстания 1863–1864 гг., скрывавшиеся от преследования российских властей, безземельные крестьяне их Силезии, Мазовии и Прикарпатья, которых к переселению на белорусские земли толкало тяжёлое экономическое положение на родине [17, с. 131]. Их вербовали в свои имения местные помещики-поляки, которые стремились создать себе опору из соплеменников. Активное их участие в борьбе против царизма привело к ухудшению отношения к ним не только со стороны последнего, но и со стороны белорусов.

Польские переселенцы новой волны получили именование «хатэчковых». Однако и они в скором времени вынуждены были осваивать местную «трасянку», без которой общение с местным населением являлось весьма затруднительным. Несмотря на начавшуюся ассимиляцию «хатэчковых», их появление на Полесье явилось усугубляющим характер белорусско-польских отношений фактором, внесло новый негатив в эмоционально-психологическую основу формирующегося белорусского стереотипа поляка.

В условиях русско-польского противостояния, в том числе и идеологического, в белорусской среде, во-первых, начало формироваться этническое самосознание, что означало, помимо прочего, противопоставление себя «чужим», и, во-вторых, принесла первые плоды антипольская пропаганда,

составной частью которой стало внедрение в сознание белорусов элементов русского стереотипа поляка – в тот исторический момент главного «чужого», а также моральная поддержка царизмом «русского», православного элемента, страдавшего ранее, как заявлялось, от польского засилья.

Антипольская пропаганда, развёрнутая российскими властями, стала составной частью проводившейся царизмом в Северо-Западном крае политики, направленной на противодействие стремлению вождей и идеологов польского освободительного движения, пиком которого стали восстания 1830–1831 гг. и 1863–1864 гг., втянуть в него народы бывшего ВКЛ, в том числе и белорусов, этническое самосознание которых в тот момент находилось в зародышевом состоянии. Они оказались в фокусе внимания российских государственныхников. Несмотря на то, что царизм представлял белорусов как этнографическую группу русского народа, он поощрял, в известной степени, белорусскость, как альтернативу польскости. В рамках антипольского воспитания белорусов на формирующийся в их общественном сознании стереотип поляка стали активно переноситься черты русского его стереотипа, к тому времени уже вполне структурированного. К формированию его имели прямое отношение не только чиновники и связанные с властью публицисты, но и многие выдающиеся умы, искренний патриотизм которых стал серьёзнейшим препятствием для появления в просвещённых кругах российского общества непредвзятого отношения к полякам. Немалую роль в популяризации негативного стереотипа поляка в массах сыграли писатели, работавшие в жанре развлекательной литературы [18] и даже художники [19]. Нельзя также не отметить, что серьёзную лепту в формирование и популяризацию негативного стереотипа поляка внесли польские ренегаты, перешедшие на сторону царизма и активно работавшие на идеологическом поприще [20], [21].

Внешнее влияние катализировало процесс развития белорусского стереотипа поляка и придало этому стереотипу отчётливо выраженный негативный характер. Однако это вряд ли бы произошло, если бы вектора развития белорусского и русского стереотипов поляка не совпадали. В основе обоих стереотипов лежало предвзятое отношение к полякам. Но, даже поверхностный взгляд на историю белорусско-польских и российско-польских отношений позволяет говорить, что у этой предвзятости была совершенно разная природа.

Таким образом, в период Нового времени в результате нескольких волн миграции на территорию Беларуси населения из Польши, происходивших в разное время и по разным причинам, в стране появилось немалое количество этнических поляков. Эти люди старались сохранять католическую веру, польские традиции и обычаи, язык. Однако в результате этнокультурной диффузии шёл процесс их ассимиляции доминирующей белорусской средой. В XIX – начале XX в. в рамках процесса белорусского национально-культурного возрождения, развития белорусского этнического самосознания активизировался и генезис белорусского стереотипа поляка. Эмоционально-психологической его основой стала сформировавшаяся у белорусов за века сосуществования с поляками предвзятость.

Разные степени пассионарности обоих народов, разные уровни этно-национального сознания, разные национальные характеры и разные системы ценностей сыграли свою роль. Самоидентификация поляков как народа, господствующего на белорусских землях, хозяина этих земель, при принижении ими автохтонного населения, дискриминация его, выработали у белорусов комплекс неполноценности. Ощущение несправедливого отношения к себе породило неприязнь к полякам. Однако данная неприязнь не переросла во враждебность. Лишившись своей национальной элиты по причине её полонизации, белорусы жили в условиях, когда некому было формировать и организовывать их общественное мнение, укоренять в их массовое сознание образ поляка-врага. Общее же славянское происхождение, схожесть культур, одинаковые условия жизни (если говорить о низах социума) и необходимость взаимодействия в хозяйственной и бытовой сфере во многом нейтрализовали негативные последствия сосуществования, создавали условия для взаимопонимания и взаимодействия, смягчали существовавшее в отношении поляков предубеждение, препятствуя трансформации мнения, складывавшегося у белорусов о них, во враждебный стереотип. Проще говоря, поляк не стал для белорусов врагом. Он был соседом, хотя и проблемным... С национальными особенностями такого соседа приходилось считаться, равно как и с особенностями его социального поведения. Но предвзятость никуда не исчезла. Она подпитывала генезис стереотипа поляка, активная фаза которого пришлась на 30-е гг. XIX – начало XX в., определяя его негативный характер.

Литература

1. Кротов, А. М. Особенности существования и развития белорусского стереотипа поляков в конце XVI – I-й половине XIX в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2008. – № 4 (49). – С. 64–72.
2. Мицкевич, Г. «Пекло для холопов, рай для евреев». Расцвет и крах Речи Посполитой [Электронный ресурс] / Г. Мицкевич. – Режим доступа : <https://belhistory.by/2020/10/28/peklo-dlya-holopov-rai-dlya-evreev-rascvet-i-krah-rechi-pospolitoy/>. – Дата доступа : 04.02.2022.
3. Меховский, М. Трактат о двух Сарматиях [Электронный ресурс] / М. Меховский. – Режим доступа : <https://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/frameset1.htm>. – Дата доступа : 05.02.2022.
4. Wasilewski, L. Litwa i Białoruś: Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych / L. Wasilewski. – Warszawa–Kraków : Wyd-wo J. Morkowicza, 1925. – 251 s.
5. Статут Великого княжества Литовского 1529 года. – Минск : Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.
6. Статут Вялікага княства Літоўскага 1588 года [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : https://pravo.by/document/pdf/statut_1588/status_1588_ch3. – Дата доступу : 05.02.2022.
7. Krotau, A. Geneza białoruskiego stereotypu Polski i Polaków / A. Krotau. – Przegląd Wschodni. – T. VIII. – Zeszyt 1 (29). – S. 57–74.
8. Богданович, А. Б. Генезис и эволюция этнической идентичности белорусов [Электронный ресурс] / А. Б. Богданович. – Режим доступа : <https://hist.bsu.by/konference/bogdanovich.htm>. – Дата доступа : 05.02.2022.
9. Savchenko, A. Belarus – A perpetual borderland / A. Savchenko. – Leiden–Boston : Brill, 2009. – 239 s.
10. Кротов, А. М. К вопросу о факторах пробуждения этнического самосознания белорусов в конце XVI – середине XVII в. / А. М. Кротов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2013. – № 4 (79). – С. 57–65.
11. Baranowski, I. T. Podlasie w przededniu Unii Lubelskiej / I. T. Baranowski // Przegląd Historyczny. – 1908. – T. 7. – S. 299–321.
12. Konnotacja Ekspedytowanego sejmiku w zamku Nieswiskim wyvodu ziemian Księstwa Nieswiskiego w roku 1729, 22.09 // Archiwum Główne Akt Dawnych (AGAD). – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 3. – Plik 1. – b/n.
13. Regestr pokonewszczyzny od PP. Zemian jak Hrabstwa Mirskiego, tak Klucza Swierzanskiego podług przywilejów od J.O. Książny H. Radziwiłłowej... // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 3. – Plik 1. – b/n.
14. Processa między szlachta, ziemianami i innemi osobami w sprawach o summy pozyczane od jednych drugim na zastaw gruntów i rozmaitych rzeczy, tudzież o najścia i najazdy, oraz bitwy i kryminały i innych różnorodnych sprawach włączających przed Urząd Zamku Nieswiezkiego, Magdeburgie, sąd Grodzki Ordynacki przez KK Radziwiłłów ustanowiony // AGAD. – Archiwum Radziwiłłów. – Dz. XV. – Teka 2. – Plik 8. – b/n.
15. Smoleński, Wł. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej : rozrodzenie i ubóstwo / Wł. Smoleński // Przegląd Historyczny – 1906. – T. II. – Z. 1. – S. 20–42.
16. Smoleński, Wł. Szkice z dziejów szlachty mazowieckiej : III. Mazurowie w świetle cudzych opinii / Wł. Smoleński // Przegląd Historyczny – 1906. – T. III. – Z. 1. – S. 52–61.
17. Веренич, В. Л. К историко-социологической характеристике польских переселенческих говоров в Полесье / В. Л. Веренич // Польские говоры в СССР. – Минск : Наука и техника, 1973. – Ч. 2. – С. 128–159.
18. Кротов, А. М. Русский фактор формирования белорусского стереотипа поляка (середина XIX – начало XX в.) / А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сб. науч. статей / редкол.: М. И. Демчук (пред) [и др.]. – Вып. 17. – Ч. 1 : Исторические науки. – Минск : РИВШ, 2017. – С. 204–210.
19. Кротов, А. М. Образ поляка в российской карикатуре XIX – начала XX в. как фактор развития белорусского стереотипа поляка / А. М. Кротов // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2017. – № 4 (103). – С. 34–40.
20. Кротов, А. М. Поляки в глазах Фаддея Булгарина / А. М. Кротов // Беларусь і суседзі : шляхі фарміравання дзяржаўнасці, міжнацыянальныя і міждзяржаўныя адносіны : зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2013. – Вып. 2. – С. 33–39.
21. Кротов, А. М. О.А. Пржецлавский о поляках : ментальные корни публицистического образа и его идеологический контекст / А. М. Кротов // Научные труды Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки : сборник научных статей : в 2 ч. / под ред. В. Ф. Беркова. – Минск : РИВШ, 2014. – Вып. 14. – Ч. 1 : Исторические науки. – С. 155–160.

УДК [94(376+477)+355.425.4(476+477)(091)] «1943»

Удары па нямецка-паліцэйскіх гарнізонах – асноўны від баявога ўзаемадзеяння савецкіх партызан Беларусі і Украіны (вясна – восень 1943 г.)

А.А. КРЫВАРОТ

У артыкуле ўпершыню ў гістарыяграфіі ў сістэматызаваным выглядзе паказана сумесная дзейнасць савецкіх партызан Беларусі і Украіны супраць гарнізонаў ворага на Палессі вясной – восенню 1943 г. Найбольшая колькасць удараў па апорных пунктах была нанесена ў красавіку – пачатку мая 1943 г. у час вялікай канцэнтрацыі ў рэгіёне ўкраінскіх рэйдавых злучэнняў. Разгромы гарнізонаў, з аднаго боку, звужалі магчымасці нямецкіх органаў па выкананні сваіх функцый на акупаванай тэрыторыі, а з другога – дазвалялі партызанам вызваляць схопленых нацыстамі савецкіх патрыётаў, здабываць узбраенне, харчы, медыкаменты, адзенне, вяртаць жыхарам нарабаваную гітлераўцамі ўласнасць.

Ключавыя словы: аэрадром, баявая аперацыя, гарнізон, засада, партызанскі атрад, партызанскае злучэнне, рэйд, тылавы аб'ект, ударная група.

For the first time in historiography the article systematically describes the joint activity of the Soviet partisans of Belarus and Ukraine against the enemy garrisons in Polesie in the spring–autumn of 1943. The largest number of strikes on the Nazis' strongholds was inflicted in April and early May 1943 – at the period of large concentrations of Ukrainian raid formations in the region. The defeats of the garrisons on the one hand narrowed the possibilities of the German authorities to perform their functions in the occupied territory and on the other hand allowed the partisans to free Soviet patriots captured by the Nazis, get weapons, food, medicines, clothes, and return the property stolen by the Nazis to the local residents.

Keywords: airfield, battle operation, garrison, ambush, partisan detachment, partisan formation, raid, rear object, mass of manoeuvre.

Уводзіны. Баявая садружнасць партызан Беларусі і Украіны мела месца з канца лета 1941 г. і да ліпеня 1944 г. Узаемадзеянне ахоплівала Брэсцкую, Гомельскую, Палескую, Пінскую, поўдзень Мінскай і паўднёвы ўсход Магілёўскай абласцей Беларусі, поўнач Украіны, заходнія раёны Браншчыны. Найбольшая колькасць сумесных аперацый была праведзена ва ўсходняй і цэнтральнай частках Беларускага Палесся. Вясной – летам 1943 г. у розных раёнах Гомельшчыны адначасова базіраваліся больш за 10 ўкраінскіх злучэнняў, якія разам з беларускімі партызанамі правялі дзясяткі аперацый супраць аб'ектаў праціўніка.

Мэта артыкула – на аснове аналізу навуковых і навукова-папулярных публікацый, разнастайных зборнікаў (артыкулаў, дакументаў, успамінаў), даведачнай і мемуарнай літаратуры, архіўных матэрыялаў паказаць, што ва ўзаемадзеянні партызан Беларусі і Украіны вясной – восенню 1943 г. асноўнае месца займалі сумесныя аперацыі супраць нямецка-паліцэйскіх гарнізонаў.

Асноўная частка. Заяўленая ў артыкуле праблема знайшла пэўнае адлюстраванне ў калектыўных працах [1]–[4], манаграфіях [5]–[7], разнастайных зборніках [8]–[11], навукова-папулярных, энцыклапедычных і даведачных выданнях [12]–[14]. Пэўныя звесткі аб сумесных дзеяннях беларускіх і ўкраінскіх партызан у згаданы перыяд змешчаны ў мемуарнай літаратуры, кнігах «Памяць» гарадоў і раёнаў Гомельскай і Брэсцкай абласцей. Наяўнасць у згаданых і іншых публікацыях інфармацыі аб баявым супрацоўніцтве партызанскіх фарміраванняў Беларусі і ўкраінскіх рэйдавых злучэнняў на тэрыторыі Палесся вясной – восенню 1943 г. дае магчымасць падрыхтаваць па заяўленай праблеме комплексную працу, якая пакуль адсутнічае ў айчынай гістарыяграфіі.

Вясной – на пачатку лета 1943 г. у межах Палескай вобласці дыслацыраваліся значныя сілы ўкраінскіх партызан, што было абумоўлена наступнымі фактарамі. Па-першае, у рэгіён пасля рэйдаў на тэрыторыю Праваябярэжнай Украіны вярнулася большасць падраздзяленняў са злучэнняў А.М. Сабурава і С.А. Каўпака, а таксама прыйшлі з далшняга рэйду

кавалерыйскія атрады М.І. Навумава. Па-другое, Беларускае Палессе стала транзітнай тэрыторыяй для Чарнігаўска-Валынскага і Сумска-Вінніцкага партызанскіх злучэнняў (камандзіры А.Ф. Фёдараў і Я.І. Мельнік), што перайшлі з Левабярэжнай Украіны для выканання заданняў Цэнтра ў новых раёнах на правым беразе Дняпра. Па-трэцяе, у паўднёвых раёнах Гомельшчыны перагрупіроўвалі свае сілы ўкраінскія фарміраванні І.Ф. Малікава, І.І. Шытава, В.А. Бегмы, М.М. Таранушчанкі, А.З. Адухі, І.П. Фёдарова і інш. Вялікая канцэнтрацыя партызан назіралася ў Лельчыцкім і суседніх раёнах у другой палове мая 1943 г., калі з Масквы для правядзення нарады з камандным складам злучэнняў на аэрадром у Лельчыцкім раёне прыбылі сакратар ЦК КП(б)У Д.С. Каротчанка і начальнік Украінскага штаба партызанскага руху (далей УШПР) Ц.А. Строкач. Па няпоўных падліках, на тэрыторыі Палескай вобласці вясной 1943 г. адначасова базіраваліся да 12 тыс. украінскіх партызан [2, с. 354–356], [3, с. 481], [6, с. 177], [7, с. 131–132], [12, с. 61], [14, с. 436, 462–463], [15, с. 201], [16, с. 83–84, 231], [17, с. 203].

Падвышэнню баяздольнасці народных месціўцаў у рэгіёне вясной – на пачатку лета 1943 г. у значнай ступені спрыяла наяўнасць у чатырохкутніку Алеўск–Оўруч–Мазыр–Тураў партызанскага краю, створанага беларускімі і ўкраінскімі фарміраваннямі. Ва ўспамінах былога начальніка УШПР Ц.А. Строкача адзначана, што па стане на сакавік 1943 г. на поўначы Ровенскай і Жытомірскай абласцей, у міжрэччы Дняпра і Прыпяці дыслацыравалася каля 20 украінскіх злучэнняў і атрадаў. Асноўнай апорнай базай на тэрыторыі краю стаў Лельчыцкі раён, дзе бліз хутара Дубніцкае з сакавіка 1943 г. стаў дзейнічаць аэрадром, пабудаваны партызанамі злучэння А.М. Сабурава і Лельчыцкага атрада (камандзір І.А. Колас) пры актыўным удзеле мясцовых жыхароў. Праз аэрадром ажыццяўлялася сувязь з Вялікай зямлёй украінскіх, беларускіх, малдаўскіх і польскіх партызан [2, с. 353], [5, с. 282], [11, с. 352], [12, с. 61], [15, с. 201], [16, с. 173, 178, 225–227], [17, с. 203].

Перакінутыя на аэрадром з Цэнтра боепрыпасы і ўзрыўчатка дазвалялі партызанам наносіць удары як па апорных пунктах у невялікіх населеных пунктах, так і ў райцэнтрах. Мэтамі нападаў беларускіх і ўкраінскіх партызан на апорныя пункты з’яўляліся зрыў паставак рэсурсаў для нямецкіх франтавых часцей, вызваленне зняволеных нацыстамі савецкіх патрыётаў, здабыча зброі, боепрыпасаў, медыкаментаў. Важнае месца займаў захоп складаў з прадуктамі, якія былі гвалтоўна забраны гітлераўцамі ў насельніцтва для адпраўкі ў Германію і на фронт. За кошт складскіх трафeyaў папаўняліся харчовыя запасы партызан, што было важна найперш для забеспячэння шматкольных украінскіх злучэнняў, якія рыхтаваліся да працяглых рэйдаў у розныя раёны Правабярэжнай Украіны.

У перыяд найбольшай канцэнтрацыі ўкраінскіх злучэнняў на тэрыторыі Палескай вобласці больш як 10 буйных гарнізонаў сталі аб’ектамі сумесных аперацый. У першыя дні пасля фарсіравання Дняпра ў красавіку 1943 г. злучэнні А.Ф. Фёдарова і Я.І. Мельніка пры ўдзеле беларускіх атрадаў разграмілі апорныя пункты ворага ў Горазаве, Борава, Юравічах Калінкавіцкага раёна. Адным з першых пад удар партызан трапіў апорны пункт Піркі Брагінскага раёна, які дазваляў праціўніку кантраляваць падыходы да чыгункі Оўруч–Чарнігаў. Аб’ект быў добра ўмацаваны: меў драўляна-земляны вал, затопленыя вадой ірвы, агароджу з калючага дроту. У выніку раптоўнага нападу ў красавіку 1943 г. злучэння М.І. Навумава і байцоў Хойніцкага атрада імя В.І. Чапаева (камандзір В.Р. Карась) гарнізон і раённая камендатура былі разгромлены. Партызаны захапілі вялікія запасы прадуктаў, якія акупанты меркавалі накіраваць у Германію. Пасля аперацыі ў мясцовы атрад перайшлі 32 паліцаі. Разгром гарнізона ў Пірках, як і ліквідацыя злучэннем С.А. Каўпака апорнага пункта ворага ў вёсцы Крукі, дазволілі пашырыць межы партызанскага краю ў міжрэччы Прыпяці і Дняпра аж да Брагіна [2, с. 356], [9, с. 318–319], [10, с. 157], [12, с. 67], [18, л. 29].

Найбуйнейшай аперацыяй супраць гарнізонаў у 1943 г. стаў напад на Брагін, у якім базіравалася да 500 акупантаў. Ініцыятарам удару па аб’екце выступіла камандаванне беларускага атрада імя Р.І. Катоўскага (камандзір А.Е. Міхневіч). У райцэнтры знаходзіліся ўстановы гебіткамісарыята, розныя службы паліцыі бяспекі і СД, а таксама шэраг акупацыйных арганізацый, пераведзеных з Гомеля. У ноч на 11 красавіка 1943 г. гарнізон

штурмавалі больш за 600 байцоў са злучэнняў С.А. Каўпака, Я.І. Мельніка, А.Ф. Фёдарова і беларускага атрада. Атаку падтрымлівалі артылерысты агнём з шасці гармат і некалькіх мінамётаў розных калібраў для знішчэння дзотаў. Аб маштабнасці аперацыі сведчыць той факт, што падчас наступлення партызан праціўнік спрабаваў нанесці па іх авіяцыйны ўдар, які не меў поспеху. Засадзі на дарогах партызанам удалося сарваць дапамогу з гарнізонаў Хойнікі, Лоеў, Рэчыца. Гітлераўцы страцілі толькі забітымі некалькі сот салдат і афіцэраў. Нападаўшыя разбілі 25 дзотаў і 3 доты з кулямётамі, захапілі шмат зброі і боепрыпасаў, а таксама вялікія запасы прадуктаў. Важкі ўклад ў паспяховае правядзенне аперацыі ўнеслі брагінскія падпольшчыкі, якія разам з мясцовымі партызанамі выдзелілі праваднікоў для дзвюх ударных груп і падпалілі падчас бою асноўныя аб'екты праціўніка ў райцэнтры [2, с. 356], [3, с. 481], [6, с. 179], [12, с. 65–66], [17, л. 29].

Аб'ектамі сумесных удараў партызан былі гарнізоны ў розных раёнах Палескай вобласці. У красавіку 1943 г. былі разгромлены гарнізоны праціўніка ў Юравічах, Горазаве, Борава Калінкавіцкага раёна. У мястэчку Скрыгалаў Мазырскага раёна гарнізон быў створаны яшчэ ў 1941 г. і ахоўваў дарогу Мазыр–Петрыкаў. Ад гэтага аб'екта пастаянна рабіліся налёты на бліжэйшыя вёскі і рабаваліся мясцовыя жыхары. На момант нападу партызан 4 мая 1943 г. гарнізон быў добра ўмацаваны ў інжынерным плане – тут меліся дзоты са станкавымі і ручнымі кулямётамі. Акупацыйны аб'ект ахоўвалі больш за 260 гітлераўцаў. У выніку штурму, які доўжыўся дзве з паловай гадзіны, украінскае падраздзяленне на чале з Г.В. Баліцкім і Лельчыцкі атрад разграмілі гарнізон, вывезлі са складаў 95 падводаў з соллю і прадуктамі. У далейшым апорны пункт у мястэчку Скрыгалаў немцы так і не змаглі аднавіць [2, с. 356], [12, с. 66–67], [19, л. 90], [20, л. 32 аб].

Канцэнтрацыя ў чатырохкутніку Алеўск–Оўруч–Мазыр–Тураў вялікай колькасці партызан Беларусі і Украіны, іх рэгулярнае забеспячэнне з Вялікай зямлі зброяй, боепрыпасаў і выбуховымі рэчывамі для правядзення аперацый на камунікацыях і супраць гарнізонаў сур'ёзна непакоілі гітлераўскае камандаванне, якое імкнулася арганізаваць бесперабойныя пастаўкі рэсурсаў у раён баёў каля Курска, Арла і Белгарада. У адным з сакрэтных нямецкіх данясенняў, перахопленага партызанамі, паведамлялася аб высокай эфектыўнасці дзеянняў народных месціўцаў. Для ліквідацыі партызанскага краю праціўнік перакінуў з фронту разбітыя на Волзе часці і пачаў з мая 1943 г. весці падрыхтоўку карнай акцыі. Зрабіўшы перафарміраванне франтавых часцей у Мазыры і Рэчыцы, папоўніўшы іх супрацоўнікамі СД, паліцыяй з Краснадара, Курска і Харкава, праціўнік 25 чэрвеня 1943 г. павёў адначасовы камбінаваны наступ на партызан з Мазыра, Оўруча, Ельска і Алёўска. Карнікі акапаліся па дарогах і ў населеных пунктах, забіралі хлеб і жывёлу, палілі вёскі, знішчалі насельніцтва. Пры наступленні на партызан авангардныя карныя атрады прымянялі падманную тактыку – пераапраганаліся ў цывільнае адзенне, а на галаўныя ўборы нашывалі чырвоныя стужкі і прымацоўвалі чырвонаармейскія зоркі [2, с. 356], [5, с. 288, 290, 292–293], [12, с. 68], [16, с. 231–233], [17, с. 260–263, 286, 290], [21, л. 8].

Злучэнні А.М. Сабурава і С.Ф. Малікава, якія заставаліся на беларускай частцы краю пасля выхаду астатніх украінскіх партызан у рэіды, а таксама мясцовыя атрады пад націскам 40-тысячнай (па некаторых дадзеных 30-тысячнай) групоўкі ворага былі вымушаны з цяжкімі баямі адысці ў напрамку пінскіх балот і іншых цяжкадаступных месцаў. Акупантам удалося часова захапіць партызанскі аэрадром у Лельчыцкім раёне. Падчас барацьбы з карнікамі ў злучэнні А.М. Сабурава знаходзіліся сакратар ЦК КП(б)У Д.С. Каротчанка і начальнік УШПР Ц.А. Строкач, якія ў сярэдзіне ліпеня 1943 г. вылецелі ў Маскву з пляцоўкі каля вёскі Храпунь Давыд-Гарадоцкага раёна [2, с. 356–357], [5, с. 288–290, 293–294], [7, с. 135], [9, с. 320], [12, с. 68], [16, с. 231–233], [17, с. 260–263, 286, 290], [21, л. 8].

У новым месцы базіравання злучэнне А.М. Сабурава адразу наладзіла кантакты з беларускімі партызанамі і сумесна з імі правяло некалькі баявых аперацый. Па прапанове камандзіра атрада «Савецкая Беларусь» П.П. Тамілава быў нанесены сумесны ўдар па гарнізоне ў Давыд-Гарадку. Гарнізон налічваў 300 чалавек, меў добрае ўзбраенне і займаў важнае месца ў сістэме аховы падыходаў да чыгункі Сарны–Лунінец–Пінск. Разам з атрадам

«Савецкая Беларусь» у наступленні па апорны пункт удзельнічаў украінскі батальён (камандзір Л.Я. Іваноў). У яго склад уваходзіла група мазырскага атрада на чале з камісарам М.К. Ілінкоўскім, якая далучылася да батальёна падчас выхаду з раёна карнай аперацыі. У выніку штурму варожага аб'екта ў ноч на 25 ліпеня 1943 г. тры групы колькасцю да 300 партызан зламалі ўпартае супраціўленне ворага і нанеслі яму адчувальныя страты. Яшчэ дзве групы знаходзіліся ў засадзе, каб не дапусціць дапамогі праціўніку са Століна і Турава. Народныя месціўцы вызвалілі з турмы 80 савецкіх грамадзян, захопленых нацыстамі для расправы, забілі і паранілі больш за 160 гітлераўцаў, знішчылі ўсе ваенна-эканамічныя і акупацыйныя аб'екты, падарвалі мост даўжынёй 130 метраў праз раку Гарынь і ўзялі значныя трафеі. На патрэбы партызан былі выкарыстаны захопленыя ў акупантаў 148 коней, 66 павозак, 870 кілаграм солі, 120 галоў буйной рагатай жывёлы, 200 авечак. Разгром гарнізона ў Давыд-Гарадку стаў адной з найбуйнейшых аперацый супраць тылавых аб'ектаў ворага ў Пінскай вобласці і садзейнічаў актывізацыі дыверсійнай дзейнасці на нямецкіх камунікацыях [2, с. 357], [5, с. 304–305], [4, с. 638], [7, с. 135], [12, с. 66–67], [22, с. 243, 263].

Пасля вяртання з Піншчыны ў Палескую вобласць у пачатку жніўня 1943 г. злучэнне А.М. Сабурава ўстанавіла сувязі з беларускімі атрадамі ў Лельчыцкім і суседніх раёнах, правёўшы разам з імі некалькі аперацый супраць акупантаў. Неаднаразова напады рабіліся на гарнізоны мадзяр – сатэлітаў гітлераўскай Германіі. Пасля разгрому на Волзе рэшткі венгерскіх часцей былі перакінуты на поўдзень Беларусі для аховы камунікацый і барацьбы з партызанамі. Некалькі апорных аб'ектаў мадзяр знаходзілася ў Мазырскім раёне. Партызанскай разведкай было ўстаноўлена, што ў ваенным гарадку Козенкі размяшчаўся штаб венгерскай дывізіі і 1000 чалавек асабовага складу, а ў вёсцы Слабада дыслацыравалася падраздзяленне мадзяр колькасцю да 100 салдат і афіцэраў. Ад батальёна мадзяр колькасцю 550–600 чалавек у гарнізоне Шчокатава выстаўлялася пастаянная застава 50 чалавек у вёсцы Рудня. На ўзбраенні ў венгерскіх фарміраванняў меліся гарматы сярэдняга калібру, батальённыя і ротныя мінамёты, станкавыя і ручныя кулямёты, аўтаматы [21, л. 17, 17аб].

Ініцыятыва разгрому гарнізона ў Шчокатаве сыходзіла ад кіраўніцтва Мазырскага атрада (камандзір А.Л. Жыльскі). На аснове разведдадзеных, здабытых яго байцамі, камандаванне беларускіх і ўкраінскіх партызан распрацавала план нападу на аб'ект. Да ўдзелу ў аперацыі, агульнае кіраўніцтва якой узяў на сябе А.М. Сабураў, былі прыцягнуты мазырскія партызаны колькасцю 220 чалавек і прыкладна 290 байцоў украінскага злучэння. Ад беларускага атрада 20 чалавек было накіравана ў якасці праваднікоў, 40 байцоў – для заслона на дарогах ад вёсак Слабада і Рудня, астатніх уключылі ва ўдарныя групы. Ад украінскага злучэння была вылучана група аўтаматчыкаў колькасцю 30 чалавек для засады на дарозе з боку ваенгарадка Козенкі. Асноўную частку ўдарнай групы колькасцю да 400 чалавек склалі байцы злучэння А.М. Сабурава. У выніку імклівага штурму гарнізона Шчокатава з поўначы і захаду ў ноч з 29 на 30 жніўня 1943 г. было ліквідавана 150 акупантаў і знішчана 200 коней. На дарозе Козенкі–Шчокатава партызаны падарвалі тры аўтамашыны, забілі і паранілі да 50 мадзяр. У межах аперацыі байцы нанеслі ўдар па мадзярах у Слабадзе і ліквідавалі 12 чалавек. Агульныя трафеі склалі: 4 кулямёты, 93 вінтоўкі, 120 коней, тры тоны збожжа [1, с. 276], [2, с. 357], [8, с. 645–650], [12, с. 69–70], [21, л. 18–20].

Поспех баявой аперацыі быў забяспечаны актыўнай разведкай у гарнізонах некалькімі групамі партызан і падпольшчыкаў, якія здабылі дакладныя звесткі аб праціўніку, наяўнасцю вопытных праваднікоў у баявых ударных групам, строгай канспірацыі падчас падрыхтоўкі да наступлення. Пасля разгрому гарнізонаў акупацыйныя аб'екты ў Шчокатава і Слабадзе так і не былі адноўлены да прыходу ў рэгіён войск Чырвонай Арміі.

Удары партызан па гарнізонах у канцы лета 1943 г. сур'ёзна звужалі магчымасці гітлераўцаў па ўтрыманні захопленай тэрыторыі і захаванні на ёй акупацыйных органаў. Буйны апорны пункт у Нароўлі кантраляваў тэрыторыю паміж Прыпяццю і чыгуначнай лініяй Мазыр–Оўруч. Камандаванне атрада імя С.М. Кірава (камандзір У.П. Яромаў) мела інфармацыю, што ў райцэнтры знаходзіліся 75 немцаў і 53 паліцэйскія, на ўзбраенні ў якіх былі мінамёты, дзесяць кулямётаў, 15 аўтаматаў. У гарнізоне былі добра ўмацаваныя дзоты і бліндажы, функцыянавалі

пасты, ажыццяўлялася патруляванне тэрыторыі, а асабовы склад размяшчаўся ў каменнай казарме. На поўначы ад Нароўлі ў вёсцы Барбароў Мазырскага раёна знаходзілася артылерыйская батарэя мазяр, а на поўдні Нароўлянскага раёна ў Аляксандраўцы базіравалася падраздзяленне немцаў колькасцю 150 чалавек. Паміж апорнымі пунктамі падтрымлівалася пастаянная тэлефонная сувязь [1, с. 276], [2, с. 358], [4, с. 639], [12, с. 71], [23, л. 24–25].

Праз недастатковую колькасць у мясцовага падраздзялення партызан для самастойнага правядзення баявой аперацыі У.П. Яромаў звярнуўся за дапамогай да камандавання ўкраінскіх атрадаў. Па дамоўленасці для наступлення на гарнізон у Нароўлі былі выдзелены наступныя сілы: ад атрада імя С.М. Кірава 30 партызан, ад ўкраінскіх атрадаў імя В.Н. Бажэнкі (камандзір М.А. Рудзіч) і імя В.І. Чапаева (камандзір Г.Ф. Пакроўскі) адпаведна 50 і 30 чалавек, ад атрада НКДБ СССР імя Ф.Э. Дзяржынскага (Я.І. Міркоўскі) 50 байцоў. Кіраўніцтва аперацыяй было ўскладзена на У.П. Яромава. Камандаванне атрадаў сфарміравала некалькі груп, у тым ліку для заслона на дарозе Нароўля–Барбароў і захопу мастоў праз Нароўлянку. Напад на акупантаў у Нароўлі быў праведзены амаль адначасова з аперацыяй супраць гарнізонаў мазяр у Мазырскім раёне, што не дазволіла праціўніку ажыццявіць неабходны маневр сваімі сіламі. Падчас штурму гарнізона ў Нароўлі ў ноч з 29 на 30 жніўня 1943 г. партызаны блакіравалі дзоты і казармы, а затым ліквідавалі ўсіх акупантаў, якія не паспелі схавацца ва ўмацаваных аб'ектах. Атрады ўтрымлівалі ў сваіх руках райцэнтр амаль шэсць гадзін і за гэты час ліквідавалі больш за дзесяць акупантаў, знішчылі нямецкія ўстановы, захапілі дакументы ўправы, сабралі вялікія трафеі [1, с. 275–276], [2, с. 357–358], [4, с. 639], [12, с. 69–70], [23, л. 12, 24–25].

Напад партызан на гарнізон у Нароўлі стаў для праціўніка адчувальным ударам, які выклікаў у яго паніку і паралізаваў на пэўны час дзейнасць акупацыйных органаў. Гарнізон паліцэйскіх канчаткова разлажыўся, частка яго перайшла ў партызанскія атрады. Шмат хто са служачых нямецкіх устаноў на наступны дзень уцёк у Мазыр. У выніку разгрому апорнага пункта партызаны забяспечылі сябе ў эканамічным плане і ўзнялі маральны дух насельніцтва. Сваімі ўдалымі баявымі дзеяннямі супраць гарнізонаў у Мазырскім і Нароўлянскім раёнах партызаны пэўным чынам дапамагалі войскам Цэнтральнага фронту (камандуючы К.К. Ракасоўскі), якія 26 жніўня 1943 г. разгарнулі Чарнігаўска-Прыпяцкую наступальную аперацыю і пачалі свой пераможны рух у напрамку Беларускага Палесся.

Па тэрыторыі Гомельшчыны летам – восенню 1943 г. час ад часу рэйдзіравалі атрады Ровенскага злучэння (камандзір В.А. Бегма), якія разам з беларускімі партызанамі наносілі ўдары па аб'ектах акупантаў. Так, 23 кастрычніка 1943 г. партызаны Тураўскага атрада «За Радзіму» (камандзір В.І. Прасолаў), з Лельчыцкай і 50-й Жыткавіцкай брыгад (камандзіры К.М. Дамбоўскі і У.І. Гушчэня) пры падтрымцы ўкраінскіх артылерыстаў з гарматамі 76-мм і 45-мм калібру атакавалі гарнізон у Тураве. Для паспяховага правядзення аперацыі была сфарміравана група прыкрыцця колькасцю 65 чалавек. Ролю ўдарнай адзінкі выконваў атрад «За Радзіму», які меў на ўзбраенні два ротныя мінамёты, чатыры кулямёты і аўтаматы. Пры падтрымцы артылерыі байцы ўдарнай групы ўварваліся ў Тураў з заходняга боку, а праз некаторы час разграмілі вузлы абароны акупантаў і занялі цэнтр населенага пункта. Частка асабовага складу гарнізона была ліквідавана, а астатнія збеглі з пасёлка. Партызаны ўтрымлівалі населены пункт да раніцы, а затым арганізавана яго пакінулі [2, с. 358], [12, с. 72].

Войскі Беларускага фронту ў выніку паспяховага правядзення Гомельска-Рэчыцкай аперацыі (10–30 лістапада 1943 г.) прасунуліся на захад на 130 кіламетраў, вызвалілі дзясяткі населеных пунктаў, у тым ліку абласны цэнтр Гомель і важны вузел чыгуначных, шашэйных і рачных камунікацый – Рэчыцу. У той самы час войскі 1-га Украінскага фронту вялі цяжкія баі з немцамі на тэрыторыі Жытоміршчыны. У такой сітуацыі беларускія і ўкраінскія партызаны ўзмацнілі сумесныя ўдары па тылавых аб'ектах праціўніка на тэрыторыі Палесся з мэтай аказання ўсебаковай дапамогі часцям Чырвонай Арміі. У некаторых выпадках аперацыі праводзіліся ва ўзаемадзеянні з франтавымі часцямі.

Пасля вызвалення ад гітлераўцаў Оўруча злучэнне А.М. Сабурава разам з 12-м стралковым палком і артдывізіёнам 4-й стралковай дывізіі павяло наступленне ў бок Ельска і ўстанавіла сувязь з 37-й Ельскай партызанскай брыгадай. Па дадзеных партызанскай

разведкі, апорны пункт праціўніка на 23 лістапада 1943 г. налічваў 500 салдат і афіцэраў і меў добрае ўзбраенне – дзве бронемашыны, танкетку, дзве цяжкія гарматы. Па перыметры гарнізон быў абнесены дзотамі і акапамі. Акрамя таго, у Ельск з Нароўлі на 20 машынах прыбылі немецкія салдаты і афіцэры з франтавых часцей, якія адступалі пад ударамі Чырвонай Арміі. Такім чынам, гарнізон быў добра ўмацаваны і ахоўваўся асабовым складам, значная частка якога атрымала баявы вопыт на фронце [5, с. 364], [13, с. 206], [24, с. 275].

Неабходнасць тэрміновага ўдару па акупантах у Ельску дыктавалася тым, што нацысты завяршалі падрыхтоўку да ўгону мясцовага насельніцтва ў Германію і да знішчэння райцэнтра шляхам яго спалення. Выхад на зыходныя пазіцыі адбываўся наступным чынам: беларускія партызаны падбіраліся да Ельска з поўдня, з захаду рухаліся два ўкраінскія атрады, якія з боем вызвалілі вёскі Рамязы, Шарын, Дзвіжкі, Вішанькі. Іншыя ўкраінскія атрады на поўначы ад райцэнтра занялі чыгуначную станцыю Мытва, каб не дапусціць прыбыцця дапамогі з Мазыра, і перарэзалі шашэйную дарогу Ельск–Санюкі. Штурм пазіцый праціўніка ў гарадскім пасёлку і на чыгуначнай станцыі пачаўся ў 8 гадзін вечара 26 лістапада 1943 г. Акупанты, актыўна выкарыстоўваючы для абароны інжынерныя ўмацаванні, бронетэхніку і артылерыю, упарта супраціўляліся. Сітуацыя ўскладнялася яшчэ і тым, што батальён 12-га стралковага палка са спазненнем пачаў наступленне з паўднёва-заходняга напрамку. У выніку жорсткага бою партызаны да 3 гадзін ночы авалодалі Ельскам, а армейскае падраздзяленне заняло ўскраіну горада. Падчас першай атакі на гарнізон частка яго асабовага складу была знішчана, а частка спешна пакінула населены пункт. Аднак партызанам і чырвонаармейцам не ўдалося замацавацца ў райцэнтры. Акупанты падцягнулі да Ельска значныя сілы сваёй пяхоты і танкі, а затым 29 лістапада 1943 г. вярнулі кантроль над населеным пунктам [5, с. 364–365], [11, с. 354], [12, с. 75], [24, с. 275].

Пасля дадатковай падрыхтоўкі беларускія і ўкраінскія атрады па дамоўленасці з камандаваннем 12-га стралковага палка 2 снежня 1943 г. правялі чарговы штурм пазіцый немцаў у Ельску. Праціўнік асабліва ўмацаваў гарнізон з усходняга боку, адкуль чакаў наступлення Чырвонай Арміі. Раптоўным ударам з тылу партызаны авалодалі часткай горада, аднак развіць поспех не змаглі. Па-першае, армейскае падраздзяленне падчас атакі не падтрымала партызан і вярнулася ў паласу дзеяння сваёй дывізіі. Па-другое, акупантам удалося хутка перагрупіраваць сілы і перайсці да контратак пры падтрымцы танкаў і артылерыі. Па-трэцяе, партызаны, выкарыстаўшы вялікую колькасць боепрыпасаў, не мелі магчымасці далей працягваць няроўны бой і былі вымушаны адысці ў лясны масіў. Падчас штурмаў Ельска партызаны і чырвонаармейцы знішчылі 225 гітлераўцаў, спалілі танк, тры танкеткі, бронемашыну і тры аўтамашыны. Канчаткова Ельск быў вызвалены воінамі 415-га стралковага палка і партызанамі 37-й Ельскай брыгады 11 студзеня 1944 г. падчас Калінкавіцка-Мазырскай аперацыі [5, с. 365–366], [12, с. 75], [13, с. 206], [24, с. 275].

Правядзеннем сумеснай аперацыі па вызваленні Ельска завяршылася баявое ўзаемадзеянне савецкіх партызан Беларусі і Украіны на тэрыторыі Гомельшчыны, якое мела месца ў 1941–1943 гг. Па меры вызвалення Чырвонай Арміяй тэрыторыі Кіеўскай, Жытомірскай і Ровенскай абласцей ад германскіх войск ўкраінскія партызанскія фарміраванні злучаліся з савецкімі часцямі і разам з імі вялі баявыя дзеянні супраць ворага ці перамяшчаліся на тэрыторыю Польшчы і Чэхаславакіі для дапамогі мясцовым партызанам.

Вывады. Вясной – восенню 1943 г. беларускія і ўкраінскія партызаны правялі сумесна больш за 20 аперацый супраць гарнізонаў на тэрыторыі Беларускага Палесся, у большасці на Гомельшчыне. Пераважная колькасць удараў прыйшлася на красавік – пачатак мая 1943 г. – перыяд найбольшай канцэнтрацыі ўкраінскіх рэйдавых злучэнняў у Палескай вобласці. Звычайна ініцыятыва атак на апорныя пункты зыходзіла ад камандавання беларускіх партызанскіх фарміраванняў. Пры гэтым ударныя групы, якія ствараліся для штурмаў гарнізонаў праціўніка, у асноўным складалі байцы ўкраінскіх злучэнняў і атрадаў. У выніку нападаў на тылавыя аб'екты партызаны паралізоўвалі на пэўны час функцыяванне акупацыйных органаў, зрывалі пастайкі рэсурсаў у франтавыя часці вермахта, вызвалялі шляхі для выхаду на дыверсіі да камунікацый ворага, здабывалі зброю, боепрыпасы,

прадукты, медыкаменты. Разгромы гарнізонаў мелі важнае маральна-палітычнае значэнне. Народныя месціцы вызвалілі з турмаў зняволеных нацыстамі савецкіх патрыётаў, знішчалі спісы жыхароў, якіх акупанты планавалі адправіць на працу ў Германію, вярталі мясцоваму насельніцтву нарабаванае гітлераўцамі збожжа, жывёлу, адзенне. Удары партызан па тылавых аб'ектах захопнікаў з'яўляліся важкай часткай дапамогі Чырвонай Арміі.

Літаратура

1. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 2 / Л. В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. А. Филимонов [и др.]. – 1984. – 551 с.
2. Всенародная борьба в Белоруссии против немецко-фашистских захватчиков в годы Великой Отечественной войны : в 3 т. – Минск : Беларусь, 1983–1985. – Т. 3 / Л. В. Аржаева [и др.] ; редкол.: А. Н. Мацко [и др.]. – 1985. – 531 с.
3. Гісторыя Беларускай ССР : у 5 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1972–1975. – Т. 4 / рэдкал.: І. С. Краўчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – 1975. – 640 с.
4. Литвин, А. М. Взаимодействие партизан Беларуси с Красной армией, российскими и украинскими партизанами / А. М. Литвин, А. А. Криворот // Страна в огне : в 3 т. – М. : «Абрис», 2017. – Т. 2 : Коренной перелом. 1942–1943 : в 2 кн. – Кн. 1. Очерки. – С. 583–642.
5. Богатырь, З. А. Борьба в тылу врага / З. А. Богатырь. – М. : Мысль, 1969. – 470 с.
6. Гладков, Т. К. Ковпак / Т. К. Гладков, Л. Е. Кизя. – Изд. 2-е, испр. – М. : Мол. гвардия, 1973. – 288 с.
7. Зенина, А. Н. Боевое содружество советских партизан в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / А. Н. Зенина. – Киев : Наук. думка, 1985. – 208 с.
8. Всенародное партизанское движение в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (июнь 1941 – июль 1944) : документы и материалы : в 3 т.. – Минск : Беларусь 1967–1982. – Т. 2. – Кн. 2 (июль–декабрь 1943) / Г. Н. Шевела [и др.]. – 1978. – 814 с.
9. Из истории партизанского движения в Белоруссии (1941–1944 гг.) : сборник воспоминаний / И. С. Кравченко [и др.]. – Минск : Госиздат БССР, 1961. – 506 с.
10. Непокоренная Белоруссия : воспоминания и статьи о всенародном партизанском движении в Белоруссии в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) / Ин-т истории партии при ЦК КПБ. Филиал Ин-та марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. – М. : Воениздат, 1963. – 376 с.
11. Советские партизаны : из истории партизанского движения в годы Великой Отечеств. войны : сб. ст. – 2-е испр. и доп. изд. – М. : Гослитиздат, 1963. – 799 с.
12. Филимонов, А. А. В едином боевом строю : о совместных действиях русских, белорусских, украинских, литовских, латышских, молдавских партизан / А. А. Филимонов, А. Д. Титов, Н. И. Эполетов ; Ин-т ист. НАН Беларуси. – Минск, 2005. – 126 с.
13. Беларусь у Вялікай Айчыннай вайне, 1941–1945 : энцыклапедыя ; рэдкал.: І. П. Шамякін (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БелСЭ, 1990. – 680 с.
14. Партизанскія калекцыі Мемарыяльнага комплексу «Нацыянальны музей гісторыі Вялікай Вітчызнянай вайны 1941–1945 гадоў». – К. : Аеростат, 2014. – 552 с.
15. Памяць : Брагінскі раён : Гіст.-дак. хроніка гарадоў і р-наў Беларусі. – Мінск : Маст. літ., 2003. – 750 с.
16. Сабуров, А. Н. У друзей одни дороги. Воспоминания / А. Н. Сабуров. – М. : Воениздат, 1975. – 252 с.
17. Строкач, Т. А. Наш позивний – Свобода / Т. А. Строкач. – К. : Політвидав України, 1975. – 415 с.
18. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (НАРБ). – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 270.
19. НАРБ. – Ф. 1408. Воп. 1. Спр. 10.
20. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 271.
21. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 289.
22. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка Столінскага раёна. – Мінск : БЕЛТА, 2003. – 640 с.
23. НАРБ. – Ф. 1450. Воп. 4. Спр. 288.
24. Памяць : Гіст.-дакум. хроніка гарадоў і раёнаў Беларусі. Ельскі раён. – Мінск : Ураджай, 2001. – 487 с.

Политехнические институты: основные тенденции, проекты и попытки реализации в Гомельской губернии (1920–1930 гг.)

А.Н. КУКСА

В пределах Российской империи белорусские губернии были лишены собственных высших учебных заведений. В то же время стремление к знаниям у белорусов было всегда стабильно высоким. Крестьяне на собственные деньги открывали школы, отдавали последние сбережения, чтобы отправить ребенка на учебу в училище. Однако получить высшее образование было практически невозможно, в том числе, в связи с отсутствием вузов в крае. Поэтому, провозглашение большевиками общедоступного образования для всех слоев населения привело к стремительному росту вузов и в белорусских губерниях. Не осталась в стороне и Гомельская губерния.

Ключевые слова: политехникум, высшая школа, образование.

Within the Russian Empire, the Belarusian provinces were deprived of their own higher educational institutions. At the same time, the desire for knowledge among people from the territories of Belarus has always been quite large. The peasants opened schools with their own money, gave their last savings to send the child to study at college. However, it was almost impossible to get higher education, including due to the lack of universities in their own region. Therefore, after the Bolsheviks proclaimed public education for all segments of the population, it led to a rapid growth of universities in the Belarusian provinces. The Gomel province did not stand aside in this respect either.

Keywords: polytechnic, higher school, education.

Последняя четверть XIX – начало XX в. характеризуется бурным развитием капиталистического хозяйства, а вместе с этим ростом и промышленной буржуазии, равно, как и фабрично-заводского пролетариата в Российской империи. Расширение рамок капиталистической экономики, нужда в рабочей квалифицированной силе, низшем и среднем техническом персонале – настоятельно требовали изменения сети учреждений профессионального образования. Буржуазия, стремясь к власти, одновременно вела борьбу за образовательную систему. Появились низшие и средние технические школы, ремесленные и коммерческие училища, высокоорганизованные технические институты, причем значительная часть учебных заведений открывалась на частные средства. В это же время на территории Беларуси отсутствовало высшее образование, а профессиональное образование было на этапе становления, сводившемся к нескольким ремесленным и сельскохозяйственным школам и учительским семинариям. Если принять во внимание к сказанному полное отсутствие рабочего образования, слабость профтехнического образования – ясным станет вопрос о той культурной и технической отсталости, в которой находилось белорусское население в начале XX в.

Вопросы создания технических вузов после Октябрьской революции 1917 г. как отдельного явления, имевшего место в истории Беларуси, практически полностью отсутствуют в отечественной историографии. На сегодняшний день частично эти вопросы раскрыты в работах К.И. Баландина [1], [2], А.К. Дубовика [3], А.Н. Куксы [4] и других, которые в основном изучают деятельность минского политехнического института, не акцентируя свое внимание на учреждениях технического профиля в других регионах Беларуси. В связи с этим основной материал по данной теме хранится до сих пор в архивных фондах и требует тщательного исследования, так как именно в это время началась подготовка профессиональных кадров для белорусской промышленности. Интересно, что понятие «национальные кадры» начинает впервые попадаться в архивных документах только после 1930 г. как противопоставление «старым» кадрам Российской империи, которые попали под жесткое давление в ходе таких громких политических дел, как «Шахтинский процесс», Промпартия и т. д.

В белорусских архивах хранится довольно обширный объем источников, который свидетельствует о том активном процессе, который начался в 1918 г. по открытию средних и выс-

ших технических учебных заведений в городах белорусских губерний. В Государственном архиве Гомельской области хранится материал, который касается становления системы образования и высшей технической школы в отдельности в Гомеле и Могилеве. Так, дела 96 фонда, периода существования Гомельского политехнического техникума, свидетельствуют о попытках в сентябре 1920 г. преобразовать его в институт. Материалы данного фонда подтверждают общую тенденцию, которая проявилась в системе профессионального образования на просторах бывшей Российской империи, по созданию техникумов европейского образца. Но, непродолжительность его деятельности, возможное уничтожение документов в годы войны, донесли до нашего времени только небольшое количество учебных программ, образцов ответов студентов на получаемые задания, личных дел учащихся, списки слушателей и ведомости на выплату зарплаты. В фондах 24 и 60 раскрывается история создания Могилевского индустриального техникума, который в июле 1920 г. был преобразован в политехнический институт. После его реорганизации в начале 1922 г. часть студентов попыталась перевестись в Минск в Белорусский государственный политехнический институт (далее – БГПИ).

Целью статьи является раскрытие истоков становления в Беларуси подготовки инженерных кадров, которые являются той прослойкой населения, которая ориентируясь на имеющиеся мировые достижения в области техники и технологий, способна вывести на новый уровень жизни граждан своей страны.

Гомельский политехникум. Решением властей Украинской Державы Могилевский техникум был эвакуирован в сентябре 1918 г. в Гомель и размещен в здании Гомельского железнодорожного училища (возле вокзала). Работу техникум начал 1 октября 1918 г. О том, что политехникум успешно функционировал, свидетельствует и заявление от 30 декабря 1918 г. Э. Мовши, окончившего Рижское еврейское ремесленное училище, к «директору Могилевского техникума, переведенного в Гомель, о зачислении слушателем подготовительного отделения» [5, л. 1].

Гомельский политехникум создавался в составе дорожного, электротехнического, архитектурно-строительного, химико-агрономического и землемерного факультетов. В январе 1920 г. упоминается еще и механическое отделение. О его наличии свидетельствует и заявление от 27 июня 1920 г. бывшего слушателя дорожного отделения Гомельского техникума Гавриила Хрычикова: «Поступив слушателем дорожного отделения в 1918 г., я в силу распоряжения немецких властей (в это время Гомель был оккупирован немцами) был вынужден выехать и тем самым порвать связь с техникумом; в 1919 г. был советскими властями мобилизован на польский фронт, где находился до сего времени, теперь же будучи свободным от военной службы, состоя на технической должности при Гомельских мастерских, желая пополнить специальное образование, прошу зачислить меня слушателем механического отделения» [6, л. 6].

Об уровне и основательности подхода к налаживанию качественного учебного процесса свидетельствует и степень организации практики для студентов. В ходе обучения ученики всех отделений техникума должны были проходить практики в период летних каникул. В связи с этим коллегия техникума направила во все учреждения и на предприятия письма следующего содержания: «по учебному плану слушатели обязаны отбыть в течение летних каникул две строительные практики» [7, л. 5]. Слушателям землемерного отделения по заданию преподавателя геодезии инженера В.И. Жарина необходимо было предоставить следующие зачетные работы: «1) съемка полигона и его увязка масштаб 1/2100; 2) вычисление румбов и азимутов по данным внутренним углам полигона. Наводка по румбам» [7, л. 13]. В июне 1919 г. Могилевский Совнархоз предоставил техникуму 15 летних практик по строительству, на электрической станции и на городском водопроводе.

20 марта 1920 г. на заседании коллегии Гомельского губернского отдела народного образования (губоно) постановили: «признать за профессионально-техническим образованием первостепенное государственное значение, особенно в данный момент, когда Советская Россия с лихорадочной поспешностью готовится к проведению электрификации» [8, л. 36]. Но все призывы к расширению в связи с этим аппарата соответствующего отдела образования и сети профессионально-технических учреждений завершились, по всей видимости, на стадии обсуждения вопроса о финансировании.

За этим последовали и другие попытки ужать объёмы средств, выделяемых на Политехникум. Так, 17 апреля 1920 г. заведующий профтехническим отделом при Гомельском губоно И.Н. Смирнов выступил с предложением сократить число отделений техникума путем соединения. Преподаватели на общем собрании высказались против, так как «сокращение расходов незначительное, чтобы из-за них на первом же году ломать учебный план и схему организации учебного заведения, которая признана бесспорно лучшей» [8, л. 354].

В сентябре 1920 г. не только в Минске, но и в Гомеле поднимается вопрос о возможности преобразования имеющихся Политехникумов во втузы. Так, объединенный совет техникума от 28 сентября 1920 г. под председательством С.Ф. Некрасова в присутствии преподавателей Т.А. Животовского, И.Н. Смирнова, М.А. Янгилевского, Д.Ф. Огнева, П.С. Харченко, К.К. Коха, В.Н. Лиодта, В.И. Жарина и слушателей приняли единогласное решение о преобразовании техникума в Политехнический институт. Делегированным на объединенное совещание при губернском профессионально-техническом совете С.Ф. Некрасову, Т.А. Животовскому и В.Н. Лиодту поручалось выступить с проектом преобразования техникума «в политехнический институт с отделениями: механическим, химическим, инженерно-строительным, геодезическим, электротехническим; причем в первую очередь открыть механическое, инженерно-строительное и химическое» [8, л. 337].

В Минске подобное предложение встретило живое и внимательное отношение правительства БССР, в первую очередь в лице А. Г. Червякова, что способствовало открытию 10 декабря 1920 г. первого технического вуза – БГПИ. В Гомеле проект создания института не получил такой поддержки, и в итоге политехникум 2 октября 1920 г. был реорганизован в архитектурно-строительный техникум во главе с К.К. Кохом. Деканом дорожного отделения был избран С.Ф. Некрасов, механического – Т.А. Животовский, электротехнического – И.Н. Будыко, землемерного – В.Н. Лиодт и подготовительного – временно В.М. Гройпинер. Однако отсутствие средств ухудшило и так сложное положение техникума и в ноябре 1920 г. П.С. Харченко тревожно заявил, что «вследствие безразличного отношения губпрофобра по вопросу о техникуме дальнейшее существование последнего как единственного рассадника технических знаний ставится в очень тяжелое положение» [8, л. 321].

В апреле 1921 г. техникум был переведен в Клинцы. На это время председателем совета техникума являлся П. С. Харченко, который и подписывал удостоверения всем студентам и работникам. В удостоверении художника Николая Павловича Малец указывалось, что он «состоял преподавателем графических искусств в Гомельском техникуме с апреля месяца 1920 года по 1-е апреля 1921 года, когда выбыл из состава преподавателей по причине перевода техникума в Клинцы. Обязанности свои нес аккуратно с полным знанием дела, что удостоверяется подписями и приложением печати» [9, л. 110].

Могилевский политехнический институт. Город Могилев, в котором размещалась Ставка Главнокомандующего, стал центром политической жизни Российской империи. В нём проживала царская семья и решалась судьба империи. В то же время в сфере обустройства учреждений образования обстановка была очень сложной. После перевода из Могилева политехнического техникума в Гомель подготовка кадров для промышленности проводилась на политехнических курсах.

Стремление населения к образованию не охладили даже тяжелые военные годы. Более того, в условиях войны, доминирующее положение в которой начинает занимать техника и уровень оснащения войск, значительно актуализируют роль технических знаний. И в Западной Европе, и в России военные ведомства привлекают к решению сложных технических задач инженеров. Эти тенденции по техническому преобразованию России были подхвачены и в среде лидеров советской власти, что нашло свою поддержку и у представителей местной интеллигенции. В апреле 1919 г. Могилев был понижен в статусе до уровня уездного центра в виду слабого развития промышленности и вошел в состав Гомельской губернии. Тем не менее, здесь также начался процесс организации политехнического института.

Уже 20 марта и 7 июня 1920 г. в Главпрофобр РСФСР поступили документы по вопросам организации в Могилеве политехнического института. Данный вопрос не встретил никаких препятствий со стороны ведомства, которое отвечало в России за сеть и структуру высшего образования. С 25 июля 1920 г. в Могилеве начал действовать Политехнический инсти-

тут, который именовался в документах до 1922 г. Могилевским электро-химико-механическим практическим институтом. Набор был произведен на механическое, химическое и электротехническое отделения [10, с. 3]. В марте 1922 г. в Политехникуме уже числилось 47 работников вместе с учебно-вспомогательным персоналом. Во главе института стояли: ректор инженер-технолог Г.В. Каган, преподаватель химии и физики; член президиума М.В. Захаров, преподаватель естествознания; Г.И. Михалевич преподаватель математики; Б.М. Плещинский – математики; Ю.Л. Кнушевицкий – механики; А.О. Задушевский – технологии и проекционно-технологического черчения; С.О. Марголин – политэкономии и истории социализма, Е.О. Бычков – истории и культуры; М.П. Сазонов – географии; Л.И. Жабинов – истории; А.Д. Мамаев – геометрии и т. д. [11, л. 41]. При техникуме действовали рабфак, подготовительное отделение, специальные отделения, библиотека, мастерские по кузнечному, литейному, слесарному, слесарно-сборочному и столярному ремеслу.

С целью восстановления и развития сети технических учреждений РСФСР в 1919 г. был издан декрет, в соответствии с которым предписывалось советским учреждениям немедленно передать профессионально-техническим отделам образования здания, мастерские и всемерно содействовать их успешному функционированию. Руководствуясь этим положением, Главпрофобр поддержал создание в Могилеве Политехнического института, а губернский отдел образования 31.08.1921 г. потребовал «предписать Могилевскому совнархозу оказывать ему, как и вообще профтехническому образованию содействие» [12, л. 9]. Постановлением Гомельского губернского съезда профтехобразования в декабре 1921 г. при «распределении 600 млн. бронезнаков было постановлено отпускать Могилевскому политехникуму по 88 млн. в месяц. Заведующий губпрофобром Симхович обещал дослать через 2 недели после съезда еще 12 млн. (всего 30) на достройку 2-го здания (по Зеленой ул.)» [12, л. 72].

Финансовые трудности, а также необходимость изменить внутреннюю политику в отношении высшей школы привели к тому, что в конце 1921 г. правительство Советской России пошло на сокращение вузов, контингента студентов и передачи их на баланс профильных ведомств. В виду слабой промышленной базы, которая еще более усугубилась для государственного сектора в условиях начавшейся денационализации и массовой сдачи предприятий в аренду частникам, в Беларуси, как наиболее перспективными, начали рассматривать аграрное и классическое университетское образования. В Минске в апреле 1921 г. приняли решение об открытии университета, а в июне – обсуждался вопрос о слиянии университета и БГПИ, который должен был стать базой аграрного факультета БГУ. В июле 1922 г. было принято решение о реорганизации БГПИ в Белорусский институт сельского хозяйства, который был передан на баланс комиссариата земледелия. Технические факультеты подлежали закрытию, а студенты переводу в вузы РСФСР. Такая же картина наблюдалась в Гомеле, Могилеве и Смоленске, где политехнические институты были также закрыты.

Массово открывавшиеся вузы и втузы естественно не имели той базы, которая должна была сопровождать их деятельность – помещения, оборудование, подготовленные абитуриенты и профессорско-преподавательский состав. Учитывая сложности послевоенного времени, уничтожение промышленности и разорение сельского хозяйства сложности были и в отношении финансового обеспечения их успешной работы. На эти моменты и обратили внимание в первую очередь, когда потребовалось значительно оптимизировать высшую школу. Отдел технических учебных заведений Главпрофобра РСФСР 24 января 1922 г. прислал в Могилев два письма за № 156 и 157, в которых сообщалось, что «президиум коллегии ознакомившийся с докладом о деятельности Могилевского практического института и принимая во внимание крайне недостаточное оборудование и недостаточное количество преподавательских сил вообще, постановил практический институт считать техникумом со всеми особенностями, присущими этим учебным заведениям (учебные планы, длительность обучения, отсутствие милитаризации, подведомственность Главпрофобру)» [12, л. 68]. В следующем письме сообщалось, что техникум имел право выпускать инженеров узкой специальности и оплачивать труд преподавателей по ставкам втуз. Реорганизация института в техникум была тут же проведена, о чем свидетельствуют бланки, на которых стоит еще печать института, а поверх нее чернилами надпись «индустриальный техникум».

О том, что это решение во многом обусловлено было именно финансовыми вопросами, свидетельствует и многочисленная переписка с губернскими учреждениями по вопросам финансирования деятельности техникума. Так, в марте 1922 г. Могилевский техникум получил на 47 работников всего 25 пайков прожиточного минимума. Это вызвало естественное возмущение ректора, который писал в отдел образования о том, что в «техникуме с рабфаком в феврале месяце состояло служащих 47 чел. (преподавателей 32, канцелярии 5 чел., библиотекарей 2 чел., мастеров 2 чел., и низших технических служащих 6 чел., а с марта приняты еще кузнец и молотобоец), почему указанные 25 пайков на 47 чел. никоим образом не могут соответствовать «прожиточному минимуму» [12, л. 42]. В то же время он указывал на то, что работа в техникуме ведется аккуратным образом, с полным напряжением, чем объясняется весьма большое число слушателей.

В соответствии с проведенной реорганизацией техникум в апреле 1922 г. включал два специальных отделения – механическое и химическое, а также два подготовительных с параллелями (всего 9 групп), при 329 слушателях. Положение техникума начало стабилизироваться, о чем свидетельствует то, что штат работников даже немного расширился и состоял из: 32 преподавателей, 1 мастера литейного отделения, 1 – механического, 1 – кузнечного, 1 – машиниста, 1 – вагранщика и 1 – молотобойца, 5 – служащих канцелярии, 2 работников библиотеки и 6 нижних технических (на два здания) – всего 51 чел. Планы у руководства техникума были довольно обширными, несмотря даже на задержки с выплатами содержания работникам. Предвиделось провести исправление железной крыши на здании литейной мастерской и достроить второе здание техникума. Оборудование мастерских Могилевского индустриального техникума позволяло производить в них различного рода кузнечно-слесарно-механические и чугунно-медно-литейные работы по изготовлению новых и ремонту сельскохозяйственных машин – молотилок, соломорезок, конных приводов и др. Производить ремонт паровых котлов, машин, турбин, насосов, двигателей внутреннего сгорания и пр. Была налажена отливка чугунного и медного литья до 100 пудов в час [12, л. 19]. На 30 октября 1922 г. в техникуме числились лаборатории: электротехническая; химическая общая и аналитическая; механическая мастерская; кабинеты – физический, геодезический, минералогический (получен из Петроградского горного института), библиотека на 5 000 томов. Техникум размещался в двухэтажном каменном здании по улице Глебо-Борисовской д. 18 и 2-х этажном каменном здании по ул. Зеленой [13, л. 150].

Были в это время и другие попытки организовать подготовку технических кадров в других городах Гомельской губернии. Так, в июле 1920 г. по инициативе союза кооперативов Чериковского района предлагалось открыть сельскохозяйственно-технический институт с тремя отделениями: сельскохозяйственным, техническим и гуманитарно-кооперативным. Как указывал один из организаторов Ф. П. Станейтис, «основное условие центра, чтобы училище считалось высшим – в течение года оборудовать его по типу вуза. Открываемый институт не новость, в Москве уже 13 таких учебных заведений». Это решение поддержал председатель Ревкома Н. И. Семененко. Предлагалось на техническом отделении готовить за 1 год квалифицированных рабочих, за 2 – монтеров, за 3 – техника, за 4 – инженера. В положении о Чериковском институте указывалось, что он имел «целью готовить техников по сельскому хозяйству, инструкторов по сельскохозяйственному машиноведению, полеводов и т. д. Курс обучения предвиделся на технических специальностях 4–4,5 года» [14, л. 4]. Особую инициативу проявил Иван Иванович Цытович. Однако проблемы с финансированием, кадрами и помещениями не позволили реализовать данную общественную инициативу.

В отчете Гомельского отдела образования за 1922/1923 уч.г. указывалось на то, что в губернии действовало два индустриальных техникума (Клинцовский 268 чел. и Могилевский 329 чел.), два сельскохозяйственных техникума – Новозыбковский и Будо-Кошелевский, 17 профтехшкол, 8 учебно-показательных мастерских, а также различные курсы. Вскоре оказалось, что для такого крупного промышленного центра и важного железнодорожного узла требуется более широкая сеть учебных заведений. Постепенно в Гомеле возобновил свою деятельность железнодорожный техникум, появился агропедагогический институт и автодо-

рожный техникум. Правда, новый этап в истории высшей технической школы в Гомеле начался только в 1930 г., когда были созданы машиностроительный и лесотехнический институты. Но заложенная база способствовала тому, что ректором возрожденного в 1930 г. в Минске БГПИ стал выходец из Гомеля Я.З. Куница. В 1934 г. – новый этап БГПИ связан с ректором И.И. Дружеловским, который получил базовые технические знания в Гомеле.

Таким образом, попытка создать учреждения высшей технической школы в Гомельской губернии из-за целого ряда трудностей не удалась. Отсутствие стабильного финансирования, лабораторий и кабинетов не позволили в полной мере реализовать ту общественную инициативу местных патриотов, инженеров и преподавателей, которые, идя навстречу потребностям жителей края, пытались создать и развить учреждения высшей школы. Уже в 1922 г. произошла стабилизация сети профессионально-технических учебных заведений Гомельской губернии, существовавшая до 1930 г. без учреждений высшей школы. Это привело к оттоку учащихся учреждений образования БССР в РСФСР и Украину. Уезжали наиболее способные выпускники, получали высшее образование и, как показывала практика, обратно в Гомельскую губернию уже редко кто возвращался. Кадровый голод особенно обострился по мере успехов в развитии экономики страны, строительства новых предприятий, оборудования их новейшей техникой и повышения требований к качеству и количеству выпускаемой продукции.

Литература

1. Баландин, К. И. Первые шаги к высшему техническому образованию в Белоруссии / К. И. Баландин, А. Н. Кукса // Вестник БНТУ. – 2010. – № 1. – С. 5–11.
2. Баландин, К. И. БПИ : на пути реорганизации и становления / К. И. Баландин, А. Н. Кукса // Вестник БНТУ. – 2010. – № 3. – С. 5–10.
3. Дубовик, А. К. Высшее техническое образование в Беларуси: история и современность / А. К. Дубовик // Высшее образование в Беларуси : истоки и современность : материалы Республ. науч.-тех. конф., Минск, 4 декабря 2015 г. / БНТУ ; под. ред. В. А. Божановой, С. В. Боголейши. – Минск : БНТУ, 2015. – С. 69–76.
4. Кукса, А. Н. Н.К. Ярошевич – первый ректор БГПИ / А. Н. Кукса. – Минск : БГАТУ, 2011. – 88 с.
5. По ходатайству Эпштейна М.А. // Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 96. Оп.1. Д. 745. Л. 1.
6. Заявления с приложениями // ГАГО. – Ф. 96. Оп.1. Д. 771. Л. 6.
7. Сведения о составе факультетов // ГАГО. – Ф. 96. Оп.1. Д. 767 а. Л. 5, 13.
8. Протоколы профобра // ГАГО. – Ф. 60. Оп.1. Д. 39. Л. 36, 321, 354.
9. Заявления с приложениями // ГАГО. – Ф. 96. Оп.1. Д. 771. Л. 110.
10. Могилевский политехнический институт // Соха и молот. – 1920. – 27 июля.
11. Могилевский индустриальный техникум // ГАГО. – Ф. 60. Оп.1. Д. 939. Л. 41.
12. Протоколы заседаний губоно // ГАГО. – Ф. 24. Оп.1. Д. 280. Л. 9, 72.
13. Могилевский техникум // ГАГО. – Ф. 60. Оп.1. Д. 921. Л. 150.
14. Учебные планы // ГАГО. – Ф. 60. Оп.1. Д. 2084. Л. 4.

УДК 930(470)«20»:94:327.5(438:(47+57))«1919-1920»

Сучасная расійская гістарыяграфія аб узнікненні польска-савецкай вайны 1919–1920 гг.

М.М. МЯЗГА

У артыкуле разгледжаны асноўныя палажэнні постсавецкай расійскай гістарыяграфіі, якія характарызуюць працэс узнікнення польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Устаноўлена, што сучасная расійская гістарыяграфія перагледзела шэраг палажэнняў савецкай гістарыяграфіі па ўказанай праблеме: тлумачэнне ўзнікнення вайны праз рэалізацыю імкненняў кіруючых класаў Польшчы, характарыстыка польска-савецкай вайны як элемента паходаў супраць Савецкай Расіі, арганізаваных Антантай. Узнікненне вайны стала тлумачыцца праз уздзеянне шэрагу фактараў. У якасці галоўнага з іх большасцю даследчыкаў вылучаецца тэрытарыяльная спрэчка, змест якой бачыцца ў імкненні Расіі і Польшчы гарантаваць сваю бяспеку. Пры гэтым Польшча падаецца як ініцыятар развязвання вайны.

Ключавыя словы: польска-савецкая вайна, постсавецкая расійская гістарыяграфія, прычыны вайны, тэрытарыяльная спрэчка, палітыка Савецкай Расіі і Польшчы.

The article discusses the main provisions of post-Soviet Russian historiography characterizing the process of the emergence of the Polish-Soviet war of 1919–1920. It is found out that modern Russian historiography has revised a number of provisions of Soviet historiography on this problem: the explanation of the emergence of the war through the realization of the aspirations of the ruling classes of Poland, the characterization of the Polish-Soviet war as an element of campaigns against Soviet Russia organized by the Entente. The emergence of the war began to be explained through the influence of a number of factors. As the main one, most researchers single out the territorial dispute, the content of which is seen in the desire of Russia and Poland to ensure their security. At the same time, Poland is presented as the initiator of the outbreak of war.

Keywords: Polish-Soviet war, post-Soviet Russian historiography, causes of war, territorial dispute, politics of Soviet Russia and Poland.

Польска-савецкая вайна 1919–1920 гг. аказала істотны ўплыў на лёс беларускага і іншых народаў Цэнтральна-Усходняй Еўропы. Яна ў значнай ступені вызначыла характар міжнародных адносін у назвыным рэгіёне, а для савецка-польскіх адносін міжваеннага часу стала вызначальным фактарам. Таму гісторыя гэтага канфлікту працягвае выклікаць вялікую цікавасць сярод даследчыкаў. У гістарычнай навуцы дыскутуецца пытанне аб прычынах вайны і адказнасці за яе ўзнікненне. Для таго, каб вызначыцца з напрамкамі з далейшых даследаванняў па гэтай праблеме, выжна абагульніць тыя палажэнні гістарыяграфіі, якія ўжо напрацаваны. У дадзеным артыкуле ставіцца задача прааналізаваць палажэнні постсавецкай расійскай гістарыяграфіі, якія характарызуюць працэс узнікнення польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Навуковая праблема, якой прысвечаны дадзены артыкул, закраналася шэрагам аўтараў. У калектыўнай працы «Белыя плямы – чорныя плямы: Складаныя пытанні ў расійска-польскіх адносінах» змешчаны артыкул І.С. Яжбароўскай, у якім яна звяртаецца да характарыстыкі сучаснага стану расійскай гістарыяграфіі польска-савецкай вайны 1919–1920 гг. Але названы аўтар адзначае толькі асноўныя палажэнні, характэрныя для манаграфій І.В. Міхуцінай, С.М. Палтарака, М.І. Мельцохова, не разглядаючы сфармуляваныя імі палажэнні, у якіх вызначаны прычыны польска-савецкага канфлікту [1, с. 744]. І.С. Яжбароўская разам з В.С. Парсаданавай даюць беглы агляд расійскай гістарыяграфіі польска-савецкай вайны ў сумеснай манаграфіі [2]. В.А. Зубачэўскі звяртаецца да характарыстыкі сучаснай расійскай гістарыяграфіі польска-савецкай вайны ў сваёй манаграфіі [3, с. 33–34]. Таксама агульны агляд сучаснай расійскай гістарыяграфіі польска-савецкай вайны зроблены ў манаграфіі Д.А. Кораткавай [4].

У 1990-я гг. у расійскай гістарыяграфіі пачынаецца пераасэнсаванне шэрагу палажэнняў савецкай гістарычнай навукі, якія датычыліся характарыстыкі генезісу польска-савецкага канфлікту 1919–1920 гг. Першымі значнымі манаграфічнымі работамі ў дадзеным радзе сталі працы І.В. Міхуцінай, С.М. Палтарака, У.М. Саўчанкі. І.В. Міхуціна першапрычыну канфлікту

бачыць у адмове Польшчы прыняць этнічны прынцып пры вызначэнні сваіх граніц і супрацьпастаўленне яму прынцыпу гістарычных праў. Ю. Пілсудскі, адзначае аўтар, лічыў землі, якія знаходзіліся паміж Польшчай і Расіяй «сферай польскага ўплыву». У гэтым, на думку І.В. Міхуцінай, і заключалася першапрычына польска-савецкіх супярэчнасцей, якія перараслі ў ваенны канфлікт. Пазіцыя Савецкай Расіі атрымлівае значна больш станоўчую ацэнку. Аўтар лічыць, што савецкі ўрад імкнуўся пазбегнуць канфлікту, аб чым сведчыць абмен дыпламатычнымі нотамі ў канцы 1918 г., прызнанне Масквой незалежнасці Польшчы [5, с. 16, 41]. І.В. Міхуціна фактычна ўскладае віну за ўзнікненне вайны выключна на польскі бок. Разрыў з савецкай гістарыяграфіяй бачыцца перш за ўсё ў тым, што аўтар адмовілася ад канцэпцыі, згодна якой вайна Польшчы супраць Савецкай Расіі разглядалася як элемент паходаў, арганізаваных Антантай, каб звергнуць савецкую ўладу.

У 1994 г. выйшла з друку і манаграфія С.М. Палтарака «Пераможнае паражэнне. Роздум аб савецка-польскай вайне 1920 года напярэдадні яе 75-годдзя». Як бачна ўжо з назвы, аўтар разглядае ў якасці польска-савецкай вайны толькі падзеі 1920 г. Дадзеная тэндэнцыя адзначаецца і ў іншых даследаваннях сучаснай расійскай гістарыяграфіі. Тым не менш, у манаграфіі выказваецца меркаванне аб прычынах вайны, якія можна аднесці да канфлікту ў цэлым, пачынаючы з 1919 г. На думку С.М. Палтарака, прычынай польска-савецкай вайны стала сутыкненне «чатырох з паловаю ідэй: польскага патрыятызму, патрыятызму расійскага, ідэі сусветнай сацыялістычнай рэвалюцыі, ідэі абароны перспектывы капіталістычнага развіцця дзяржавы і рэлігійных поглядаў» [6, с. 208].

У.М. Саўчанка ў выданай у 1995 г. манаграфіі адзначае, што ўрад РСФСР прызнаў незалежнасць Польшчы і імкнуўся ўсталяваць з ёй дыпламатычныя адносіны, але польскі бок ухіляўся ад гэтага. Польскі ўрад, як лічыць даследчык, узяў курс на аднаўленне граніц Рэчы Паспалітай 1772 г. Праўда, далей У.М. Саўчанка адзначае, што дасягненне граніцы 1772 г. мела на ўвазе толькі федэралісцкая канцэпцыя Ю. Пілсудскага. А праграма нацыянальных дэмакратаў прадугледжвала адмову ад граніц 1772 г. і падзел беларускіх і ўкраінскіх зямель паміж Польшчай і будучай буржуазнай Расіяй [7, с. 104, 106]. Як бачым, у сярэдзіне 1990-х гг. расійская гістарыяграфія адмаўляецца ад тлумачэння прычын польска-савецкай вайны праз класавыя інтарэсы польскіх правячых колаў. На першы план выходзяць міждзяржаўныя супярэчнасці, барацьба за тэрыторыі, размешчаныя паміж этнічнай Польшчай і этнічнай Расіяй. Гэтая гістарычная канцэпцыя дамінуе і ў пачатку 2000-х гг. Так, В.Г. Красноў і В.О. Дайнес у сваім даследаванні адзначаюць, што да ваенных дзеянняў супраць Савецкай Расіі Ю. Пілсудскага штурхала жаданне аднавіць Рэч Паспалітую ў граніцах 1772 г. Яны паўтараюць і палажэнне, згодна якому ўрад РСФСР, які ў жніўні 1918 г. прызнаў незалежнасць Польшчы, імкнуўся пазбегнуць ваеннага сутыкнення, прапануючы ўсе спрэчныя пытанні вырашыць шляхам мірных перагавораў. Пачатак вайны яны адносяць да вясны 1920 г. [8, с. 280]. Распаўсюджаны ў расійскай гістарыяграфіі погляд, згодна якому польска-савецкая вайна пачалася толькі з Кіеўскага паходу Ю. Пілсудскага, вядзе да таго, што беларускае пытанне ў кантэксце польска-савецкай вайны ў значнай ступені знікае як прадмет даследавання.

І.С. Яжбароўская і В.С. Парсаданавы ў сумеснай манаграфіі пошук прычын польска-савецкай вайны пачынаюць з характарыстыкі планаў польскіх палітыкаў адносна ўсходняй мяжы іх краіны. Яны адзначаюць, што нацыянальныя дэмакраты на чале з Р. Дмоўскім гатовы былі перамяшчэнне граніц на ўсход звесці «да далучэння толькі тых зямель, дзе палякі складалі 60 % насельніцтва». Ю. Пілсудскі і яго прыхільнікі, на думку аўтараў, жадалі аднавіць на гэтых тэрыторыях «блізкую да мінулага польскую веліч у магчымай форме, хаця б у выглядзе федэрацыі дзяржаў пад гегемоніяй Польшчы» [2, с. 138, 139]. Фактычна гаворка ідзе пра імкненне Ю. Пілсудскага дасягнуць граніц 1772 г. у форме федэрацыі. Новым у даследаванні І.С. Яжбароўскай і В.С. Парсаданавы з'яўляецца тое, што яны адыходзяць ад пазіцыі тых расійскіх даследчыкаў, якія фактычна лічаць, што Расія, ваюючы з Польшчай за Беларусь і Украіну, абараняла «свае» тэрыторыі. Аўтары заўважаюць, што «польская экспансія не магла датычыцца Савецкай Расіі, бо тэрытарыяльныя прэтэнзіі Польшчы не распаўсюджваліся за граніцы 1772 г., г. з. яны адносіліся да большай часткі беларускіх і

значнай часткі ўкраінскіх, але ніяк не рускіх зямель. Ні Беларусь, ні Украіна ў склад Расіі не ўваходзілі». Пры гэтым паўтараецца тэзіс аб жаданні савецкага ўрада пазбегнуць вайны з Польшчай у пачатку 1919 г., доказам чаго з'яўляецца спасылка на імкненне Масквы не дапусціць уварвання Чырвонай арміі на этнічныя польскія тэрыторыі [2, с. 150, 152].

Г.Ф. Матвееў першапрычыну польска-савецкай вайны бачыць у непрымальнасці для Польшчы правядзення граніц у адпаведнасці з этнаграфічным прынцыпам, бо ў гэтым выпадку яна стала б невялікай дзяржавай, зажатай паміж Расіяй і Германіяй. Фактычна, Г.Ф. Матвееў робіць выснову, што ў Польшчы былі аб'ектыўныя падставы імкнуцца ўсталяваць свой кантроль над былымі ўсходнімі «крэсамі». У той жа час ён адзначае і суб'ектыўныя матывы для польскай экспансіі на ўсход: наяўнасць буйнога польскага землеўладання на «крэсах», настальгічныя моманты, бо многія культурныя і дзяржаўныя дзеячы былі выхадцамі з «крэсаў» [9, с. 228–229]. Але ўсё ж галоўную ролю ў узнікненні вайны Г.Ф. Матвееў адводзіць тэрытарыяльнай спрэчцы. Ён піша, што ў ходзе канфлікту Польшча і Расія вялі барацьбу за размешчаныя паміж імі землі. Менавіта ў гэтым сутнасць канфлікту [9, с. 254, 255].

У першае дзесяцігоддзе ХХІ ст. выходзіць некалькі выданняў манаграфіі М.І. Мельцюхова, прысвечанай савецка-польскім войнам. У сваіх даследаваннях ён захоўвае традыцыю расійскай гістарыяграфіі, якая віну за пачатак вайны ў 1919 г. ускладае на Польшчу. У пацвярджэнне гэтага палажэння аўтар спасылкаецца на гатоўнасць савецкага ўрада ў лістападзе–снежні 1918 г. устанавіць дыпламатычныя адносіны з Польшчай. Адмову Варшавы прыняць гэтыя прапановы ён звязвае з тым, што польскія палітыкі былі заклапочаны вызначэннем граніц сваёй краіны і большасць з іх былі прыхільнікамі граніцы 1772 г. [10, с. 26, 17]. Такім чынам, згодна М.І. Мельцюхову, – тэрытарыяльная спрэчка з'явілася галоўнай прычынай вайны. А вытокі гэтай спрэчкі ён бачыць у тым, што і Масква, і Варшава разглядалі літоўскія і беларускія землі як свае. Названы аўтар таксама прытрымліваецца палажэння, згодна якому Савецкая Расія ў пачатку 1919 г. хацела пазбегнуць ваеннага канфлікту з Польшчай. У якасці доказу ён спасылкаецца на ўказанне Г.В. Чычэрына ўтрымліваць польскіх добраахвотнікаў Чырвонай арміі ад уступлення ў польскія вобласці [10, с. 17–19]. Нават калі ваенныя дзеянні ўжо пачаліся, лічыць М.І. Мельцюхоў, Савецкая Расія імкнулася пазбегнуць канфлікту з Польшчай. Сведчаннем гэта з'яўляліся савецка-польскія перагаворы ў Маскве 16–24 сакавіка 1919 г. Але Варшава сарвала іх, бо ўрад Пілсудскага імкнуўся «захапіць як можна большыя тэрыторыі» [10, с. 22].

У 2010-я гг. Г.Ф. Матвееў развівае далей канцэпцыю, згодна якой узнікненне польска-савецкай вайны ў пачатку 1919 г. было выклікана цэлым шэрагам фактарам. Сярод іх ён ставіць на перашае месца па-ранейшаму тэрытарыяльную спрэчку. У артыкуле «Пачатак», які з'яўляецца часткай сумеснай манаграфіі расійскіх і польскіх гісторыкаў, ён піша: «Адмова Расіі ад дагавораў аб падзеле Польшчы дала магчымасць польскім палітыкам патрабаваць аднаўлення сваёй дзяржавы ў граніцах 1772 г., г. з. ўключэння ў яе склад тэрыторый, якія ... бальшавікі лічылі неад'емнай часткай расійскай дзяржавы. Гэта стала адной з прычын пачаўшайся ў лютым 1919 г. чарговай польска-рускай вайны» [11, с. 24]. Тым самым Г.Ф. Матвееў разглядае вайну 1919–1920 гг. як працяг даўняй барацьбы паміж Польшчай і Расіяй за дамінаванне ва Усходняй Еўропе. Да вайны, на думку аўтара, з аднаго боку, вёў намер польскіх палітыкаў адрадзіць Польшчу ў граніцах Першай Рэчы Паспалітай. З другога боку, Расія, і чырвоная, і белая, не збіралася адмаўляцца ад тэрыторый былых усходніх «крэсаў», лічачы іх сваімі. Савецкія і польскія палітыкі разглядалі тэрыторыі, якія ляжалі паміж РСФСР і Польшчай як складовыя часткі іх планаў па ўмацаванні пазіцый сваіх дзяржаў. Г.Ф. Матвееў вызначае прычыны, якія штурхалі Польшчу да экспансіі ва ўсходнім напрамку, і фактычна паўтарае палажэнне, якое ўжо выказваў раней, – польская палітычная эліта лічыла немагчымым забяспечыць бяспеку краіны ў яе этнаграфічных межах [11, с. 27, 29]. Адзначаючы, што палітыка і Варшавы, і Масквы вяла да канфлікту, ініцыятыву развязвання вайны Г.Ф. Матвееў прыпісвае Польшчы, бо, як лічыць аўтар, Ю. Пілсудскі яшчэ ў канцы 1918 г. прыняў рашэнне «ваяваць за тэрыторыі» на ўсходзе. Гэта і прадвызначыла няўдачу спроб РСФСР у лістападзе – снежні 1918 г. устанавіць дыпламатычныя адносіны з Польшчай.

У якасці прычыны непрызнання Польшчай урада У.І. Леніна Г.Ф. Матвееў называе апасенні, што ў такім выпадку Антанта залічаць яе ў лік сваіх ворагаў [11, с. 30, 31]. У названай рабоце Г.Ф. Матвееў уздымае пытанне аб планах бальшавікоў у канцы 1918 – пачатку 1919 гг. ажыццявіць саветызацыю Польшчы. Спасылаючыся на ліст начальніка палявога штаба Чырвонай арміі Ф. Касцяева да Г. Чычэрына ад 15 лютага 1919 г., ён адстойвае пункт гледжання, згода якому «савецкае камандаванне да сярэдзіны лютага 1919 г. ніякіх дырэктыв адносна Польшчы не выпрацавала і ў войска не спусціла». Ф. Касцяеў у названым дакуменце просіць наркама замежных спраў указаць да якой лініі можа рухацца Чырвоная армія, каб не выклікаць палітычных укладненняў, і ўказаць усходнія граніцы Польшчы [11, с. 31–32].

У калектыўнай працы «Польшча ў XX стагоддзі. Нарысы палітычнай гісторыі» раздзелы, якія прысвечаны гісторыі міжваеннай Польшчы, напісаны Г.Ф. Матвеевым. Ён паўтарае палажэнне, згодна якому ініцыятыва пачатку вайны зыходзіла ад Польшчы. Указвае на тое, што Ю. Пілсудскі ўжо ў канцы 1918 г. прыйшоў да высновы аб неабходнасці правядзення ўсходняй граніцы далёка за межамі Царства Польскага, а вырашыць гэтую задачу павінна была моцная армія. Усходні план Пілсудскага прадугледжваў дасягненне дзвюх узаемазвязаных мэт. Па-першае, мелася на ўвазе ўключэнне ў склад Польшчы тэрыторый, дастатковых для ўтварэння «стратэгічнай абароннай вобласці». Тут план Пілсудскага не адрозніваўся ад плана Дмоўскага. Разыходжанне заключалася ў тым, што Пілсудскі паміж Польшчай і Расіяй планаваў стварыць Літоўска-Беларускую дзяржаву, якая ўступіць у федэрацыю з Польшчай, і саюзную незалежную Украінскую дзяржаву [12, с. 124]. Што датычыцца палітыкі бальшавікоў, то, на думку аўтара, пасля анулявання Брэсцкага міру ў Масквы зноў з’явілася падстава лічыць «Заходні край імперыі сваёй тэрыторыяй». Таму рух Чырвонай арміі на гэтыя землі нельга разглядаць як агрэсію. Як і ў папярэдняй працы Г.Ф. Матвееў са спасылкай на прыгаданы ліст Ф. Касцяева сцвярджае, што бальшавікі прызналі за палякамі права на незалежнасць і ні ў канцы 1918 г., ні ў пачатку 1919 г. не мелі плана ўварвання на тэрыторыю Польшчы ў межах Царства Польскага [12, с. 125, 126].

Ю.З. Кантор бачыць асноўную прычыну ўзнікнення вайны ў імкненні Польшчы набыць дамінуючую ролю ва Усходняй Еўропе. Пры гэтым даследчык фактычна вяртаецца да палажэння савецкай гістарыяграфіі, згодна якому Польшча ў гэтай барацьбе атрымала значную дапамогу ад краін Антанты, у першую чаргу Францыі, і «на працягу двух-трох гадоў яна стала асноўным фарпостам заходніх саюзнікаў, своеасаблівым “усходнім бастыёнам Версальскай дамовы”». Гэтая роля Польшчы як «буфера» паміж Расіяй і Германіяй і «апоры» Версальскага дагавора, як лічыць аўтар, не задавальняла бальшавіцкую Расію. Такім чынам, рознае стаўленне да версальскага парадку і барацьба за дамінаванне ва Усходняй Еўропе вялі да ўзнікнення польска-савецкай вайны. Яшчэ адзін з фактараў, які прывёў да пачатку вайны, Ю.З. Кантор бачыць у тым, што Ю. Пілсудскі, «абараняючы суверэнітэт краіны, цалкам свядома ішоў на захоп чужых тэрыторый, пераняўшы гэтую “звычку” ад кіраўнікоў імперыі, часткай якой яшчэ зусім нядаўна была Польшча» [13, с. 286, 287]. Разглядаючы прычыны вайны, аўтар робіць акцэнт на падзеях 1920 г.

Д.А. Кораткава ў сваёй дысертацыі вытокі польска-савецкай вайны шукае ў праектах правядзення граніц Польшчы, якія былі выпрацаваны яе палітычнай элітай. Яна адзначае, што Польскі нацыянальны камітэт намячаў далучыць да Польшчы тэрыторыі на ўсходзе, на якіх пераважала каталіцкае насельніцтва [14, с. 107]. Федэралісцкая канцэпцыя Ю. Пілсудскага мела на ўвазе ўсталяванне польскага кантролю над тэрыторыямі, якія выходзілі нават за граніцу 1772 г. З другога боку, даследчык адзначае і ролю палітыкі Савецкай Расіі ва ўзнікненні вайны. Бальшавікі не збіраліся добраахвотна адмаўляцца ад ускраін былой Расійскай імперыі. Такая пазіцыя двух бакоў рабіла канфлікт непазбежным. Пры гэтым Д.А. Кораткава лічыць, што Масква ў пачатку 1919 г. апасалася канфлікту з Польшчай [14, с. 109]. Тыя ж палажэнні гучыць і ў манаграфіі Д.А. Кораткавай. Яна піша, што бальшавікі шырока абвясцілі аб сваім намеры захаваць беларускія землі пад сваім кантролем. Гэта рабіла непазбежным сутыкненне з Польшчай, якая таксама прэтэндавала на кантроль над гэтымі тэрыторыямі і ў адпаведнасці з граніцай, якую адстойваў Р. Дмоўскі, і ў адпаведнасці з канцэпцыяй федэрацыі [4, с. 69, 81, 83].

Гаворачы аб тым, што палітыка двух бакоў вяла да ўзнікнення канфлікту, яго ініцыятарам Д.А. Кортава называе Польшчу. У якасці доказу гэтага яна прыводзіць выказваемы многімі расійскімі даследчыкамі тэзіс, што Польшча адхіліла савецкія прапановы ў лістападзе—снежні 1918 г. аб усталяванні дыпламатычных адносін. Пры гэтым савецкі ўрад пагаджаўся прызнаць незалежнасць Польшчы з уключэннем усіх зямель, на якіх палякі складалі большасць насельніцтва [14, с. 110]. Д.А. Кортава пагаджаецца з тэзісам Г.Ф. Матвеева, згодна якому ў канцы 1918 – пачатку 1919 гг. у бальшавікоў не было планаў саветызацыі Польшчы. У якасці доказу яна спасылкаецца на распараджэнне У.І. Леніна ад 29 лістапада 1918 г. аб падтрымцы з боку Чырвонай арміі стварэння савецкіх урадаў у Прыбалтыцы, Украіне, але не ў Польшчы. Аб гэтым жа, на думку аўтара, сведчыла патрабаванне Г.В. Чычэрына ад 8 лютага 1919 г. да А.А. Іофе не дапусціць уварвання створанай бальшавікамі Польскай дывізіі на этнічныя польскія тэрыторыі [4, с. 84]. Д.А. Кортава ўводзіць у гістарыяграфію палажэнне, згодна якому для Савецкай Расіі ўступленне ў канфлікт з Польшчай было непазбежным, каб не дапусціць захопу Савецкай Беларусі (затым – ЛітБел) і Савецкай Украіны [4, с. 102]. Тым самым абвяргаецца тэзіс аб прамым сутыкненні Польшчы і Расіі. На думку Д.А. Кортавай, з імкненнем бальшавікоў пазбегнуць канфлікту з Польшчай звязана ўтварэнне ССРБ. Яна лічыць, што гэта пазбаўляла Варшаву такіх важных аргументаў на карысць пераходу пад яе ўладу «беларускіх зямель, як: 1) спасылка на неабходнасць выпраўлення гістарычнай несправядлівасці, дапушчанай пры падзелу Рэчы Паспалітай у XVIII ст., і 2) што бальшавікі адмаўляюць беларусам у праве на нацыянальнае самавызначэнне. На пачатку лютага 1919 г. для бальшавікоў, лічыць аўтар, на першы план выйшла “прадухіленне пагрозы ваеннага сутыкнення з Польшчай» [14, с. 112, 131].

В.А. Зубачэўскі разглядае польска-савецкую вайну 1919–1920 гг. у кантэксце станаўлення новай сістэмы міжнародных адносін пасля Першай сусветнай вайны. У якасці важнейшай прычыны вайны ён вызначае імкненне Ю. Пілсудскага да ўсталявання польскай гегемоніі на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы [15, с. 54]. Начальнік дзяржавы, адзначае В.А. Зубачэўскі, выступаў за ўтварэнне федэрацыі Польшчы з Беларуссю і Літвой, за стварэнне фармальна незалежнай Украіны: як мінімум – за мяжу 1772 г., як максімум – за граніцы ад Балтыйскага мора да Чорнага мора. Пілсудскага падтрымалі буржуазна-памешчыцкія колы, якія мелі эканамічныя інтарэсы на ўсходніх ускраінах былой Рэчы Паспалітай. Эндэкі, на думку аўтара, таксама выношвалі анексіянісцкія задумы на ўсходзе, патрабуючы інкарпарацыі тых украінскіх, беларускіх і літоўскіх тэрыторый, дзе кампактна пражывалі палякі, насельніцтва вызнавала каталіцызм. Як лічыць В.А. Зубачэўскі, адрозненні паміж канцэпцыяй інкарпарацыі і федэралісцкай праграмай не былі прынцыповыя – гаворка ішла аб метадах стварэння вялікадзяржаўнай Польшчы. Абедзве групыкі абвясчалі культурную місію Польшчы на ўсходзе Цэнтральнай Еўропы [3, с. 121, 124]. В.А. Зубачэўскі таксама адстойвае палажэнне аб тым, што ў пачатку 1919 г. бальшавікі хацелі пазбегнуць канфлікту з Польшчай. У пацвярджэнне ён прыводзіць распаўсюджаны ў расійскай гістарыяграфіі аргумент: Г.В. Чычэрын даваў указанне ўтрымаць сфарміраваную бальшавікамі Польскую дывізію ад уварвання на несумненна польскую тэрыторыю і Расія выказвала гатоўнасць весці перагаворы з А. Венцоўскім у сакавіку 1919 г. [3, с. 137]. Рэальным пачаткам польска-савецкай вайны лічыць 25 красавіка 1920 г. [3, с. 166].

У апошніх па часе выданнях расійскіх аўтараў працягвае дамінаваць тэзіс аб агрэсіўнасці Польшчы як важнейшым фактары ўзнікнення вайны. Г.Ф. Матвееў у апублікаваным у 2020 г. артыкуле задае пытанне: «Чым жа была выклікана гэтая павышаная агрэсіўнасць Польшчы на зары яе незалежнасці?» [16, с. 19]. Пры гэтым аўтар адмаўляе тэзіс, што Польшча была інструментам палітыкі Антанты. Ён адзначае, што Варшаву не задавальняла роля паслухмянага падапечнага Антанты, якая была за стварэнне Польшчы ў этнічных граніцах. Польшча аддавала перавагу вырашэнню спрэчных пытанняў з суседзямі з дапамогай зброі. Г.Ф. Матвееў развівае сваю думку аб тым, цэлы комплекс фактараў веў да пачатку польска-савецкай вайны і не бачыць сярод іх універсальнага. Ён лічыць, што Польшчу на канфлікт з суседнімі краінамі штурхалі не палітычныя сімпатыі, бо яна ваявала і з дэмакратычнымі краінамі (Веймарская Германія, Чэхаславакія), і з савецкімі Расіяй і Украінай, і з не жадаўшымі

быць савецкімі Літоўскай і Украінскай Народнай рэспублікамі. Ён лічыць далёкім ад універсальнасці тлумачэнне польскай агрэсіі сацыяльнымі матывамі, пераш за ўсё імкненнем абараніць буйных польскіх землеўладальнікаў. Што датычыцца нацыянальнага фактара, то палякі пераважалі ў такіх гарадах як Львоў і Вільня. Але ва Усходняй Галіцыі, Заходняй Валыні, Заходняй Беларусі ўсходнеславянскае насельніцтва разам з яўрэйскім пераважала абсалютна. Не цягнуць на ўніверсальнасць, на думку Г.Ф. Матвеева, і эканамічныя меркаванні. У ўкраінска-беларускіх землях пераважала прымітыўная сельская гаспадарка. На статус галоўнай прычыны польскай агрэсіўнасці цягне толькі адна – імкненне Ю. Пілсудскага адкінуць савецкую пагрозу так далёка на ўсход, каб «Саветы не маглі ўносіць сумяціцу» і перашкаджаць «аднаўленню нашага жыцця». [16, с. 20–21]. Ю. Пілсудскі і ваенныя не верылі ў надзейнасць створанага дзяржавамі Антанты новага парадку ва Усходняй Еўропе, лічылі агрэсію сродкам павышэння бяспекі Польшчы, а ў дачыненні да Беларусі і Украіны – інструментам стварэння «стратэгічнай абароннай вобласці». Для авалодання ёю Варшава і правяла серыю войнаў з усходнімі суседзямі [16, с. 22]. Галоўным матывам палітыкі адбыўшыхся фактаў, робіць выснову Г.Ф. Матвееў, было жаданне забяспечыць бяспеку Польшчы шляхам максімальнага пашырэння яе межаў. Зрабіўшы аб'ектамі польскай агрэсіўнай палітыкі савецкія Беларусь і Украіну, Ю. Пілсудскі аўтаматычна здабываў ворага ў асобе РСФСР, іх ваенна-палітычнага саюзніка [16, с. 23]. Такім чынам, і Г.Ф. Матвееў указвае на ўступленне Савецкай Расіі ў вайну з Польшчай праз саюз з савецкімі Украінай і Беларуссю.

Характарызуючы палітыку бальшавікоў у кантэксце ўзнікнення польска-савецкай вайны, Г.Ф. Матвееў адзначае, што, ануліваўшы Брэсцкі мір 13 лістапада 1918 г., Савецкая Расія вярнула ўсе правы на землі, ад якіх па гэтым дагаворы адмовілася. Зноў піша, што рух Чырвонай арміі на тэрыторыю Літвы, Беларусі, Украіны нельга разглядаць як агрэсію [16, с. 23]. Некалькі змякчае аўтар свой тэзіс аб адсутнасці ў бальшавікоў планаў саветызацыі Польшчы ў канцы 1918 – пачатку 1919 гг. Цяпер ён толькі адзначае, што «якіх-небудзь пераканаўчых доказаў наяўнасці ў бальшавікоў у канцы 1918 – пачатку 1919 г. планаў уварвання на тэрыторыю Польшчы няма». У якасці доказу зноў звяртаецца да ліста Ф. Касцяева ад 15 лютага 1919 г. Яшчэ адзін аргумент на карысць гэтага палажэння, які прыводзіць Г.Ф. Матвееў, – расфарміраванне ў чэрвені 1919 г. польскай Заходняй стралковай дывізіі. Па-ранейшаму падкрэсліваецца жаданне Савецкай Расіі пазбегнуць канфлікту з Польшчай у пачатку 1919 г. Даследчык адзначае, што нават пасля першых баявых сутыкненняў савецкі бок «не страчваў надзеі на перавод канфлікту з ваеннай у палітычную вобласць», сведчаннем чаго з'яўляюцца перагаворы з А. Венцкоўскім. Але на мірныя намаганні Расіі Польшча адказала захопам Вільні [16, с. 25–26].

Такім чынам, у расійскай постсавецкай гістарыяграфіі адбываўся працэс паступовага адыходу ад шэрагу плажэнняў савецкай гістарыяграфіі польска-савецкай вайны. Была адкінута канцэпцыя, згодна якой пачатак вайны тлумачыўся выключна жаданнем польскіх правячых колаў рэалізаваць свае класавыя інтарэсы. Польска-савецкая вайна больш не разглядаецца як элемент паходаў Антанты супраць Савецкай дзяржавы. Пры гэтым захаваліся тэзіс аб агрэсіўным характары польскай палітыкі ў адносінах да Савецкай Расіі. Адпаведна Польшчы прыпісваецца ініцыятыва развязвання вайны. Савецкая ж палітыка характарызуецца яе нацэленай на прадухіленне канфлікту і адвяргаецца імкненне бальшавікоў ажыццявіць саветызацыю Польшчы ў канцы 1919 – пачатку 1920 г. Аднак аргументацыя гэтых палажэнняў не выглядае пераканаўчай. Аснову польска-савецкага канфлікту сучасныя расійскія даследчыкі бачаць у імкненні абедзвюх дзяржаў устанавіць кантроль над усходнімі «крэсамі» былой Рэчы Паспалітай на падставе сваіх «гістарычных праў». Яны прызнаюць, што праз гэта правячыя колы Польшчы разлічвалі гарантаваць бяспеку сваёй краіны, размешчанай паміж варожымі Расіяй і Германіяй. Адзначаюцца расійскімі гісторыкамі і іншыя фактары, які спрыялі ўзнікненню польска-савецкай вайны, але сярод іх адсутнічае імкненне польскага ўрада стварыць бар'ер на шляху распаўсюджвання на Польшчу бальшавізму. Роля беларускага пытання ва ўзнікненні польска-савецкай вайны, за рэдкім выключэннем, у расійскай сучаснай гістарыяграфіі не разглядаецца. Але з'явілася палажэнне, што польская агрэсія была нацэлена супраць саюзных РСФСР савецкіх рэспублік, у прыватнасці, ССРБ, а не непасрэдна супраць Савецкай Расіі, апошняя прыйшла на дапамогу саюзнікам.

Літаратура

1. Яжборовская, И. С. Советская историография российско-польских отношений / И. С. Яжборовская // Белые пятна – черные пятна : Сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ростфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 737–767.
2. Яжборовская, И. С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. / И. С. Яжборовская, В. С. Парсаданова. – М. : Academia, 2005. – 404 с.
3. Зубачевский, В. А. Политика России в Центрально-Восточной Европе (первая треть XX века) : Геополитический аспект / В. А. Зубачевский. – Омск : Изд-во ОмГПУ, 2018. – 396 с.
4. Короткова, Д. А. Белорусские земли в советско-польских отношениях. Разменная манета в противостоянии двух держав. 1918–1921 гг. / Д. А. Короткова. – М. : Центрполиграф, 2019. – 222 с.
5. Михутина, И. Польско-советская война 1919–1920 гг. / И. Михутина. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1994. – 322 с.
6. Полторак, С. Н. Победоносное поражение. Размышления о советско-польской войне 1920 года в канун ее 75-летия / С. Н. Полторак. – Ст.-Пт. : ТОО «Терция», 1994. – 368 с.
7. Савченко, В. Н. Восточнославянско-польское пограничье 1918–1921 гг. Этносоциальная ситуация и государственно-политическое размежевание / В. Н. Савченко. – М. : Институт славяноведения и балканистики, 1995. – 155 с.
8. Краснов, В. Г. Известный Троцкий. Красный Бонапарт: Документы. Мнения. Размышления / В. Г. Краснов, В. О. Дайнес. – М. : ОЛМА-ПРЕСС, 2000. – 510 с.
9. Матвеев, Г. Ф. Пилсудский / Г. Ф. Матвеев. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 474 с.
10. Мельтюхов, М. И. 17 сентября 1939. Советско-польские конфликты 1918–1939 / М. И. Мельтюхов. – М. : Вече, 2009. – 624 с.
11. Матвеев, Г. Ф. Начало / Г. Ф. Матвеев // Белые пятна – черные пятна : Сложные вопросы в российско-польских отношениях ; под общ. ред. А. В. Торкунова, А. Д. Ростфельда. – М. : Аспект Пресс, 2010. – С. 15–50.
12. Польша в XX веке. Очерки политической истории / Ответственный редактор А. Ф. Носкова. – М. : Издательство «Индрик», 2012. – 952 с.
13. Кантор, Ю. З. Польский фактор германо-российского военно-политического сближения в 1920–1921 годах / Ю. З. Кантор // Забытый мир : Рижский договор 1921 года : интерпретации и споры ; под ред. С. Дембского, А. В. Мальгина. – М. : ЗАО Издательство «Аспект Пресс», 2014. – С. 286–301.
14. Короткова, Д. А. Белоруссия в советско-польских отношениях в 1918–1921 гг. : дисс. ... канд. ист. наук : 07.00.00 / Д. А. Короткова. – М., 2015. – 252 с.
15. Зубачевский, В. А. Планы белого движения и Польши в Центрально-Восточной Европе (конец 1918 – начало 1920 г.) / В. А. Зубачевский // Вопросы истории. – 2018. – № 10. – С. 52–56.
16. Матвеев, Г. Ф. Советско-польская война и два сценария для Восточной Европы / Г. Ф. Матвеев // Польша в борьбе за Восточную Европу 1920–2020 : сб. ст. ; под общ. ред. В. Ю. Крашенинниковой. – М. : Издательство «Кучково поле», 2020. – С. 19–28.

Историографические проблемы изучения биографии в исторической биографике

С.В. НАТУСЕВИЧ

В статье выявляются и систематизируются основные историографические проблемы изучения биографии, являющиеся составной частью предметно-проблемного поля исторической биографики. В историческую науку вводится понятие «история биографических нарративов», под которым подразумевается изучение изменений в репрезентации биографической информации, происходящих в устной и письменной культуре на протяжении всей истории развития человечества. Предлагаются новые объекты историографического анализа. Определяются социокультурные функции биографического письма.

Ключевые слова: историческая биографика, история биографических нарративов, научная биография, функции биографического письма.

The article identifies and systematizes the main historiographical problems of the study of biography, which are an integral part of the subject-problem field of historical biography. The concept of the «history of biographical narratives» is introduced into historical science, which means the study of changes in the representation of biographical information occurring in oral and written culture throughout the history of human development. New objects of historiographical analysis are proposed. The socio-cultural functions of biographical writing are determined.

Keywords: historical biography, history of biographical narratives, scientific biography, functions of biographical writing.

Проблемы развития биографического жанра стали интересовать профессиональных историков в последнюю треть XX в. В западной историографии данный интерес обусловлен возникновением исторической антропологии и микроистории. Внимание советских исследователей к биографии было вызвано ростом популярности в обществе таких биографических серий как: «Жизнь замечательных людей», «Научно-биографическая серия», «Жизнь в искусстве» и пр. В 1976 г. состоялась защита кандидатской диссертации В. В. Баженова (1941–2002), посвященной истории развития советской биографии в 1917 – середине 1930-х гг. [1]. Она является первой советской историографической работой подобного плана. В конце 1980-х гг. историографическими проблемами биографии заинтересовался И.Л. Беленький. Он проанализировал большую часть работ советских исследователей (философов, литературоведов, историков и пр.), которые затрагивали проблемы развития биографического жанра в разные исторические периоды, и пришел к выводу, что целостная историографическая картина развития биографии на протяжении веков в советской науке отсутствует [2, с. 8]. В последующих своих работах И.Л. Беленький обосновал существование биографики – специальной дисциплины гуманитарного цикла, разрабатывающей философско-теоретические, историографические, методологические, источниковедческие и другие основания биографической реконструкции [3]–[5]. Его идеи были поддержаны другими исследователями, подготовившими собственные научные труды в данной области [6]–[8]. В начале XXI в. биографика стала преподаваться в Институте истории СПбГУ в качестве спецкурса [9, с. 68]. Однако системного представления о предметном поле новой дисциплины, в том числе об историографических проблемах, которые она изучает, в академической среде все еще нет.

В современной науке сложились три базовых подхода к изучению биографии как явления: философский (исследует философские основания биографии), литературно-художественный (изучает биографию в качестве произведения искусства и явления культуры) и исторический (рассматривает биографию как способ историко-биографической реконструкции). В связи с этим актуально деление биографики на три соответствующие дисциплинарные области. Под исторической биографикой мы понимаем специальную историче-

скую дисциплину, разрабатывающую теоретико-методологические и историографические основания историко-биографической реконструкции. Соответственно целью данной статьи является выявление и систематизация основных историографических проблем изучения биографии, которые рассматриваются в рамках предметного поля новой дисциплины.

Историографические проблемы изучения биографии в настоящее время являются наиболее разработанным аспектом предметного поля исторической биографики. Из введения к настоящей статье видно, что интерес к ним проявился еще до оформления самой дисциплины. Большинство исследователей биографического жанра в той или иной степени их затрагивают, однако не всегда их работы отличаются системностью. На наш взгляд, всю совокупность историографических проблем биографического жанра следует разделить на пять основополагающих категорий:

1. История биографических нарративов. Американский историк А. Мегилл (англ. Allan D. Megill) под нарративом понимает «сообщение, которое организовано хронологически и имеет распознаваемые начало, середину и конец» [10, с. 175]. Однако он тут же подчеркивает, что нарратив может не следовать за строгим хронологическим порядком, а также не иметь строгого начала, середины и конца. И даже если «одна или более из этих трех категорий потеряны, [сообщение] может быть тем не менее все еще расцененным как нарратив» [10, с. 176]. Исходя из этого под биографическим нарративом мы подразумеваем любое сообщение, организованное в форме рассказа о событиях из жизни какого-либо отдельного лица. Данная категория биографической информации принадлежит к наиболее ранним способам сохранения коллективной памяти о прошлом и используется еще в дописьменную эпоху в устных преданиях, легендах и мифах. Наиболее ценным является выявление и систематизация первых письменных источников, содержащих какие-либо биографические нарративы (надписи на стелах фараонов, списки побед аккадских царей, древние эпосы и т. д.), для определения их политического, социального, культурного и религиозного значения в древних обществах Востока, Греции и Рима. Представляется возможным, что в процессе данного исследования и на его основании будут выявлены предпосылки и причины появления биографии как явления, ее социальная и культурная роль в древних обществах, а также новые свидетельства об изменениях ментального и психологического характера. Кроме того, изучение изменений в репрезентации биографических нарративов, происходящих в устной и письменной культуре на протяжении всей истории развития человечества, может способствовать определению степени индивидуализации разных культур и существовавшего в них соотношения индивидуального и коллективного начал. Определение места и роли биографических нарративов в современных исторических и историографических работах должно позволить выявить новые методологические и методические аспекты познания индивидуального и коллективного прошлого, более подробно раскрыть проблему соотношения уникальных и массовых явлений в истории, а также укрепить междисциплинарное значение исторической науки, поскольку биографические нарративы составляют основу одного из наиболее удобных способов репрезентации знаний в любой из научных дисциплин.

2. Предпосылки, причины и время появления биографии как жанра. Данная категория проблематики исторической биографики связана с предыдущей категорией проблем, а также граничит с предметным полем литературно-художественной биографики, поскольку биография зарождалась одновременно как способ литературно-художественной и исторической репрезентации. В связи с этим биографией можно считать лишь тот нарратив, первичной целью которого является описание жизни реально существовавшего или существующего человека. В.С. Чишко (1951–2003) в своей работе относит появление биографии к V–IV вв. до н. э. и связывает его с кризисом полисной системы в Древней Греции [6, с. 16]. Однако вершиной античного биографического творчества украинский историк по праву называет «Сравнительные жизнеописания» Плутарха (лат. Lucius Mestrius Plutarchus; ок. 46 – ок. 125) [6, с. 18], работавшего над ними в I–II вв. Вместе с тем остается дискуссионным вопрос о существовании биографии в более раннее время и можно ли к биографическому жанру отнести древние эпические произведения, такие как «Эпос о Гильгамеше» (XVIII–XVII вв. до н. э.) и т. д.

3. Выявление и изучения этапов развития биографического жанра. Данная категория проблем также граничит с предметным полем литературно-художественной биографики. На первый взгляд наиболее простым способом определения этапов развития биографического жанра является их соотнесение с общепринятой исторической периодизацией, в соответствии с которой можно говорить об античной биографии, агиографии или биографии средневековья, а также о светских биографиях нового и новейшего времени. Однако при более детальном рассмотрении становится очевидным насколько сильно подобная периодизация упрощает и искажает историческую реальность. В настоящее время в исторической науке нет общепринятого понимания того, когда появилась биография как социокультурное явление, выступающее в качестве способа сохранения исторической памяти, постепенно обретающего политическую, социальную, культурную, религиозную и иные функции. До конца неизвестно какую роль в этом процессе сыграли легенды и мифы древних обществ и различались ли в социокультурном отношении древневосточная, древнегреческая и древнеримская биографии или их возможные прототипы. Другая нерешенная проблема касается переходных периодов, разделяющих этапы развития биографического жанра. Наибольший интерес представляет реконструкция процессов трансформации античной биографии в средневековую агиографию, а затем в светскую новоевропейскую биографию. На наш взгляд, данная трансформация связана с изменением социокультурных функций биографического письма. Так, М.Ю. Парамонова утверждает, что: «Агиография, особенно в раннее Средневековье, выполняла широкий спектр функций, например, характерных для исторических сочинений. Она удовлетворяла заинтересованность конкретных церковных сообществ в сохранении памяти об их прошлом. <...> Жития и рассказы о чудесах нередко использовались как юридически ценные свидетельства, позволявшие церковным институтам обосновывать справедливость своих имущественных прав и привилегий. До учреждения формальной процедуры папской канонизации в XII–XIII вв. создание пространного жития как правило служило достаточным основанием для установления официального церковного культа нового святого. Агиография на протяжении Средневековья, особенно до массового распространения практики проповеди мирянам, была одним из главных, наиболее массовым источником религиозного просвещения. Для подавляющей части населения именно рассказы о святых были основным источником сведений о христианской картине мира, о взаимоотношениях земного и потустороннего миров, о сверхъестественном и чудесном, о способах действия Бога и Провидения в повседневной жизни» [11, с. 16–17]. Последняя, мировоззренческая функция относится и к современным агиографическим произведениям. Поэтому, исследуя историю современных религиозных групп, ее роль нельзя недооценивать. Вместе с тем, появление светской биографии отражает секулярные процессы, происходившие в новоевропейском обществе, в результате чего она становится важным источником их изучения. Однако биографию можно рассматривать не только как источник, но и как составной элемент социокультурной трансформации общества и его отдельных социальных групп. При этом в разных обществах и социальных группах биография выполняет разные функции, что осложняет создание универсальной периодизации развития биографического жанра. Потому выявление переходных периодов между различными этапами развития биографии не всегда результативно. Так, агиографические произведения создаются и в настоящее время, а многие их элементы проникают в современную биографическую литературу. В качестве примера можно привести работу российского литературоведа П.В. Басинского «Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой: история одной вражды», в которой автор представил сравнительные жизнеописания и историю взаимоотношений св. Иоанна Кронштадтского (1829–1909) и Л.Н. Толстого (1828–1910) в контексте становления в святости одного и грехопадения другого [12]. В связи с этим, возможно, следует говорить не о периодизации развития биографического жанра, а о разработке его исторической типологии, в основе которой лежат социокультурные функции биографического письма.

4. Зарождение научной биографии и ее отличительные черты. На наш взгляд, научной можно считать лишь ту биографию, основной целью которой является открытие нового знания о прошлом. Ее появление в истории произошло в тот момент, когда из всего функционального арсенала биографического письма на первое место вышла познавательная

функция. Чаще всего время появления научной биографии исследователи относят ко второй половине XIX в. [6, с. 33–34], [13, с. 136], [14, с. 26]. Ее становление непосредственным образом связано с теоретико-методологическим развитием исторической науки. Поэтому формирование методологических оснований научной биографии находилось под прямым воздействием традиционных процедур и методов исторического познания. Вместе с тем оформление истории в качестве строгой дисциплины произошло в условиях доминирования в социальных науках позитивистской парадигмы и под влиянием социологии [15, с. 179–182]. Исследователи в первую очередь заинтересовались социальными отношениями и закономерностями развития исторических процессов. В том же направлении развивалась теория исторического познания. На ее фоне методология научной биографии стала быстро устаревать, после чего ее познавательная функция уступила место культурно-просветительской, идеологической и другим функциям биографического письма. Постепенно изменились и цели научной биографии: вместо открытия нового знания о прошлом, исследователи стали использовать ее для популяризации научных знаний в обществе. В связи с этим Ж. Ле Гофф (фр. Jacques Le Goff; 1924–2014) пишет, что: «в середине XX века историческая биография престала существовать <...>, за некоторыми блестящими исключениями» [16, с. 16]. В 1980–90-х гг. на фоне развития антропологически ориентированной истории, в частности микроисторического подхода, произошло теоретическое обновление научной биографии, которая представила альтернативный способ познания исторической реальности, позволяющий изучать ее сквозь призму индивидуального опыта людей прошлого в конкретных жизненных ситуациях. Благодаря этому историческая биография приобрела собственное теоретико-методологическое значение, а научная рефлексия над ней привела к дисциплинарному становлению биографики, что можно расценивать как заключительный этап формирования научной биографии. Ее дальнейшее развитие зависит от признания новой дисциплины, апробации исследовательских подходов, которые она предлагает, и расширения ее научно-исследовательского потенциала.

5. Отдельные элементы истории развития биографии как способа изучения человека в прошлом. К данной категории относится проблематика абсолютного большинства работ, посвященных истории развития биографического жанра. Сюда можно отнести изучение истории биографии в национальных историографических традициях, разработку библиографических сборников, словарей и указателей литературы, изучение биографических произведений, посвященных людям, принадлежащих к отдельным социальным группам и т. д.

Таким образом, историографические проблемы изучения биографии являются одним из важнейших аспектов предметного поля исторической биографики. Их исследование открывает ряд новых объектов для анализа. Историческая биографика изучает биографию не только как жанр исторической литературы, но и как социокультурный феномен, способ сохранения исторической памяти, выполняющий в обществе политическую, культурную, религиозную, просветительскую, познавательную и другие функции. В результате открываются новые возможности системного, сравнительного изучения политических, социальных, культурных, ментальных и психологических изменений, происходящих в различных обществах от Древнего Востока до современной западной цивилизации. В качестве основных историографических проблем исторической биографики можно выделить: историю биографических нарративов, изучение предпосылок, причин и времени появления биографии как жанра, определение этапов ее развития, поиск причин зарождения научной биографии и выявление ее отличительных черт, а также частные аспекты ее истории (изучение биографии в национальных историографических традициях, разработка библиографических сборников, словарей и указателей литературы, изучение биографических произведений, посвященных людям, принадлежащим к отдельным социальным группам и др.).

Литература

1. Баженов, В. В. Историческая биография в советской историографии (1917 – середина 1930-х годов) : автореф. дис. ... канд. ист. Наук : 07.00.09 / В. В. Баженов ; Академия наук СССР, Институт истории СССР. – М., 1976. – 30 с.

2. Беленький, И. Л. Проблемы биографического жанра в советской исторической науке : Научно-аналитический обзор / И. Л. Беленький. – М. : ИНИОН, 1988. – 28 с.
3. Беленький, И. Л. Биографика / И. Л. Беленький // Отечественная история : История России с древнейших времен до 1917 г. : энциклопедия : в 5 т. – М., 1994. – Т. 1. – С. 233–234.
4. Беленький, И. Л. Биографика в системе наук о человеке : становление, этапы развития и междисциплинарный контекст отечественного биографоведения : Указатель литературы / И. Л. Беленький / РАН ИНИОН. – М. : ИНИОН РАН, 1999. – 220 с.
5. Беленький, И. Л. Биография и биографика в отечественной культурно-исторической традиции / И. Л. Беленький // История через личность : Историческая биография сегодня ; под ред. Л. П. Репиной. – 2-е изд. – М. : Квадрига, 2010. – С. 37–54.
6. Чишко, В. С. Біографічна традиція та наукова біографія в історії і сучасності України / В. С. Чишко. – Київ : МП «БМТ», 1996. – 239 с.
7. Петровская, И. Ф. Биографика : Введение в науку и обозрение источников биографических сведений о деятелях России 1801–1917 годов / И. Ф. Петровская. – Изд. второе, исправл. и доп. – СПб. : Издательский дом «Петрополис», 2010. – 384 с.
8. Вахромеева, О. Б. Биографика. Методика написания биографий : учебник / О. Б. Вахромеева. – СПб. : ЛЕМА, 2013. – 180 с.
9. Вахромеева, О. Б. Методика семинарских занятий по истории с использованием дистанционных технологий / О. Б. Вахромеева // Организация работы с молодежью в информационном обществе : матер. междунар. науч.-практ. конф., Санкт-Петербург, 19–21 ноября 2020 г. ; под ред. Г. В. Ковалевой. – СПб. : ФГБОУВО «СПбГУПТД», 2020. – С. 68–70.
10. Мегилл, А. Историческая эпистемология : Научная монография / А. Мегилл ; пер. с англ. М. Кукарцевой, В. Кашаева, В. Тимонина. – М. : Канон+; РООИ «Реабилитация», 2007. – 480 с.
11. Парамонова, М. Ю. Культы святых : социальные практики и литературная традиция / М. Ю. Парамонова // Одиссей. Человек в истории / Институт всеобщей истории РАН ; редкол.: А. О. Чубарьян (гл. ред.), Ю. Е. Арнаутова (отв. ред. вып.) [и др.]. – СПб. : Алетей, 2019. – С. 5–18.
12. Басинский, П. В. Святой против Льва. Иоанн Кронштадтский и Лев Толстой : история одной вражды / П. В. Басинский. – М. : АСТ Редакция Елены Шубиной, 2013. – 572 с.
13. Беленький, И. Л. Биография как историко-культурная проблема (к историографии темы в отечественной литературе) / И. Л. Беленький // Историческая биография = Historic biography : сборник обзоров к XVII Международному конгрессу исторических наук (Мадрид, август 1990) / АН СССР, ИНИОН. – М. : ИНИОН, 1990. – С. 136–164.
14. Мягков, Г. П. Биографика. Этапы дисциплинарного становления / Г. П. Мягков, Т. Н. Иванова // Парадигмы российской истории сквозь призму биографистики (к 140-летию Алексея Ивановича Яковлева) : материалы Всерос. науч. конф. с межд. участ., Чебоксары, 18 апр. 2019 г. ; редкол.: О. Н. Широков [и др.]. – Чебоксары : ИД «Среда», 2019. – С. 25–32.
15. Репина, Л. П. История исторического знания : пособие для вузов / Л. П. Репина, В. В. Зверева, М. Ю. Парамонова ; под ред. Н. Е. Ореховой. – М. : Дрофа, 2004. – 288 с.
16. Ле Гофф, Ж. Людовик IX Святой / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. В. И. Матузовой ; коммент. Д. Э. Харитоновича. – М. : Ладомир, 2001. – 800 с.

Рабочие и служащие в социальной структуре белорусского общества (1920–1930 гг.)

М.И. СТАРОВОЙТОВ

В статье на основе опубликованных данных Всесоюзной переписи 1926 г. и оригинальных рассекреченных архивных материалов всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. показана динамика изменений в численности и составе рабочих и служащих в общей социальной структуре городского и сельского населения БССР в 1920–1930-е гг. как результат экономической, социальной и политической мобилизационной трансформации советского общества. Автор полагает, что классификация, развернутая социально-профессиональная, социально-культурная и половозрастная характеристика рабочих и служащих требует специального исследования, чтобы научно обосновать их социальную стратификацию. Это позволит дать адекватную оценку социокультурного облика всего белорусского общества, достигнутого к концу 1930-х гг., поскольку рабочие и служащие составляли его основу.

Ключевые слова: рабочие, служащие, городское и сельское население, социальная структура, белорусское общество.

Based on the published data of the 1926 All-Union Census and the original declassified archival materials of the All-Union censuses of 1937 and 1939 the article shows the dynamics of changes in the number and composition of workers and employees in the general social structure of the urban and rural population of the BSSR in the 1920s–1930s as a result of the economic, social and political mobilization transformation of Soviet society. The author believes that the classification, detailed socio-professional, socio-cultural and age characteristics of workers and employees require special research in order to substantiate their social stratification scientifically. This will make it possible to give an adequate assessment of the socio-cultural appearance of the entire Belarusian society, achieved by the end of the 1930s, since workers and employees formed its basis.

Keywords: workers, employees, urban and rural population, social structure, Belarusian society.

По данной теме научной и учебной литературе нет работ, в которых бы комплексно рассматривались социальные изменения в структуре населения БССР, которые произошли к концу 1930-х гг. в результате советской мобилизационной модернизации. Такой пробел в историографии можно объяснить тем, что до конца 1980-х гг. основные массивы документов и материалов межвоенного периода были засекречены. Это касается, прежде всего, всесоюзных переписей 1937 и 1939 гг. На эту проблему автор обращал внимание в секционных докладах на конференциях в 2018 и 2020 гг. [1], [2]. С учетом возможного объема публикации, рассмотрим динамику численности и социально-профессиональную структуру/занятость рабочих и служащих в составе городского и сельского социума (таблицы составлены и проценты рассчитаны автором).

В 1921 г. в начале восстановления экономики «Беларуская грамада складалася з 75 % малаземельных сялян, зруйнаваных к таму ж імперыялістычнай вайной, эвакуацыямі і акупацыямі, і з 14 % безземельных сялян-парабкаў і невяліччай колькасці рабочых фабрычна-завадскіх прадпрыемстваў вёскі і гораду» [3, с. 42]. Существенных изменений не произошло и в годы НЭП. На основании материалов переписи 1926 г. было установлено, что СССР являлась аграрной страной, т. к. в сельском хозяйстве работало 86,7 % населения, а в БССР – 91,2 % [4, с. 43]. Это был самый высокий показатель в стране, т. е. республика была аграрной. Это хорошо видно по данным таблицы 1 [5, с. 2].

Подсчеты по таблице 1 показывают, что в фабрично-заводской промышленности, на транспорте и в строительстве трудилось 60,5 % рабочих от всех рабочих, занятых в городских поселениях. Из числа сельских жителей на этих производствах трудилось 17,7 % рабочих, большая часть которых выезжала на промышленные предприятия в порядке суточной/ежедневной миграции, обслуживало железнодорожные пути, речной транспорт. Третья часть мужчин и более половины женщин села трудились в хозяйствах крестьянского типа (пастухи, подпаски, батраки/батрачки). В индустриальном секторе экономики трудилось только 50 546 или 41,5 % всех рабочих. Из таблицы видно, что только 5,4 % мужчин и 2,3 % женщин от общего числа занятого

в БССР населения относились к категории рабочих. Это свидетельствует об очень низком уровне ее индустриального развития. В городах половина, а в сельской местности более половины служащих работала в учреждениях. Их доля в составе занятого городского населения составляла 10,2 %, а в составе сельского – 0,5 %. Остальную часть категории служащих, на наш взгляд, следует отнести к управленцам в отраслях материального и нематериального производства. Есть основание полагать, что госаппарат не был таким большим, как принято считать.

Таблица 1 – Рабочие и служащие в отраслях народного хозяйства БССР в 1926 г.

Положение в занятии в отрасли	Город		Село		Всего	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
Рабочие	52 181	15 487	35 146	19 099	87 327	34 586
Сельское хозяйство	1 232	207	18 843	11 942	20 075	12 149
А. Крестьянского типа	437	113	11 862	10 318	12 299	10 431
Б. Сельхоз. предприятие	795	94	6 981	1 624	7 776	1 718
Фабр.-завод. промыш-ть	19 912	7 775	3 231	826	23 143	8 601
Кустар.-ремесл. промыш-ть	7 304	1 641	2 835	328	10 139	1 969
Строительство	2 194	15	424	–	2 618	15
Железнодорож. транспорт	10 154	215	4 692	111	14 846	326
Прочие виды транспорта	1 399	13	296	3	1 695	16
Торговля и кредит	1 014	128	27	7	1 041	135
Учреждения	2 305	153	253	41	2 558	194
Прочие отрасли	6 667	5340	4 545	5841	11 212	11 181
Служащие	49 206	28 311	14 608	7 616	63 814	35 927
Сельское хозяйство	1 560	120	2 142	161	3 702	281
Фабр.-завод. промыш-ть	4 612	907	688	68	5 300	975
Кустар.-ремесл. промыш-ть	1 064	206	297	12	1 361	218
Строительство	724	88	106	6	830	94
Железнодорож. транспорт	5 354	1 174	1 451	59	6 805	1 233
Прочие виды транспорта	606	72	101	2	707	74
Торговля и кредит	9 135	2 824	1 613	202	10 748	3 026
Учреждения	24 616	14 485	7 944	4 742	32 560	19 227
Прочие отрасли	1 535	8 435	266	2 364	1 801	10 799
Все занятое население	270 540	111 721	135 654	140 309	162 708	151 481
Рабочие в % к занятым	19,28	13,86	2,59	1,36	5,37	2,28
Служащие в % к занятым	18,19	25,34	1,07	0,54	3,92	2,37

Если в городе доля рабочих (мужчин и женщин) в составе всего занятого населения составляла 17,7 %, а служащих – 20,3 %, то в сельской местности эти показатели были значительно ниже и соответствовали – 1,97 % и 0,8 %. Эти две категории населения среди всего городского населения с семьями рабочие составляли 21,1 %, а служащие – 21,3 %. В составе сельского населения на долю рабочих с семьями приходилось 2,4 %, на долю служащих – 1,1 % [5, с. 2], [6, с. 10, 12, 13]. Все эти данные свидетельствуют о низком уровне индустриального развития БССР.

Аграрное перенаселение, недостаток земли для выделения по нормам потребления, отсутствие развитой промышленности вынуждали крестьян по-прежнему, как и до 1914 г., переселяться в Сибирь, на Дальний Восток, в Поволжье, на Северный Кавказ, в Крым, уезжать на шахты Донбасса, заниматься отходничеством, различными промыслами и др. О социально-политическом положении в деревне свидетельствует рассекреченная информация политотдела 33-й Самарской стрелковой дивизии, дислоцированной на Могилевщине, в которой служили не только белорусы, но и россияне из Брянщины, Смоленщины, Поволжья, Сталинградской, Самарской и Уральской областей. В декабре 1928 г. в ней отмечалось, что большая часть красноармейцев-бедняков после службы желала остаться в городах, т. к. возвращаться домой и батрачить у кулаков они не хотели [7, лл. 308–317]. По данным за 1931 г. только одного Сызранского переселенческого пункта было учтено более 6 тыс. красноармейцев из Белорусского, Московского, Украинского и других военных округов, которые переселялись в Сибирь и на Дальний Восток, в том числе и создавать новые колхозы и совхозы [8, л. 120 об]. Аграрный сектор требовал серьезной модернизации, чтобы не только высвободить, но и закреплять трудовые ресурсы на селе.

Индустриализация СССР и союзных республик осуществлялась разными темпами с учетом решения задач по укреплению обороноспособности страны, сырьевых возможностей регионов. Успехи индустриального развития были скромнее, чем писалось в газетах. Об уровне индустриального развития БССР можно судить по экономической трансформации на Гомельщине [9]. Чтобы повысить показатели индустриального развития страны и республик при проведении переписи в 1937 г. была унифицирована социальная структура общества. Не вдаваясь в дискуссию о причинах признания ее дефектной, отметим, что разделения социальной структуры общества только на рабочих и служащих было неправомерным / необоснованным / ненаучным. Это отражало политические мотивы. Упор был сделан на рост численности рабочего класса. Об этом можно судить по опубликованным таким данным в целом по СССР [10, с. 140–163]. Оказалось, что численность рабочих в сельской местности была значительно выше, чем в городах. В БССР в 2,25 раза больше. Это хорошо видно из таблицы 2, в которой представлены данными по БССР [11, лл. 143–154об]. В каждой из выделенных групп 1–39 (см. таблицу 2) на 25 страницах документа указаны занятия рабочих и служащих. Рабочие, работники, вспомогательные рабочие / работники, младший обслуживающий персонал, колхозники, кустари, крестьяне-единоличники, банщики, сторожа, вахтеры, извозчики, истопники и многие другие лица с неквалифицированными занятиями были включены в состав рабочих. По служащим перечень представлен более реально, но и здесь возникает много вопросов.

Таблица 2 – Занятия рабочих и служащих БССР в 1937 г.*

Занятия рабочих	Городское население			Сельское население		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Всего	194 198	121 548	315 746	460 936	249 879	710 815
1. Сельскохозяйственные занятия	6 751	4 576	11 327	229 873	197 913	427 786
2. В лесном хозяйстве и сплаве	1 151	37	1 188	16 224	939	17 168
3. В рыболовстве и охоте	212	32	244	941	7	948
4. Горнорабочие	785	192	977	2 575	1 761	4 336
5. Металлисты	36 066	1 905	37 971	28 722	266	28 988
6. Деревообделочники	17 792	6 226	24 018	17 081	1 490	18 571
7. Писчебумажники	737	757	1 494	233	267	500
8. Печатники	1 371	1 592	2 963	222	131	353
9. Текстильщики	2 406	13 908	16 308	1 311	4 038	5 349
10. Швейники	5 554	16 141	21 695	2 637	2 906	5 543
11. Кожевники	2 276	2 374	4 650	1 872	73	1 945
12. Обувщики	8 364	1 845	10 209	6 093	121	6 214
13. Пищевики	4 903	5 496	10 399	5 755	2 232	7 987
14. Химики	1 125	1 766	2 891	1 017	213	1 230
15. Минеральщики	3 793	2 446	6 239	2 315	1 012	3 327
16. Строители	26 160	1 956	28 116	46 178	2 547	48 725
17. Железнодорожники	8 188	1 143	9 331	10 360	1 058	11 418
18. Водники	945	31	976	849	15	864
19. Прочие транспортники	18 224	788	19 012	17 235	515	17 750
20. Рабочие силовых установок	4 686	460	5 146	4 048	156	4 204
21. Работники питания	1 125	3 906	5 031	631	2 539	3 170
22. Работники прачечного дела	39	2 394	2 433	8	1 265	1 273
23. Прочие занятия**	26 571	15 537	42 108	23 038	9 542	32 580
24. Младший медицинский персонал	635	5 051	5 683	1 353	3 797	5 150
25. Младший персонал связи	505	321	826	3 055	875	3 930
26. Прочий младш. обслуж. персонал	13 837	30 674	44 511	37 310	14 201	51 511
Занятия служащих***						
Всего	94 845	60 743	155 588	115 004	26 235	141 239
27. Руководящий персонал	13 389	2 499	15 888	20 476	1 652	22 128
28. Юридический персонал	679	113	792	172	11	183
29. Технический персонал	13 338	3 914	17 252	11 418	1 366	12 784
А. Высший персонал	2 993	597	3 590	1 152	224	1 376
Б. Средний персонал	8 438	3 123	11 561	5 123	1 083	6 206

Окончание таблицы 2

<i>В. Низший персонал</i>	1 799	31	1 830	5 135	51	5 186
<i>Г. Чертежники</i>	108	163	271	8	8	16
30. Торговый и хозяйствен. персонал	20 739	10 985	31 724	29 312	3 563	32 875
31. Планово-контроль. персонал	6 703	2 411	9 114	2 465	285	2 750
32. Учетный персонал	13 337	5 576	18 913	22 738	3 209	25 947
33. Делопроизводственный персонал	1 893	5 154	7 047	3 137	836	3 973
34. Медико-санитарный персонал	2 254	7 137	9 391	2 753	2 301	5 054
35. Науч. культпросвет. персонал	6 980	10 408	17 388	15 267	11 337	26 604
36. Работники искусства	1 808	622	2 430	217	35	252
37. Работники связи	477	2 268	2 745	386	1 485	1 871
38. Работники охраны безопасности	9 426	52	9 478	5 173	6	5 179
39. Прочие служащие	3 822	803	4 625	1 490	149	1 639

Примечание: *) – порядок и название занятия указаны по документу; **) – рабочих, колхозников, кустарей; ***) – большая часть из групп служащих названа как персонал.

Из данных переписи 1939 г. видно, что население структурировано по общественным группам и источникам средств существования. Более реально распределены по занятиям рабочие и служащие. Это было сделано впервые и позволяет определить не только источники существования, но и социальную структуру рабочих, служащих, колхозников, кооперированных кустарей, некооперированных кустарей и крестьян-единоличников с семьями. Каждая из указанных социальных групп представлена как в целом, так и по лицам, отнесенным к этим группам, имеющие источник средств существования. В таблицах 3 и 4 [12, лл. 5, 9] представлены такие данные о рабочих и служащих, что значительно расширяет их социальное положение в обществе.

Таблица 3 – Социальный состав рабочих и служащих города в 1939 г.

Общественные группы. Источники средств существования	Численность			Процент к итогу	Процент женщин
	Мужчины	Женщины	Всего		
Всего занятого населения	389 928	236 938	626 866	100	37,8
Рабочие*	316 164	330 447	646 611	100	51,1
Имеющие занятия	198 063	127 725	325 788	50,38	39,2
Члены семьи***	187	22 645	22 832	3,53	99,2
Иждивенцы отдельных лиц	103 776	165 119	268 895	41,59	61,4
Пенсионеры	6 462	8 664	15 126	2,34	57,3
Стипендиаты	6 560	5 272	11 832	1,83	44,6
Прочие и нераспределенные	1 116	1 022	2 138	0,33	47,8
Рабочие среди занятых в %	50,9	53,9	52,0	–	–
Служащие**	231 722	267 362	499 084	100	53,6
Имеющие занятия	129 770	79 515	209 285	41,93	38,0
Члены семьи***	96	12 419	12 515	2,51	99,2
Иждивенцы отдельных лиц	93 818	165 880	259 698	52,03	63,9
Пенсионеры	1 927	3 303	5 230	1,05	63,2
Стипендиаты	5 648	5 764	11 412	2,29	50,5
Прочие и нераспределенные	463	481	944	1,19	50,9
Служащие среди занятых в %	33,3	33,6	33,4	–	–

Примечание: *) – все лица, отнесенные к рабочим; **) – все лица, отнесенные к служащим; ***) – члены семьи, занятые в подсобном сельском хозяйстве.

В таблицах 3 и 4 представлены данные о рабочих и служащих (они по документам выделены как общественные группы) как имеющих занятия, так и лиц отнесенным к ним. В абсолютном большинстве это были иждивенцы – дети и подростки. По такой развернутой информации об источниках средств существования можно считать, что рабочие и служащие представлены с семьями. Большая часть рабочих и служащих относилась к городскому занятому населению, а меньшая – к сельскому.

Таблица 4 – Социальный состав рабочих и служащих села в 1939 г.

Общественные группы. Источники средств существования	Численность			% к итогу	% женщин
	Мужчины	Женщины	Всего		
Всего занятого населения	1088585	999 307	2087892	100	47,9
Рабочие*	329 960	236 489	566 449	100	41,7
Имеющие занятия	211 445	56 831	268 276	47,36	21,2
Члены семьи***	778	46 439	47 217	8,34	98,4
Иждивенцы отдельных лиц	114 259	130 744	245 003	43,25	53,4
Пенсионеры	1 983	1 296	3 279	0,58	39,5
Стипендиаты	485	257	742	0,13	34,6
Прочие и нераспределенные	1 010	922	1 932	0,34	47,7
Рабочие среди занятых в %	19,4	5,7	12,8	–	–
Служащие**	176 242	128 876	305 118	100	42,2
Имеющие занятия	115 267	29 131	144 398	47,33	20,2
Члены семьи***	195	20 319	20 514	6,72	99,0
Иждивенцы отдельных лиц	59 428	78 335	137 763	45,15	56,9
Пенсионеры	670	633	1 303	0,43	48,6
Стипендиаты	366	212	578	0,19	36,7
Прочие и нераспределенные	316	246	562	0,18	43,8
Служащие среди занятых в %	10,6	2,9	6,9	–	–

Примечание: *) – все лица, отнесенные к рабочим; **) – все лица, отнесенные к служащим; ***) – члены семьи, занятые в подсобном сельском хозяйстве.

Это подтверждается и данными по отраслевой занятости рабочих и служащих, которые по сравнению с данными переписи 1937 г. в весьма информативной таблице 5 [12, лл. 5–8] отражают более реальную картину численности и занятости рабочих и служащих, установленных переписью в 1939 г.

Таблица 5 – Распределение рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства БССР в 1939 г.

Общественные группы	Городское			Сельское			Все население			% к итогу	% Жен.
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего		
Всего лиц, имеющих данное занятие											
Рабочие	198063	127725	325788	211445	56831	268276	409508	184556	594064	100,00	31,1
Служащие	129770	79515	209285	115267	29131	144398	245037	108646	353683	100,00	30,7
В промышленности											
Рабочие	82638	68203	150841	39654	20237	59891	122292	88440	210732	35,47	42,0
Служащие	25124	11488	36612	10831	2027	12858	35955	13515	49 470	13,00	27,3
В сельском хозяйстве											
Рабочие	5983	2294	8277	30090	9047	39137	36073	11341	47414	7,98	23,9
Служащие	3513	1166	4684	6400	979	7379	9913	2145	12058	3,41	17,6
В лесном хозяйстве											
Рабочие	2837	336	3173	22175	1628	23803	25012	1964	26976	5,05	7,3
Служащие	2442	484	2926	5084	152	5236	7526	636	8162	2,31	7,8
В строительстве											
Рабочие	29753	3654	33407	23793	3013	26806	53546	6667	60213	10,13	11,1
Служащие	6484	1237	7721	3824	185	4009	10308	1422	11730	3,32	12,1
На транспорте и связи											
Рабочие	24316	5170	29486	21975	3156	25131	46291	8526	54617	9,19	15,2
Служащие	10422	7009	17431	5238	2588	7826	15660	9597	25257	7,14	38,0
В торговле и общественном питании											
Рабочие	13150	12335	25485	6011	4199	10210	19161	16584	35695	6,01	46,3
Служащие	16844	15663	34507	11406	2774	14180	30250	16437	48687	13,76	57,9
В жилищном и коммунальном хозяйстве											
Рабочие	4077	5104	9181	849	1239	2088	4926	6343	11269	1,90	56,3
Служащие	3982	1890	5872	862	151	1013	4844	2041	6885	1,95	29,6
Занятые в просвещении, науке, искусстве и печати											
Рабочие	3740	7215	10955	2299	5389	7688	6039	12604	18643	3,14	67,6
Служащие	13971	16653	30624	20367	14381	34748	34338	31034	65372	18,48	47,5

Окончание таблицы 5

В здравоохранении											
Рабочие	2670	10060	12730	1215	4005	5220	3885	14065	17950	3,02	78,4
Служащие	3805	12801	16606	2044	4072	6116	5849	16873	22722	6,42	74,3
В государственных учреждениях											
Рабочие	4683	2446	7129	1496	633	2129	6179	3079	9258	1,56	33,3
Служащие	25725	10950	36675	12759	1574	14333	38484	12524	51008	14,42	24,6
Нераспределенные по отраслям народного хозяйства											
Рабочие	24216	10908	35124	61888	4286	66173	86104	15193	101297	17,05	15,0
Служащие	15453	174	15627	36452	248	36700	51905	422	52 327	14,79	0,8

Из таблицы видно, что большинство рабочих было занято в промышленности, строительстве и на транспорте. Служащие наиболее численно были представлены в просвещении, науке, искусстве, печати, государственных учреждениях (здесь их не было большинство, как и в 1920-е гг.), торговле и общественном питании, здравоохранении. Если из общего числа рабочих и служащих исключить лиц нераспределенных по отраслям народного хозяйства (см. таблицу 5), а это красноармейцы (переписывались по социальному положению до призыва в РККА), офицерский и командный состав (в особом порядке переписывались и их семьи), которые также социально были структурированы [подробнее см. 13], то непосредственно занятых в материальном и нематериальном производстве и в составе населения БССР рабочих и служащих было меньше. Расчеты показывают, что после вычета военнотружеников, учтенных переписью 1939 г. как рабочие и служащие, численность всех рабочих в городах реально составляла 290 664 человека и 49,1% в составе всего занятого городского населения, а служащих соответственно – 193 658 человек и 31,7%. Среди сельского населения эти показатели составили соответственно – 202 103 человека (10,2%) и 107 698 человек (5,3%) [12, лл. 5, 7].

Так, на примере рабочих в областном разрезе эти показатели, без учета военнотружеников, отражали реальную ситуацию удельного веса рабочих в составе занятого населения регионов/областей БССР, а в целом и уровень их экономического развития. В Витебской области всех рабочих насчитывалось 137 683 человек, и их доля в составе всего занятого населения составляла 22,6 % [14, лл. 3, 4, 5], Гомельской соответственно – 91 891 человек и 21,8 % [15, лл. 3, 4, 5], Минской – 120 215 человек и 20,1 % [16, лл. 3, 4, 5], Могилевской – 108 199 человек и 16,6 % [17, лл. 3, 4, 5], Полесской – 34 779 человек и 10,5 % [18, лл. 3, 4, 5]. По удельному весу занятых в промышленности мужчин и женщин выделяются Витебская и Гомельская области. Самый высокий удельный вес женщин в промышленности Витебской области связан с быстрым развитием здесь легкой промышленности.

В 1930-х гг. экономика БССР оставалась преимущественно аграрной, а не индустриальной, т. к. в сельском и лесном хозяйстве (с учетом крестьян-единоличников, кустарей и лиц, занятых в домашнем подсобном сельском хозяйстве) трудилось абсолютное большинство (около 70 %) всего самостоятельного населения, тогда как в промышленности – только 11 % [подсчитано: 12, лл. 5–13]. Уровень технико-технологической модернизации не следует преувеличивать. Группа ИТР из-за малочисленности вообще не выделена в материалах переписи. Судить о модернизации по количеству рабочих-металлистов не совсем корректно. Во всех отраслях их было 72 000, из которых свыше 40 тыс. работали на станках и с механизмами, а остальные – это кузнецы, молотобойцы, жестянщики, трубопроводчики и др. [подсчитано: 19, л. 31].

По сравнению с 1920-ми гг. в 1930-е гг. в ходе индустриализации и коллективизации произошли существенные изменения в численности и составе рабочих и служащих, занятых трудовой деятельностью в городах и сельской местности в различных отраслях экономики БССР, что и было структурировано по итогам переписи 1939 г. с учетом гендерного признака. Проблема профессионального, этносоциального и гендерного облика рабочих и служащих различных отраслей требует специального исследования, чтобы выявить их настоящую, а не завышенную численность, показать их подлинную, а не идеологизированную роль в обществе, насколько социокультурный облик рабочих и служащих соответствовал развитию производственных и непроизводственных отраслей народного хозяйства, их реально достигнутый уровень модернизации. Это позволит внести вклад в научную/адекватную оценку социокультурного облика всего белорусского общества в конце 1930-х гг.

Статья подготовлена в рамках Государственной программы научных исследований на 2021–2025 годы «12. ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 годы» Подпрограмма «12.1. подпрограмма «История». Проект НИР. Задание 1,03. «Изменения социальной структуры населения и государственной социальной политики в Беларуси в условиях советской модернизации 1921–1991 годов»

Литература

1. Старовойтов, М. И. Проблемы урбанизации 1920–30-х годов в вузовском курсе истории Беларуси: новые оценки и подходы в преподавании [Электронный ресурс] / М. И. Старовойтов // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы : практико-ориентированная и фундаментальная подготовка на первой и второй ступенях высшего образования : республиканская научно-методическая конференция, Гомель, 15–16 марта 2018 г. : материалы. Электронные текстовые данные (объем 4,39 Мб). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2018.
2. Старовойтов, М. И. Изучение социальной структуры общества в курсе новейшей истории Беларуси [Электронный ресурс] / М. И. Старовойтов // Актуальные вопросы научно-методической и учебно-организационной работы: сочетание классических подходов и инновационных организационно-образовательных моделей и технологий : материалы республиканской научно-методической конференции, Гомель, 12–13 марта 2020 г. / М-во образования Республики Беларусь, ГГУ им. Ф. Скорины ; редкол.: И. В. Семченко (гл. ред.) [и др.]. – Электронные текстовые данные (10,5 Мб). – Гомель : ГГУ им. Ф. Скорины, 2020. – Системные требования: IE от 11 версии и выше или любой актуальный браузер, скорость доступа от 56 кбит. – Режим доступа : <http://conference.gsu.by>. – Заглавие с экрана.
3. Беларусізацыя. 1920-я гады : дак. і мат./ Пад агульн. рэд. Р. П. Платонава, У. К. Коршука. – Мінск : БДУ, 2001. – 270 с.
4. Национальная политика ВКП (б) в цифрах. – М. : Изд-во Комкадемии, 1930. – 407 с.
5. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – Т. XXVII. – 156 с.
6. Всесоюзная перепись населения 1926 г. – М. : ЦСУ СССР, 1928. – Т. X. – 289 с.
7. Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАОМО). – Ф. 6577. Оп. 1. Д. 564.
8. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Ф. 5675. Оп. 1. Д. 25. Ч. 1.
9. Старовойтов, М. И. Экономическая и политическая трансформации на Гомельщине (1920–1930-е годы) / М. И. Старовойтов // Беларусь у гістарычнай рэтрэспектыве XIX–XXI стагоддзяў : этнакультурныя і нацыянальна-дзяржаўныя працэсы : матэрыялы Рэспубліканскай навук. канф., Гомель, 14 кастрыч. 2021 г. / М-ва адукацыі РБ, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны ; рэдкал.: А. Р. Яшчанка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2021. – С. 187–193.
10. Всесоюзная перепись населения 1937 года : Общие итоги : сб. документов и материалов. – М. : РОССПЭН, 2007. – 320 с.
11. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 329. Д. 144. Подлинник.
12. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 429.
13. Старовойтов, М. И. Национальный и социальный состав военнослужащих Белорусского военного округа накануне Второй мировой войны / М. И. Старовойтов // Идеологические аспекты военной безопасности. Научно-практическое приложение к журналу «Армия» Министерства обороны Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 8–15.
14. Витебская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 547.
15. Гомельская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 548.
16. Минская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 549.
17. Могилевская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 551.
18. Полесская область // РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 552.
19. РГАЭ. – Ф. 1562. Оп. 336. Д. 257.

Оформление системы политико-воспитательной работы в Рабоче-крестьянской милиции БССР в 1931–1941 гг.

А.Н. Тютюнкoв

В статье рассматривается становление системы политико-воспитательной работы в Рабоче-крестьянской милиции как вида служебной деятельности, формирование нормативной базы, определение ведомственных подходов в различных аспектах ее реализации. Рассматривается процесс определения целей и задач политико-воспитательной работы в контексте формирования требований к моральным и деловым качествам работников милиции, их политической подготовленности, для успешного решения задач, поставленных перед милицией руководством страны. Обосновывается тезис о формировании общеведомственного подхода, согласно которому персональная ответственность за состояние политико-воспитательной работы было возложено на руководителей подразделений.

Ключевые слова: рабоче-крестьянская милиция, политико-воспитательная работа, политический аппарат милиции, нормативная база.

The article examines the formation of a system of political and educational work in the Workers' and Peasants' Militia as a type of a service activity, the formation of a regulatory framework, the definition of departmental approaches in various aspects of its implementation. The process of defining the goals and objectives of political and educational work in the context of the formation of requirements for the moral and business qualities of militia officers, their political preparedness, for the successful solution of tasks set before the militia by the country's leadership is considered. The thesis on the formation of a general departmental approach is substantiated, according to which personal responsibility for the state of political and educational work was assigned to the heads of departments.

Keywords: workers' and peasants' militia, political and educational work, the political apparatus of the militia, regulatory framework.

Актуальность изучения политико-воспитательной работы в органах рабоче-крестьянской милиции обусловлена огромным вниманием к организации и проведению идеологической работы в органах внутренних дел Республики Беларусь в настоящее время. В тоже время, качество проводимой работы напрямую зависит от системы нормативно-правовых актов различного уровня. Именно в них отражены приоритеты, основные направления, формы и методы политико-воспитательной работы (далее – ПВР).

Период начала 1930-х гг. является временем развертывания политико-воспитательной работы на плановой основе, как одного из видов служебной деятельности Рабоче-крестьянской милиции (далее – РКМ) и создания специализированных подразделений по ее организации, которая должна была обеспечить нахождение на службе в РКМ только преданных советской власти работников, сознательно поддерживающих все мероприятия партии и органов исполнительной власти.

Требования к морально-деловым качествам милиционеров в предшествующий период были достаточно серьезными. Ярким примером является приказ ОГПУ № 62 «Об укомплектовании органов милиции и уголовного розыска сотрудниками ОГПУ», в котором прямо указано, во что должна превратиться милиция: «в действительно твердую и дисциплинированную силу, могущую выполнить любую задачу по охране и поддержанию революционного порядка» [1, с. 531].

Но в начале 30-х гг. развертывание политико-воспитательной работы совпадает с серьезным повышением требований к соблюдению законности работниками милиции. Постановлением СНК СССР от 17 февраля 1932 г. «Об изменении Положения о Рабоче-Крестьянской милиции» лица оперативно-строевого и административно-хозяйственного состава милиции стали подсудны военным трибуналам по делам о воинских и должностных преступлениях [2, с. 245–246]. А Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 июня 1932 г. «Об изменении положения о воинских преступлениях» отнесло к воинским преступлениям и преступления против установленного порядка несения службы работниками милиции [3, с. 252].

В тоже время развертывание работы политического аппарата и политико-воспитательной работы, а соответственно и повышение требований к деловым и моральным качествам работни-

ков милиции, шло параллельно с улучшением их материального положения, распространения на них определенных льгот, нормативно закреплённой обязанностью руководителей заботиться об улучшении бытовых условий их жизни, оказывать помощь в решении насущных проблем их семей. Так, уже в Положении о рабоче-крестьянской милиции от 25 мая 1931 г. было отражено, что все категории работников милиции и их семьи пользовались государственным обеспечением наравне с соответствующими категориями военнослужащими Красной Армии и их семьями [4, с. 111]. А 2 декабря 1932 г. СНК СССР было принято Постановление «О государственном обеспечении рядового состава рабоче-крестьянской милиции», которое установило, что работники РКМ и военнослужащие РККА и их семьи пользуются одинаковым государственным обеспечением. Правом по назначению пенсий и пособий в порядке государственного обеспечения в отношении работников милиции и их семей были наделены начальники главных управлений милиции союзных республик [5].

Для полноценного осуществления ПВР необходимо было обеспечить ее нормативной базой. Одним из первых документов, который бы затрагивал некоторые аспекты ПВР, определял ее цели и задачи, стало «Положения о рабоче-крестьянской милиции» 1931 г. (принято Постановлением СНК СССР от 25 мая 1931 г.).

В соответствии с Положением «Рабоче-крестьянская милиция, являясь органом диктатуры пролетариата, в своей работе опирается на широкие трудящиеся массы и привлекает их к непосредственному выполнению отдельных возложенных на нее задач» [4, с. 105].

Уже это определение отражает определенные требования к милиционеру в части эффективной работы с гражданами и, конечно же, требует от него решительности в борьбе с любыми противниками пролетариата. В целом, это документ стратегического уровня, который отразил основные направления в деятельности милиции, оставив право детализирования для создаваемых в союзных республиках Главных управлений РКМ НКВД.

Наиболее значимым, в свете изучаемого нами вопроса, является закрепление разного подхода к труду начальствующего состава и рядового. Так, п. 27а установил, что «рабочее время устанавливается для лиц начальствующего состава ненормированное, для лиц рядового состава, занятых физическим трудом, – 8 часов в день и для лиц рядового состава, занятых конторским трудом, – 6 часов» [4, с. 109]. На наш взгляд, эта норма подчеркивает значимость труда руководителя и оформляет более высокие требования к милиционерам из числа начальствующего состава в части исполнения служебных обязанностей.

11 сентября 1931 г. в соответствии с вышеуказанным положением Постановлением СНК БССР было утверждено «Палажэньне пра галоўнае кіраўніцтва рабоча-сялянскай міліцыі пры СНК БССР» [6, с. 113]. В нем отражено ряд важных для нашего исследования моментов.

Так, на Главное управление РКМ возложена следующая обязанность по «распрацоўка і ажыццяўленне мерапрыемстваў па палітрабоце і ўзмацненні дысцыпліны сярод асабовага складу рабоча-сялянскай міліцыі» [6, с. 114].

Данная работ получила расшифровку в разделе Г «У галіне палітычнай работы».

Раскрыто и содержание данной работы: организация политического аппарата в органах РКМ, управление его деятельностью, а также подготовкой кадров политических работников и политическим обучением в учебных заведениях РКМ; организация и управление всей политической работой, специальным воспитанием и повышением общекультурного уровня личного состава РКМ; изучение и регулирование морально-психологического состояния, дисциплинарной политики и практики в органах РКМ и вопросов преступности в них; организация, направление и изучение всех видов и форм общественной работы и организации самостоятельности в органах РКМ; организация и управление низовой печатью в органах РКМ [6, с. 113–114].

Серьезным этапом в юридическом обеспечении политико-воспитательной работы стало введение в действие 30 июня 1931 г. Дисциплинарного устава Рабоче-крестьянской милиции.

Целью соблюдения требований дисциплины было определено воспитание в каждом работнике милиции классовой выдержки, сознательности и стойкости, преданности пролетарскому государству, ясного понимания назначения, роли и задач милиции в реконструктивный период в условиях обостренной классовой борьбы и строительства социализма в стране, доверия начальнику, добросовестного и сознательного выполнения служебного долга, способности к самопожертвованию и взаимной поддержки друг друга в оперативно-боевой подготовке.

Устав регламентировал деятельность руководителей и устанавливал их персональную ответственность за состояние дисциплины во вверенном им подразделении. Практика применения данного подхода прослеживается весь изучаемый период. Например, в приказах НКВД БССР по вопросам работы с личным составом прямо указано, персональная ответственность за выполнение приказа возложена на руководителей подразделений [7, с. 34]. При этом, наделяя их широкими правами, он же требовал от них стать образцом для подчиненных.

Критериями поощрения были установлены: образцово-выдающееся исполнение служебных обязанностей, проявление самоотверженности, героизма и другие особые заслуги [8, с. 46–47].

Содержание положений Дисциплинарного устава определяло работу по укреплению дисциплины, как составную часть политико-воспитательной работы, ее направленность на формирование у каждого работника сознательного соблюдения требований служебной дисциплины.

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что в 1931 г. на нормативном уровне было оформлено существование политического аппарата в РКМ, утверждены необходимые нормативно-правовые акты, определены направления и приоритеты политико-воспитательной работы в милиции. И в дальнейшем нормативные документы не вносили принципиальных изменений в цели, формы и содержание политико-воспитательной работы, а лишь корректировали, исходя из актуальности различных вопросов внутренней и внешней политики.

Например, 22 декабря 1937 г. приказом Народного Комиссара внутренних дел СССР был объявлен Временный Устав службы ведомственной милиции, в котором были собраны все положения, регламентирующие все аспекты деятельности указанных подразделений, в том числе шестая глава «Политическая работа по обеспечению службы». Шесть статей определяли цель и формы проведения данной работы с личным составом. Целью политической работы в ведомственной милиции было воспитание в каждом работнике высокой дисциплинированности, смелости, самоотверженности и решительности в борьбе с врагами советского народа и преступностью.

Основными формами политической работы продолжали быть массовая (групповая) и индивидуальная агитация, беседы, доклады, чтение газет, лекции, митинги, собрания, совещания, вечера самодеятельности и организация настольных игр (шашки, шахматы и т. п.) [9, с. 29–30].

После создания 10 июля 1934 г. НКВД СССР и, соответственно, НКВД БССР [10, с. 117] 3 июля 1936 г. принято новое общесоюзное Положение о прохождении службы начальствующим составом РКМ НКВД СССР [11, с. 118].

26 апреля 1936 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление о введении специальных званий и знаков различия для работников милиции. В связи с этим, и для проведения аттестации и было разработано и утверждено ЦИК и СНК СССР 3 июля 1936 г. «Положение о прохождении службы начальствующим составом рабоче-крестьянской милиции народного комиссариата внутренних дел СССР» [11, с. 84].

Все эти меры обеспечивали не только усиление централизации в управлении РКМ, но и напрямую затрагивали вопросы политической работы. Однако проведено определенное разделение между начальствующим составом РКМ с одной стороны и рядовым, и младшим начальствующим составом РКМ, условия и порядок прохождения службы у которых до этого не отличались.

Для начальствующего состава вводилось ряд норм, которые существенно улучшали их положение в сравнении с иными категориями работников РКМ. Как например, п. 38 «Ни одно лицо начальствующего состава Рабоче-Крестьянской милиции, имеющее специальное звание, не может быть подвергнуто аресту следственными органами без особого разрешения Народного Комиссара внутренних дел Союза СССР» [11, с. 122].

Введение в действие норм Положения по сути определило курс НКВД не только на сохранение наиболее ценных кадров и закрепление их на службе, но и создавало возможность для карьерного роста в милиции, что являлось значительным стимулом для качественного выполнения своих обязанностей. Но с другой стороны и повышали требования к качественному составу руководящего звена милиции.

Март 1937 г. ознаменовался проведением Пленумом ЦК ВКП(б), где были одобрены проводимые ЦК ВКП(б) мероприятия по организационной перестройке аппарата НКВД СССР и укреплению его новыми партийными кадрами. Данный документ стратегического уровня четко определил приоритет в работе с личным составом НКВД, и в том числе РКМ, а именно: формирование преданности и осознанного желания бороться с классовым врагом.

Несмотря на сформированную нормативную базу, только с принятием решения о создании в 1931 г. политаппарата можно говорить о полноценном развертывании политико-

воспитательной работы и появлении ведомственного нормативного документа, регламентирующего организацию и проведение ПВР: Директивы от 2 сентября 1931 г. «О задачах агитационно-массовой работы в РКМ БССР», в которой были определены тенденции развития политико-воспитательной работы на ближайшее десятилетие.

Надо отметить, что этот большой документ (20 листов) написан достаточно хаотично, с частыми повторениями содержания в различных разделах, что вполне отражает необходимость вновь созданным политаппаратам максимальной быстро в условиях недостатка времени и отсутствия предшествующего накопленного опыта организовать политико-воспитательную работу с личным составом.

В полагающей части определена цель перестройки агитационно-массовой работы «ставіцца задача рашучага зварту ўсёй сыстэмы палітычнай і партыйнай работы тварам да боевой і палітычнай падрыхтоўкі» [12, л. 4]. Данный вид служебной деятельности должен был обеспечивать высокую профессиональную подготовку и абсолютную политическую стойкость. Именно в агитационно-массовой работе (далее – АМР) руководство РКМ видело резерв в решении таких задач.

В данной Директиве были определены направления АМР, конкретные задачи и обоснован главный принцип ее проведения – систематичность. Под АМР понималась вся политическая (агитационная) и культурная работа, проводимая партаппаратом, партийной и комсомольской организациями, общественными организациями, милицейской печатью, клубами и Ленинскими кружками.

Как видим, в этом определении были максимально широко представлены субъекты АМР, в том числе изначально партийные и комсомольские организации, общественные организации рассматривались как часть партаппарата, что обеспечивало единые подходы к реализации АМР во всем ведомстве.

Первый раздел Директивы посвящен «Массовой работе», которая должна была быть звеном в деле охвата партийным влиянием широких масс, усиления связи с ними, мобилизации их активности вокруг генеральной линии партии.

Массовая работа рассматривалась как средство воспитания милиционеров и начсостава в духе активной борьбы за успехи социалистического строительства, беззаветной преданности партии, преданности делу РКМ и готовности к решительной борьбе с классовым врагом.

Второй раздел Директивы посвящен формам массовой работы. В ней выделены два направления: 1. политическая агитация; 2. работа вокруг боевой, политической и агитационной подготовки.

Для каждого из направлений были подробно расписаны формы работы.

Например, для политической агитации – это собрания и митинги, художественная работа кружков и клубов, печать, наглядная агитация.

Было сформулировано главное требование к политической агитации – актуальность и быстрая реакция на недостатки.

Особое внимание было уделено соблюдению служебной дисциплины и законности. Массовая работа должна была максимально использоваться как оружие обеспечения крепкой и сознательной дисциплины. Для это предписывалось проведения мероприятий по следующим направлениям:

- популяризация нормативных требований;
- информирование о допущенных проступках и их осуждение;
- борьба с пьянством, сном на посту и так далее методами групповой и индивидуальной агитации;
- популяризацию через печать дисциплинированных милиционеров, отличившихся в учебе и службе.

Особо отмечалось, что необходимо максимально использовать факты героизма милиционеров в воспитательной работе.

Рекомендовались индивидуальные беседы с провинившимися милиционерами, использование заседаний выездных трибуналов для оказания воспитательного воздействия на личный состав.

Подчеркивалось значение социалистического соревнования и ударничества в служебной деятельности и необходимость повышать организационную и контролирующую роль начсостава, недопущение формализма.

Особо была отражена роль милицейской печати, в которой должны были найти свое отражения все актуальные вопросы массовой работы.

Перед политаппаратом была поставлена задача сделать милицейскую печать оружием пропаганды новых форм массовой работы и борьба за дальнейшее развертывание соцсоревнования и ударничества, освещение достижений в учебе и службе, популяризацию лучших образцов соцсоревнования и ударничества, борьба с лжеударничеством.

Директива подробно расписала требования к работе таких субъектов АМР, как клубы и ленинские уголки. Их рассматривали как опорные базы для военно-политической и культурной работы, проводимой политорганами, партийными, комсомольскими и общественными организациями, в первую очередь, для широкой политической агитации и социалистического соревнования.

На клубы возлагалось обеспечение мероприятий художественными и техническими средствами, кино, радио, фото, организация милицейской эстрады, работа библиотек, наглядная агитация, экскурсионная работа и массовый спорт.

Доминирующая роль отводилась массовой художественной работе, живым газетам, самодеятельным вечерам, походам и массовому спорту, массовой работе вокруг кино и радио.

Массовой работе в клубах предписывалось всеми мерами обеспечить идеологически выдержанное и политически актуальное содержание, вести решительную борьбу с всяческими проявлениями «голага культурництва і аполітичності» и тем более – искажением политики партии.

Ленинские уголки должны были обеспечить проведение менее массовых мероприятий: политбоев, вечеров вопросов и ответов, более простых форм эстрады, вечеринок, художественного чтения, индивидуальных конкурсов на лучшее исполнение песен, игры на музыкальных инструментах.

Надо отметить, что деятельность клубов и Ленинских уголков людскими ресурсами в виде штатных должностей не обеспечивалась.

Вопросы организации деятельности клубов и Ленинских уголков было предписано решать за счет внутренних резервов подразделений, то есть выдвинуть и закрепить актив, поручив работникам милиции различные направления, например, эстрадные коллективы, струнные оркестры, группы чтецов и так далее.

Руководство работой клуба предписывалось возложить на одного из политработников по совместительству, а в ленинских уголках основную работу должны были проводить партийные и комсомольские организации под управлением помощника начальника по политической части (политрука).

Отдельным вопросом в Директиве была рассмотрена система управления АМР (3 раздел).

Руководство АМР должно осуществлять комиссар (помощник начальника/командира по политчасти) подразделения и парторганизация.

Партийная организация должна была осуществлять свое руководство через сектор массовой работы, во главе которого было необходимо поставить «опытнаго таварыша».

В случае отсутствия соответствующих специалистов (например, в самодеятельности) было рекомендовано обращаться в аналогичные местные организации не из РКМ. Особо подчеркивалась необходимость создания актива и работа с ним.

Большое внимание было уделено работе начсостава: «Неабходна дабіцца, каб кожнаму начальніку (камандзіру) было ясна, што правадзімая масавая політычная работа, сьцержнем сваім маючая боевую, політычную і спецыяльную падрыхтоўку і выхаваньне, ёсць магутнае арудзіе, дапамагаючае кожнаму начальніку (камандзіру) дабіцца лепшых вынікаў у вучобе, у насеньні службы, забяспечваючае моцнае політыка-моральнае становішча і дысцыпліну. Выходзячы з гэтага не павінна быць ні воднага начальніка (камандзіра) стаяшчага ў старане ад масавай работы, неўцягнутага ў актыўнае кіраўніцтва якой-ліба з галін масавай работы» [12, л. 23].

Заключительная часть Директивы была посвящена ведению документации по учету данного вида работы, которая была возложена на руководителей клубов и ленинских уголков [12, с. 4–24].

Анализ документа показывает, что Директивой были заложены основные направления политико-воспитательной работы.

Дальнейшее управление ПВР осуществлялось политотделом УРКМ НКВД БССР посредством направления циркуляров с указанием проведения конкретных мероприятий по различным аспектам политико-воспитательной работы. Они носили как распорядительный характер, так и отчасти методический характер.

Например, осенью 1934 г. во все подразделения были направлены указания об организации партпросвещения на 1934/1935 учебный год, в том числе и циркуляр политотдела

ГУРКМ НКВД СССР, в котором подводились итоги прошлого года и ставились задачи на наступающий учебный год [13, с. 41–42].

Исходя из вышеизложенного можно сделать выводы, что в 30-х гг. XX в. юридически было оформлено такое направление деятельности РКМ, как политико-воспитательная работа, определены ее цели, задачи, приняты все необходимые нормативные правовые акты, регламентирующие данное направление служебной деятельности. Сформировался общеведомственный подход, согласно которому персональная ответственность за состояние политико-воспитательной работы было возложено на руководителей подразделений. На основе накопленного эмпирического опыта были определены формы и методы работы с личным составом.

Литература

1. Лубянка : органы ВЧК–ОГПУ–НКВД–НКГБ–МГБ–МВД–КГБ. 1917–1991 : справочник / А. И. Кокурин, Н. В. Петров / под ред. А. Н. Яковлева. – М. : МФД, 2003. – 768 с.
2. Об изменении Положения о Рабоче-крестьянской милиции : постановление СНК СССР, 17 февр. 1932 г. // Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.) / сост.: И. В. Соколов, Н. В. Дементьев, Н. И. Яковлев. – М. : Тип. Высш. школы МВД СССР, 1957. – С. 245–246.
3. Об изменении положения о воинских преступлениях : постановление ЦИК и СНК СССР, 7 июня 1932 г. // Сборник законодательных документов по вопросам организации и деятельности советской милиции (1917–1934 гг.) / сост.: И. В. Соколов, Н. В. Дементьев, Н. И. Яковлев. – М. : Тип. Высш. школы МВД СССР, 1957. – С. 252.
4. Положение о рабоче-крестьянской милиции от 25.05.1931 // Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007) / сост. К. И. Барвинок [и др.] ; под ред. К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневого ; авт. ист. очерка К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
5. О государственном обеспечении рядового состава рабоче-крестьянской милиции : постановление СНК СССР, 02.12.1932, № 1779 [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=30742#08681596665529157/>. – Дата доступа : 03.05.2021.
6. Палажэньне пра галоўнае кіраўніцтва рабоча-сялянскай міліцыі пры СНК БССР ад 11 верасня 1931 года // Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007) / сост. К. И. Барвинок [и др.] ; под ред. К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневого ; авт. ист. очерка К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
7. Приказ НКВД БССР от 25 марта 1935 г. // Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 34. Оп. 1. Д. 9036. Л. 103.
8. Зыбин, С. Ф. Аппараты по работе с личным составом в органах внутренних дел Российской Федерации (историко-правовой аспект) : монография / С. Ф. Зыбин. – СПб. : Санкт-Петербургский институт МВД России, 1996. – 214 с.
9. Приказ Народного Комиссара внутренних дел СССР от 22 дек. 1937 г. // Архив МВД Республики Беларусь. – Ф. 50. Оп. 3. Д. 5. Л. 39.
10. Об образовании Общесоюзного Народного комиссариата внутренних дел : постановление ЦИК СССР, 10 июля 1934 года // Милиция Беларуси : 100 лет. История и современность / В. И. Ананич [и др.] ; под общ. ред. И. А. Шуневича. – Минск : Беларусь, 2016. – 191 с.
11. Положение о прохождении службы начальствующим составом Рабоче-крестьянской милиции НКВД СССР, 3 июля 1936 года // Милиция Беларуси. Документы и материалы (1917–2007) / сост. К. И. Барвинок [и др.] ; под ред. К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневого ; авт. ист. очерка К. И. Барвинка, А. Ф. Вишневого. – Минск : Акад. МВД Респ. Беларусь, 2007. – 352 с.
12. Аб задачах агітацыйна-масавай работы ў рабоча-сялянскай міліцыі БССР (15.12.1931) // НАРБ. – Ф. 37. Оп. 1. Д. 54. Л. 43.
13. Циркуляр Главного Управления РКМ НКВД СССР от 17 сент. 1934 г. // Государственный архив общественных объединений Могилевской области (ГАООМГО). – Ф. 45. Оп. 1а. Д. 220. Л. 70.

УДК: 94:378(476.2)«192/193»

Гомельскі рабфак: спроба першая, няўдалая

В.У. ЦАЦАРЫН

У артыкуле разгледжана першая спроба стварэння ў Гомелі рабфака – навучальнай установы, якая, паводле задумкі савецкай улады, павінна была рыхтаваць кадры адпаведных класаў для паступлення напрамую ў вышэйшую школу. Аўтар перадае асноўныя палажэнні, паводле якіх існавалі рабфакі ў РСФСР напачатку 1920-ых гг., а таксама на архіўных матэрыялах – асноўныя накірункі, праблемы і дасягненні рабфака ў Гомелі ў 1923–1924 навучальным годзе. Такім чынам шмат архіўных дадзеных уведзена ў навуковы зварот.

Ключавыя словы: рабфак, вуну, Гомельская губерня, адукацыя, педагагічны працэс.

The article examines the first attempt to establish a faculty for workers in Gomel. It was a form of an educational institution. According to the Soviet authorities the aim of the faculty was to train personnel for the relevant classes to enter directly into higher education. The author conveys the main provisions according to which the faculties existed in the RSFSR in the early 1920s. Based on the archival materials the author gives the main directions, problems and achievements of the faculty in Gomel in the 1923–1924 academic year. Thus a lot of archival data are introduced into scientific circulation.

Keywords: faculty for workers, university, Gomel province, education, pedagogical process.

Напачатку XX ст. адбыліся сур’ёзныя змены на палітычнай карце Еўропы. У выніку Першай сусветнай вайны некаторыя дзяржавы зніклі, іншыя з’явіліся. Акрамя гэтага, сацыяльныя ўзрушанні паклалі пачатак падзелу свету на капіталістычны і сацыялістычны лагеры. Тэрыторыя Беларусі ў выглядзе БССР і, у прыватнасці, цяперашняя Гомельшчына, адносілася да апошняга. Праўда, да 1924–1926 гг. яна ўваходзіла ў склад БССР толькі часткова. Сам Гомель з’яўляўся цэнтрам губерні РСФСР.

Савецкая ўлада будавала краіну з адкрытых і ясна абвешчаных класавых пазіцый. І тут існавала вялікая праблема: рабочыя і сяляне не толькі не мелі вышэйшай адукацыі (ва ўсялякім выпадку у сваёй абсалютнай большасці), але і традыцый да яе імкнуцца. Спецыялісты ж, якія мелі вышэйшую адукацыю, натуральна, былі патрэбны і запатрабаваны як у тэхнічнай, так і ў гуманітарнай сферы. Улады выкарыстоўвалі існаваўшыя кадры. Аднак адначасова і імкнуліся насыціць вуну студэнтамі з «правільных» класаў: рабочымі і працоўным сялянствам. Забяспечыць не толькі паступленне іх у вуну, але і магчымасць там вучыцца (з прычыны дрэнных «стартавых пазіцый» у плане ўзроўню адукаванасці) павінны былі рабочыя факультэты, ці рабфакі.

Згодна з «Палажэннем» аб рабочым факультэце, яго мэтай была «подготовка к занятиям в высших учебных заведениях исключительно лиц из среды пролетариата и трудового крестьянства» [1]. У Гомелі рабфак быў упершыню адкрыты ў 1923–1924 гг. і праіснаваў толькі названы навучальны год. Рабфакі, перш за ўсё, адкрывалі ў саміх вышэйшых навучальных установах. Аднак у буйных гарадах, па ўзгадненню з упраўленнем прафесійнай адукацыі народнага камісарыята асветы, таксама адкрывалі. Менавіта гэтым і скарысталіся ў Гомелі. Згодна з выпіскай з пратакола № 49 Бюро Гомельскага губкама РКП(б) ад 13 жніўня 1923 г., да 15 верасня рабфак павінен быў быць адкрытым [2].

Падрыхтоўчую работу актыўна праводзілі летам 1923 г. Рабфаку перадалі будынак былой жаночай гімназіі па вуліцы Білецкага, дом 8. Можна канстатаваць, што бурныя падзеі ўсталявання ў Гомелі савецкай улады для былой гімназіі не прайшлі проста. Ва ўсялякім выпадку, у камісію па прыёмцы рамонтных работ напачатку верасня быў спецыяльна запрошаны інжынер таварыш Брагінскі [3]. Таксама рабіліся замовы розным прадпрыемствам і прыватным майстрам Гомеля на выраб рознага кшталту мэблі [4].

Загадчыкам рабфаку быў Янкоўскі Рафаіл Акімавіч, які праходзіў па штатах з кваліфікацыяй журналіст. Штат супрацоўнікаў вялікім не быў. Вычэбнай часткай заведваў спецыяльна запрошаны са Старадуба (прышлося і сям’ю перавозіць) Мейер Усевалад

Паўлавіч. Цікава, што ў выпісаным яму пасведчанні прысутнічае назва Гомельскі рабочы факультэт імя 25-годдзя РКП [5], а пазней у назве стала ўжывацца імя У.І. Леніна, з-за чаго Янкоўскаму нават прыйшлося ехаць у Маскву даваць абгрунтаванне гэтаму, бо аддзел рабфакаў упраўлення прафесійнай адукацыі не вельмі ахвотна пагаджаўся на прысвойванне «гучных» назваў, пра што разаслаў спецыяльны цыркуляр [6]. На жнівень ў ведамасці на жалаванне адміністрацыйна-гаспадарчаму персаналу значацца таксама справавод Салунскі і машыністка Аронава [7]. Існавала і некаторая «цякучка» кадраў. Тую ж Аронаву ўжо 2 верасня адкамандазівалі на біржу працы «как неудовлетворившую требования работы на Рабфаке» [8]. Самы вялікі штат адміністрацыйна-гаспадарчых супрацоўнікаў амаль не перавышаў дзесятак чалавек: загадчык рабфакам, загадчык вучэбнай часткі (ён жа і выкладаў), сакратар (быў з навучэнцаў), загадчык гаспадаркі, камендант, кіраўнік справам, машыністка, бібліятэкарка, стораж і дзве прыбіральшчыцы. Пры гэтым скарачэнні адбываліся перыядычна, асабліва пасля аб'яднення аб ліквідацыі Гомельскага рабфака.

Згодна з агульнапрынятай структурай рабфак складаўся з наступных падраздзяленняў. Пры загадчыку ствараўся прэзідыум (ад 3 да 5 чалавек), у склад якога таксама ўваходзілі намеснікі па вучэбных і студэнцкіх справах і па жаданні прадстаўнікі губвыканкамаў, губернскіх саветаў прафсаюзаў, губкамаў РКП(б) і інш. Семестравыя і гадавыя справаздачы, планы развіцця, расходы і г. д. разглядаў савет рабочых факультэта: прэзідыум, 5 выкладчыкаў, 5 студэнтаў, прадстаўнікі праўлення вну, губвыканкама, губкама РКП(б), РКСМ, а па ўзгадненню з кіраўніцтвам рабфака – і прадстаўнікі гаспадарчых арганізацый. Не радзей за 2 разы на месяц павінны былі склікацца прадметныя камісіі для абмеркавання размеркавання прадметаў паміж выкладчыкамі, выканання праграмы, вынікаў навучання і інш. Складаліся яны з роўнай колькасці выкладчыкаў прадмета і студэнтаў. Не радзей за 2 разы на семестр склікаліся курсавыя нарады (колькасць студэнтаў на іх павінна была адпавядаць колькасці выкладчыкаў) для абмеркавання аб'ёму ведаў, унутранай узгодненасці паміж курсамі, перасоўвання і колькасці студэнтаў у групах, паспяховасці і г. д. Органам студэнцкага самакіравання былі групавыя тройкі [9].

Згодна з «Палажэннем» працаваць у рабфаках маглі выкладчыкі вну, «а также лица, обладающие достаточным педагогическим или научным стажем» [10]. На паседжанні прэзідыума Гомельскага рабфака (7 верасня 1923 г.) былі створаны тры прадметныя камісіі: фізіка-матэматычная, прыродазнаўча-геаграфічная і гуманітарная. Першую ўзначаліў Гольдбурт, увайшлі ў склад Мейер, Парыбок, Альтшулер, Грамыка. У астатніх старшынь не абралі. Прыродазнаўча-геаграфічную склалі Балабушэвіч, Міцераў, Рассаткевіч, Воранаў. А ў гуманітарную камісію ўвайшлі Біруковіч, Котаў, Казлоў, Гройпінер, Янкоўскі, Куніца, Вірганскі [11]. Тут жа пастанавілі, што заняткі пачынацца будуць а дзевятай ранку і цягнуцца 45 хвілін (перапынкі – па 10). Што датычыць колькасці ўрокаў на тыдзень для выкладчыка, то яна, напэўна, залежала ад прадмета: ад 5–6 (Куніца, Казлоў, Янкоўскі, Вірганскі) да 14–16 (Біруковіч, Альтшулер, Гольдбурт, Рассаткевіч). Прыкладна такім жа складам выкладчыкаў рабфак і скончыў навучальны год. Толькі ў першым семестры за сістэматычныя пропускі заняткаў і адсутнасць кантакту з групамі быў звольнены географ Міцераў.

Што датычыць набору, то ён рэгламентаваўся па некалькіх накірунках. Прэтэндэнты павінны былі мець 18-цігадовы ўзрост. Іх працоўны стаж павінен быў складаць не менш за тры гады, прычым праца павіна была выконвацца фізічная (прамысловасць, сельская гаспадарка). У стаж гэты залічвалі тэрмін службы ў Чырвонай Арміі. Паходжанне абітурыентаў – пралетарыі ці сяляне. Але да апошніх уводзілі яшчэ адно патрабаванне: яны павінны быць з сям'яў бяднейшых землебаў, якія тры апошнія гады працавалі без эксплуатацыі чужой працы. Калі ў воласці мелася ячэйка РКП ці РКСМ, то пажадана была яе рэкамендацыя. Тыя, хто не меў у папярэднія тры гады стажа непасрэднай фізічнай працы, маглі стаць навучэнцамі рабфакаў, калі былі камуністамі (камсамольцамі) такі ж прамежак часу. Але гэта толькі, калі на факультэце пасля даслання заяў заставаліся вольныя месцы.

Усе, хто адпавядаў названым крытэрыям, павіны былі праходзіць уступныя выпрабаванні. Прэтэндэнт павінен умець бегла чытаць і пісаць па-руску і ведаць чатыры дзеянні (складанне, вылічэнне, памнажэнне і дзяленне) над цэлымі лічбамі. Дыялектычнасць падыходу была ў тым, што, з аднаго боку, неаднаразова цыркуляры падкрэслівалі, што

нельга перагінаць са складанасцю. Некаторыя памылкі ў пісьме ці слабое разуменне прачытанага не павінны стаць перашкодай для залічэння на рабочы факультэт [12]. З іншага, не менш рашуча цыркуляры асуджалі ператварэнне рабфакаў у лікбезы [13].

Акрамя гэтага існавала развёрстка. У асноўным, размекаванне кандыдатаў павінна было адпавядаць прапорцыі: 60 % – ад прафсаюзаў, 30 % – ад партарганізацый, 10 % – ад земляробаў. У мандатную камісію для правядзення ўступных выпрабаванняў уключаліся прадстаўнік прэзідыума рабфака (кіраўнік камісіі), прадстаўнікі губпрафсавета (упрафбюро), губкама (укама) РКП(б), РКСМ, мясцовага аддзела народнай адукацыі і два прадстаўнікі камсамольскай ячэйкі рабфака. Выпрабаванні павінны былі пачынацца не раней за 1 чэрвеня [14].

Адкрыўшыся ў Гомелі рабочы факультэт павінен быў навучаць 150 чалавек, з якіх «100 на полном госиживении, а 50 человек на собственном ижживении и за счёт командирующих учреждений» [15]. Даводзіўшаяся прапорцыя не вытрымлівалася, бо паміж прафсаюзамі і партарганізацыямі месцы падзялілі парову. З 75 прафсаюзных месцы размяркоўваліся паміж 21 саюзам, прычым на поўным дзяржабеспячэнні вучыцца павінны былі 50 чалавек без дэтальвага іх размеркавання. Для тых, хто ішоў ад партарганізацый губерні, квоты ўводзіліся наступныя: Гомельскі гаррайвыканкам: за дзяркошт – 6, за ўласны – 4–10 чалавек, Навабеліцкі, адпаведна – 5 і 3–8, Залінейны – 5 і 2–7, Клінцы атрымалі 5 і 2–7 месцаў, Магілёў – 3 і 2–5, Навазыбкаў – 4 і 2–6, Гомельскі павет – 2 і 2–4, Рагачоў – 3 і 2–5, Клімавічы – 3 і 1–4, Старадуб – 3 і 2–5, Рэчыца – 3 і 2–5, Чэрыкаў – 2 і 2–4, губернскі камітэт – 5 [16]. Такім чынам, калі б усе партарганізацыі даслалі максімальна магчымую колькасць людзей, то толькі за ўласны кошт прыбыло б вучыцца 70 чалавек. Што датычыць сялянскай беднаты, то яе квоту перадалі партарганізацыям, вырашыўшы, што нават беспартыйных будучь дапускаць да выпрабаванняў толькі па рэкамендацыі валасных выканаўчых камітэтаў РКП, аддаючы перавагу дэмабілізаваўшымся чырвонаармейцам. Пры гэтым доля сялян-земляробаў павінна была скласці 25 % ад усіх прадстаўленых партарганізацыямі [17].

Падчас уступнай кампаніі, канешне, некаторыя моманты па персаналіях можна было ўрэгуляваць. Так, Залінейны раён не заняў свае тры месцы, таму іх прапанавалі Дарпрафсаюзу [18]. З Гомельскім гаррайкамам таксама прыйшлося перапісвацца: некаторыя адкамандзіраваныя не з'явіліся, два прадстаўнікі гэтай партыйнай установы не прайшлі выпрабаванні, былі заяўлены замены, аднак, на 17 верасня 1923 г. два месцы за свой кошт былі вольнымі [19]. А, напрыклад, нехта грамадзянін вёскі Патапаўка Буда-Кашалёускай воласці Рагачоўскага раёна Георгій Андрэевіч Корцэлеў, атрымаў адмоўную рэзалюцыю на залічэнне яшчэ 31 жніўня «за адсутнасцю вакансіі» [20].

Яшчэ да пачатку ўступных выпрабаванняў (11 верасня) была праведзена нарада з прадстаўнікамі партыйных органаў і розных галіновых прафсаюзаў. Выступаючы на ёй, Янкоўскі патлумачыў, што рабфак без дапамогі прадпрыемстваў губерні не здолее ўтрымліваць усіх 150 студэнтаў, маючы на ўвазе тых, хто не быў на дзяржабеспячэнні. Таму ён ультыматыўна прапаноўваў прадстаўнікам адпаведных прафсаюзаў заключыць з рабфакам дамовы на аплату за сваіх студэнтаў. У адваротным выпадку гэтыя навучэнцы аказаліся б сам насам з праблемай свайго ўтрымання. Выказваючыся ў адказ, кіраўнік губпрафадукцыі Макоўскі рэзка выступіў супраць прыняцця падобных студэнтаў на забеспячэнне рабфакам за фінансавую кампенсацыю ад прафсаюзаў. Ёні заявіў, што «стыпендыі альбо зусім не будуць атрымлівацца, альбо будуць паступаць неакуратна». Тым не менш, прадстаўнікі прафсаюзаў запэўнілі, што праблем не будзе. Таму вырашылі, што рабфак забяспечвае ўсіх сваіх навучэнцаў усім аднолькава. А за гэта штомесяц атрымлівае грошы ад прафсаюзаў у тых жа памерах, што і дзяржстыпендыя [21]. Трэба заўважыць, што Макоўскі шмат у чым мей рацыю. Перыядычна кіраўніцтву рабфака прыходзілася нагадваць розным прафсаюзам аб неабходнасці не тое, што наперад унесці грошы за свайго студэнта (а дамаўляліся пераводзіць у чырвоным налічэнні не пазней за 30 чысло бягучага месяца за будучы), але і патрабаваць пагасіць выдаткі за мінулы перыяд і нават здымаць некалькі студэнтаў з давольства. Тым не менш, апошняй мерай не злоўжывалі. Па меры магчымасці наадварот імкнуліся паспрыць таму, каб студэнты больш думалі пра вучобу, чым пра спосаб існавання, і хадайнічалі аб іх

пераводзе на навучанне за дзяржаўны кошт. Як прыклад, можна прывесці захаваўшыся ліст-заяву ад некага Калінкова. Заява напісана была студэнтам алоўкам, прычым не самым зразумелым почыркам, не заўсёды літатурнай мовай. Сэнс просьбы ў тым, што ён, Калінкоў, тры гады адслужыў у Чырвонай Арміі, быў на фронце, змагаўся з бандытамі ў Чэрыкаўскім павеце. Пасля дэмабілізацыі быў абраны ў старшыні сельсавета, «проводил строгую классовую прямоу... добросовестно и аккуратно без всяких пропусчительств и уступок местным кулакам, почему имею много врагов, которые не сумев бороться со мною в открытой борьбе, решили пойти на... преступление, чтобы убрать меня». Апісвалася начная перастрэлка, з якой Калінкоў выйшаў пераможцам. У рабфак ён паступіў за свой кошт. Але «родители учить меня отказались ввиду того, что не имеют средств». І каб не даць магчымасці мясцовым «кулакам и прочим негодьям» парадвацца (а яны казалі: «куда с его карманом учиться»), Калінкоў просіць перавесці яго на дзяржаўнае. На заяве за подпісам Янкоўскага і датай 25 верасня 1923 г. стаіць рэзалюцыя аб накіраванні адпаведнага хадайніцтва ў Гомельскі павятовы выканаўчы камітэт [22]. Падобныя ж просьбы, праўда без захаваўшыхся дэталёвых і маляўнічых абгрунтаванняў, пісалі і некалькі іншых студэнтаў.

28 верасня 1923 г. прайшло пасяджэнне прэзідыума рабфака, на якім абмяркоўвалі вынікі ўступнай кампаніі. Яе правядзенне, у цэлым, было прызнана здавальняючым, хаця развёрстку па сялянах не выканалі. Заставаліся 10 стыпендый ад Гомельскага выканаўчага камітэта, якія прапаноўвалі размеркаваць, па-магчымасці, па 1 на павет, але студсавет павінен быў за два дні выявіць найбольш маючых патрэбу, асабліва сярод сямейных [23], што і было зроблена.

Тут жа пастанавілі, што, акрамя заняткаў, патрэбна вызначыць дні для дадатковых кансультацый з 17.00 да 19.00 для адстаючых (2 дні па рускай мове і 2 дні па матэматыцы). Запланавалі і адкрыццё кружкоў: прыродазнаўчага, літаратурнага, грамадазнаўства, спартыўнага, харавога і літкалегію. Па магчымасці, праводзіць іх сіламі ўласных выкладчыкаў. Пры неабходнасці, прыцягваць знешніх сумяшчальнікаў [24]. Асноўны распарадак дня зацвердзілі 22 кастрычніка. З панядзелка па суботу рабфакаўцы вучыліся з 9.00 да 14.30. Потым да 17.00 – вольны час на абед і адпачынак, пасля чаго пачыналіся двухгадзінныя кансультацыі і падрыхтоўка ўрокаў. Кружкі дзейнічалі з 19.00 да 21.00: літаратурны і грамадазнаўчы ў панядзелак і пятніцу, прыродазнаўчы ў сераду, спартыўны ў аўторак (18.00–21.00) і нядзелю (9.00–13.00). У нядзелю ж а 17-ай збіраўся хор. Заставалася два вечары, якія размеркавалі так: па чацвяргах з 19.00 быў партдзень, а ў суботу з 19.00 – саюзнае дзень.

Шмат увагі на рабфаку ўдзялялі і фарміраванню бібліятэкі. Яшчэ ў жніўні даваўся запыт на выдзяленне 6000 рублёў на набыццё вучэбных дапаможнікаў і літаратуры. Аднак, як адзначаў Янкоўскі, 10 лістапада вылучылі на гэтыя мэты толькі 2500 рублёў [25]. Тым не менш, кнігі набываліся як у масцовай краме, так і ў Маскве, нават нягледзячы на перарасход. На 19 лістапада 1923 налічвалася больш за 2500 кніг, у асноўным вучэбных. Забяспечанасць падручнікамі ацэньвалася 3–5 чалавек на 1 кнігу. Уціскалі іншыя патрэбы, перш за ўсё, адміністрацыйна-гаспадарчыя расходы [26].

Што датычыць непасрэднага навучальнага працэсу, то Масква патрабавала, каб рабочыя факультэты не выкарыстоўвалі традыцыйны лекцыйны метады. Замест яго ўводзіўся лабараторна-даследчы. Ён узгадваецца ў цыркуляры аддзела рабфакаў Галоўпрафадук № 15 ад 23 мая 1923 г. [27], а потым некалькі разоў пра яго нагадвалі. Сутнасць метаду – практыкаарыентаванасць, калі казаць сучаснай мовай. Студэнты павінны былі дзяліцца на групы, больш часу праводзіць у лабараторыях, вырашаць практычныя заданні. Патрабавалася ўводзіць экскурсіі, пашыраць падрыхтоўку навучэнцамі дакладаў і рэфератаў. Што датычыць новых падручнікаў і дапаможнікаў, а тым больш абсталявання для лабараторый, то адзначалася, што насычэнне імі – справа доўгая. Прапаноўвалася больш абпірацца на ўласныя магчымасці і сілы.

Нават вучэбныя праграмы на 1923–1924 г. зацвердзіць абяцалі не раней за 15 кастрычніка [28] (па факце даслалі значна пазней, калі першы семестр ужо скончыўся). Арыентавацца патрэбна было на праект, прыняты на II Усерасійскім з'ездзе рабфакаў і апублікаваны ў часоаісе «Знамя рабфаковца». Змены датычыліся рускай мовы (і літаратуры), грамадазнаўчых навук, фізікі, хіміі, прыродазнаўства і геаграфіі.

Што датычыць гісторыі, то было вырашана скасаваць раздзелы, прысвечаныя старажытнасці (Усход, Грэцыя, Рым). Нарысна давалася першабытнае грамадства, сярэднявечча Еўропы. Аснову курса стала складаць так званая эпоха «Прамысловага капіталізму». Пры гэтым адзначалі, што асноўную ўвагу патрэбна ўдзяляць гаспадарчым формам, потым – эканамічнай структуры грамадства. Ідэалагічныя моманты – у апошнюю чаргу. Відавочны пераход да спрошчанай марксісцкай схемы гісторыі. Можна зразумець, чаму з рускай літаратуры пакінулі для малодшага курса толькі невялікія апазданні пра класавую барацьбу, а на старэйшых – калямарксісцкую літаратуру мяжы стагоддзяў. Цяжэй патлумачыць, чаму, напрыклад з рускай мовы прыбралі амаль усю фанетыку, з хіміі – арганіку [29]. Калі вяртацца да гісторыі, ці грамадазнаўства ўвогуле, то цыркуляр аддзела рабфакаў № 24 патрабаваў перагледзець спісы выкладчыкаў, прычым, у першую чаргу, як раз названых курсаў. Патрабавалася даслаць у аддзел іх спісы, анкету, водгукі вучэбнай часткі і прэзідыума рабфака пра дзейнасць выкладчыка, такія ж водгукі кам’ячэйкі груп, у якіх ён працуе (можна агульным апытаннем, можна праз групавыя тройкі) [30].

Выкладанню грамадазнаўства (ва ўсялякім выпадку выкананню праграмы) менавіта ў 1923–1924 навучальным годзе не садзейнічала і пастанова наркамасветы ад 8 лістапада тэрмінова прыпыніць гэты курс і замест яго правесці «лекцыі, гутаркі і заняткі па пытаннях міжнароднага становішча ў сувязі з падзеямі ў Германіі» [31]. Дасылалася праграма лекцый і гутарак, якая сама цягне на добры курс вну (4 раздзелы). І асобна ад гэтай жа даты выйшаў цыркуляр аддзела рабфакаў тэрмінова выканаць дадзенае распараджэнне [32].

Для бягучага кантролю засваення курсаў праводзіліся групавыя канферэнцыі. Па выніках праверкі колькасць неспяваючых студэнтаў у кожнай з 4 груп была прыкладна аднолькавай і роўнай. Цалкам паспяваючымі быў 91 студэнт. Праблемы з адным прадметам мелі 36 чалавек, з двума – 12, з трыма – 6 [33]. Такім чынам, праблемы з навучаннем мелі 54 чалавекі, гэта значыць больш за палову ад тых, хто іх не меў.

31 снежня 1923 заслухалі старшынь прадметных камісій па выніковай паспяховасці за семестр. Старшыня па рускай мове Біруковіч адзначыў, што кантынгент дарослы, але да паступлення кніг не чыталі і друкаваны тэкст напачатку разбіралі з цяжкасцю. Таму выкладчыкі засяродзіліся на элементарных ведах і навыках. Граматычныя заняткі таксама прывязваліся да чытання. Таму паспелі менш, чым належыць і планавалі. Дакладчык адзначыў, у цэлым, «слабую падрыхтаванасць да сістэматычнай разумовай працы, адсутнасць дысцыпліны думкі, непрызвычайнасць да якога-кольвек адцягнутага мыслення». Больш аптымістычным быў старшыня па матэматыцы Гольдбурт. Ён пералічыў, адзначыўшы першапачатковыя цяжкасці, досыць вялікія поспехі студэнтаў. Скончыў ён досыць паэтычным параўнаннем: «Говорить об обязательном результате трудно. Мы перешли от механического усвоения к идейному, пришли к необходимости осознавать то, что делается. Словом, состав переходит на новый путь, стрелка переведена». Узнікае пытанне: ці то гаворка ідзе пра іншых студэнтаў, ці то дзіўным чынам склад рабфакаўцаў падабраўся з матэматычнымі схільнасцямі, ці то патрэбна ўмець выкладаць (альбо рабіць даклады?), знаходзіць падыход да складаных вучняў. Патрэбна зазначыць, што і Гольдбурт, і яшчэ адзін выкладчык матэматыкі Альтшулер некалькі разоў ездзілі ў камандзіроўкі ў іншыя рабфакі краіны для пераймання досведу выкладання. Але аптымістычныя настроі цалкам знікаюць пры чытанні даклада старшыні камісіі па прыродазнаўству і геаграфіі Мейера. Той, канешне, адзначыў фактар Міцерава (пра яго – вышэй). Але да галоўнай прычыны невыканання плана выкладання па курсыруемых ім курсах аднёс адсутнасць ведаў у паступіўшых на факультэт. Імкнуліся выкарыстоўваць лабараторны метад, але не па ўсіх тэмах гэта было магчыма. Старшыня камісіі па грамадазнаўству адзначыў, што з-за існаваўшых цяжкасцей (адсутнасць праграмы, ранейшае, чым меркавалася заканчэнне семестра, пропускі заняткаў некаторымі выкладчыкамі) удалося толькі намеціць асноўныя праблемы грамадазнаўства і першабытнай гісторыі. Ігнаравалі ў Гомелі і вывучэнне «Германскай рэвалюцыі», «часткова за недахопам часу, а таксама таму, што было вырашана адкласці гэта да таго часу, пакуль не будуць пройдзены перыяд імперыялізму і эпоха сусветнай вайны». Мейер зрабіў і агульныя высновы: цалкам задачы на семестр не выканалі, але новыя метады выкладання,

выключаючы лекцыі, выкладчыкі засвоілі. Адзнакі, якія выстаўлялі выкладчыі, супадалі, у большасці, з тымі, што ставілі таварышам групы. У выніку ставіліся тры адзнакі: «паспяхова, недастаткова паспяхова і непаспяхова». Вынікі: 50 % студэнтаў паспявалі па ўсіх прадметах, 25 % не паспявалі па адным, 9 % – па двух, 10 % – па трох, 6 % – больш чым па трох [34].

Было пастаўлена пытанне аб адлічэнні (як тады пісалі – звальненні) некаторых студэнтаў. Але прадстаўнік губернскага аддзела адукацыі Макоўскі настойліва раіў звольніць толькі аднаго (па студэнце Ягораве з'явіліся падозранні ў недабранадзейным паходжанні). У рэшце непаспяваючыя студэнты працягнулі вучыцца яшчэ адзін семестр.

Навучанне ў другім семестры працягвалася практычна па тых жа курсах. Паспяховасць крыху вырасла. Цікава, што тыя студэнты, якіх прапаноўвалі звольніць па выніках першага семестра, так і не выправіліся.

Аднак галоўнай праблемай Гомельскага рабфака была фінансавая. І яна суправаджала яго ўвесь навучальны год. У 1923 календарным годзе прыходзілася некалькі разоў прасіць у губфіннаддзела крэдыты з-за несупадзення пачатку фінансаванага і навучальнага гадоў. Аднак гэта вырашылі. Пра праблемы з пераводам сродкаў на ўтрыманне студэнтаў, камандзіраваных прафсаюзамі ўжо ўзгадвалася. Яны былі ўвесь год. Да прыкладу, 7 мая 1924 г. быў дасланы напамін дырэктару завода «Палетарый». Напамін заканчваўся эмацыйна: «Отговорка незнанием является или недопустимой в данное время канцелярской волокитой, или же нежеланием платить вовсе» [35].

Аднак галоўную праблему фінансаванага плана для Гомельскага рабочага факультэта прынесла першае ўзбуйненне БССР. 26 лістапада 1923 г. губвыканкам праз загадчыка губернскім аддзелам народнай адукацыі Гартмана даслаў распараджэнне «ў сувязі з адыходам некаторых паведаў да Беларусі... прапаноўваецца Вам зрабіць скарачэнне слухачоў уверанай Вам школы на 20 %». З дакумента вынікае, што гэта не было накіравана менавіта супраць рабфака, бо падобныя распараджэнні атрымалі ў так званай «Школе деревенщиков» і Губпартшколе. Тэрмін давалі да 3 сакавіка [36]. 1 сакавіка на пасяджэнні губвыканкама меркаванні аб скарачэнні падзяліліся.

Янкоўскі паспрабаваў дабіцца пераарыентацыі фінансавання з Гомеля на Маскву, хаця б часткова. Ён абгрунтоўваў гэта тым, што з губерні ў склад БССР перадаюцца ў асноўным сельскагаспадарчыя раёны. А ў рабфаку земляробы складаюць абсалютную меньшасць. Асноўныя ж прамысловыя цэнтры з фабрыкамі застаюцца ў губерні (тэкстыльная фабрыка і скуразавод у Клінцах, папяровыя фабрыкі ў Добрушы і Суражы (трэцяе месца па вытворчасці ў РСФСР), запалкавыя заводы ў Навазыбкаве, Рэчыцы і Гомелі, лесазабудовы і хімпрамысловасць у Гомелі). Таму скарачаць колькасць студэнтаў рабфака немэтазгодна, тым больш, што прычыны толькі фінансавыя, а да дзейнасці факультэта прэтэнзій няма [37]. Аднак з Масквы прыйшла лаканічная адмова [38]. Калі прагледзець цыркуляры аддзела рабфакаў таго часу, кідаецца ў вочы тэма скарачэння, узгаднення з вуня набору, больш жорсткага стаўлення да паступаючых на рабфакі і г. д. Таму просьба Янкоўскага ішла яўна ўразрэз з дадзенай лініяй.

Вучэбны працэс працягваўся. Рабфак атрымліваў распараджэнні аб правілах набора на наступны навучальны год. Аднак некаторая нярэгулярнасць на рабфаку існавала. У выніку 30 красавіка 1924 калегія Галоўпрафадзела вырашыла, а 20 мая калегія Наркамасветы зацвердзіла пастанову аб закрыцці з 1 ліпеня Гомельскага рабфака. Тыя студэнты, хто задавальняў правілам прыёму на новы навучальны год, а таксама выказаў такое жаданне, пераводзіліся агулам у Смаленскі рабфак. Студэнтаў з Беларусі – у беларускія рабфакі [39].

Для адміністрацыі дадалася работы: складаліся спісы пераводзіўшыхся ў Смаленск [40], масава пісаліся хаактарыстыкі на выкладчыкаў і супрацоўнікаў. У выніку 104 навучэнцы перавялі на другі курс Смаленскага рабфаку, выкладчыкі і супрацоўнікі атрымалі «прэміі» з фонду сабранай бібліятэкі. Гомельскі рабфак быў закрыты. Але, як аказалася, ненадоўга. Ужо ў складзе БССР рабочы факультэт у Гомелі быў адкрыты нанова.

Першая ж спроба паказала, што нават за адзін навучальны год, нават ва ўмовах, калі веды не з'яўляюцца асноўным паказчыкам, каб стаць навучэнцам, дабівацца добрых вынікаў можна. Нягледзячы на тое, што большасць выкладчыкаў Гомельскага рабфаку была сумяшчальнікамі, яны старанна рабілі тут сваю справу, паднімаючы «нулявы» ўзровень сваіх студэнтаў.

Літаратура

1. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (ДАГВ). – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1.
2. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 5.
3. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 2.
4. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 28, 31, 33.
5. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 3.
6. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 75.
7. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 15–16.
8. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 59.
9. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 1–4.
10. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 3.
11. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 1.
12. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 12.
13. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 204.
14. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 12.
15. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 18.
16. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 18.
17. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 18–19.
18. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 67.
19. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 79.
20. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 40.
21. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 68.
22. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 7. Арк. 90.
23. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 4.
24. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 4.
25. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 7.
26. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 26.
27. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 23.
28. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 29.
29. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 29–30.
30. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 24.
31. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 61–67.
32. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 58.
33. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 2.
34. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 3. Арк. 2–9.
35. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 120. Арк. 122.
36. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 117.
37. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 131.
38. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 135.
39. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 1. Арк. 212.
40. ДАГВ. – Ф. 112. Воп. 1. Спр. 2. Арк. 32.

УДК 94:355.35:329.17(=161.1)(476.2-37Туров)«1648-1651»

Попытки развития казачьего движения на Туровщине в 1648–1651 гг.

С.А. ЧЕРЕПКО

В данной статье рассматривается вопрос о попытках формирования на Туровщине казачьих подразделений в период казачко-крестьянской войны 1648–1651 гг. В результате исследования автор приходит к заключению, что данный процесс не увенчался успехом, в результате боевых действий Туровщина серьёзно пострадала как в экономическом, так и в демографическом плане, местные повстанцы вынуждены были уйти на Украину, а оставшимся туровлянам пришлось отстраивать жизнь из руин.

Ключевые слова: казачко-крестьянская война, казаки, шляхта, Полесье, Туров.

This article examines the issue of attempts to form Cossack units in the Turau region during the Cossack-peasant war of 1648–1651. As a result of the study, the author comes to the conclusion that this process was not crowned with success, as a result of the fighting, the Turau region was seriously affected both economically and demographically, local rebels were forced to leave for Ukraine, and the remaining Turouvians had to rebuild their lives from the ruins.

Keywords: Cossack-peasant war, Cossacks, gentry, Palesie, Turau.

Введение. Бурные события середины – второй половины XVII в. сыграли значительную роль в истории Беларуси и соседних стран, они оказали значительное влияние не только на общественно-политические и экономические процессы в Великом княжестве Литовском, Русском и Жемайтском (далее – ВКЛ) как важной составной части Речи Посполитой, но и на количественные и качественные демографические параметры в регионе, а также этнические и религиозные процессы на просторах Восточной Европы. Одним из наиболее ярких событий военного лихолетья середины XVII в. стала гражданская по своей сущности казачко-крестьянская война, развернувшаяся в ВКЛ в 1648–1651 гг. Данная война явилась последствием ряда глубоких национальных, религиозных, экономических и политических противоречий, которые к середине XVII в. слились в единый комплекс. Война охватила южные и восточные поветы ВКЛ. Не миновала эта ужасная война и Полесье, часть населения которого приняла активное участие в развёртывавшейся войне, и ставшее ареной ожесточённой борьбы.

Основная часть. К середине XVII в. ВКЛ уже почти сто лет как являлась составной частью Речи Посполитой. Люблинская уния завершила процесс политической интеграции Польши и ВКЛ, в результате чего быстрыми темпами пошёл процесс культурной, религиозной, языковой, а затем и национальной интеграции общества ВКЛ с польским обществом. Наиболее быстрыми темпами этот процесс проходил в элитарных слоях социума ВКЛ, постепенно расширяя своё влияние в широкие «посполитые» массы. После Люблинской унии 1569 г. Русь, как основная часть ВКЛ, фактически была разделена Литовскую и Коронную, однако осознание исторического единства местного населения утрачено не было. Оно поддерживалось близостью языка, традиций, религиозного мировосприятия [1, с. 81–86]. Неслучайно поэтому война в Литовской Руси началась под прямым влиянием событий в Украине, входившей в состав Польского королевства, а конкретно в Запорожской Сечи, а затем и во всей Левобережной Украине. В первой половине февраля 1648 г. восставшие казаки захватили власть в Сечи и избрали гетманом Запорожского войска Богдана Хмельницкого. В мае 1648 г. под Желтыми Водами и под Корсуном восставшие казаки разгромили посланное против них коронное войско. Современник событий Иоахим Ерлич связывает это поражение с легкомысленным отношением коронной шляхты к восстанию. Он обвиняет в поражении коронной армии непосредственно гетмана Николая Потоцкого, который, по мнению Ерлича, «больше беседовал о бокалах и рюмках... о паннах и молодых девушках», чем о благополучии Речи Посполитой [2, с. 64]. Итогом этого поражение стало стремительное распространение восстания по всей Левобережной Украине.

В июне 1648 г. первые украинские казачьи загоны появились в ВКЛ, что привело к процессу «показачивания», т. е. присоединения к украинским казачьим загонам местных восставших крестьян, мещан и даже шляхтичей, либо создание местными повстанцами собст-

венных отрядов по примеру казацких загонов. Этот процесс охватил в первую очередь крестьянство, мещанство, а также часть православной шляхты [3, с. 218, 133], [4]. В 1648 г. процесс показачивания населения ВКЛ приобрел массовый характер, что связано с антифеодальной, антикатолической и антисемитской направленностью украинских казаков, что в значительной мере соответствовало чаяниям народных масс, а также этноконфессиональной и языковой близостью украинского казачества и местного населения одинаково идентифицирующие себя этнонимом «русские».

Помимо стихийной организации многочисленных мелких повстанческих отрядов, с конца лета 1648 г. в Беларуси активно развернулся процесс организации сравнительно крупных подразделений местных повстанцев, которые в современной украинской научной литературе часто называются Брагинским, Мозырским, Туровским и Речицким полками [5].

Одним из первых подобных отрядов возник брагинский полк под командованием Кизимы., насчитывавший около 12 тыс. как украинских казаков, так и местных показаченых повстанцев. Перед брагинским полком была поставлена задача контроля за ситуацией в Речицком и Мозырском поветах для предотвращения потенциального наступления войска ВКЛ на Украину в тыл основной армии Б. Хмельницкого. Следует отметить, что Брагинская волость не контролировалась администрацией ВКЛ, в данный период она организационно входила в Киевское воеводство Польского королевства, поэтому не удивительно наличие такого значительного количества повстанцев в Брагине.

С конца августа 1648 г. украинские казацкие загоны начали продвижение вдоль Припяти на Пинск, вдоль Березины в Центральную Беларусь на Минск и в Новогородское воеводство на Слуцк [6, л. 152 об.]. Во второй половине августа 2-тысячный загон Яна Соколовского из Мозыря двинулся на Слуцк [7, с. 103–106, 161–163]. 3 сентября казаки Соколовского были блокированы подразделениями армии ВКЛ возле д. Погост и разбиты. В битве у Погоста погибло около 2 тыс. казаков и восставших крестьян, много повстанцев утонуло в Случи [8, л. 151 об.]. Дальнейшее преследование уцелевших тянулось вплоть до Турова, куда отошли остатки отряда Я. Соколовского. Однако, несмотря на неудачу, поход Я. Соколовского оказался не совсем напрасным. Проход казацкого загона через Полесье способствовал активизации восстания на Туровской и соседних волостях. 24 августа 1648 пинский войт Лукаш Ельский отмечает, что «приближается враг казацкий к Турову...» [9]. Итогом подхода казаков в регион стали восстания в Турове и соседних волостях, которые вспыхнули в сентябре 1648 г.

Результатом восстания в Турове стало формирование отряда местных повстанцев, которые контролировали не только местечко, но и всю Туровскую волость. Точное количество туровских «казаков» установить довольно сложно в связи с тем, что оно колебалось в зависимости от конкретной ситуации. Очевидно, что ядро отряда составляли около 400 человек, однако в период наивысшего подъема восстания количество местных повстанцев увеличивалось до 2 и более тысяч человек, представлявших в социальном отношении в основном местное крестьянство и мещанские массы [10, л. 56]. Сообщения шляхтича Андрея Янковского дают представление о структуре туровского полка. Янковский сообщает, что повстанцы выбрали «между собой полковников, сотников, писарей, атаманов, асавулов» [10, л. 55]. Руководил туровскими повстанцами местный мещанин Прокоп Цывка, который, согласно показаниям пленных, называл себя полковником Туровским. Заместителем «полковничьим Туровским» являлся его вероятный брат Кондрат Цывка. Структурно полк состоял из нескольких сотен. Одна из сотен представляла собственно мещанское население, о существовании Туровской сотни свидетельствует письмо П. Цывки туровскому сотнику Гавриле от 2 ноября 1648 г.

В октябре–ноябре 1648 г. несколько сотен туровских повстанцев несколько раз нападали на имение шляхтича А. Янковского в деревне Семигостичи. В своих воспоминаниях пострадавший шляхтич представляет интересную информацию о формировании собственной гражданской административной структуры повстанцами. «На имение моё двор Семигостичи и сёла Малешово и Семигостичи нападая войтов и подвойтвов моих с тех двора Семигостичи и с сёл напугав выгнали проч и своих войтов поназначали» [11, л. 52–53]. Таким образом, на Туровщине проходили аналогичные Украине процессы, при которых формировалась военно-гражданская администрация, оформленная впоследствии полковым строем, при котором полк – это не только военное подразделение, но и административно-территориальная едини-

ца, разделённая на сотни. Это особенно интересно, потому что туровские казаки формировали свой полк в тот период, когда украинских казаков уже не было в волости. При этом следует отметить, что сам Б. Хмельницкий формально не относил повстанческие формирования местных крестьян к казакам, возмущаясь тем, что они называют себя Войском Запорожским и угрожая их «на горло покарати». Общей проблемой для местных повстанцев было отсутствие или небольшое количество и качество вооружения. Например Давид-Городокские повстанцы были вооружены «ружьями, саблями, рогатинами», не стоит сомневаться, что у соседних туровлян ситуация была лучшей [11, л. 52].

30 января 1649 г. армия ВКЛ начало Полесский поход, целью которого стало вытеснение казачьих загонов с территории Беларуси и подавление восстаний местного населения [12, s. 126], [13, с. 15–16]. Первым пунктом, куда направилась шляхетская армия был Давид-Городок, восстание в котором произошло ещё в 1648 г. где местные жители «собрали общину в несколько тысяч человек из волости Городокской, [...] выбрали из их числа полковников, сотников на казацкий манер» [6, л. 152 об.], [11, л. 52–53]. Полковником был выбран местный войт Иван Богдашевич, при котором сформировалась повстанческая администрация из числа горожан и крестьян. Богатой информации о событиях в Давид-Городке в январе 1649 г. немного, однако как сообщает Пастория какого-либо серьёзного сопротивления повстанцы здесь не оказали [14, р. 81]. Отряд И. Богдашевича, вероятно, покинул местечко и отошёл в Мозырь.

После овладения Давид-Городком передовые силы армии ВКЛ 1 февраля 1649 г. подошли к Турову. По воспоминаниям П. Шевалье, «при самих только сведениях о прибытии князя (Я. Радзивилла – С.Ч.) установился порядок» [15, с. 99]. Туровские мещане сами открыли ворота города передовым подразделениям государственной армии. Организовать оборону местечка было фактически некому. Ещё до подхода авангарда армии ВКЛ «все казаки и бунтовщики со всею добычею невредимыми пошли на Волинь, оставив беззащитный плебс, открывший ворота» [16, с. 17]. Судя по всему, и обычные мещане, не принимавшие активного участия в восстании, предпочли покинуть местечко. Участник событий Б. Маскевич сообщает, что в Турове «не только казаков, но и живой души не осталось» [17, с. 433]. К 5 февраля в Турове сконцентрировалась вся армия ВКЛ, начался процесс наказания повстанцев и их активных сторонников. По сообщению самого гетмана Я. Радзивилла, те из мещан, которые поддерживали повстанцев и были задержаны, были казнены [18, с. 116]. Слабость вооружения в совокупности с отсутствием военного опыта и низкой дисциплиной стали в дальнейшем одним из важных факторов поражения повстанческих отрядов хорошо организованной и подготовленной профессиональной армией ВКЛ [19].

После подписания Зборовского мира и вывода казачьих загонов с территории Беларуси с конца 1649 г. острота социальной борьбы на несколько месяцев уменьшилась. Однако во второй половине 1650 г. с обострением ситуации на Украине в белорусском Полесье начинается постепенное развертывание новой волны казацко-крестьянского движения [20]. Этот процесс не обошёл стороной и Туровщину, где в ноябре 1650 г. возродился отряд местных повстанцев. Количественный состав этого отряда был заметно меньше, чем годом ранее, он включал в себя три сотни, сформированных по территориальному принципу. Во главе собственно туровской сотни стоял Семён Проскурня, олевскую сотню возглавлял Турчинович, суцанскую – Влас Бобровник [21, с. 52]. Туровские повстанцы проводили активную партизанскую войну, нападая на шляхетские имения. В конце мая 1651 г. туровский войт сообщал, что волость его вся полностью взбунтовалась. Во многом подъём казацкого движения в волости был вызван появлением здесь отряда украинских казаков под руководством Филона Гаркуши, который насчитывал около 15 тыс. сабель. Однако в отличие от 1648 г. на этот раз местная шляхта и армия ВКЛ оказались подготовленными к развитию восстания и сумели быстрыми темпами сузить зону активных боевых действий, вытеснив основные силы казаков и местных повстанцев в восточную часть Мозырского повета. Туровским казакам пришлось отступить вместе с украинскими казаками в соседнюю Украину.

Заключение. Казацко-крестьянская война стала тяжёлым испытанием для населения Беларуси в целом и Туровщины в частности. Она привела к серьёзным негативным экономическим, демографическим и внешнеполитическим последствиям, что связано не только с прямыми последствиями боевых действий, но и террором, который проявляли противостоящие стороны к своим противникам [22, с. 71–72]. Вместе с тем, во время войны в Полесье, как и на всей территории Беларуси, проявился этноконфессионально окрашенный анти-

феодалный по своей сущности процесс показачивания мешчанства и крестьянства, который зашёл достаточно далеко, выйдя за пределы организации собственно военных повстанческих подразделений и охватив процесс формирования собственной территориальной организации казачьего типа. Однако для формирования местного белорусского казачества объективно не хватило времени. Успешное наступление армии ВКЛ не дало развиваться данному процессу, местное показаченное население было частично уничтожено, частично вытеснено на территорию Украины, где оно влилось в ряды украинского казачества.

Литература

1. Чаропка, С. А. Літва і Русь вачыма жыхароў ВКЛ XVII ст./ С. А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2018. – № 4 (109). – С. 81–86.
2. *Latopisiec albo kroniczka Joachima Jerlicza*. – Warszawa : Ц druk. Wienhoebera, 1853. – 187 s.
3. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией (АЮЗР). – СПб. : тип. П.А. Кулиша, 1861. – Т. 3. – 604, 134, 22 с.
4. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – Ф. 694. Воп. 4. Спр. 976. Арк. 1–4. – Выпіс з актавых кніг гродскага суда Навагарадскага ваяводства (1649 г.).
5. Пришляк, В. В. Турівсько-Пінський полк / В. В. Пришляк // Українське козацтво : Мала енциклопедія. – Вид. 2-е, доп. і перероб. – К., 2006. – С. 574.
6. Львоўская навуковая бібліятэка Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны імя В.С. Стэфаніка (ЛНБ). – Ф. Асалінскіх. Спр. 225/II. Арк. 152 адв.–153 адв. – Ліст ананімнага аўтара з ВКЛ (6 верасня 1648 г.).
7. Абецедарский, Л. С. Белоруссия и Россия. Очерки русско-белорусских связей второй половины XVI–XVII в. / Л. С. Абецедарский ; под ред. З. Ю. Копысского. – Минск : Вышэйш. школа, 1978. – 256 с.
8. ЛНБ. – Ф. Асалінскіх. Спр. 225/II. Арк. 151–151 адв. – Урывак з ліста Я. Радзівіла (верасень 1648 г.).
9. ЛНБ. – Ф. Асалінскіх. Спр. 225/II. Арк. 137 адв. – Копія ліста Л. Ельскага (1648 г.).
10. ЛНБ. – Ф. Асалінскіх. Спр. 3882. Арк. 55 адв.–56 адв. – Звесткі аб падзеях пад Туравам.
11. НГАБ. – Ф. 694. Воп. 4. Воп. 4. Спр. 906. Арк. 52–53. – Ліст невядомага да кн. А.С. Радзівіла (7 мая 1650 г.).
12. *Pamiętniki Albrychta Stanisława X. Radziwiłła kanclerza W. Litowskiego*. Wydane z rękopismu przez Edwarda Raczyńskiego. – Poznań : u braci Scherków, 1889. – Т. 2. – 490 s.
13. Чаропка, С. А. Палескі паход Януша Радзівіла 1649 г. / С. А. Чаропка // Беларускі гістарычны часопіс. – 2011. – № 1. – С. 15–22.
14. *Pastorius, J. Bellum Scithico-Cosacicu seu de conjuratione Tartarorum cosacorum et plebs Russicae contra Regnum Poloniae ab Invictissimo Poloniae et Sveciae Rege Joanne Casimiro profligata Narratio Plenioris Historiae operi praemissa / J. Pastorius*. – Dantisci / Gdańsk : sumptibus Georgij Försteri, 1652. – 296 p.
15. Шевальє, П. Історія війни козаків проти Польщі. З розвідкою про їхнє походження, країну, звичаї, спосіб правління та релігію і другою розвідкою про перекопських татар / П. Шевальє ; пер. з франц. вид. 1663 р. – Київ : Вид-во Акад. наук УРСР, 1966. – 199 с.
16. Щоденник невідомого автора з війська князя Радзівіла про хід боїв на Поліссі (1649, 30 – лютого 10) // Сіверянський літопис. – 1999. – № 2. – С. 17–20.
17. Дневник Богуслава Машкевича. 1643–1649 // Мемуары, относящиеся к истории Южной Руси : вып. II. (первая половина XVII ст.) ; под ред. В. Антоновича. – Киев : Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1896. – С. 406–438.
18. Воссоединение Украины с Россией : док-ты и матер. : в 3-х т. – М. : Издат-во Акад.наук СССР, 1953. – Т. 2. – 559 с.
19. Чаропка, С. А. Войска Вялікага Княства Літоўскага напярэдадні казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг.: структура і арганізацыя / С.А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2017. – № 4 (103). – С. 76–81.
20. Чаропка, С. А. Спробы рэанімацыі казацка-сялянскай вайны ў Беларусі вясной – летам 1651 г. / С. А. Чаропка // Научные труды Республиканского института высшей школы : сб. науч. статей. Вып. 11 : в 2 ч. – Минск : РИВШ, 2011. – Ч. 1. – С. 293–299.
21. Крип'якевич, І. П. Богдан Хмельницький / І. П. Крип'якевич. – Київ : Наукова думка, 1954. – 534 с.
22. Чаропка, С. А. Тэрор як форма барацьбы ў казацка-сялянскай вайне 1648–1651 гадоў на Беларусі / С. А. Чаропка // Известия Гомельского государственного университета имени Франциска Скорины. – 2016 – № 4 (97). – С. 67–72.

Пехота ВКЛ во второй половине 16 века. Реформы Стефана Батория

А.П. ШИЛЯЕВ

В представленной статье исследуется организация и снаряжение пеших воинских формирований ВКЛ конца 16 в. В этот период в армии ВКЛ назрела острая необходимость военных преобразований, которые будут проведены королем С. Баторием. В результате в пешие подразделения будут принимать значительное количество иностранных наемников, усилится регламентация их организации и снаряжения, кроме того, будет осуществлена попытка создания рекрутских формирований из местных жителей. Основные направления и итоги преобразований представлены в данной статье.

Ключевые слова: король, пехота, капитан, ротмистр, армия ВКЛ, рота, полк.

This article examines the organization and equipment of foot military formations of the Grand Duchy of Lithuania at the end of the 16th century. During this period, there was an urgent need for military reforms in the army of the Grand Duchy of Lithuania, which would be carried out by King S. Batory. As a result, a significant number of foreign mercenaries were accepted into foot units, the regulation of their organization and equipment was strengthened; in addition, an attempt was made to create recruiting units from local residents. The main directions and results of the transformations are presented in this article.

Keywords: king, infantry, captain, captain of cavalry, army of the Grand Duchy of Lithuania, company, regiment.

Во второй половине 16 в. в армии ВКЛ назрела серьезная необходимость преобразований. Серьезные шаги по реформированию армии ВКЛ были предприняты в конце 70-х – начале 80-х гг. 16 в. Стремление выиграть затянувшуюся Ливонскую войну способствовало новому витку перемен, который оказался связан с деятельностью избранного в 1576 г. на трон Речи Посполитой трансильванского воеводы Стефана Батория. Военные преобразования, начатые Стефаном Баторием в армии Речи Посполитой, естественным образом затронули и пехотные подразделения.

В ВКЛ собственная пехота ценилась не слишком высоко и сильно уступала по статусу коннице; шляхта всегда отзывалась о пехоте с презрением. Весьма красноречиво об этом свидетельствует следующее высказывание: «Мы используем их не столько в качестве солдат, сколько как рабочих для строительства насыпей, рытья траншей, сооружения мостов, расчистки дорог для артиллерии и тяжелых повозок. Чтобы занять город, лучше использовать германцев или венгров, которые намного превосходят наших солдат» [1, с. 19].

Так или иначе, но для большой войны нужна была пехота, способная не только поддерживать действия конницы на поле боя, но и вести осадные работы, штурмовать стены и валы неприятельских крепостей. Поэтому, готовясь к наступлению на Москву, Баторий стремился упорядочить пешие подразделения.

Реформы затронули как снаряжение, так и организацию пехотных подразделений. До военных преобразований Стефана Батория в армии ВКЛ использовалось множество различных видов наступательного и оборонительного вооружения. Здесь можно было встретить и западные, и восточные варианты доспехов и оружия, часто применявшиеся вместе. Опять же в пописе войска ВКЛ 1567 г. можно увидеть следующие описания пеших солдат «Притомъ почте ездныхъ ставиль его милость панъ воевода Берестейский драбей 24 пешихъ у барве – з ручницами 16, а з рогатинами 8, во всихъ мечи а секерки»; «Его милость князь Валерыянь, з ласки Божее бискупъ Виленский ... при томъ почте ставиль его милость драбовъ пешихъ 50 з ручницами а з ошпы» [2, с. 228, 230].

Проводя свои преобразования Баторий первым делом упорядочил и регламентировал вооружение пеших подразделений. Из применения изымались многие устаревшие образцы, подразделения получали единообразное оружие. Солдаты отказались от применения тяжелых доспехов, щитов и большей части древкового оружия. Вместо этого они получили сабли и мушкеты, а также однообразное обмундирование. Так, в пописах Стефана Батория 1579 г. указано, что каждый солдат обязан был иметь ручницу, саблю, пороховницу, фитиль для ружья и кафтан. Также, как и с кавалерийскими ротами, снаряжение пехотинцев проверялось достаточно тщательно и указывались все недостающие элементы [3], [4, с. 48].

В ходе преобразований сложилось несколько вариантов пехотных подразделений, которые будут использоваться и позже. Под Псковом в 1581 г. среди пеших подразделений упоминаются: пехота, набранная в Польше; пехота шляхетская; пехота выбранецкая; пехота венгерского типа, при этом отдельно набранная в польских областях на границе с Венгрией и непосредственно в самой Венгрии; немецкая пехота и даже небольшие подразделения шотландцев. Кроме того, среди офицеров пеших подразделений присутствовало множество иностранцев, среди которых испанцы, итальянцы и французы [5, с. 270].

Касательно организации, то пешие роты в среднем насчитывали 200 человек, которые в свою очередь делились на десятки. Обычно в их составе насчитывалось 1 ротмистр, 20 десятников, 1 знаменосец, 1 барабанщик и примерно 170 солдат. Формирование пеших подразделений проходило по той же схеме, что и в кавалерии. Ротмистр на основании призывного листа собирал товарищей, а те приводили с собой своих слуг. Пешие хоругви делились на десятки с десятником во главе [3], [5, с. 269].

Был установлен точный размер жалования для каждого солдата, благодаря чему солдаты намного больше поддавались обучению и муштровке со стороны своих командиров. Например, в 1579 г. жалование ротмистра было установлено в размере 20 злотых в месяц, десятников – 4 злотых, простые солдаты получали по 3 злотых [5, с. 269], [6, с. 23].

Также в ходе реформ была произведена попытка очистить войска от фиктивных солдат, т. н. «мертвых душ», чтобы численность подразделений совпадала с реальным количеством солдат [6, с. 23], [7, с. 180].

Довольно часто случалось, что действительная численность солдат не совпадала с номинальной. Товарищи, взяв у ротмистра денег на определенное количество солдат, злоупотребляли своими полномочиями и предоставляли значительно меньшие контингенты. Сведения о подобных злоупотреблениях сохранились в документах того времени, так, например, в одном из сообщений о найме войск во время войны 1580 г. упоминается как товарищи предоставляли почти в два раза меньше солдат, чем им было поручено [6, с. 235].

Желая преодолеть столь негативные явления и улучшить состояние пеших формирований, Стефан Баторий попытался ввести в Речи Посполитой рекрутскую систему набора войск. В 1578 г. король издает универсал о создании т. н. «пехоты выбранецкой» по образцу, существовавшему в Трансильвании. Часто слово «выбранецкая» вместо рекрутской неверно переводят как отборная, хотя на самом деле эти формирования не отличались высокими боевыми качествами [8, с. 117].

На основании этого указа от каждых 20 волок (около 22 га) королевской земли рекрутировался (выбирался) один солдат, полностью вооруженный и экипированный, боевые качества которого оценивались ротмистром [6, с. 180], [8, с. 117].

Формирование рекрутских подразделений происходило следующим образом. Ротмистр, получив от короля призывной лист, должен был в городе воеводства или повета, откуда набирались рекруты, объявить о смотре добровольцев. После этого он выбирал из желающих годных к военной службе и давал им рекомендации. Если местные власти не отпускали рекрута, ротмистр мог обратиться в суд. Записанные в «выбранецкую пехоту» рекруты освобождались от повинностей и налогов и должны были проходить в течение года трехмесячные военные сборы. В случае войны рекрут должен был прибыть в специальное место сбора. Жалование рекрутов соответствовало жалованию простых пеших солдат. Организация «выбранецких» хоругвей ничем не отличалась от других пеших формирований, что можно проследить по военным регистрам [6, с. 25].

Необходимо отметить, что на ВКЛ королевский универсал об организации «выбранецкой» пехоты изначально не распространялся. Решение о привлечении рекрутов в ВКЛ будет утверждено сеймом только в 1595 г. [9, с. 355].

Стефан Баторий рассчитывал получить значительное количество рекрутов, однако крестьяне и сельские власти саботировали его приказ. Также к подобному способу набора войск крайне негативно относилась шляхта и магнаты, которые считали, что, опираясь на значительные вооруженные силы, король сможет укрепить свою власть и ограничить шляхетские вольности. Поэтому редко удавалось собрать более 2000 человек. Так, под Псковом в 1581 г. «выбранцов» насчитывалось 1803 человека [6, с. 24].

Эти ополченцы сыграли заметную роль в походах Батория против Москвы, однако боевой дух и эффективность этих формирований были невысоки. Со временем в отрядах ополчения началось повальное дезертирство, в результате они потеряли всякую боевую ценность. Постепенно «выбранцов» стали использовать как обозные и инженерные войска для шанцевых работ [6, с. 236].

Еще одной попыткой получить боеспособные пешие формирования было решение Стефана Батория об организации пеших шляхетских хоругвей. Первый такой отряд был создан в 1581 г. и насчитывал около 600 человек. Командовал этой шляхетской ротой капитан, также она включала двух ротмистров, поручника, трубача, двух барабанщиков, двух знаменосцев. Для этого шляхетского подразделения плата была установлена выше, чем для остальных пеших формирований [5, с. 269], [6, с. 241].

Среди пеших подразделений в ВКЛ особо выделяются пешие казаки, которые в основном являлись гарнизонами в многочисленных замках и крепостях, так в 1579 г. их насчитывалось 3915 человек [5, с. 231].

Первые сведения о пеших казачьих частях относятся к 1575 г. Казачьи роты насчитывали заметное большую численность в сравнении с остальными подразделениями и могли достигать 500 человек. При необходимости несколько рот сводилось в полк. Роты делились на сотни, а сотни на курени. Полк возглавлял полковник, роты – поручники, половиной роты командовал есаул, сотней – сотник, а куренем – атаман. В каждой роте присутствовал знаменосец, барабанщик, трубач, писарь и обозный. Плата казакам начислялась деньгами и сукном [6, с. 35, 243], [10, с. 146, 161].

Несмотря на множество вариантов привлечения местных жителей в пешие отряды, они все же не отличались высокими боевыми качествами. Ощущая нехватку хорошей пехоты, Стефан Баторий попытался компенсировать недостаток местной пехоты наймом в более широких масштабах иностранных наемников, в особенности немцев и венгров. Причем, что характерно, наемники привлекались теперь целыми полками в несколько сот или даже тысяч человек в каждом. Иноземных наемников можно было встретить и в коннице, и в пехоте, но больше все-таки в пехоте.

Венгерские гайдуки попали в Речь Посполитую вместе со Стефаном Баторием и вскоре стали основным типом местной пехоты. Собственная пехота теперь формировалась на венгерский манер. Старые названия пехотинцев, такие как драб, больше не употреблялись и были повсеместно заменены термином гайдук. Слово «гайдук» происходит от турецкого *haidud*, означающего «мародер». Лучшими гайдуками считались выходцы из Карпат и других областей на юге [1, с. 21].

Гайдуки имели стандартное обмундирование, обычно состоявшее из длинного кафтана, цвет которого определял принадлежность к тому или иному подразделению, узких штанов, черных башмаков и черной шапки-венгерки [1, с. 21].

Характерной особенностью гайдуков было практически полное преобладание огнестрельного оружия в их частях. Практически все гайдуки были вооружены огнестрельным оружием. Даже те из них, кто вооружался пиками, имели дополнительно пистолет или карабин [7, с. 286].

Менее трети гайдуков вооружались пиками, которые, по некоторым предположениям, служили как целеуказатели, а не как оружие. Пикинеры обычно располагались в первых шеренгах.

Может показаться странным, что армия ВКЛ почти не использовала пики, в то время как в Западной Европе они имели широкое применение в связи с тем, что мушкетеры без пикинеров не могли противостоять конной атаке. Дело в том, что главной задачей местной пехоты было оказывать огневую поддержку ударным силам конницы или атаковать укрепления противника. Для рукопашного боя в открытом поле пехота не предназначалась. Уязвимость пехоты перед конными атаками противника в случае пехоты ВКЛ полностью компенсировалась наличием собственной конницы, которая могла отразить любую конную атаку [1, с. 21].

Гайдуки действовали в составе рот, но эти роты уже формировались по новой схеме. Роты гайдуков были различными по численности, обычно в них было около 200 бойцов, но их численность могла доходить и до 800. Роты делились на десятки и сотни. Командование ротой состояло из ротмистра и нескольких поручников и десятников, число которых определялось соответственно количеством сотен и десятков. Большие роты могли иметь во главе старшего ротмистра, а сотни возглавляли ротмистры и поручники [6, с. 238–239], [11, с. 239], [12].

Другим иностранным наемным пехотным формированием, наиболее часто применявшимся в армии ВКЛ, были немецкие ландскнехты. Священная Римская империя сильнее других европейских государств оказывала на Речь Посполитую военное влияние. Многие германцы жили на территории самой Речи Посполитой. В таких условиях немцы неизбежно оказывали сильное влияние на армию, в первую очередь на ту ее часть, что организовывалась по германскому образцу. Эта армия называлась армией немецкого образца или, как говорили в то время, немецкого строя. Следует иметь в виду, что под «немцами» в те времена понимались не только германцы, но и все западные народы, говорившие на непонятных для славян языках.

Немецкие пехотинцы-наемники служили в составе частей, формируемых по западному образцу, то есть в полках во главе с полковником. В составе полков действовали стрелки, вооруженные мушкетами, и пикинеры, вооруженные пяти- или шестиметровыми пиками. Так же, как и в полках польского строя, в немецких полках имелось множество фиктивных солдат, доля которых могла достигать 10 % от численности полка. В полках иноземного строя было больше офицеров, нежели в польских полках, это обеспечивало более высокий уровень подготовки и дисциплины личного состава [3].

Обычно в иноземных частях две трети солдат были мушкетерами, а одна треть – пикинерами. Однако сохранялось только соотношение между ними, общее число мушкетеров и пикинеров в кампаниях не было четко определено [6, с. 46].

Иноземная пехота строилась в 6 шеренг. Пикинеры располагались по центру строя, а мушкетеры вокруг них по сторонам. Таким образом образовывалось 3 дивизиона: 2 мушкетерских и 1 пикинерский. В первой шеренге обычно располагались ефрейторы и другие низшие командиры [6, с. 46].

При построении всего полка мушкетеры располагались с мушкетерами, а пикинеры – с пикинерами. Построение производилось в порядке старшинства компаний справа на лево.

Немецкие роты объединяли примерно 400–500 солдат. Обычно командный состав роты включал в себя: 1 капитана, 1 поручника, 1 знаменосца, фельдфебеля, который занимался строевой подготовкой, квартирмейстера, 1 офицера, который командовал подразделением во время марша, писаря, фельдшера и еще нескольких офицеров, которые следили за порядком в подразделении [6, с. 239].

Полк насчитывал около 2000 солдат и состоял из 4-ех рот. К офицерским должностям добавлялись полковник, вахмистр-лейтенант, провиантмейстер с писарем и слугой, капелан, хирург, палач, 8 солдат личной стражи полковника [6, с. 32].

Полки иноземного строя обходились государственной казне гораздо дороже собственной пехоты, а без своевременной оплаты наемники воевали вяло и неохотно, а зачастую могли перейти к грабежу местного населения.

Наемная армия негативно воспринималась основной массой шляхты и аристократии. Они видели в ней, также как и в рекрутской армии, средство усиления королевской власти и насаждения абсолютизма. Однако обойтись без набора иностранных наемников было невозможно хотя бы потому, что без пехоты вести полномасштабную войну было невозможно, а собственная пехота уступала по своим качествам наемной.

Несмотря на весь положительный эффект от проведенных преобразований, для пеших подразделений оставался ряд нерешенных проблем, которые описывал сам Стефан Баторий, заявляя на сейме «что королевство, имея хорошую конницу, которая может не только поравняться с другими государствами, но даже превзойти их, не располагает достаточной пехотой».

Действительно, получив в результате реформ превосходную по своим качествам кавалерию, королю так и не удалось удовлетворить потребность армии в пехоте. Многочисленные разномастные наемные формирования из иностранцев и местных жителей не могли успешно действовать в бою, а многочисленные победы, одержанные после реформ, были достигнуты силами конницы. В некотором смысле такое положение дел было ответом на внешние и внутренние обстоятельства, однако необходимость в собственной хорошо обученной пехоте постепенно будет нарастать и вызовет новые попытки реформирования в будущем.

Литература

1. Brzezinski, R. Polish Armies 1569–1696 (1) / R. Brzezinski. – Oxford : Osprey, 1987. – 48 p.
2. Русская историческая библиотека, издаваемая Археографической комиссией : в 39 т. / ред. С. Л. Пташицкий. – Петроград : Типография Главного Управления Уделов, 1915. – Т. XXXIII : Литовская метрика. Отдел 1, ч. 3 : Книги Публичных Дел. Переписи войска литовского. – 702 с.
3. AGAD. – Archiwum Skarbu Koronnego – Seria 14 – Sygn. 63. Regestra popisowe oraz indemnizacje za szkody, 1474–1748. – S. 18–20.
4. Rostafiński, M. Zarys historii rozwoju wojskowości w Polsce : (992–1792 r.) / M. Rostafiński. – Poznań : nakł. Księgarni Fr. Gutowskiego, 1922. – 164 s.
5. Księgi podskarbińskie z czasów Stefana Batorego : 1576–1586 : w dwóch częściach / A. Pawiński. – Warszawa : skł. gł. w Księg. Gebethnera i Wolffa, 1881. – 314 s.
6. Gorski, K. Historia piechoty polskiej / K. Gorski. – Kraków, 1893. – 272 s.
7. Żygulski, Z. Broń w dawnej Polsce na tle uzbrojenia Europy i Bliskiego Wschodu / Z. Żygulski. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1975. – 332 s.
8. Uniwersał JKMsci o wybraniu piechoty w dobrach królewskich // Sprawy wojenne króla Stefana Batorego / I. Polkowski. – Kraków : Drukarnia Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1887. – S. 117–118.
9. Volumina legume : w 9 t. / nakładem i drukiem Józefa Ohryzki. – St. Petersburg : Przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego, Drukarnia J. Ohryzki, 1859. – T. II : Ab anno 1550 ad annum 1609. – 482 s.
10. Diariusz ekspedycji ukraińskiej z kozakami zaporoskimi // Zbiór pamiętników historycznych o dawnej Polsce z rekopismów, tudzież dzieł w różnych językach o Polsce wydanych, oraz z listami oryginalnymi królów i znakomitych ludzi w kraju naszym / J. U. Niemcewicz. – Lwów : wydawnictwo narodowe Ossolińskich, 1833. – T. 6. – S. 143–161.
11. Купиш, Д. Русско-ливонское пограничье в стратегических планах Стефана Батория в 1578–1582 гг. / Д. Купиш // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* № 1. – СПб., 2014. – S. 65–74.
12. AGAD. – Archiwum Skarbu Koronnego – Seria 14 – Sygn. 129. Regestra popisowe oraz indemnizacje za szkody, 1474–1748. – S. 12–15

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 14.02.2022

Филология

УДК 821.161.1-311.6*Д.Гранин:94:327.5(476)«1941–1945»

Литература как служение: Даниил Гранин и белорусская память о войне

И.Н. АФАНАСЬЕВ

В статье исследуется вклад писателя-фронтовика, классика литературы Д.А. Гранина в сохранение белорусской памяти о Великой Отечественной войне. На конкретных литературных и исторических примерах обосновывается неразрывная связь семейной истории, профессионального исторического знания и литературных традиций Беларуси и России.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, семейная история, документальная проза, историческая справедливость, литературная традиция.

The article examines the contribution of the classic of literature D.A. Granin to the preservation of the Belarusian memory of the Great Patriotic War. Based on specific literary and historical examples, the inextricable connection between family history, professional historical knowledge and literary traditions of Belarus and Russia is substantiated.

Keywords: Great Patriotic War, family history, documentary prose, historical justice, literary tradition.

Если говорить о белорусской памяти о войне, одно имя всегда звучит особенно громко: Алесь Адамович. Лично для автора этих строк оно стало самым главным паролем, с которым в 2005 г. довелось впервые обратиться к Даниилу Александровичу Гранину, представляясь бывшим аспирантом Алеся Адамовича и приглашая Даниила Александровича принять участие в гомельском сборнике «Война в славянской литературе». Тогда даже в самом смелом пророчестве не могло привидеться, каким основополагающим и неопровержимым станет человеческое присутствие Гранина в семейной белорусской памяти о войне, словно зашифрованное в нескольких строчках его очерка-воспоминания «Немецкий лейтенант и его дочь», который был включен в наш сборник по совету Даниила Александровича. В финале героиня рассказа совестливая немка Инга Франкен дарит Даниилу Александровичу на память металлическую офицерскую стопку в кожаном футлярьчике, с которой ее отец прошел фронт. Эта стопка становится для Гранина единственной вещью фронтовой поры: других, своих, – не сохранилось... И не становится «вещью врага», как Даниил Александрович отвечал на вопросы своих собеседников об этой удивительной реликвии [см.: 1, с. 43].

Такая немецкая реликвия взамен не существующих «своих» появилась и в нашей семье: военный паспорт немецкого унтер-офицера Франца Тринкауса, письмо его сослуживцев в Германию с извещением родных о его гибели и фотография огромного немецкого кладбища в русской деревеньке с могилой Тринкауса на переднем плане. Всё, как всегда. Березовый крест. Каска. Табличка. И точные координаты захоронения в немецком письме с фронта.

Мы не были собирателями военных древностей. Драматические обстоятельства, связанные с неотложной хирургической операцией, привели нас в 2001 г. в немецкий город Кайзерслаутерн, где германские кардиологи спасали жизнь отцу автора этих строк. Соседом отца по палате был пожилой немецкий инженер, с которым мы подружились, с готовностью откликнувшись на его просьбу найти на российской карте ту малоприметную деревеньку, где в 1942 г. обрел вечный покой родственник немецкого пациента Франц Тринкаус. На огромных, шикарных немецких атласах, казалось, было указано всё, кроме этой деревни.

По возвращении из Кайзерслаутерна в Гомель нам посчастливилось найти эту микроскопическую точку на карте, которая, вероятно, обозначила скорее символический, нежели

реальный населенный пункт. Информацию отправили в Германию, пораженные неожиданным открытием: Франц Тринкаус сражался и погиб в тех боях, в которых в сентябре 1942 г. подо Ржевом пал смертью храбрых отец моего отца, мой дед Иван Михайлович Афанасьев – младший лейтенант, командир штабного взвода роты связи. Неполный месяц разделил гибель немца и белоруса. Немца Тринкауса похоронили в отдельной могиле на чужой земле. Советского воина Афанасьева – в братской на родной. Слеза немецкой вдовы окропила листок с точными координатами захоронения. Выплаканные глаза белорусской солдатки лишь спустя десятилетия после гибели мужа увидели казённый листок, известивший, что Иван Михайлович Афанасьев не пропал без вести, а погиб. Сын Франца Тринкауса, любившего петь, но получившего в России от советского снайпера пулю в рот, после войны создал ансамбль, репертуар которого составили русские народные песни и православные песнопения. Сын Ивана Михайловича Афанасьева спустя 70 лет после гибели врага его отца нашел на российской карте место последнего приюта германского унтер-офицера...

Хорошо известно, как Даниил Александрович определил свое отношение к немецким ветеранам после войны: «встреча промахнувшихся». Близкие по возрасту и званию, Иван Афанасьев и Франц Тринкаус тоже должны были «промахнуться» – по роду своей воинской профессии, одной из самых мирных, но и самых опасных на войне. И тот, и другой были связистами и, наверное, не могли обратить оружие друг против друга. На беду, не промахнулась сама война.

На легендарной Минской научной конференции 1983 г. «Литература о войне и проблемы века» Даниил Александрович высказал, на первый взгляд, парадоксальную мысль о «не демократическом» характере нынешней войны, которая решается «ракетами, компьютерами и кнопками» и «как бы не требует <...> народного участия, не требует ненависти к противнику» [2, с. 86]. Это глубоко философское и нравственное наблюдение писателя преимущественно связано с уроками Великой Отечественной войны, когда фашистская Германия поставила чудовищный эксперимент над своим солдатом, освободив его от любых обязательств морали. Произведениями о войне Гранин возвращает читателю ощущение живого человека (не только противника, разумеется) и преодолевает границы собственно литературы. Не этим ли объясняется его мировоззренческая и эстетическая солидарность с белорусской литературой о Великой Отечественной войне, в первую очередь – в лице Алеся Адамовича и Василя Быкова? В размышлениях Гранина о судьбе человечности на войне, опубликованных в сборниках кафедры русской и мировой литературы ГГУ имени Ф. Скорины «Война в славянской литературе» и «Великая Отечественная война в судьбе литературы и культуры», Даниил Александрович говорит о той правде войны, которую надлежит усвоить в уроках поражений 1941–1942 гг., а не в торжестве побед. Его, как и Василя Быкова, печалит и гнетет судьба военнопленных. Он хочет вернуть человеку имя, и, будь оно забыто навсегда и вовек неизвестно, пусть останется в мире хотя бы призванием, что возвращено страдальцу: Человек.

Именно так в сотворчестве белоруса Адамовича и Гранина рождалась великая, бессмертная «Блокадная книга», которой суждено было стать книгой книг для всего, что когда-либо будет опубликовано о блокаде. Значение «Блокадной книги» не преуменьшат никакие, самые правдивые и страшные, дневники блокадников, подобно тому, как вся мировая литература в ее вершинных проявлениях никогда не посягнет на высоту Библии. Это почва, воздух, небо – литература, которая превратилась в жизнь, вобрав в себя ее израненную, кровоточащую, обессиленную голодом и страданием плоть. И это очень белорусское свойство памяти: быть жизнью, свидетельствовать от ее первого лица, что у белорусов само по себе есть факт литературы, который может быть фактом новой эстетики, подлинным прорывом к новой художественной правде, при этом – без всякого упования на художество. Где оно, это художество, превзойденное другой бессмертной книгой о Великой Отечественной войне, которую создали белорусы Адамович, Брыль и Колесник: «Я – из огненной деревни...»? И кто знает, была бы возможна без «Огненной деревни» и «Блокадная книга»?

«Блокадная книга» разомкнула ленинградцам уста, продолжив и предвосхитив то, что блистательно делал в своем творчестве Гранин: возвращал имена, укоренял их в истории. Тимофеев-Ресовский, Любищев и многие другие. Среди них – тот, кто не принадлежит лите-

ратурной истории Гранина, однако сейчас уже не мыслим без нее: Герой Советского Союза, гвардии генерал-майор, командир Северной группы войск обороны Москвы в ноябре 1941-го и командующий 5-й танковой армией под Воронежем в июле 1942-го, белорус, уроженец Гомеля Александр Ильич Лизюков, чей боевой путь оборвался на воронежской земле в месиве летних оборонительных боев Красной Армии в 1942 г. Мой дед.

Посмертная судьба Александра Лизюкова, наверное, была последней историей заступничества Даниила Александровича. Об этой истории, наверное, знают немногие. Однако ее масштаб и последствия еще предстоит осознать.

История Гранина и Лизюкова по-своему «ленинградская». И не только потому, что великий ленинградец-петербуржец сыграл в ней роль, которая не была под силу кому бы то ни было другому. Ленинград был второй Родиной Лизюкова, если угодно – его полководческой колыбелью. Здесь он с начала 1920-х гг. учился и преподавал в военных учебных заведениях, командовал лучшей в Советском Союзе бригадой тяжелых танков имени Кирова. Здесь он прошел застенки НКВД в 1938–1939 гг. и был оправдан по приговору Военного Трибунала. Здесь в 1930-е гг. Александр Ильич с семьей жил в доме № 37 по улице Разъезжей, который сохранился. Сюда, в этот дом, в квартиру № 25 летело с фронта его письмо жене в августе 1941 г., когда военный комендант Соловьёвой переправы под Смоленском полковник Александр Лизюков одним из первых в годы Великой Отечественной войны был удостоен звания Героя Советского Союза 5 августа 1941 г. за спасение двух окруженных советских армий.

Повод рассказать об этом человеке Гранину был радостный и грустный. В апреле 2008 г. экспедиция воронежского поискового объединения «Дон» обнаружила безымянное фронтовое захоронение с останками Александра Лизюкова и семи неизвестных воинов. В этом удивительном событии Гранин увидел не только торжество справедливости, но и бездонную трагедию забытого на десятилетия героя, да еще военачальника, генерала, Героя Советского Союза: «Как можно было не озаботиться тем, чтобы по горячим следам еще в годы войны найти его могилу?»

Сколько раз такие пустоты будут возникать вокруг имени и дел Александра Лизюкова! Маршал Жуков на «круглом столе» в редакции «Военно-исторического журнала» расскажет в 1966 г. о том, что именно бригады Лизюкова закрывали «дырку» в нашей обороне в 22 километрах от Кремля, а затем первыми начинали контрнаступление под Москвой, негаданный успех которого двинул весь фронт [см.: 3, с. 93–94]. Но в «Воспоминаниях и размышлениях» о Лизюкове, его подвигах под Смоленском и Москвой, его гибели под Воронежем не будет даже обмолвки. Легендарный Катуков и в изданных мемуарах, и в не изданной рукописи будет писать об обстоятельствах гибели Александра Ильича в танковом бою, куда его бросил приказ командования вопреки тому плану сражения, на котором настаивал Лизюков. Однако по страницам военной публицистики, как, впрочем, и поныне на волнах интернета, будет гулять нелепая побасенка о боевом командире, которого якобы погубил «нервный срыв». Небезызвестный генерал Власов, о роли которого под Москвой в 1941-м до сей поры подогреваются споры, в наградном листе Александра Ильича к ордену Ленина собственноручно ответит на вопрос, кто был спасителем столицы: «Товарищ Лизюков всё время руководил боевой деятельностью войск 20 армии» [4]. Но потребуются несколько лет борьбы, чтобы этот наградной лист был, наконец, извлечен из архива и подтвержден как реально существующий документ, о котором, однако, спорщики умалчивают и поныне. Орден Ленина за Москву Герой Советского Союза Лизюков не получит. Полководца, который в ранге командира танкового корпуса неоднократно приглашался на многочасовые совещания к Сталину с участием высших руководителей армии и страны, будут целенаправленно вычеркивать из наградных списков: помимо ордена Ленина – к трем орденам Красного Знамени (в том числе посмертно).

Трагический сюжет судьбы Александра Лизюкова разворачивался исподволь, тайл за гадку. Даниил Александрович сам не мог оставаться безучастным наблюдателем всего, что подсказывало ему неожиданные параллели из собственной биографии и обращало внимание на доводы устной истории, заполнявшей лакуны исчезнувших документов.

Гранин с гордостью рассказывал о проекте «Фонда Д. С. Лихачева», который издал три тома памятных мест, связанных с именем Петра Великого. Причем именно тех, которые сохранены благодаря народной памяти. «Триста лет прошло, – изумлялся Гранин, – а память жива!» Народная память, не раз повторял Даниил Александрович, – самая устойчивая.

Суждения Гранина были хирургически точны и порой исполнялись как предсказания. Чудесным образом обнаруживались фронтовые дневники младших офицеров 5-й танковой армии и подтверждали маршальскую правду Катукова, а воспоминания личного радиста-телеграфиста командарма Лизюкова, почти ровесника Гранина, вплетались в какую-то фантастическую логику истории и обретали убедительную завершенность в свидетельствах старшего сына сталинского наркома Микояна.

История накапливала энергию, вызволенную из безвременья простыми воронежскими ребятами-поисковиками, которые не только обнаружили захоронение Лизюкова, но и выступили с ходатайством о посмертном награждении командарма. Однако шли годы, а казенные бастионы были всё так же надменно-неуступчивы и отвечали официальными отказами. И даже тогда, когда холодность инстанций сменялась на милость, находился незаметный, но всемогущий циркуляр, который не отрицал совершенные подвиги, но ловко противопоставлял им неопровержимые доводы процедуры.

Всё это время Даниил Александрович был на передовой. Обращался в самые высокие сферы. Как говаривал классик белорусской литературы Якуб Колас, «а ў гару зірнеш – шапка валіцца». И лишь после обращения Даниила Александровича к министрам обороны Беларуси и России стало ясно: победа близка. В декабре 2016 г. белорусский министр генерал-лейтенант А.А. Равков известил Гранина о том, что генералом армии С.К. Шойгу ходатайство воронежской общественности поддержано. 15 февраля 2018 г. Президент Российской Федерации В.В. Путин подписал Указ о награждении генерал-майора А.И. Лизюкова российским полководческим орденом Жукова «за умелую организацию боевых действий войск в ходе стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах» (посмертно) [5].

Очень обидно, что Даниилу Александровичу не довелось дожить до этого дня, узнать о победе, для которой он сделал всё возможное. И даже больше, чем возраст патриарха мог бы позволить любому другому.

Гранин ушел. Но словно в ознаменование его праведного дела в центре белорусского Гомеля, на площади Победы 3-го июля 2019 г., в 75-ю годовщину освобождения Беларуси от немецко-фашистских захватчиков был торжественно открыт скульптурный бронзовый мемориал в честь Александра Лизюкова и двух его братьев – героев Великой Отечественной войны, сложивших на ней свои головы. Младший брат Петр Ильич Лизюков – Герой Советского Союза, выпускник Ленинградской артиллерийской школы, полковник, командир 46-й истребительно-противотанковой артиллерийской бригады, которая в 1944 г. отличилась в боях на Выборгском направлении и была удостоена почетного наименования «Ленинградская». Старший брат Евгений Лизюков командовал партизанскими отрядами Минского соединения и погиб в бою с окруженной немецкой частью в дни, когда столица Беларуси уже была освобождена от врага.

В дни торжеств, накануне церемонии открытия памятника, руководители Воронежа и Гомеля подписали Соглашение об установлении побратимских отношений. Белорусский Гомель побратался с российским Воронежем из ассамблеи петровских городов, о которой так радел Даниил Александрович.

Год Даниила Гранина, объявленный в 2019 г. Президентом Российской Федерации, перешагнул границы России и стал белорусским годом тоже, как была всегда дорогой, родной для Даниила Александровича белорусская память о войне. Наверное, он не возразил бы, чтобы и на доме № 37 по улице Разъезжей когда-то появилась памятная доска в честь братьев-белорусов, которые и отсюда тоже начинали свой многотрудный воинский путь, чтобы, презрев даже смертный час, всё же встретиться в Гомеле, в бронзе на площади Победы и уже не разлучиться никогда.

Путь к истине в судьбе белорусского героя войны был подсказан литературным и гражданским опытом Гранина. Доверие к устной истории и устной памяти объединило Петровский проект Гранина и «Блокадную книгу», свободу от литературного канона в поздней прозе писателя и возвращение фигуры Лизюкова, которого предвзятая «профессиональная память» о войне, казалось, приговорила к окончательному забвению.

Отклик гранинского слова, движение души писателя и подвижника вновь превращались в воздух, небо, землю, жизнь...

27 января 2015 г. в нашем доме раздался телефонный звонок. Из Германии звонил пожилой немецкий врач-хирург доктор Дрюмер, старинный, бесценный друг нашей семьи. «Сегодня, в День памяти жертв нацизма я хочу попросить у белорусов прощения за преступления моего народа», – сказал он нам, повергнув в растерянность и смущение. Это было впервые. Такого мы не слышали никогда. Что нужно было сказать в ответ? К нашим словам ответной благодарности примешивалось невольное оцепенение... Прощения у белорусов просил человек, который в далеком 1994 г. вместе с коллегами из больницы в восточногерманском городке Шёнебеке спас жизнь моему отцу. В период производственной командировки в Германию отец попал в больницу, где ему оказали первую помощь. Это был симптом смертельно опасной болезни, который, впрочем, под страховой случай не попадал. Отцу нужно было возвращаться домой, в разруху 1990-х, где его ждала незавидная участь. И тогда доктор Дрюмер собрал коллег и сказал: «У нас пациент из Беларуси. У него нет страховки, нет денег на операцию. Но что бы мы ни сделали сейчас для этого пациента, мы никогда не сможем сделать для него главное: вернуть отца, жизнь которого отняли на войне». Доктор Дрюмер предложил коллегам прооперировать отца бесплатно, то есть за их собственный счет. Не возразил никто. Отец был спасен.

Может быть, именно тогда стало понятно, что спустя год после знаменитого выступления Даниила Гранина в германском бундестаге 27 января 2014 г., в День памяти жертв фашизма, на трибуну вместе с ним незримо взошел немецкий доктор. Это была память патриота Германии. Это была память солдата Гранина. Это была белорусская память о Великой Отечественной войне...

Литература

1. Гранин, Д. А. Немецкий лейтенант и его дочь / Д. А. Гранин // Война в славянской литературе : сб. науч. ст. / сост. И. Н. Афанасьев. – Мозырь : ООО ИД «Белый Ветер», 2006. – С. 34–43.
2. Гранин, Д. Что литература может / Д. Гранин // Литература о войне и проблемы века / ред. А. М. Адамович. – Минск : Наука и техника, 1986. – С. 83–87.
3. Жуков, Г. К. Из неопубликованных воспоминаний / Г. К. Жуков // Коммунист. – 1988. – № 14. – С. 87–101.
4. Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. – Ф. 33. Оп. 682524. Е. х. 6. Л. 3.
5. Указ Президента Российской Федерации В.В. Путина «О награждении орденом Жукова Лизюкова А.И.» [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации Российской Федерации. – Режим доступа : <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&firstDoc=1&lastDoc=1&nd=102461224>. – Дата доступа : 25.04.2022.

УДК 811.161.3'373.232.1(476.2 – 37 Хойнікі)

Да некаторых прозвішчаў Хойніцкага раёна

У.А. БОБРЫК

У артыкуле аналізуюцца семантычныя групы прозвішчаў жыхароў Хойніцкага раёна. Вылучаны адзінаццаць лексіка-семантычных груп, што сталі асновай для ўтварэння прозвішчаў. У выніку аўтар даследавання прыйшоў да высновы, што найбольш ужывальнымі з'яўляюцца прозвішчы, суадносныя з назвамі прафесій, родам заняткаў, фізічнымі і фізіялагічнымі характарыстыкамі чалавека. Менш пашыраны прозвішчы суадносныя з назвамі адзення і абутку, батанічнымі і геаграфічнымі назвамі.

Ключавыя словы: прозвішча, семантыка, адтапанімічнае поле, словаўтварэнне, лексіка-семантычная група.

The article gives the semantic analysis of the surnames of the Khoiniki region citizens. Eleven lexico-semantic groups as the basis for surname formation were singled out. As a result the researcher has come to the conclusion that the most common surnames are the ones that originated from professions, occupations, physical and physiological characteristics of a person. Less common are surnames related to clothes and footwear, botanical and geographical names.

Keywords: surname, semantics, toponymic field, word-formation, lexico-semantic group.

Аналіз семантыкі і структуры прозвішчаў – цікавая, каштоўная і цяжкая справа, што прызнаецца многімі антрапанімістамі. Ён, на думку А. Суперанскай, «дае значную інфармацыю, якая ўяўляе цікавасць для гісторыкаў, этнографікаў, сацыёлагаў, а таксама лінгвістаў. Пры параўнанні лексічных палёў, па якіх размяркоўваюцца асновы прозвішчаў у розных мовах, можна зрабіць вывады пра агульнасць або, наадварот, рознасць нацыянальных культур асобных народаў» [1, с. 81].

Прозвішчаў адпелатыўнага паходжання ў беларускай мове даволі многа. Гэта група складае прыкладна каля паловы ўсіх прозвішчаў. Вядомы антрапаніміст М.В. Бірыла адзначае, што «з пункту погляду гісторыі мовы адпелатыўная антрапанімія з'яўляецца захавальнікам, кансервантам лексікі папярэдніх эпох, дае матэрыял для больш глыбокага вывучэння гістарычнага слоўніка, моўных узаемасувязей» [2, с. 4]. Згодна з гэтым у якасці асноў для ўтварэння прозвішчаў магла выкарыстоўвацца лексіка, якая адлюстроўвае самыя разнастайныя галіны жыццядзейнасці народа і акаляючай яго рэчаіснасці – быт, заняткі, становішча ў сям'і і грамадстве, фізічныя, разумовыя і маральныя якасці, пачуцці, сацыяльны ўклад, жывёльны і раслінны свет і пад. У гэтым сэнсе антрапанімія, утвораная ад апелатыўнай лексікі, з'яўляецца кладоўкай гісторыка-культурнай спадчыны, дае каштоўны матэрыял для вывучэння агульнай гісторыі народа. Пры ўтварэнні прозвішчаў Хойніцкага раёна выкарыстоўвалася лексіка наступных семантычных груп:

Назвы асоб па прафесіі ці занятку, сацыяльным становішчы. Прозвішчы, утвораныя ад назваў прафесій, сведчаць пра разнастайнасць прафесій у Беларусі. З развіццём грамадства зніклі некаторыя прафесіі, а разам з імі страціліся і іх назвы, якія ляжаць ў аснове прозвішчаў. Тым не менш іх этымалогія ў большасці застаецца празрыстай. Прозвішчы, што былі ўтвораны ад назваў прафесій, роду заняткаў або выковаемага дзеяння прадстаўляюць сабой каштоўную крыніцу па гісторыі мовы і культуры. *Алейнік, Алейнікаў* <алейнік 'спецыяліст па вытворчасці алею' [2, с. 20]; *Асадчы, Асадчык* <асадчы 'заснавальнік паселішча' [2, с. 24]; *Баброў, Баброўнік, Баброўскі* <баброўнік 'лавец баброў' [2, с. 29]; *Бабраўнічы* <баброўнік 'той, хто разводзіць баброў' [3, с. 241]; *Бандарчук, Бандарэнка, Бондар* <бондар 'майстар па вырабу драўлянай пасуды' [4, с. 395]; *Бараіш* <'чалавек, які робіць шатры ці прыслужвае ў шатры' [2, с. 42]; *Баярка, Баярчук* <баярын 'радавіты дваранін, буйны памешчык' [4, с. 355]; *Буднік, Будніцкі* <буднік 'рудакоп' [2, с. 64]; *Віннік, Віннічак* <'прадавец віна' [2, с. 87]; *Вінакур, Вінакураў* <вінакур 'той, хто займаецца вінакурэннем' [4, с. 491]; *Ганчар, Ганчарэнка* <ганчар 'майстар, рамеснік, які вырабляе з гліны пасуду і іншыя рэчы' [5, с. 26]; *Гарбар* <той, хто займаецца апрацоўкай і вырабам

шкур, работнік гарбарнай вытворчасці [5, с. 29]; *Гутнік* <рабочы, які працаваў на гуче [5, с. 101] *Дзегцярэнка* <дзегцярь 'той, хто хто гоніць дзёгаць' [5, с. 178]; *Дубовік* <рэг. 'рулявы на лодцы плытагонаў, якая называецца 'дуб', рус. *дубовик* 'лодочнік, перавозчык' [2, с. 139]; *Дудараў, Дударэнка* <дудар 'музыкант, які іграе на дудзе' [5, с. 207]; *Залатар, Залатароў* <залатар 'залатых спраў майстар' [2, с. 155]; *Кавалёў, Кавалеўскі, Кавальчук, Коваль* <каваль 'рабочы, майстар, які займаецца коўкай металу' [5, с. 570]; *Кажадуб* <'дубільшчык скур' [2, с. 167]; *Кажамяка, Кажамякін* <кажамяка 'майстар, які вырабляе сырамятныя скуры' [5, с. 573]; *Калеснік* <калеснік 'майстар, які вырабляе колы, калёсы' [5, с. 586]; *Канавалаў* <канавал 'лекар без спецыяльнай ветэрынарнай адукацыі, які займаецца лячэннем коней' [5, с. 609]; *Капелан* <'у каталіцкай і англіканскай цэрквах – свяшчэннік пры капліцы або дамашняй царкве' [5, с. 629]; *Катляр, Катлярчук* <катляр 'майстар, які вырабляе катлы' [2, с. 192]; *Козак, Казак, Казачок* <казак 'вольны чалавек з прыгонных сялян, халопаў, гарадской беднаты, якія ўцякалі на ўскраіны дзяржавы' [5, с. 574]; *Кравец, Краўчанка, Краўчук* <кравец 'спецыяліст па шыццю адзення' [5, с. 719]; *Кузняцоў* <кузнец 'рабочы, майстар, які займаецца коўкай металу' [5, с. 570]; *Кухарэвіч, Кухарэнка* <кухар 'повар' [2, с. 236]; *Кучараў* <кучар 'фурман, рамізнiк, вазніца' [2, с. 236]; *Кушнер, Кушнір* <кушнер 'рамеснік, які вырабляе шкуры на футра і шые з футра' [5, с. 765]; *Папкоў, Папок* <поп 'свяшчэннік' [7, с. 191]; *Півавар* <спэцыяліст па півавараўню [7, с. 252] *Слесараў, Слесарэнка* <рабочы, спецыяліст па ручной апрацоўцы, зборцы і рамонту металічных вырабаў [8, с. 201], *Сталяроў, Сталярчук* <сталяр 'рабочы, спецыяліст па тонкай і дэталёвай апрацоўцы драўніны і вырабах з яе' [8, с. 301]; *Старавойт, Старавойтаў* <стары войт 'начальнік гарадскога пасялення' [4, с. 501]; *Стэльмах* <майстар, які робіць калёсы, сані [8, с. 300] *Сярдзюк* <укр. *сердюк* 'целяахоўнік пры гетмане,' рус. *сердюки* 'казакі ў маларасійскім войску на аплаце' [2, с. 405]; *Ткачэнка* <ткач 'рабочы, майстар, які вырабляе тканіну на ткацкім станку' [8, с. 490]; *Цырульнік* <'майстар, які займаецца галеннем, стрыжкай, афарбоўкай і прычэсваннем валасоў' [9, с. 261]; *Шаўцоў* <шавец 'майстар па шыццю і рамонту абутка' [9, с. 340]; *Шапавалаў* <'майстар, які вырабляе валеннем шэрсці капелюшы і іншыя рэчы; рабочы, які працуе на шапавальнай машыне' [9, с. 348]; *Шынкарэнка* <шынкар 'уладальнік шынка або прадавец спіртных напіткаў у ім' [9, с. 429].

Прозвішчы, якія абазначаюць фізічныя і фізіялагічныя характарыстыкі чалавека, рысы характару, уласцівасці розуму складаюць адну з самых багатых па колькасці груп: *Баранаў, Белавус, Белавусаў, Белы, Бабыр* < кірг. 'гаварун, гаварлівы' [2, с. 30], *Батура* <'балагур', рус. 'упарты, непаслухмяны' [2, с. 45], *Брылёў* <'ілгун, абманшчык' [2, с. 61], *Віславух* <'з віслымі вушамі' [2, с. 88], *Гарбаты, Гарбачоў, Гарбачэнка, Гарбуноў* <'гарбаты' [2, с. 102], *Гаркуша* <рус. *гаркуша* 'крыкун, гарлапан' [2, с. 103], *Глушак, Глушакоў* <рэг. 'глухі' [2, с. 111], *Гулёвіч, Гулёня, Гуляй, Гулянок* <'гуляка' [2, с. 121], *Жаўняк* <рэг. *жаўнаць* 'гаварыць бязглуздзіцу' [2, с. 145], *Жыляк* <рус. *жилак* 'той, хто жыліць, махное ў гульні' [2, с. 151], *Зуй* <рэг. 'рослы хлопец з паводзінамі дзіцяці, недарэка' [2, с. 161], *Карнавухаў* <рэг. 'карнавухі, з кароткімі вушамі' [2, с. 185], *Кароткі* <ад кароткі [2, с. 187], *Кацуба* <'той, у каго з рук усё валіцца' [2, с. 195], *Крукоўскі* <крук 'скупец, скупы чалавек' [2, с. 219], *Крываашэў, Крываашэй, Крывенчык, Крывец* <'ад крывы' [2, с. 222], *Кулага* <рэг. 'непаваротлівы, няскладны, павольны ў рабоце' [2, с. 228], *Курбацкі* <рус. *курбатый, курбатик* 'нізкарослы чалавек, карапузік, таўстунок' [2, с. 233], *Курыла, Курыленка* <рус. *курила, курилка* 'п'яніца, гуляка' [2, с. 235], *Лобан* <рус. *лобан* 'чалавек ці жывёла з вялікім ілбом' [2, с. 239], *Лёгенькі* <ад лёгка [2, с. 251], *Ліхач* <'зух, ліхач, удалец' [2, с. 254], *Мануйлаў* <рус. 'абманшчык, той, хто ўмее выманіць' [2, с. 274], *Наляговіч* <ад *налягаць* 'той, хто налягае' [2, с. 297], *Наско, Носараў* <'насаты, насаль' [2, с. 300], *Рабко, Рабоўскі, Рабы, Рабянок* <рабец 'рабы' [2, с. 343], *Сляпоўскі, Сляпухін* <ад сляпы [2, с. 383], *Смоліч, Смольскі* <'падобны на смоль, чарнамазы, чарнявы' [2, с. 383], *Сядзько, Сядоў* <'сівы, сівак', 'сядун, седзень' [2, с. 403], *Сярак* <рус. *серяк* (аб чалавеку) 'шэры, просты, грубы' [2, с. 404], *Філончык, Філончыкаў* <філон. жарг. 'гультай' [2, с. 423], *Цішкевіч, Цішчанка* <укр. *тишко* 'ціхоня' [2, с. 439], *Чарняк, Чарняўскі* <рус. *черняк* 'мужык, сялянін, чарнарабочы', 'смуглы, чарнявы чалавек' [2, с. 448], *Чубанаў, Чубянок* <чубан рэг. 'чубаты, чалавек з чубам' [2, с. 451], *Шурпо* <рэг.

‘кучаравы хлопчык, ці кучаравая дзяўчынка’, рус. ‘брыдка адзетая жанчына’ [2, с. 484], *Шчарбак*, *Шчарбачэня* <рус. *щербик* ‘хапун, чалавек, які стараецца недаплаціці, абманіць’, ‘шчарбаты чалавек’ [2, с. 487], *Шчэрбін* <‘шчарбаты чалавек’ [2, с. 487].

Прозвішчы, што паходзяць ад назваў прылад працы і прадметаў дамашняга ўжытку. Амаль што кожная прылада працы можа выкарыстоўвацца як прозвішча. Ёсць прозвішчы, якія ўтварыліся ад тэрмінаў, якія зараз не выкарыстоўваюцца ці ёсць толькі ў дыялектах. *Абуховіч* <абух ‘тулая патоўшчаная частка вострай прылады (звычайна сякеры), працілеглая лязу’ [4, с. 84], *Дзяркач* <‘стары венік без лісця; галень’ [5, с. 182], *Дубінскі* <дубіна ‘тоўстая, звычайна дубовая палка’ [5, с. 206], *Жалязняк*, *Жалязняковіч* <рэг. ‘металічны прут, якім кавалі выпальваюць дзіркі ў дрэве’, ‘нагайка’, ‘жала’ [2, с. 149], *Кацуба* <*кацуба* рэг. ‘качарга’ [2, с. 195], *Капшэльнікаў*, *Кошалеў* <кашэль ‘вялікая кашолка, звычайна з лучыны’ [5, с. 673], *Крук*, *Крукоўскі* <‘крук, кручок’ [2, с. 219], *Лазбень* <рэг. *лазбень* ‘кадушачка з лубу ці выдаўбленая з ліпавага дрэва для мёду’, рус. *лазбень* ‘збан’, ‘кадушачка з крышкай, своеасаблівы сундучок’ [2, с. 242], *Мятліцкі* <мятла ‘пучок звязаных галінак без лісцяў, звычайна насаджаных на палку, які служыць для падмятання’ [6, с. 195], *Шылаў* <шыла ‘інструмент у выглядзе заостранага металічнага стрыжня з дзяржаннем для праколвання дзірак’ [9, с. 428].

Назвы жывёл і птушак, рыб. Гэта група з’яўляецца адной з важных крыніц для ўтварэння прозвішчаў Хойніцкага раёна: *Акулаў*, *Акунёў*, *Арлоў*, *Баброў*, *Баброўнік*, *Баброўнікаў*, <рус. *бобырь* ‘пячкур’, *бобырец* ‘рыба з роду галаўнёў’, бел. рэг. *бабырка* ‘пячкур’ [2, с. 30]; *Баранаў*, *Бараноўскі*, *Барсукоў* <бурко рус. ‘конь бурай масці’ [2, с. 69]; *Бусел*, *Буслаў*, *Быкаў*, *Вараб’ёў*, *Варабей*, *Волкаў*, *Волчак*, *Голуб*, *Голубаў*, *Гусак*, *Гусакоў*, *Дзяркач* <‘драч’ [5, с. 182]; *Драздоў*, *Дрозд*, *Драчоў*, *Жаўняк*, *Жук*, *Жукаў*, *Жукоўскі*, *Жураўлёў*, *Жураўкоў*, *Жураўскі*, *Заяц*, *Казлоў*, *Казлоўскі*, *Карасік*, *Карась*, *Карпаў*, *Карпенка*, *Кот*, *Котаў*, *Крот*, *Кротаў*, *Крук*, *Крукоўскі*, *Крысін*, *Крысенка*, *Канаплянік* <абл. ‘варабей’ [5, с. 611]; *Кулік*, *Коршак*, *Кугач* <укр. *кугач* ‘сыч’ [2, с. 225]; *Кунько*, *Кунцэвіч*, *Куніцкі* <рус., укр. *куня* ‘куніца’ [2, с. 230]; *Лешч*, *Лешчанка*, *Лін*, *Ліс*, *Лісоўскі*, *Мядзведзеў*, *Петух*, *Рак*, *Ракаў*; *Русак* <бел., рус. ‘заяц-русак’ [2, с. 355]; *Савенка*, *Савёнок*, *Сакалоў*, *Сакалоўскі*, *Салаўёў*, *Сойкін*, *Сокалаў*, *Сомаў*, *Судакоў*, *Уткін*, *Хамянок*, *Хамяноў*.

Прозвішчы, утвораныя ад назваў прадуктаў харчавання. У мінулым харчаванне займала важнае месца ў жыцці людзей, што звязана з цяжкай працай. Таму зразумела, чаму ад гэтых назваў утварылася даволі шмат прозвішчаў. Гэта і назвы першых страў, і назвы каш, і назвы страў з мукі. Хлеб з’яўляўся і з’яўляецца галоўным прадуктам харчавання, таму не магло не быць прозвішча, утворанага ад слова «хлеб». *Аўсянік*, *Аўсянікаў* <аўсянік ‘аўсяны блін’ [2, с. 26], *Бабчанка*, <бабка ‘страва, прыгатаваная з дрэннай бульбы’ [4, с. 319], *Галушка* <галушка ‘страва ў выглядзе дробных клёцак (з мукі або дрэннай бульбы), прыгатаваных на булёне ці на малацэ’ [5, с. 22], *Жур*, *Жураў* <жур ‘негусты аўсяны кісель’ [5, с. 260], *Кісель*, *Корж*, *Кулеш*, *Куляшоў* <кулеш ‘рэдка мучная каша з салам’ [5, с. 752], *Шчэрбін* <рус. ‘гарачая паліўка, пахлёбка’, ‘уха’, укр. *щерба* ‘навар з чаго-небудзь’, ‘уха’ [2, с. 489], *Юшкевіч*, *Юшчанка* <юшка ‘юшка, сок ад чага-небудзь варанага, жыжка, жыдкая частка стравы, навар з мяса ці рыбы, суп з бульбай, рыбны суп’, ‘сок у капусце, яблыках і інш.’, ‘кампот з сухіх груш’ [2, с. 457].

Прозвішчы, утвораныя ад назваў абутку і адзення: *Башмак*, *Башмакоў*, *Бірукоў* <бірук цюрк. ‘зімовая шапка з воўчай футры’ [2, с. 54], *Буднік*, *Будніцкі* <рус. *будник* ‘буднік, будзённае адзенне’ [2, с. 64], *Каратай* <рус. *коротай* ‘кароткі кафтанчык’ [2, с. 183], *Кобец* <коба укр. ‘капюшон, башлык у адзенні’ [2, с. 209], *Кунец*, *Кунцэвіч*, *Куніцкі* <рэг. *куна* ‘шуба з куніцы’ [2, с. 230], *Саковіч*, *Сакоўскі* <сак ‘жаночае адзенне’ [2, с. 361], *Шубін*, *Шубянок* <шуба ‘зімовае верхняе адзенне на падкладцы з футра’ [9, с. 408].

Назвы асоб па адносінах сваяцтва ці становішча ў сям’і: *Бабенка*, *Бабіч* <рэг. ‘дзіця, якое нарадзілася ў бабкі-павітухі ці ў старой жанчыны’, рус. ‘бабнік’ [2, с. 29], *Дзедзік*, *Дзедзіцкі* <дзед ‘бацькаў або матчын бацька’ [5, с. 165], *Здановіч* <ад ждаць ‘чакаць’, ‘дзіця, якога чакаюць, хочуць’ [2, с. 146], *Маліцкі* <рус. *малик* ‘дзіця, малыш, меншы ў сям’і’ [2, с. 271], *Новік*, *Новікаў*, <рэг. ‘новы чалавек у сям’і’, ‘новы член у сям’і’ [2, с. 294], *Пазняк*, *Пазнякоў* <рус. *поздняк* ‘апошняе дзіця ў старых бацькоў ці дзіця, якое нарадзілася праз доўгі час пасля папярэдняга’ [2, с. 308], *Пакідзька* <абл. ‘той, каго пакінулі, з кім

расталіся назаўсёды' [2, с. 322], *Прымак*, *Прымачэнка* <прымак 'муж, якога прынялі ў сям'ю жонкі, які жыве ў доме жонкі' [7, с. 448], *Прыходзька* <'той, хто прыйшоў, прышлы' [2, с. 336], *Шастак* <'шостае па ліку дзіця ў сям'і' [2, с. 469].

Прозвішчы, утвораныя ад батанічных тэрмінаў. Дадзены падпункт уключае ў сябе прозвішчы, утвораныя ад назваў дрэў, кветак, садавіны і інш.:

Баравік, *Бурак*, *Вярбіцкі*, *Гарбуз*, *Гарбузоў*, *Гарошка*, *Грыб*, *Грыбоўскі*, *Дубінскі*, *Дубовік*, *Жолуд*, *Жытнік*, *Калінін*, *Калінічэнка*, *Каліноўскі*, *Лінаў*, *Ліпскі*, *Маліноўскі*, *Саснок*, *Сасновіч*, *Сасноўскі*, *Яворскі* <'ад явар' [2, с. 498], *Ярэц* <укр. *ярець* 'ячмень' [2, с. 500].

Прозвішчы, утвораныя ад назваў народаў і этнічных груп: *Літвін*, *Літвінаў*, *Літвіка*, <літвін, ст. бел. *літовец* 'жыхар Літвы' [2, с. 253]; *Мазур*, *Мазуркевіч*, <мазур 'выхадзец з Мазуршчыны' [2, с. 267]; *Маскаленка* <маскаль 'падданы Маскоўскай дзяржавы' [2, с. 277]; *Поляк* <паляк 'заходнеславянскі народ, які складае асноўнае насельніцтва Польшчы' [6, с. 644]; *Прус* <'ураджэнцы або жыхары Прусіі; паўночна-ўсходнія немцы' [7, с. 402]; *Чэркас* <чэркес 'адзін з народаў, якія населяюць Карачаева-Чэркескую аўтаномную вобласць' [9, с. 337]; *Цыганенка*, *Цыганкоў* <цыган 'народнасць індыйскага паходжання, якая жыве часцей за ўсё качавымі і паўкачавымі групамі ў Еўропе, Азіі і Афрыцы' [9, с. 256].

Назвы частак цела і покрыва чалавека і жывёл. Прозвішчы, звязаныя з асобнымі часткамі чалавечага цела былі даволі папулярнымі. У якасці прозвішч маглі выкарыстоўвацца і назвы частак цела жывёл: *Бяспалы*, *Валасевіч*, *Валасоўскі*, *Валасюк*, *Галавацкі*, *Галавін*, *Гарбачоў*, *Гарбуноў*, *Горленка*, *Гузаў*, *Гулянкоў* гуля 'гуз, жаўлак' [5, с. 95]; *Дзубо*, *Зубаў*, *Зубок*, *Маслак* <маслак 'вялікая косць, пераважна сцегнавая; вытыркая косць' [6, с. 117], *Ражкоў*, *Рогаў*, *Ус*, *Усікаў*, *Ушкін*, *Шкурко*, *Шкурын*, *Шкурацаў*.

Прозвішчы, утвораныя ад географічных назваў складаюць невялікую па колькасці групу: *Вялікаборац* (в. Вялікі Бор), *Калужскі* (в. Любанец (г. Любань), *Мазырэц* (г. Мазыр), *Пінскі*, *Пінчук* (г. Пінск), *Паляшук* (Палессе), *Туравец* (г. Тураў), *Шваб* <выхадзец з Германіі, былога герцагства Швабія) [10, с. 38].

Такім чынам, аналіз вышэй разгледжаных прозвішчаў дае нам магчымасць сцвярджаць, што самай прадуктыўнай матывацыйнай базай для ўтварэння прозвішчаў Хойніцкага раёна з'яўляецца апелятыўная лексіка, якая прадстаўлена рознымі лексіка-семантычнымі групамі. Найбольш пашыранымі з'яўляюцца прозвішчы, утвораныя ад назваў асоб па прафесіі, фізічных і фізіялагічных характарыстык чалавека, асаблівасцей характару, яго схільнасцей і прывычак. Менш пашыраны прозвішчы, суадносныя з назвамі абутку і адзення, з батанічнымі і географічнымі назвамі.

Літаратура

1. Суперанская, А. В. Современные русские фамилии / А. В. Суперанская, А. В. Суслова ; под. ред. Ф. П. Филина. – М. : Наука, 1981. – 176 с.
2. Бірыла, М. В. Беларуская антрапанімія 2 : Прозвішчы, утвораныя ад апелятыўнай лексікі / М. В. Бірыла. – Мінск : Навука і тэхніка, 1969. – 508 с.
3. Унбегаун, Б. Русские фамилии / Б. Унбегаун ; пер. с англ. – М. : Прогресс, 1989. – 443 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1977. – Т. 1 : А–В. – 608 с.
5. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 768 с.
6. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1979. – Т. 3 : Л–П. – 672 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1980. – Т. 4 : П–Р. – 768 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1982. – Т. 5, ч. 1 : С–У. – 663 с.
9. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства імя Я. Коласа. – Мінск, 1984. – Т. 5, ч. 2 : У–Я. – 608 с.
10. Шур, В. В. 3 гісторыі уласных імёнаў / В. В. Шур. – Мінск : Выш. шк., 1993. – 156 с.

Чаргаванне фанем як марфаналагічны сродак утварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса *-#stv-* у беларускай мове¹

Н.М. ГАРДЗЕЙ¹, С.Г. ХВЯСЬКО²

У артыкуле апісваецца чаргаванне фанем як марфаналагічны сродак утварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса *-#stv-* у беларускай мове: паказваюцца ўмовы і месца альтэрнацыі ў структуры вытворнага слова, выяўляюцца фаналагічны субстрат, фактары, функцыя, ступень прадуктыўнасці і рэгулярнасці чаргаванняў, фармулююцца марфаналагічныя правілы рэгулярных чаргаванняў, а таксама прапануецца інтэрпрэтацыя некаторых нерэгулярных і варыянтных марфаналагічных мадэлей утварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса *-#stv-*.

Ключавыя словы: беларуская мова, марфаналагічная пазіцыя, чаргаванне (альтэрнацыя) фанем, субстантыўная аснова, словаўтваральны фармант.

The article describes the alternation of phonemes as a morphophonemic means of word formation of nouns from nouns using the suffix *-#stv-* in the Belarusian language: the conditions and place of alternations in the structure of a derived word are shown, the phonological substrate, factors, function, degree of productivity and regularity of alternations are identified, morphophonemic rules of regular alternations are formulated, as well as some irregular and variant morphophonemic models of the formation of nouns from nouns using the suffix *-#stv-* are interpreted.

Keywords: Belarusian language, morphophonemic position, phoneme alternation, substantive stem, word-building formant.

Уводзіны. Актуальнай задачай беларускай марфаналогіі на сучасным этапе яе развіцця з'яўляецца стварэнне поўнага і несупярэчлівага апісання марфаналагічных сродкаў словаўтварэння паводле функцыянальна-дынамічнай мадэлі, якая прадугледжвае не толькі фіксацыю асобных фармальных мадыфікацый моўных знакаў у словаўтваральных працэсах, але і класіфікацыю гэтых мадыфікацый, па магчымасці вычарпальнае прадстаўленне іх фаналагічнага субстрату, умоў і фактараў рэалізацыі, ступені рэгулярнасці і прадуктыўнасці ў сістэме словаўтварэння, а таксама фармулёўку правілаў іх ажыццяўлення [1] у межах таго ці іншага словаўтваральнага тыпу. Функцыянальна-дынамічны падыход да марфаналагічных характарыстык беларускай мовы дае магчымасць убачыць іх непарыўную сувязь са словаўтваральнымі характарыстыкамі, што вельмі важна для сістэмна абгрунтаванага прадстаўлення марфаналагічных мадэлей словаўтварэння, для ўдасканалення зместу артыкулаў у словаўтваральных слоўніках, для павышэння эфектыўнасці навучання беларускай мове як роднай і як замежнай.

Мэта гэтага артыкула – прадставіць блізкае да вычарпальнага апісання чаргаванняў фанем, што спадарожнічаюць утварэнню назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса *-#stv-* у беларускай мове, паводле функцыянальна-дынамічнай мадэлі.

Базавым паняццем прапанаванага апісання з'яўляецца паняцце аперацыйнай марфаналагічнай пазіцыі. У лінгвістычнай літаратуры адзначаецца, што аперацыйная марфаналагічная пазіцыя звязвае адзінкі розных узроўняў вытворнасці: адзін член такой пазіцыі належыць вытворнаму слову, а другі – утваральнаму слову. Члены аперацыйнай марфаналагічнай пазіцыі заўсёды нераўнапраўныя: адзін з іх з'яўляецца суб'ектам пазіцыі, актыўным членам, які дыктуе паводзіны другому, пасіўнаму, члену – аб'екту марфаналагічнай пазіцыі [2, с. 82–94], [3, с. 31–35]. Напрыклад, механізм дзеяння аперацыйнай марфаналагічнай пазіцыі ў структуры назоўнікаў *апякунства* і *кансульства* заключаецца ў тым, што яе актыўны член – суфікс

¹Артыкул напісаны ў працэсе выканання тэмы «Супастаўляльнае апісання марфаналогіі беларускай і рускай моў: марфаналагічныя тыпы субстантыўных парадыгм і марфаналагічныя мадэлі субстантыўнага словаўтварэння» (ДПНД «Грамадства і гуманітарная бяспека беларускай дзяржавы» на 2021–2025 гг.; заданне 6.2.12 «Беларуска-іншамоўнае ўзаемадзеянне ў кантэксце адукацыйнай практыкі», № дзяржрэгістрацыі 20212125 ад 04.06.2021).

-#смв-, які належыць вытворнаму кантэксту, уздзеянчае на пасіўны член – субстантыўную аснову, якая належыць утваральнаму кантэксту, і або выклікае ў ёй фармальнае пераўтварэнне, марфаналагічным сродкам якога выступае ў дадзеным выпадку чаргаванне фанем $л \rightarrow л'$ (*кónсул* $\rightarrow$ *кónсульства*), або пакідае ўтваральную аснову без змяненняў (*апякун* $\rightarrow$ *апякунства*). Варта падкрэсліць, што ў пазіцыі перад суфіксам **-#смв-** сродкам мадыфікацыі ўтваральнай асновы можа быць не толькі чаргаванне фанем, але і сцяжэнне зычных (*брат* $\rightarrow$ *бра́цтва*) і ўсячэнне (*начальнік* $\rightarrow$ *начальства*). Акрамя таго, мадыфікавацца можа і сам словаўтваральны фармант за кошт інтэрфікса (*вучань* $\rightarrow$ *вучнёўства*), зрэдку за кошт галоснай эпентэзы (*патрыярх* $\rightarrow$ *патрыяршства*), а таксама ў выніку сцяжэння зычных (*дзіва́к* + **-смв-** $\rightarrow$ *дзіва́цтва-а*) [4], [5], [6]. У прапанаваным артыкуле мы апісваем толькі чаргаванне фанем як марфаналагічны сродак утварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса **-#смв-** і разлічваем, што гэта апісанне дапоўніць існуючыя граматычныя апісанні беларускай мовы, у якіх адпаведная інфармацыя адсутнічае [7], [8]. Аб'ектам даследавання з'яўляюцца 735 словаўтваральных пар *назоўнік* $\rightarrow$ *назоўнік з суфіксам -#смв-*, якія атрыманы метадам суцэльнай выбаркі з лексікаграфічных крыніц беларускай мовы [9], [10], [11], [12] і ў якіх рэалізуецца або не рэалізуецца чаргаванне фанем у структуры вытворнай асновы.

Асноўная частка. Пры словаўтварэнні назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса **-#смв-** чаргаванне фанем адбываецца на стыку ўтваральнай асновы і словаўтваральнага фарманта і закранае перш за ўсё фінальную частку **-C₁VC₂** утваральнай асновы, дзе **V** – галосная фанема, а **C₁** і **C₂** – зычныя фанемы або спалучэнні зычных фанем [13, с. 64]. Пры гэтым марфаналагічная пазіцыя ўтваральнай асновы перад суфіксам **-#смв-** з'яўляецца абавязковай, але недастатковай умовай фаналагічных альтэрнацый. На рэалізацыю / нерэалізацыю чаргавання фанем у значнай ступені ўплывае фаналагічны субстрат утваральнай асновы, і ў першую чаргу, фаналагічнае выражэнне сегмента **C₂** зоны мадыфікацыі **-C₁VC₂**, да якога непасрэдна далучаецца словаўтваральны фармант.

У сегменце **C₂** утваральных субстантыўных асноў, здольных непасрэдна (без удзелу інтэрфіксаў) спалучацца з суфіксам **-#смв-**, прадстаўлены 20 з 37 зычных фанем беларускай мовы (табліца 1). З іх 5 фанем (**д, т, ц, ч, к**) падпадаюць пад сцяжэнне зычных². Астатнія фанемы паводле іх схільнасці да альтэрнацыі перад суфіксам **-#смв-** можна раскласіфікаваць наступным чынам:

- 1) фанемы, якія абавязкова ўступаюць у чаргаванне: **л, в', х**;
- 2) фанемы, якія не ўступаюць у чаргаванне: **й, р, л', н, м, в, ф, б, п, ж**;
- 3) фанемы, якія могуць як уступаць, так і не ўступаць у чаргаванне: **н', г**.

З прапанаванай класіфікацыі вынікае, што для ўтваральных субстантыўных асноў, якія заканчваюцца на фанемы **л, в', х** (усяго 29 асноў), пазіцыя перад суфіксам **-#смв-** з'яўляецца аперацыйна моцнай: яна прадпісвае чаргаванне дадзеных фанем у структуры вытворнай асновы; для ўтваральных асноў, што заканчваюцца на фанемы **й, р, л', н, м, в, ф, б, п, ж** (усяго 314 асноў), пазіцыя перад суфіксам **-#смв-** з'яўляецца аперацыйна слабай: у структуры вытворнага назоўніка гэта пазіцыя пакідае ўтваральную аснову нязменнай; і нарэшце, для ўтваральных асноў, што заканчваюцца на фанемы **н', г**, пазіцыя перад суфіксам **-#смв-** можа быць як аперацыйна моцнай (усяго 59 асноў), так і аперацыйна слабай (усяго 3 асновы) (табліца 1). Такім чынам, чаргаванне фанем у сегменце **C₂** утваральных субстантыўных асноў не з'яўляецца прадуктыўным перад суфіксам **-#смв-**: паводле матэрыялаў даследавання толькі 88 назоўнікаў утварыліся з удзелам гэтага марфаналагічнага сродку дэрывацыі, што складае прыкладна 12 % ад усіх вытворных адсубстантыўных назоўнікаў з суфіксам **-#смв-**.

Табліца 1 – Фаналагічная характарыстыка сегмента **C₂** зоны мадыфікацыі **-C₁VC₂** утваральных субстантыўных асноў, здольных непасрэдна (без удзелу інтэрфіксаў) спалучацца з суфіксам **-#смв-**

Зона мадыфікацыі ўтваральнай асновы перад суфіксам -#смв-	Колькасць утваральных асноў	Тэндэнцыя фінальнай зычнай фанемы ўтваральнай асновы да чаргавання або сцяжэння
C₁Vй	32	-

²Апісанне сцяжэння як асобнай марфаналагічнай з'явы, што спадарожнічае адсубстантыўнаму словаўтварэнню назоўнікаў з суфіксам **-#смв-** у беларускай і рускай мовах, прапанавана ў артыкуле [6].

C₁Vp	177	-
Заканчэнне табліцы 1		
C₁Vл	27	+
C₁Vл'	12	-
C₁Vн	58	-
C₁Vн'	58	+
	1	-
C₁Vм	6	-
C₁Vв	5	-
C₁Vв'	1	+
C₁Vф	4	-
C₁Vб	12	-
C₁Vп	6	-
C₁Vд	55	+
C₁Vт	54	+
C₁Vж	2	-
C₁Vц	9	+
C₁Vч	9	+
C₁Vг	1 (+3) 2(+1)	+
		-
C₁Vк	149 (5)	+
		(-)
C₁Vх	1	+
	(6)	(-)

Заўвагі: 1) плюс (+) – апошняя зычная фанема ўтваральнай асновы выяўляе тэндэнцыю да чаргавання; 2) мінус (-) – апошняя зычная фанема ўтваральнай асновы не выяўляе тэндэнцыі да чаргавання; ; 3) *паўжычны курсіў* – інфармацыя аб сцяжэнні фанем на стыку ўтваральнай асновы і суфікса **-#ств-**; 4) () – інфармацыя аб усячэнні фанемы або яе рэалізацыі ў іншай марфаналагічнай пазіцыі, напрыклад, перад інтэрфіксам.

Разгледзім больш падрабязна чаргаванні фанем у сегменце **C₂** зоны мадыфікацыі **-C₁VC₂** утваральнай субстантыўнай асновы.

л → л'. Гэта чаргаванне з'яўляецца абсалютна рэгулярным і маркіруе прыкладна 4 % словаўтваральных пар: *англафіл → англафіль-ств-а, консул → консуль-ств-а, канібал → канібаль-ств-а*. Чаргаванне не мае фаналагічнай абумоўленасці, інакш кажучы, не выяўляе залежнасці ад характарыстык фанемы **с** (параўн.: *галс, пілсудчына* – з гэтых прыкладаў відаць, што цвёрдая фанема **л** можа спалучацца з фанемай **с**), яно выклікаецца выключна словаўтваральным фактарам – спалучэннем утваральнай **л**-асновы з суфіксам **-#ств-** – і з'яўляецца рэлевантным для сістэмы словаўтварэння. Вынік чаргавання – палаталізацыя ўтваральнай асновы. Рэгулярнасць гэтага чаргавання ў беларускай мове з'яўляецца падставай для фармулёўкі наступнага марфаналагічнага правіла: калі аснова ўтваральнага назоўніка заканчваецца на фанему **л** і аказваецца непасрэдна перад суфіксам **-#ств-**, то ў структуры асновы вытворнага назоўніка рэалізуецца чаргаванне **л → л'**, напрыклад: *адмірал → адміраль-ств-а, балагол → балаголь-ств-а, генерал → генераль-ств-а*.

н' → н. Гэтым чаргаваннем маркіруецца прыкладна 8 % словаўтваральных пар: *ашукан'-(ец) → ашукан-ств-а, дваран'-(ін) → дваран-ств-а, селян'-(ін) → сялян-ств-а*. Вынік чаргавання – дыспалаталізацыя ўтваральнай асновы. Чаргаванне адбываецца рэгулярна ў тых выпадках, калі ў якасці ўтваральнай базы выступае асабовы назоўнік мужчынскага роду, а ў словаўтваральным працэсе задзейнічаны яшчэ адзін марфаналагічны сродак – усячэнне фіналей **-ец** або **-ін** утваральнай асновы. Чаргаванне **н' → н** не адбываецца ў словаўтваральнай пары *гаспадын'-я → гаспадын'-ств-а*, дзе ў якасці ўтваральнай базы выступае асабовы назоўнік жаночага роду і ўсячэнне ўтваральнай асновы перад суфіксам **-#ств-** адсутнічае. Такім чынам, фактарамі чаргавання **н' → н** у выпадках тыпу *селян'-(ін) → сялян-ств-а* аказваюцца марфалагічны і ў пэўнай ступені семантычны фактары. Чаргаванне **н' → н** рэлевантнае для сістэмы словаўтварэння і падпарадкоўваецца наступнаму правілу: калі аснова ўтваральнага асабовага назоўніка мужчынскага роду заканчваецца на **-нец** або **-нін**, то ў аснове вытворнага назоўніка

перад суфіксам **-#ств-** фіналі **-ец** або **-ін** усяжаюцца, а фанема **н'** замяшчаецца фанемай **н**.

У сувязі з чаргаваннем **н' → н** асобных каментарыяў патрабуе словаўтваральная пара *паўстан'-(ец) → паўстан-цтв-а*. Відавочна, што марфаналагічнымі сродкамі дэрывацыі назоўніка *паўстанцтва* з'яўляюцца ўсячэнне ўтваральнай асновы і чаргаванне **н' → н** перад словаўтваральным суфіксам, але не толькі. Сам суфікс выступае ў мадыфікаваным варыянце, прычым абгрунтаваць гэту мадыфікацыю дзеяннем якіх-небудзь фаналагічных або іншых заканамернасцей немагчыма, параўн.: *утрымáн'-(ец) → утрымáн-ств-а*, *прыстасавáн'-(ец) → прыстасавáн-ств-а*, *бэжáн'-(ец) → бэжáн-ств-а*, але па нейкіх прычынах *паўстан'-(ец) → паўстан-цтв-а* (не **паўстан-ств-а*). Хутчэй за ўсё, перад намі нерэгулярная марфаналагічная мадэль субстантыўнага словаўтварэння, рэалізацыю якой можна патлумачыць толькі дзеяннем закона аналогіі ў фанемнай арганізацыі словаўтваральных структур, параўн.: *паўстанцтва* як *палóмніцтва*, *падарóжніцтва*, *падзвіжніцтва*, *валакіцтва*, *пірацтва*, і якая сведчыць аб тым, што фанемная паслядоўнасць **-цтв-** можа набываць у беларускай мове статус экспанента пазіцыйна не абумоўленага морфа марфемы **-#ств-**.

в' → в (арфагр. **ў**). Чаргаванне зафіксавана ў адной словаўтваральнай пары *марнатрáв'-(ец) → марнатрáў-ств-а*. У словаўтваральным працэсе гэтай альтэрнацыі папярэднічае ўсячэнне ўтваральнай асновы. Вынік чаргавання – дыспалаталізацыя ўтваральнай асновы. У структуры вытворнага слова цвёрдая губная фанема **в** аказваецца ў пазіцыі перад зычнай і рэалізуецца ў гуку [ў].

г → ж. Чаргаванне зафіксавана ў адной словаўтваральнай пары: *бог → баж-аств-ó*. Вынік чаргавання – пераходная палаталізацыя ўтваральнай асновы. У структуры вытворнай асновы адбываецца таксама вакалізацыя суфікса пасля фанемы **ж**. Паколькі спалучэнне фанем **гс** на стыку ўтваральнай асновы і суфікса **-#ств-** дапускаецца ў сучаснай беларускай мове, параўн.: *гэ́рцаг → гэ́рцаг-ств-а*, чаргаванне **г → ж** у выпадку *бог → баж-аств-ó* ўжо не лёгка лічыць пазіцыйна абумоўленым і матываваным якім-небудзь фактарам, у сучаснай беларускай мове яно захоўваецца паводле традыцыі.

х → ш. Чаргаванне зафіксавана ў адной словаўтваральнай пары: *патрыя́рх → патрыя́ри-аств-а*. Вынік чаргавання – пераходная палаталізацыя ўтваральнай асновы. У структуры вытворнай асновы адбываецца таксама вакалізацыя суфікса **-#ств-** пасля фанемы **ш**. Сам факт мадыфікацыі ўтваральнай асновы з'яўляецца пазіцыйна абумоўленым і выклікаецца словаўтваральным фактарам: намі не выяўлена выпадкаў спалучэння ўтваральных **х**-асноў непасрэдна з суфіксам **-#ств-**. Але выбар сродку мадыфікацыі, а іменна чаргавання **х → ш**, не абумоўлены марфаналагічнай пазіцыяй, бо ў гэтай самай пазіцыі могуць выкарыстоўвацца і іншыя марфаналагічныя сродкі словаўтварэння, напрыклад, усячэнне: *скама́ро(х) → скама́рoства*, або інтэрфіксацыя: *жа́ніх → жа́ніхoўства*. Такім чынам, пры спалучэнні з утваральнымі **х**-асновамі суфікс **-#ств-** або прадпісвае мадыфікацыю ўтваральнай асновы, або сам мадыфікуецца, або ў структуры вытворнай асновы адбываецца і тое, і другое, як у выпадку *патрыя́ри-аств-а*.

Цікава адзначыць, што ў беларускай мове зусім нямнога назоўнікаў з суфіксам **-#ств-**, якія ўтварыліся ад асноў назоўнікаў, што заканчваюцца на заднеязычныя **г** або **х**: намі выяўлена ўсяго 2 % такіх слоў ад агульнай колькасці адсубстантыўных вытворных назоўнікаў з суфіксам **-#ств-**. Аднак на гэтай невялікай лексічнай прасторы рэалізуецца фактычна ўвесь арсенал марфаналагічных сродкаў, што выкарыстоўваюцца ў сістэме словаўтварэння беларускай мовы. Пры гэтым у некаторых выпадках назіраецца размеркаванне марфаналагічных сродкаў словаўтварэння па вытворных словах з рознымі прыватнымі словаўтваральнымі значэннямі, напрыклад: *набаж-э́н/ств-а* і *баж-аств-ó* (і *бо́-ств-а*), але часцей розныя марфаналагічныя мадэлі рэалізуюцца ў межах вытворных слоў з адным і тым самым прыватным словаўтваральным значэннем, параўн.: *валацу́ж-ніц/тва* і *дзяля́-цтв-а* (не **дзяля́ж-ніц/тва*), або *пастух-о́ў/ств-а* і *сталы́ма-ств-а* (і *сталы́мах-о́ў/ств-а*), або *патрыя́ри-аств-а* і *манá-ств-а*, а таксама *патрыя́р-ств-а* і *манáш-аств-а* [14]. Гэтыя факты сведчаць, на нашу думку, аб тым, што ў сістэме беларускай мовы канчаткова не выпрацаваліся правілы марфатактыкі, якімі рэгулюецца спалучальнасць словаўтваральнага фарманта **-#ств-** з утваральнымі асновамі на заднеязычныя **г, х**.

Такім чынам, з прадстаўленага апісання вынікае, што паводле спосабу ўздзеяння на фінальную зычную ўтваральнай асновы словаўтваральная марфема **-#ств-** у аперацыйна моцнай пазіцыі можа быць як марфемай зацвярдзення і прадпісваць чаргаванні **н' → н** і **в' → в** (арфагр. **ў**), так і марфемай памякчэння і прадпісваць чаргаванні **л → л'**, **г → ж**, **х → ш** у

структуры вытворнай асновы.

Утваральныя субстантыўныя асновы, якія заканчваюцца на фанемы *й, р, л', н, м, в, ф, б, п, ж*, а таксама ў адзінаквых выпадках на фанему *г* (прыкладна 42 % ад усёй колькасці выяўленых утваральных асноў), перад суфіксам *-#ств-* аказваюцца ў аперацыйна слабай пазіцыі, і ніякіх чаргаванняў фанем у сегменце *С₂* такіх асноў не адбываецца: *герой* → *герой-ств-а*, *знахар* → *знахар-ств-а*, *афарміцель* → *афарміцель-ств-а*, *атаман* → *атаман-ств-а*, *ліхадум* → *ліхадум-ств-а*, *рыбалой* → *рыбалой-ств-а*, *граф* → *граф-ств-а*, *англафоб* → *англафоб-ств-а*, *галавацяп* → *галавацяп-ств-а*, *ханж-а* → *ханж-а-ств-а*, а таксама *гэртаг* → *гэртаг-ств-а*. Аднак фармальныя мадыфікацыі такіх асноў у працэсе словаўтварэння ўсё ж такі маюць месца. Так, утваральныя асновы, якія заканчваюцца на звонкую зычную фанему *б* і санорную *в*, прадстаўлены ў марфаналагічна слабым варыянце як перад нулявым канчаткам у словаформе, што з'яўляецца ўтваральнай базай, так і ў вытворным слове перад суфіксам *-#ств-*: у гэтых пазіцыях фанема *б* рэалізуецца ў гуку [*н*], а фанема *в* (пасля галоснай) – у гуку [*ў*]. Такім чынам, утваральныя асновы з фінальнымі фанемамі *б* і *в* прадстаўлены ў мадыфікаваным выглядзе або ў словаўтваральнай пары цалкам, або толькі ў вытворным слове, што залежыць ад граматычнага значэння роду ўтваральнага слова, параўн.: муж. *ра[н]* → *ра[н]-ств-а*, муж. *рыбалой[ў]* → *рыбалой[ў]-ств-а*, але жан. *уда[в]-а* → *уда[ў]-ств-а*. Такія мадыфікацыі з'яўляюцца, як вядома, цалкам аўтаматычнымі – яны выклікаюцца законамі пазіцыйнага вар'іравання фанем у беларускай мове, і значыць, не з'яўляюцца марфаналагічным сродкам дэрывацыі назоўнікаў з суфіксам *-ств-*, хача і спадарожнічаюць ёй.

У нашым матэрыяле прадстаўлены таксама вытворныя назоўнікі з суфіксам *-#ств-*, у якіх чаргаванні фанем адбываюцца ў *V*-пазіцыі зоны мадыфікацыі *-С₁VC₂* утваральнай асновы. У гэтай пазіцыі ў зыходзе ўтваральных асноў можа быць прадстаўлена галосная фанема або нулявая марфанама і рэалізуюцца наступныя чаргаванні:

о → *а*, *а* → *о*, *а* → *э*: *карбаль* → *карал'-ёў/ств-а*, *сіратá* → *сіро́ц-тв-а*, *зямл-я* → *зём-ств-а*. Гэтыя чаргаванні абумоўлены акцэнталагічным фактарам, з'яўляюцца цалкам аўтаматычнымі і нерэлевантнымі для словаўтварэння;

ѳ → *а*, *ѳ* → *э*: *магістр* → *магістар-ств-а*; *сям[й]я* → *сямёй-ств-а*. Чаргаванні матывуюцца фаналагічным фактарам: эпентэза галоснай у зыходзе ўтваральнай асновы развіваецца перад санорнымі зычнымі і з'яўляецца сродкам ліквідацыі шматчленных кансанантных спалучэнняў, што ўзнікаюць на стыку ўтваральнай асновы і словаўтваральнага фарманта;

э → *ѳ*: *кравёц* → *краўц-оў/ств-а* (і *кравёц-тв-а*). Адрозненне гэтага чаргавання ад чаргаванняў, ужо прааналізаваных намі, заключаецца ў тым, што яно адбываецца ў марфаналагічнай пазіцыі перад інтэрфіксам *-оў-*. Дадзенае чаргаванне абумоўлена фаналагічным і словаўтваральным фактарамі. У сучаснай беларускай мове суфікс *-#ц* і фармальна роўны яму субморф (*крав'#ц* – *краўц#ц*оўства) рэалізуюцца: а) у морфах (субморфах) *-ец/-эц/-ац* у пазіцыі канца слова і ў сярэдзіне слова перад зычнай, напрыклад, *кравёц*, *кравёц-тв-а*; б) у морфе (субморфе) *-ц* перад галоснай фанемай – флексійнай, напрыклад, муж. р. адз. *краўц-а*, або суфіксальнай (інтэрфіксальнай), напрыклад, *краўц-оў/ств-а*, калі фанеме *ц* не папярэднічае спалучэнне зычных фанем (параўн.: *храбрэц* – *храбрац-а*);

і → *о*: *дзявіца* → *дзяво́ц-тв-а*. Гэта чаргаванне пазіцыйна не абумоўленае і не залежнае ад якіх-небудзь фактараў, адбываецца выключна паводле традыцыі, выяўлена толькі ў адной словаўтваральнай пары.

Чаргаванні *ѳ* → *а*, *ѳ* → *э*, *э* → *ѳ*, *і* → *о* варта, на нашу думку, разглядаць як марфаналагічныя сродкі словаўтварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса *-#ств-*.

Змяненне ўтваральнай асновы магчыма і ў кансанантнай пазіцыі *С₁* зоны мадыфікацыі *-С₁VC₂*. Чаргаванні фанем у гэтым сегменце ўтваральнай асновы адбываюцца вельмі рэдка і толькі тады, калі ў *V*-пазіцыі ёсць нулявая марфанама *{#}*, інакш кажучы, тады, калі ва ўтваральнай і вытворнай асновах рэалізуецца чаргаванне галоснай фанемы і фаналагічнага нуля. Гэта наступныя чаргаванні: *м* → *м'*: *сям{#}й-а* (арфагр. *сям'я*) → *сям'{#}й-ств-а* (арфагр. *сямёйства*), *в' ~ в* (арфагр. *ў*): *крав'{#}ц* (арфагр. *кравёц*) → *краўц{#}ц-оў/ств-а* (арфагр. *краўц*оўства), *х ~ х'*: *шлях{#}т-а* (арфагр. *шляхта*) → *шлях'{#}цтва* (арфагр. *шлях*эцтва). Усе адзначаныя кансанантныя чаргаванні з'яўляюцца фаналагічна абумоўленымі альтэрнацыямі, нерэлевантнымі для

словаўтваральнай характарыстыкі адназоўнікавых субстантыўных дэрыватаў з суфіксам **-ств-**.

Вывады:

1. У сучаснай беларускай мове чаргаванне фанем з'яўляецца непрадуктыўным марфаналагічным сродкам утварэння назоўнікаў ад назоўнікаў з дапамогай суфікса **-ств-**. Як правіла, фанемныя альтэрнацыі адбываюцца ў зоне **-C₁VC₂** утваральнай субстантыўнай асновы, дзе **V** – галосная фанема, а **C₁** і **C₂** – зычныя фанемы або спалучэнні зычных фанем. Умовай чаргавання фанем у пазіцыях **C₂** і **V** з'яўляецца пазіцыя ўтваральнай асновы непасрэдна перад суфіксам **-ств-**, які складаецца з трох зычных фанем. На рэалізацыю фанемных альтэрнацый у значнай ступені ўплывае таксама фаналагічны субстрат утваральнай асновы, і ў першую чаргу, фаналагічнае выражэнне сегмента **C₂** зоны мадыфікацыі **-C₁VC₂**, да якога далучаецца словаўтваральны фармант.

2. У зоне мадыфікацыі **-C₁VC₂** утваральнай субстантыўнай асновы ў пазіцыі перад суфіксам **-ств-** адбываюцца наступныя чаргаванні фанем, рэlevantныя для сістэмы словаўтварэння: **л → л', н' → н, в' → в, г → ж, х → ш; ɔ → а, ɔ → э, э → ɔ, і → о**.

3. Чаргаванні фанем перад суфіксам **-ств-**, рэlevantныя для сістэмы словаўтварэння, адбываюцца пад уплывам розных фактараў: а) уласна словаўтваральнага: *кónсул → кónсуль-ств-а*; б) марфалагічнага і семантычнага: *селян'-(ін) → сялян-ств-а*; в) фаналагічнага: *сям[й]-я → сямéй-ств-а*; г) фаналагічнага і словаўтваральнага: *кравéц → краўц-óў/ств-а*. У некаторых выпадках чаргаванні фанем у пазіцыях **C₂** і **V** утваральнай субстантыўнай асновы ўвогуле не матывуюцца якімі-небудзь фактарамі, інакш кажучы, адбываюцца паводле традыцыі, напрыклад: *бог → баж-аств-ó, дзявіц-а → дзявóц-тв-а*.

4. Паводле спосабу ўздзеяння на фінальную зычную ўтваральнай асновы словаўтваральная марфема **-ств-** у аперацыйна моцнай пазіцыі можа быць як марфемай зацвярдзення, напрыклад, *марнатрáв'-(еи) → марнатрáў-ств-а*, так і марфемай памякчэння і прадпісваць як непераходную, напрыклад, *канібáл → канібáль-ств-а*, так і пераходную, напрыклад, *патрыя́рх → патрыя́рш-аств-а*, палаталізацыю ўтваральнай асновы ў структуры вытворнага назоўніка.

5. Чаргаванні фанем **л → л', н' → н** з'яўляюцца рэгулярным марфаналагічным сродкам адсубстантыўнай дэрывацыі назоўнікаў з суфіксам **-ств-**, і гэта дае магчымасць сфармуляваць правілы іх рэалізацыі: 1) калі аснова ўтваральнага назоўніка заканчваецца на фанему **л** і аказваецца непасрэдна перад суфіксам **-ств-**, то ў структуры асновы вытворнага назоўніка рэалізуецца чаргаванне **л → л'**; 2) калі аснова ўтваральнага асабовага назоўніка мужчынскага роду заканчваецца на **-нец** або **-нін**, то ў аснове вытворнага назоўніка перад суфіксам **-ств-** фіналі **-ец** або **-ін** усякаюцца, а фанема **н'** замяшчаецца фанемай **н**.

Літаратура

1. Кубрякова, Е. С. Морфонология в описании языков / Е. С. Кубрякова, Ю. Г. Панкрац ; отв. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Наука, 1983. – 119 с.
2. Толстая, С. М. Морфонология в структуре славянских языков / С. М. Толстая. – М. : Издательство «Индрик», 1998. – 320 с.
3. Гардзей, Н. М. Марфаналагічная пазіцыя як лінгвістычнае паняцце / Н. М. Гардзей // Спадчына Скарыны : да 500-годдзя беларускага кнігадрукавання : зб. навуковых артыкулаў : у 2 ч. / рэдкал.: А. М. Ермакова (гал. рэд.) [і інш.] ; М-ва адукацыі Рэспублікі Беларусь, Гомельскі дзярж. ун-т імя Ф. Скарыны. – Гомель : ГДУ імя Ф. Скарыны, 2017. – Ч. 2. – С. 31–35.
4. Хвясёко, С. Г. Марфаналагічныя сродкі адсубстантыўнай дэрывацыі назоўнікаў з суфіксам **-ств-** / С. Г. Хвясёко // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Сер. 3, Філалогія. Педагогіка. Псіхалогія. – 2014. – № 1 (171). – С. 32–42.
5. Хвясёко, С. Г. Марфаналогія словазмянення і словаўтварэння ў беларускай і рускай мовах (на матэрыяле субстантыўных словаформ і назоўнікаў з суфіксам **-ств-**) : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.20 / С. Г. Хвясёко ; Беларус. дзярж. пед. ун-т імя М. Танка. – Мінск, 2020. – 28 с.
6. Хвясёко, С. Г. Сцяжэнне як нелінейны марфаналагічны сродак словаўтварэння ў сучаснай беларускай і рускай мовах / С. Г. Хвясёко // Рэспубліканскія Купалаўскія чытанні : зб. навук. прац, прысвеч. 140-год. з дня нарадж. Янкі Купалы / ГрДУ імя Янкі Купалы ; рэдкал.: А. С. Садоўская (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2021. – С. 135–139.
7. Беларуская граматыка : у 2 ч. / рэд.: М. В. Бірыла, П. П. Шуба. – Мінск : Навука і тэхніка, 1985. –

- Ч. 1 : Фаналогія. Арфазія. Марфалогія. Словаўтварэнне. Націск / А. Падлужны [і інш.]. – 1985. – 431 с.
8. Кароткая граматыка беларускай мовы : у 2 ч. / навук. рэд. А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2007. – Ч. 1. Фаналогія. Марфалогія. Марфалогія. – 351 с.
9. Бардовіч, А. М. Словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец. – Мінск : Беларус. навука, 2000. – 413 с.
10. Бардовіч, А. М. Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы / А. М. Бардовіч, М. М. Круталевіч, А. А. Лукашанец ; пад рэд. А. М. Бардовіча. – Мінск : Аверсэв, 2006. – 512 с.
11. Граматычны слоўнік назоўніка / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы ; уклад. Г. У. Арашонкава [і інш.], навук. рэд. А. Я. Міхневіч, В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2008. – 1379 с.
12. Слоўнік беларускай мовы / НАН Беларусі, Ін-т мовы і літаратуры імя Якуба Коласа і Янкі Купалы ; уклад. Н. П. Еўсіевіч [і інш.], навук. рэд. А. А. Лукашанец, В. П. Русак. – Мінск : Беларус. навука, 2012. – 916 с.
13. Гардзей, Н. М. Марфалогія субстантыўнага словазмянення як сістэма (на матэрыяле беларускай мовы) / Н. М. Гардзей // Веснік Гродзенскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Янкі Купалы. Серыя 3, Філалогія, педагогіка, псіхалогія. – 2009. – № 1 (78). – С. 64–70.
14. Беларускі N-корпус [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу : <https://bnkorporus.info/index.html>. – Дата доступу : 26.01.2022.

¹Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

²Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы

Поступила в редакцию 04.02.2022

УДК 821.161.3-311.6.09+821.162.1-311.6.09

Мастацкае ўвасабленне вобраза палкоўніка Аляксандра Лісоўскага і дзейнасці яго атрадаў у творах беларускіх і польскіх пісьменнікаў

Г.А. ГЛАДКОВА

У артыкуле даследуецца пытанне мастацкай інтэрпрэтацыі гістарычнай асобы Аляксандра Юзафа Лісоўскага ў творах беларускіх і польскіх пісьменнікаў. У цэнтры навуковай увагі апынуліся раманы К. Карказовіча «Jeźdźcy Apokalipsy», Ф.А. Асяндоўскага «Lisowczycy», Л. Дайнекі «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка». Аўтар артыкула прыходзіць да высновы пра рамантызацыю вобраза А. Лісоўскага ў творчасці Л. Дайнекі, яго рыцарскую ідэалізацыю ў рамане А. Асяндоўскага, своеасаблівую дэманізацыю ў гістарычнай прозе К. Карказовіча.

Ключавыя словы: Смутны час, Рэч Паспалітая, Масковія, лісоўчыкі, сармацкая культура, мастацкі вобраз, жанр, стыль.

The article examines the issue of artistic interpretation of the historical personality of Alexander Jozef Lisowski in the works of Belarusian and Polish writers. In the center of scientific attention there was K. Karkazovich's novel «Jeźdźcy Apokalipsy», F.A. Osendovsky's «Lisowczycy», L. Daineko's «About a lisovchik, an evil boy». The author of the article comes to the conclusion about the romanticization of the image of A. Lisowski in the work of L. Daineko, his chivalrous idealization in the novel by A. Osendovsky, a kind of demonization in the historical prose of K. Karkazovich.

Keywords: Time of Troubles, Polish-Lithuanian Commonwealth, Muscovy, Lisovchiki, Sarmatian culture, artistic image, genre, style.

XVII ст. займае асаблівае месца ў багатай на падзеі нацыянальнай гісторыі. Рэч Паспалітая разгарнула маштабную экспансію на ўсходзе, яна мела на мэце ўзмацненне палітычнага ўплыву на Масковію праз падтрымку самазванцаў на рускі трон. Перыяд з 1598 па 1618 гг. трапіла названы ў гісторыяграфіі «смутным», гэта быў час складанага грамадска-палітычнага і сацыяльна-эканамічнага крызісу суседняй дзяржавы. Аўтарытэты расійскі даследчык дзейнасці атрадаў лісоўчыкаў і асобы іх легендарнага кіраўніка А.В. Зорын дэталёва прааналізаваў польскія і рускія крыніцы, выклаў біяграфію Аляксандра Юзафа Лісоўскага, ствараючы, паводле нацыянальнага стэрэатыпу, адмоўны, нават дэманічны вобраз палкоўніка, ахарактарызаваў паходы яго палка ў перыяд Смутнага часу [1]. Пра рэйды лісоўчыкаў пісалі таксама польскія гісторыкі Г. Віснер і А. Пшэпюрка [2], [3]. З доляй рамантызацыі распавёў пра вайсковыя справы «шляхціча з Віленшчыны» В. Ластоўскі [4]. У мастацкай літаратуры неардынарная асоба Лісоўскага таксама атрымала сваю інтэрпрэтацыю: пра лісоўчыкаў пісалі Ф.А. Асяндоўскі, К. Карказовіч, Л. Дайнека. У беларускім літаратуразнаўстве асэнсаванню дзейнасці лісоўчыкаў надаў увагу В.І. Еўмянькоў [5], пра мастацкае ўвасабленне асобы А. Лісоўскага ў творчасці Л. Дайнекі пісала Т. Лаўрык [6]. Аднак комплекснага кампараўтыўнага літаратуразнаўчага аналізу асаблівасцей мастацкага адлюстравання вобраза знакамітага палкоўніка і дзейнасці яго атрадаў у перыяд Смуты да гэтага часу праведзена не было, чым тлумачыцца актуальнасць даследавання. Мэта – выявіць асаблівасці мастацкай інтэрпрэтацыі рэальнай гістарычнай асобы А. Лісоўскага і дзейнасці яго атрадаў у творах польскіх і беларускіх пісьменнікаў.

Матэрыялам для літаратуразнаўчага аналізу сталі гістарычныя раманы Казімежа Карказовіча «Jeźdźcy Apokalipsy», Фердынанда Антонія Асяндоўскага «Lisowczycy», Леаніда Дайнекі «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка». Навуковае даследаванне праведзена з дапамогай культурна-гістарычнага метаду, а таксама метаду кампаратывнага аналізу літаратурных твораў.

Першыя звесткі пра А. Лісоўскага адносяцца да пачатку XVII ст., калі ён змагаўся ў радах наёмных польскіх войскаў валашкага ваяводы Міхая І, потым у харугвах Яна Патоцкага. Пасля спынення ваенных баталій у Валахіі Лісоўскі накіраваўся ў Інфлянты, дзе вызначыўся падчас польска-шведскай вайны. Малады паручнік выявіў прыроджаныя лідарскія якасці, узначаліўшы выступленне супраць камандавання з патрабаваннем выплат, якіх даўно не атрымлівалі жаўнеры. Ваяр здолеў падпарадкаваць свайму ўплыву таварышаў па зброі, аб'яднаць іх і выступіць у абарону іх правоў. Пазней А. Лісоўскі падпаў пад інфамію, але не скарыўся: у хуткім часе ён прымаў удзел у паходзе Ілжэзмітрыя II на Маскву.

У польскай літаратуры найбольш значным творам, які адлюстравалі падзеі Смутнага часу і рэйд лісоўчыкаў на землі Масковіі, стаў раман Казімежа Карказовіча «Jeźdźcy Apokalipsy» (1990) у трох частках. Вобраз А.Лісоўскага ў ім – адзін з галоўных, а назва твора – метафарычны выраз, замацаваны за лісоўчыкамі. Агульныя звесткі пра паручніка паведамляюцца на першых старонках, меркаванні пра яго неадназначныя: з аднаго боку, гэта знакаміты ваеннымі справамі шляхціч, якому спрыяе лёс падчас вылазак, штурмаў і аблог, асабістымі рысамі Лісоўскага лічацца ўважлівасць, кемлівасць, азарт, моцны характар, рашучасць і вернасць слову. Партрэтныя дэталі характарызуюцца лаканічнасцю («*Твар яго быў сухі, вочы ззялі жвавасцю, цёмныя вусы ляглі крыламі пад злёжку гарбатым носам з рэзка акрэсленымі ноздрамі*» [7, с. 22] – тут і далей пераклад Г.Г.). Як правіла, акцэнт робіцца на апісанні абмундзіравання героя (кіраса, шлем з булавешкай і наносікам, наплечнікі і наручы, жупан, свабодныя шаравары). Паручнік праявіў сябе падчас ваенных падзей у Інфлянтах. У баі Лісоўскі сам ацэньваў сітуацыю і прымаў рашэнне, аднак такія паводзіны былі расцэнены вялікім літоўскім гетманам Я.К. Хадкевічам як свавольства, што прывяло да канфлікту кіраўніка войска і яго падначаленага. Паплечнікі А. Лісоўскага адзначалі, што імпульсіўны характар паручніка не перашкаджаў яму, бо падчас бітвы ён «не губляе галаву», значыць, можна давяраць яго рашэнням. У выніку канфлікт Хадкевіча і Лісоўскага паўплываў на пераход апошняга на службу да Радзівіла. Неўзабаве пошук новых ваенных прыгод прывёў паручніка разам з двумастамі шабелі да Ілжэдзімтрыя II, аховай якога прапанавана заняцца сілам Лісоўскага. Праз пэўны час шляхціч пакіне Самазванца, атрад лісоўчыкаў паступова дасягне некалькіх тысяч (у асноўным, за кошт данскіх казакаў, далучаліся да атрадаў і маскавіты), пра яго будуць хадзіць легенды. Аўтарскае адступленне дапаўняе апавед пра А. Лісоўскага ацэнкамі яго сучаснікаў: «*Многія тысячы людзей будуць прамаўляць яго імя з жахам і праклёнамі не толькі ў Масковіі, але па ўсёй Еўропе. Яго жаўнеры будуць змагацца на Влтаве, Эльбе і Везеры, напояць коней у водах Рэйна. Зграі крумкачоў будуць кружыць над іх галавамі, пасля іх застанеца пустыня, а на ёй толькі трупы. Бо не чатыры, а тысячы вершнікаў Анакаліпсісу пройдуць праз чэшскія і нямецкія землі*» [7, с. 260].

Жорсткасць, уласцівая нападам лісоўчыкаў, спалучалася з суровай дысцыплінай у атрадах, за маруднасць ці баязлівасць пагражала выгнанне, за непадпарадкаванне загаду – шыбеніца. Пры гэтым нікога прымусам Лісоўскі не трымаў, любы мог пакінуць харугву па ўласным жаданні.

К. Карказовіч надаў рамантычны арэол вобразу Лісоўскага, параўнаў яго з сокалам, вылучыў дзве вядучыя рысы характару: справядлівасць і стратэгічны талент. Іх спалучэнне не толькі прыносіла перамогу над ворагам, але таксама спрыяла выключнай павазе кіраўніка сярод паплечнікаў. У шэрагу эпізодаў рамана Лісоўскі, перш чым прыняць канчатковае рашэнне, слухае меркаванні таварышаў, гэта стварала адчуванне самакаштоўнасці ва ўдзельнікаў лёгкай кавалерыі. Лісоўскаму ўласцівая асцярожнасць, абачлівасць, ён правяраў людзей, якія далучаліся да яго атрада, сам праводзіў апытанні, быў надзвычай празорлівым военачальнікам. Паказальным для разумення характару героя з'яўляецца эпізод з 1612 г., калі, нягледзячы на загад Лісоўскага не чыніць разбой гораду, які будзе карміць атрад усю зіму, у Старадубе пачаліся крадзяжы і гвалт. Кіраўнік лісоўчыкаў учыніў расправу над тымі, хто парушыў дамоўленасць, пры чым на пакаранне смерцю марадзёраў было загадана глядзець усім падначаленым. Гэта стала ўрокам і ўзмацніла дысцыпліну сярод жаўнераў. Яшчэ адной асаблівасцю характару героя была вытрымка: ён ніколі не паказваў войску слабасць, нават у самым крытычным становішчы, бо лічыў, што кіраўнік павінен быць вольным ад хваляванняў. Таксама немалаважным выглядае факт клопату Лісоўскага пра раўнамерны падзел дабытага, што ўзнімала ваяўнічы дух і падтрымлівала высокую баяздольнасць атрадаў.

Панарама рэйдаў, якія насілі маланкавы характар, абазначана ў раманагульнымі рысамі: спалення мястэчкі, разрабаваныя гарады, забітае мужчынскае насельніцтва і згвалтаваныя жанчыны («*Страх напаў на ўсю паўночную Русь...*» [7, с. 366]). Маскавіты лічылі легендарнага ваяра Антыхрастам, якога нібы ратуе нячыстая сіла, пераносіць з краю ў край. Такая дэманізацыя асобы Лісоўскага толькі ўзмацняла жах, які апанаваў заходнімі землямі Маскоўскай дзяржавы. Гарады здаваліся, сустракалі Лісоўскага хлебам-соллю, каб пазбегнуць разрабавання і вынішчэння. Пасля аблогі Смаленска псіхалагічны стан героя змяніўся: ён больш не бачыў мэты ў працягненні захопніцкіх рэйдаў, думаў пра наведванне радзімы. Аднак адбываецца вяртанне пад штандар гетмана Хадкевіча, абраны новы накірунак ваяўнічых паходаў – на поўнач, у Фінляндыю. Позней Лісоўскі скіруе атрады на ўсход, яго прывабіць нязве-

даны Урал, які абяцаў незлічоныя багацці. Амбіцыі і самаўпэўненасць героя трымалі яго на рускіх землях напрацягу пяці гадоў, толькі ў 1613 г. ён вяртаецца на радзіму, аднак праз некаторы час яго зноў бачаць на рускай Поўначы.

Адносна раптоўнай смерці камандзіра лісоўчыкаў хадзілі розныя чуткі. З біяграфіі А. Лісоўскага вынікае, што ён раптоўна зваліўся з каня і сканаў падчас чарговага агляду войска ў кастрычніку 1616 г. К. Карказовіч падаў наступнае тлумачэнне: па аўтарскім меркаванні, А. Лісоўскі быў атручаны з дапамогай зёлак, зашытых у падушку. Яны, на думку пісьменніка, справакавалі апаплексічны ўдар і прывялі да заўчаснай смерці здаровага, фізічна моцнага чалавека. Пасля страты камандзіра лісоўчыкі працягвалі ваяваць на землях Маравіі, Чэхіі, даходзілі да Рэйна, у 1621 г. ўдзельнічалі ў Хоцінскай бітве.

Тактыка маланкавага нападу, удзел самага кіраўніка ў разведцы, ваенная кемлівасць, мабільнасць атрадаў, якія не мелі абозаў, нечаканасць і апэратыўнасць рэйдаў – такімі былі ўмовы перавагі лісоўчыкаў у ваенных справах.

Польскамоўны пісьменнік пачатку XX ст. Фердынанд Антоні Асяндоўскі прысвяціў дзейнасці лісоўчыкаў аднайменны гістарычны раман [8]. У адпаведнасці з традыцыяй, пашыранай у польскай літаратуры, асоба Лісоўскага надзелена рысамі адважнага ваяра, здольнага хутка аднавіцца пасля паражэнняў. Лісоўчыкі паказаны як атрад няўлоўных герояў-пераможцаў, які трымаў у жаху землі Масковіі «да Белага мора, Волгі і Урала». Пісьменніцкая інтэрпрэтацыя асобы галоўнага героя грунтуецца на рыцарскай ідэалізацыі вобраза (суровы твар, сталёвыя халодныя вочы, моцны торс і вузкія сцёгны, прымацаваная да пояса доўгая крывая шабля).

У цэлым, мы назіраем сугучную трактоўку вобраза А. Лісоўскага ў раманах Ф.А. Асяндоўскага і К. Карказовіча, аднак Асяндоўскі робіць вобраз больш індывідуальным, маўленне героя насычана трапнымі народнымі выслоўямі, яно ў большай ступені вылучае адметнасці асобы. У адрозненне ад К. Карказовіча, які выкарыстаў прыём панарамнага выкладу падзей Смутнага часу, засяродзіўшы ўвагу на некалькіх сюжэтных лініях, Ф. Асяндоўскі меў магчымасць больш глыбока сканцэнтравана на канкрэтным вобразе. Значную частку рамана «*Lisowczysu*» складае апавед пра далейшы лёс харугваў Лісоўскага пасля смерці апошняга. Выдатны знаўца этнаграфіі, геаграфіі і біясферы Далёкага Усходу, Ф.Асяндоўскі спыніўся на жыцці лісоўчыкаў на рускай Поўначы, іх узаемадзеянні з мясцовымі плямёнамі (вагуламі, самаедамі, калмыкамі і інш.), якія вырашылі, карыстаючыся бязладдзем, зрабіць Сібір незалежнай. На працягу пяці гадоў атрад колькасцю ў трыццаць палякаў, пяцьдзсят данскіх казакаў і дваццаць чалавек іншых нацыянальнасцей будзе ўступаць у сутычкі з мясцовым насельніцтвам, шукаць карысныя выкапні і каштоўныя металы, выжываць у суровых прыродных умовах.

Ф.А. Асяндоўскі здолеў перадаць мастацкімі сродкамі атмасферу, максімальна набліжаную да рэалій XVII стагоддзя стала паспяховай пісьменніцкая спроба рэканструкцыі эпохі Смутнага часу, дзякуючы выкарыстанню розных прыёмаў (маўленне персанажаў, партрэтная характарыстыка, рэчыва-побытавая дэталі, аўтарскае адступленне этнаграфічнага характару і г. д.).

У беларускай літаратуры таксама ёсць мастацкі варыянт асэнсавання асобы А. Лісоўскага. Маецца на ўвазе гістарычны раман Л. Дайнекі «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка» [9]. Твор пабудаваны як паралельны выклад падзей XXI і XVII ст., што стварае ўяўленне пра шчыльную злучанасць сучаснасці з мінулым: беларусы сёння – гэта нашчадкі тых, хто жыў на гэтай зямлі некалькі стагоддзяў таму, і лёсы іх – люстэркавы адбітак лёсаў продкаў. Аналізуючы раман, Т. Лаўрык зазначала: «*Л.Дайнека, адступаючы ад рэальных падзей, рамантызуе вобраз лісоўчыкаў, надае ім рысы нацыянальных змагароў. [...] Аднак непараўнаная ў кавалерыйскіх сечах і безагляднай мужнасці, лісоўчыкі вылучаліся таксама жорсткасцю, авантурызмам і прагаю здабычы*» [6, с. 371]. Для герояў твора, якія жывуць у XXI ст., лісоўчыкі ўяўляюцца перш за ўсё рыцарамі-рамантыкамі, невыпадкова Антон Даніловіч-Гоцкі піша раман «Тры лісоўчыкі» (аналогія з мушкецёрамі А. Дзюма): «*Трэба даць чытачу, асабліва маладому, кніжку, якая вучыць адвазе, вернасці і гордасці за свой край, свой народ*» [9, № 1, с. 52].

Л. Дайнека, у адрозненне ад польскіх пісьменнікаў, у максімальнай ступені па-мастацку аздобіў факты біяграфіі А. Лісоўскага: пачаў з дзіцячых гадоў і выхавання на Берасцейшчыне, распавёў пра вучобу ў Еўропе і ўдзел у рыцарскіх турнірах. «*Почут пра Аляксандра Лісоўскага ішоў па ўсім Вялікім Княстве. Яго набойваліся, з ім хацелі не варагаваць, а сябраваць. І паступова вакол яго пачала гуртавацца шляхецкая моладзь*» [9, № 2, с. 14]. Па версіі пісьменніка, Лісоўскі ставіў высакародную мэту, ствараючы ўласны атрад: ахоўваць межы дзяржавы на ўсходзе і на поўдні, там, адкуль ідзе пагроза Вялікаму княству Літоўскаму: «*Мне хочацца, каб было нешта мабільнае і лятае, каб яно прасочвалася, як навальнічная вада ў перасохлую*

зямлю, на чужую тэрыторыю, біла ворага на ягонай зямлі» [9, № 2, с. 16]. Ніхто, на думку Аляксандра Лісоўскага, не павінен абмяжоўваць залатую шляхецкую вольнасць. Вось чаму ён зрабіўся ўпартым перакананым ворагам Масковіі, дзе ўся ўлада знаходзілася ў руках цара. Як і Ф.А. Асяндоўскі, Л. Дайнека згадаў легенду пра Залатую Бабу, якую быццам бы адшукалі лісоўчыкі ў глыбі Сібіры. Завяршаецца апавед пра прыгоды лісоўчыкаў прарочымі словамі галоўнага героя, якія сімвалічна замыкаюць сюжэтнае кола: «*Думаю, гадоў праз пяцьсот з Божай дапамогаю ўваскрэснем усе мы, пань-брацці, на сваёй роднай зямлі. На зямлі, якую любілі, якую баранілі ад ворага. Хацелася б ведаць, хто і што сустрэне нас тады, якімі вачыма будуць глядзець на нас тадышнія людзі*» [9, № 3, с. 62–63].

Праведзены кампаратыўны аналіз гістарычных раманаў, у якіх раскрываецца вобраз А. Лісоўскага, дазваляе вылучыць некаторыя адметнасці аўтарскай інтэрпрэтацыі падзей Смутнага часу і адлюстравання дзейнасці лісоўчыкаў на азначаным гістарычным фоне. Так, асаблівасцю творчага метаду К. Карказовіча з’яўляецца дакладнасць апаведу, якая грунтуецца на дэталёвым веданні гісторыі. Асоба А. Лісоўскага трактуецца пісьменнікам у кантэксце падзей «маскоўскай Смуты», якая вымагала такіх неардынарных герояў. Пры гэтым К. Карказовіч канцэнтруе ўвагу на знешніх характэрыстыках, учынках героя, у рамане не заўважана псіхалагізацыя вобразаў, аўтар хутчэй скіраваны на панарамны апавед. Ф.А. Асяндоўскі ў большай ступені абапіраецца на ролю моўных сродкаў пры перадачы гістарычнай атмасферы і стварэнні персанажаў: у тэксце шмат лацінамоўных выразаў, народных выслоўяў, аўтэнтычнай гаворкі, маўленне герояў вылучаецца індывідуальнасцю. Лісоўскі Асяндоўскага дбае не толькі пра сябе, ён заклапочаны лёсам дзяржавы, што робіць вобраз больш прыцягальным, патрыятычным, не пазбаўленым глыбокіх перажыванняў і ўнутраных разваг. Лісоўскі ў рамане Асяндоўскага не толькі і не столькі жорсткі ваяр і таленавіты стратэг, гэта, у першую чаргу, чалавек, грамадзянін, неабыхавы да лёсу айчыны ў пераломны гістарычны момант. У рамане Л. Дайнекі лісоўчыкі паказаны баявым рамантычным брацтвам. Акцэнт пісьменніка зроблены на ідэі кансалідацыі нацыі з дапамогай па-прыгодніцку афарбаванай гісторыі. Арыгінальная аўтарская ідэя павязі часоў дазваляе вольна абыходзіцца з гістарычным матэрыялам, ствараючы на яго аснове нацыянальны міф.

Асоба Аляксандра Юзафа Лісоўскага набывае легендарны арэол менавіта ў творы беларускамоўнага аўтара. Л. Дайнека рамантызуе гісторыю, адштурхоўваецца ад фактаў і стварае ўласную версію беларускай мінуўшчыны. Стаўленне даследчыкаў да асобы А. Лісоўскага палярнае, у залежнасці ад стэрэатыпаў і нацыянальнага гістарычнага кантэксту ў ім бачаць то рабаўніка і жорсткага ваяра, то носьбіта ідэалаў сармацкай культуры. Думаецца, мастацкая інтэрпрэтацыя асобы А. Лісоўскага будзе спрыяць актывізацыі нацыянальнай памяці і больш глыбокай чытацкай зацікаўленасці айчынных гісторыяў.

Літаратура

1. Зорин, А. В. Александр Юзеф Лисовский: герой Смутного времени [Электронный ресурс] / А. В. Зорин // История военного дела: исследования и источники. – 2021. – Т. III. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/aleksandr-yuzef-lisovski-geroy-smutnogo-vremeni>. – Дата доступа : 29.01.2021.
2. Wisner, H. Lisowczycy / H. Wisner. – Warszawa, 1995. – 153 s.
3. Пшэпюрка, А. Г. Ад дабраахвотнікаў да наёмных жаўнераў. Полк лісоўчыкаў у перыяд вайны з Масквой / А. Г. Пшэпюрка // Arche. – 2012. – № 6. – С. 11–40.
4. Lisouszczyki // Номан. – 1916. – №18.
5. Еўмянькоў, В. І. Навіны «краёвыя» і замежныя ў польскамоўных выданнях другой паловы XVI – першай чвэрці XVII ст. «Меркурый ардынарыіны» (спроба апісання і верыфікацыі гістарычных крыніц) / В. І. Еўмянькоў. – Магілёў : МДУ імя А.А.Куляшова, 2016. – 184 с.
6. Лаўрык, Т. Адлюстраванне эпохі праўлення Жыгімонта III Вазы ў рамане Л. Дайнекі «Пра лісоўчыка, злога хлопчыка» / Т. Лаўрык // Беларуская-польскія моўныя, літаратурныя, гістарычныя і культурныя сувязі. Да 220-годдзя з дня нараджэння Адама Міцкевіча : зб. арт. па матэрыялах міжнар. навук. канф. / Беларус. дзярж. ун-т ; рэдкал.: І. Э. Багдановіч (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск : БДУ, 2018. – С. 364–373.
7. Korkozowicz, K. Jeźdźcy Apokalipsy / K. Korkozowicz. – Warszawa : Wydawn. Ministerstwa Obrony Narodowej, 1990. – 722 s.
8. Ossendowski, F. A. Lisowczycy. Powieść historyczna / F. A. Ossendowski. – Poznań : Wydawnictwo Polskie R. Wegnera, 1929. – 277 s.
9. Дайнека, Л. Пра лісоўчыка, злога хлопчыка / Л. Дайнека // Дзеяслоў. – 2010. – № 1. – С. 15–75 ; № 2. – С. 13–76 ; № 3. – С. 13–66.

Перцептивная роль консонантизма и вокализма в фонетически адаптированных английских заимствованиях в корейском языке

Ю.В. ДАШКЕВИЧ

В статье предлагается описание аудитивного эксперимента, проведенного на материале английских заимствований в корейском языке и направленного на выявление перцептивной значимости изменений, возникающих в ходе фонетической адаптации заимствований. Приводится подробный анализ фонемных замен, а также ошибок, возникающих в процессе восприятия заимствований носителем английского языка. Исследование позволило определить английские и корейские фонемы, наиболее близкие по артикуляционным и перцептивным параметрам, установить влияние индуктивного и дедуктивного восприятия, а также роль модификаций гласных и согласных на точность определения слов.

Ключевые слова: заимствование, фонетическая адаптация, фонемная замена, восприятие на слух, консонантизм, вокализм.

The article offers a description of an auditory experiment conducted on the material of English loanwords in the Korean language and is aimed at identifying the perceptual significance of changes that occur in the course of phonetic adaptation of loanwords. It provides a detailed analysis of phonemic substitutions, as well as errors arising in the process of perception of loanwords by a native English speaker. The research made it possible to determine the English and Korean phonemes that are close in articulatory and perceptual parameters, to establish the influence of inductive and deductive perception, as well as the role of vowel and consonant modifications on the accuracy of word identification.

Keywords: loanword, phonetic adaptation, phonemic substitution, listening comprehension, consonantism, vocalism.

Лексическая система языка, как и любая другая система, постоянно развивается и изменяется, причем ее расширение может происходить как за счет внутренних ресурсов языка, так и за счет элементов, принимающихся из других языков. Таким образом, заимствования являются важным источником обогащения лексической системы любого языка. Корейский язык не является исключением: на данном этапе своего развития он характеризуется очень высокой степенью восприимчивости к иноязычной лексике. Особенно активно растет число заимствований из английского языка [1, с. 12–13], однако, в силу дистантности контактирующих фонологических систем, процесс заимствования сопровождается большим количеством модификаций принимаемой лексики на фонетическом уровне. Более того, система корейской письменности устроена таким образом, что любое заимствование автоматически подчиняется фонотактическим правилам и ограничениям, и появление исключений невозможно. Это приводит к столь значительным преобразованиям облика слова как графического, так и фонетического, что носители языка-источника далеко не всегда могут идентифицировать адаптированное слово как английское [2, с. 69]. Проведенный нами фонетический эксперимент предполагал предъявление на слух заимствованных из английского языка корейских лексических единиц носителю языка-источника. Результаты эксперимента делают возможным одновременное решение нескольких важных задач. Во-первых, он позволяет установить перцептивную значимость изменений, вносимых принимающей фонологической системой. Во-вторых, результаты эксперимента могут объективно продемонстрировать существенность модификаций и необходимость подробного изучения адаптационных процессов, без которого обратная реконструкция исходного слова или восприятие его как иностранного изучающими корейский язык невозможны. И, в-третьих, с помощью данного эксперимента можно определить роль модификаций гласных и согласных в когнитивном процессе реконструкции исходной формы английских заимствований, фонетически адаптированных в корейском языке, в сознании носителя английского языка.

Материалом проведенного нами исследования послужили 75 лексических единиц, заимствованных из английского языка в корейский. Они были отобраны таким образом, чтобы

иллюстрировать разные группы фонемных замен, происходящих в процессе фонетической адаптации англицизмов.

Подобранный таким образом список слов был начитан носителем нормативного корейского языка (сеульский диалект) во избежание неточности в результатах эксперимента. Полученная аудиозапись была предъявлена носителю английского языка. Ее задача состояла в идентификации всех слов на слух.

В результате анализа получены следующие данные: 44 % (33 слова) распознаны правильно; 56 % (42) не распознаны: из них 33,3 % (25) распознаны неправильно; 22,7 % (17) полностью не распознаны.

Причины:

47,6 % (20 слов) были не распознаны из-за замены согласных;

19,1 % (8) – замена согласных и изменение слоговой структуры слова;

11,9 % (5) – изменение слоговой структуры слова;

9,5 % (4) – замены согласных и гласных в пределах одного слова;

9,5 % (4) – замена гласных;

2,4 % (1) – замена гласных и изменение слоговой структуры слова.

Так как изначально слова подбирались по группам в соответствии с предполагаемым уровнем сложности их восприятия, приведем результаты анализа аналогично отдельно для гласных и отдельно для согласных. Обратим внимание на то, что на данном этапе учитываются только распознанные слова (независимо от того, правильно или с ошибками). Помимо исходной английской фонемы и ее корейского аналога указана также английская фонема, распознанная носителем английского языка.

Среди замен гласных были выявлены цепочки, которые распознались правильно во всех словах без исключения, т. е. исходный элемент в цепочке совпал с последним:

Группа 1:

/ɪ/ → /i/ → /ɪ/

/e/ → /ɛ/ → /e/

/u:/ → /u/ → /u:/

/ʊ/ → /u/ → /ʊ/

/ei/ → /ɛi/ → /ei/

Группа 2:

/ɔ:/ → /o/ → /ɔ:/

/ɒ/ → /o/ → /ɒ/

/ɒ/ → /ɔ/ → /ɒ/

/ɔɪ/ → /oi/ → /ɔɪ/

Группа 3:

/ə/ → /ɔ/ → /ə/

/aʊ/ → /au/ → /aʊ/

/ʊə/ → /uɔ/ → /ʊə/

Несколько пар фонемных замен узнавались непоследовательно: правильно в одних случаях и с ошибками – в других, но, как правило, в пределах одного звукотипа:

Группа 1:

/i:/ → /i/ → /i:/, /ɪ/

/ɑ:/ → /ɑ/ → /ɑ:/, /ʌ/

Группа 2:

/æ/ → /ɛ/ → /æ/, /e/, /ɜ:/

Группа 3:

/ʌ/ → /ɔ/ → /ʌ/, /ɑ:/, /ɒ/

/aɪ/ → /ai/ → /aɪ/, /ɔɪ/

Две цепочки группы 3 не были восстановлены правильно ни в одном слове: /ɜ:/ → /ɔ/ → /ɒ/; /eə/ → /ɛɔ/ → /el/.

Наблюдаемые модификации в восприятии гласных в заимствованных словах позволяют констатировать наличие нескольких тенденций.

1. Некоторые корейские монофтонги используются для передачи одновременно двух английских фонем по принципу нейтрализации параметра долготы. Логично было бы предположить, что при восприятии слов на слух выбор носителя языка упадет на один из вариантов: только долгий или только краткий в зависимости от перцептивной схожести фонем. Однако результаты эксперимента показывают, что долгая или краткая гласная, вероятно, выбиралась носителем языка с опорой на общий облик слова, поэтому одна и та же корейская фонема правильно распознавалась как две разные английские гласные в разных словах. В тех случаях, когда остальных фонем в слове было недостаточно для его идентификации, допускались ошибки, например: *team* /ti:m/ → *Kim* /kim/; *heart* /hɑ:t/ → *hut* /hʌt/. Примечательно, что при этом выбор делался в пользу краткой фонемы, т. е. слова, изначально содержавшие долгую гласную, могли быть ошибочно распознаны с краткой, но не наоборот. Последнее обстоятельство указывает на перцептивную существенность количественного параметра английских гласных, хотя признак долготы далеко не всегда рассматривается исследователями как дифференциальный в силу его позиционной нестабильности.

2. В традиционной фонологической модели корейского языка принято различать /e/ и /æ/ как две разные фонемы, которые на письме передаются двумя разными буквами [1, с. 156], [3, с. 20], [4, с. 381]. Однако на данном этапе развития корейского языка различение этих фонем практически полностью утрачено, и новейшие исследования предлагают объединить их в одну фонему /ɛ/ [5, с. 99–100], [6, с. 5–6]. Таким образом, можно принять /ɛ/ как единый аналог английских /e/ и /æ/ (несмотря на разные способы их графической адаптации), что может вызвать трудности при восприятии англицизмов на слух. Действительно, гласная /æ/ в части слов была заменена носителем английского языка на /e/, хотя последняя всегда распознавалась безошибочно. Из этого можно сделать вывод, что корейская /ɛ/ перцептивно ближе к /e/, причем это верно даже для слов, где опора на остальные фонемы не позволяет восстановить недостающую гласную:

fan /fæn/ → кор. /p^hɛn/ → *pen* /pen/;
pen /pen/ → кор. /p^hɛn/ → *pen* /pen/;
mansion /'mænsjən/ → кор. /mɛnsjən/ → *mention* /'menʃn/.

Носители английского языка недостаточную открытость э-подобного звука всегда воспринимают как гласный /e/.

3. Английские монофтонги /ʌ/, /ɜ:/, /ə/ и /ɒ/ объединены тем, что промежуточным звеном в цепочках их замен является одна и та же корейская гласная /ɔ/. По результатам эксперимента фонемы /ɒ/ и /ə/ всегда узнавались без ошибок, /ʌ/ – частично с ошибками, /ɜ:/ – всегда неверно. Как и в предыдущих случаях, гласные могли восстанавливаться либо с опорой на остальные фонемы в слове, либо исключительно на основании их собственных артикуляционных и перцептивных характеристик, из-за чего не всегда можно определить причину ошибок объективно. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что английской гласной, наиболее близкой к /ɔ/, является /ɒ/: их соответствие всегда устанавливалось правильно, и вместо фонемы /ɜ:/ во всех случаях также использовалась /ɒ/. Аналогичный пример найден и для гласной /ʌ/:

curtain /'kɜ:tn/ → кор. /k^hɔt^hʉn/ → *cotton* /'kɒtn/;
circle /'sɜ:kl/ → кор. /sɔk^hʉl/ → *sock* /sɒk/;
cup /kʌp/ → кор. [k^hɔp̃] → *cop* /kɒp/.

Последовательность /ə/ → /ɔ/ → /ə/ во всех словах восстановлена верно; это можно объяснить тем, что нейтральный гласный характеризуется ограниченной дистрибуцией.

4. Все дифтонги, кроме /aɪ/ и /eə/, были распознаны правильно, т. е. два гласных звука в типичной последовательности, заложенной в сознании носителя английского языка как единое целое, оказались легче для восприятия, чем монофтонги. Рассмотрим слова с дифтонгами /aɪ/ и /eə/, в которых допущены ошибки:

diet /'daɪət/ → кор. /tɔ.i.ɔ.t^hʉ/ → *Toyota* /tɔɪ'jəʊtə/;
hairpin /'heəpɪn/ → кор. /hɛ.ɔ.p^hɪn/ → *helping* /'helpɪŋ/.

В обоих случаях ошибка в определении дифтонга объясняется тем, что носитель языка опирается на слово целиком, и в первую очередь, на согласные; артикуляционные характеристики гласных при этом были менее значимы.

В целом, выбранный нами принцип разделения лексических единиц на группы оказался верным, т. к. количество неправильно распознанных слов постепенно растет при переходе в каждую последующую группу. Исключением является лишь группа, центром внимания которой являются замены, основанные на написании. Изначально предполагалось, что замены, не связанные с артикуляционными или перцептивными характеристиками гласных, будут вызывать трудности при распознавании слов. Однако результаты эксперимента показали, что опора на графический образ слов, наоборот, позволила безошибочно распознать их все.

Среди замен согласных следующие цепочки распознавались правильно (за редкими исключениями, которые будут прокомментированы ниже):

Группа 1:			Группа 2:		
/m/	→	/m/	→	/t/	→ [t̃] → /t/
/n/	→	/n/	→	/k/	→ [k̃] → /k/
/ŋ/	→	/ŋ/	→	/l/	→ [l̃] → /l/
/s/	→	/s/	→	/l/	→ [ll̃] → /l/

/h/ → /h/ → /h/
 /w/ → /w/ → /w/
 /j/ → /j/ → /j/
 /p/ → /p^h/ → /p/
 /k/ → /k^h/ → /k/
 /b/ → /p/ ~ [b] → /b/
 /d/ → /t/ ~ [d] → /d/
 /g/ → /k/ ~ [g] → /g/

Группа 3:
 /l/ → [r] → /l/
 /tʃ/ → /tɕ^h/ → /tʃ/
 /θ/ → /s/ → /θ/
 Группа 4:
 /θ/ → /t*/ → /θ/
 /v/ → [p] → /v/

Замены, которые распознавались частично верно:

Группа 1:
 /t/ → /t^h/ → /t/, /k/, /p/
 Группа 2:
 /b/ → /p/ → /b/, /p/
 /d/ → /t/ → /d/, /t/
 /g/ → /k/ → /g/, /k/, /t/

Группа 3:
 /dʒ/ → /tɕ/ → /dʒ/, /t/
 /ʃ/ → [s^j] → /ʃ/, /s/
 Группа 4:
 /r/ → [r] → /r/, /l/

Замены, которые ни разу не были восстановлены правильно:

Группа 2:
 /p/ → [p̃] → /d/
 Группа 3:
 /f/ → /p^h/ → /p/

Группа 4:
 /z/ → /tɕ/ → /dr/, /t/
 /ð/ → /t/ → /d/
 /ʒ/ → /tɕ/ → Ø

Обратим внимание на то, что большинство правильно распознанных цепочек относится к группе 1, где все характеристики корейских и английских фонем совпадают. Также именно эти замены являются самыми частотными в материале исследования, например, пара /n/ – /n/ встречается 24 раза, /s/ – /s/ – 20 раз, /m/ – /m/ – 11 раз. При распознавании этих пар носителем языка были допущены следующие ошибки.

1. /s/ → [s^j] → /ʃ/. Корейская согласная /s/ ошибочно принималась за /ʃ/ только в позиции перед йотированными гласными и /i/, так как, в отличие от английского языка, корейскому свойственно явление палатализации. Напомним, что это единственный способ адаптации фонемы /ʃ/ в корейском языке: замена ее на [s^j], поэтому ошибка вполне закономерна. Приведем также пример, где носитель языка не смогла сделать однозначный выбор и отметила два варианта:

CD /,si:'di:/ → кор. [sidi] → *shady* /'ʃeidi/ или CD /,si:'di:/.

Все остальные слова, где фонема /s/ оставалась твердой, были распознаны верно без исключений.

2. /n/ → /n/ → /ŋ/ и /k/ → /k^h/ → /θ/. Можно с уверенностью утверждать, что эти ошибки не носят систематический характер, т. к. они были допущены только по одному разу и, вероятнее всего, возникли из-за опоры на образ слова целиком:

hairpin /'heəpɪn/ → кор. /heəp^hin/ → *helping* /'helpɪŋ/;
knocking /nɒkɪŋ/ → кор. /nɒk^hɪŋ/ → *nothing* /'nʌθɪŋ/.

Английские звонкие ленивые /b/, /d/ и /g/ в корейском языке всегда передаются с помощью глухих слабых /p/, /t/ и /k/ соответственно. В интервокальной позиции они озвончаются, однако, в начале слова произносятся глухо. В корейском языке некоторые согласные фонемы различаются по признаку слабый (непридыхательный) / сильный (придыхательный), но т. к. в английском языке это противопоставление отсутствует, корейские /p/ – /p^h/, /t/ – /t^h/ и /k/ – /k^h/ могут быть ошибочно распознаны как одинаковые фонемы.

Тем не менее, фонемы /p^h/ и /k^h/ верно распознавались как /p/ и /k/ во всех словах: в обоих языках это глухие фортисные согласные.

Английские /b/, /d/ и /g/ в зависимости от позиции в слове передаются разными вариантами корейских фонем /p/, /t/, /k/. Их основные аллофоны (глухие слабые) распознавались носителем языка с систематическими ошибками:

bus /bʌs/ → кор. /pɔsw/ → *pass* /pɑ:s/;
diet /'daɪət/ → кор. /taɪt^hu/ → *Toyota* /tɔɪ'jəʊtə/;
guard /gɑ:d/ → кор. [kadu] → *card* /kɑ:d/.

В интервокальной позиции, где используются их озвонченные аллофоны, напротив, ошибок допущено не было.

На конце слов в корейском языке эти фонемы теряют взрыв, т. е. становятся апплозивными [7, с. 38]. Как и ожидалось, это вызвало трудности в процессе их восприятия: несмотря на то, что в большинстве *распознанных* лексических единиц они определены верно, часть слов, содержащих эти фонемы, не была распознана вообще: *clip* /kɫɪp/ → кор. [k^hʷɫɪp̚], *out* /aʊt/ → кор. [aʊt̚].

Отдельно обратим внимание на то, что согласные из этого блока иногда определялись как смычно-взрывные, но с другим местом образования:

team /ti:m/ → кор. /t^him/ → *Kim* /kɪm/;
tip /tɪp/ → кор. [t^hɪp̚] → *kid* /kɪd/;
toy /tɔɪ/ → кор. /t^hɔi/ → *poi* /pɔi/;
guest /gest/ → кор. /kɛswut^hʷ/ → *test* /test/.

Эти ошибки нельзя обосновать опорой на слово целиком (например, *poi* – несуществующее слово), следовательно, причина заключается в самой артикуляции этих фонем. Когда носитель языка вынужден опираться в своем восприятии только на отдельные звуки, а не на общий звуковой облик слова, проблем в идентификации класса звуков, как правило, не возникает (все согласные безошибочно отнесены к смычно-взрывным), однако распознавание внутри класса без опоры на семантику оказывается более сложной задачей.

К следующему блоку были отнесены английские фонемы /r/ и /l/. В корейском языке для передачи этих звуков существует только одна буква и одна фонема, однако, она реализуется двумя разными аллофонами: [r] (в начале слова и в интервокальной позиции) и [l] (в конце слова, перед согласными, при удвоении) [4, с. 382]. Отсюда понятно, что корейский [r] может служить заменой не только для английской /r/, но и /l/ в начале слова, причем с последней их объединяет одинаковое место образования.

Результаты анализа показывают, что цепочка /l/ → [l] / [ɭ] → /l/ не вызывает затруднений; аллофон [r] в начале слова также воспринимается как наиболее близкий к английской /l/, даже если в исходном слове была фонема /r/:

reader /'ri:də/ → кор. [rɪdɔ] → *leader* /'li:də/;
lace /leɪs/ → кор. [rɛɪsʷ] → *lace* /leɪs/.

На этапе анализа материала исследования мы предположили, что [r] в начале слов может ошибочно приниматься за /r/ вместо /l/: несмотря на полностью разные место и способ образования, традиционно эти звуки объединяются в одну категорию R-образных фонем. Однако, вследствие частичного совпадения артикуляционных характеристик [r] и /l/, эта замена оказалась наиболее понятной и предсказуемой для носителя английского языка.

Далее в один блок можно объединить согласные /f/ и /v/, не имеющие в корейском языке аналогов, которые бы совпадали с ними хотя бы только по месту или по способу образования. В ходе фонетической адаптации осуществляется их замена на корейские /p^h/ и /p/ соответственно. Однако, эти же согласные служат для передачи английских /p/ и /b/, и их место и способ образования полностью совпадают в обоих языках. Результаты восприятия этих пар неоднозначны; фонема /v/ в *распознанных* словах восстановлена верно, однако, большинство содержащих ее слов не были распознаны:

event /ɪ'vent/ → кор. [ɪbent^hʷ] → *event* /ɪ'vent/;
video /'vɪdɪəʊ/ → кор. [pɪdɪo] → Ø;
love /lʌv/ → кор. [rɔbʷ] → Ø.

Все слова с фонемой /f/, напротив, были распознаны, но все неверно:

wife /waɪf/ → кор. /waɪp^hʷ/ → *wiper* /'waɪpə/;
fork /fɔ:k/ → кор. /p^hɔk^hʷ/ → *pork* /pɔ:k/;
fashion /'fæʃn/ → кор. /p^hɛsjɔn/ → *person* /'pɜ:sn/.

На наш взгляд, ошибки в восприятии данных слов нельзя отождествлять с ошибками в восприятии самих фонем /v/, /f/, т. к. по большому счету в адаптированных вариантах слов их нет: как и в случае с гласной /ɜ:/, корейский язык не располагает средствами для наиболее точной их передачи. Соответственно, ошибка возникает из-за отсутствия в сознании носителя английского языка прямой связи между, например, /f/ – /p^h/, которую можно создать только посредством целенаправленного обучения закономерностям в адаптации англицизмов.

Последняя группа анализируемых фонем – согласные /dʒ/, /z/, /ʒ/, которых также нет в корейском языке, и их эквивалентом служит аффриката /tɕ/. Как показывают результаты эксперимента, ее ближайшим английским эквивалентом является согласная /dʒ/: в большинстве слов она была определена верно. Кроме того, в одном из примеров носитель языка соотнесла ее с сочетанием /dr/, что можно объяснить ассимиляцией в английском языке: под влиянием шумной согласной /d/ фонема /r/ фрикатизируется, и сочетание в целом дает звук, очень близкий к /dʒ/:

cheese /tʃi:z/ → кор. /tɕʰitɕu/ → children /ˈtʃɪldrən/.

Обратим внимание на то, что корейская согласная /tɕ/ несколько раз заменена носителем языка на английскую фонему /t/:

laser /ˈleɪzə/ → кор. [ɾeɪtɕə] → later /ˈleɪtə/;

gel /dʒel/ → кор. [tɕɛl] → tell /tɛl/.

Можно сделать вывод, что, сталкиваясь с незнакомым звуком, носитель языка аппроксимирует его к аллофону, наиболее частотному и близкому по звучанию в данной конкретной позиции.

Таким образом, восприятие лексических единиц в целом может осуществляться в двух направлениях: дедуктивно (от образа слова целиком к «достраиванию» нераспознанных фонем) и индуктивно (от распознавания каждой отдельно взятой фонемы к составлению цельного слова). При этом оба направления работают одновременно, взаимоопределяют и взаимодополняют друг друга, и то, какое из них оказывается сильнее в сознании слушающего в момент восприятия конкретного слова, остается дискуссионным вопросом и требует дополнительного исследования.

По результатам проведенного нами эксперимента можно утверждать, что согласные и гласные фонемы играют разную роль в сохранении исходного фонетического облика слова: около 70 % ошибок в распознавании слов возникли вследствие неправильного определения согласных, тогда как гласные играли значительно меньшую роль и могли восстанавливаться на основе каркаса согласных. В целом, данное заключение, хоть и получено в ходе контрастного исследования, созвучно с хорошо известным фактом общего языкознания: лексическое значение слова в некоторых языках закрепляется в комбинациях согласных, а грамматическое – в гласных, что наблюдается в явлениях умляута и абляута гласных в корне, например: рус. *звезды* – *звёзды*, англ. *strong* – *strength*, нем. *laufen* – *läuft* и т. п.

Можно также сделать вывод о том, что фонемная адаптация, основанная на графическом образе слова, способствует более успешному восприятию, чем адаптация с опорой на артикуляционные и перцептивные характеристики фонем. При этом при восприятии адаптированных заимствований важен не только развитый фонематический слух, но и знание закономерностей фонемной адаптации.

Большую роль также играют и другие факторы, например, слоговая и акцентная структура видоизмененного слова, которые не рассматривались в рамках выполненного анализа. Эти аспекты составят перспективу данного исследования.

Литература

1. Sohn, H. M. The Korean Language / H. M. Sohn. – Cambridge : Cambridge University Press, 2001. – 468 p.
2. Cho, I. J. Recognition of English loanwords by learners of Korean / I. J. Cho // The Korean Language in America. – 2001. – № 6. – P. 69–74.
3. Мазур, Ю. Н. Корейский язык / Ю. Н. Мазур. – М. : Изд-во восточной литературы, 1960. – 116 с.
4. Tranter, N. The phonology of English loan-words in Korean / N. Tranter // Word. – 2000. – № 51:3. – P. 377–404.
5. Shin, J. Y. The Sounds of Korean / J. Y. Shin, J. E. Kiaer, J. E. Cha. – Cambridge : Cambridge University Press, 2013. – 243 p.
6. The Handbook of Korean Linguistics / ed.: L. Brown, J. H. Yeon. – Oxford : Wiley-Blackwell, 2015. – 522 p.
7. Капарушкина, Д. И. Особенности консонантной системы корейского языка (обзор корейской научной литературы) / Д. И. Капарушкина // Вестник РУДН. – 2014. – № 2. – С. 35–41.

Зоонимы и ботанимы как эмотивные номинации в позиции обращения

А.А. КИРЮШКИНА

В обращенности – речевом акте непосредственного общения («человек–человек») – наиболее активно проявляется воздействующая сила субъективных факторов, концентрируемая в особой единице коммуникации – обращении, которое занимает ведущее место среди языковых средств, призванных обеспечить ее эффективность и эмоциональность. Двойственность лингвистической природы обращения – идентификация адресата и выражение отношения – дает возможность передавать самые различные прагматические значения субъективно-оценочного отношения говорящего. Предметом рассмотрения данной статьи является использование в позиции обращения зоонимов и ботанимов, коммуникативная релевантность характерных признаков которых основывается на объективной возможности субъективного приписывания этих признаков человеку.

Ключевые слова: обращение, зоонимы, ботанимы, прагматическое значение.

In the appeal – the speech act of direct communication («person–person») – the most actively manifests the influencing force of subjective factors, concentrated in a special unit of communication – the vocative, which occupies a leading place among the language means designed to ensure its effectiveness and emotionality. The duality of the linguistic nature of the address, i.e. the identification of the addressee and the expression of the attitude, makes it possible to convey a variety of pragmatic meanings of the subjective-evaluative attitude of the speaker. The subject of this article is the use of zoonyms and botanymys in the position of appeal, the communicative relevance of the characteristic features of which is based on the objective possibility of subjectively attributing these features to a person.

Keywords: vocative, zoonyms, botanymys, pragmatic meaning.

Обращение – это языковое средство для выражения отношений между людьми. Обращаясь, адресат выражает чувства, которые испытывает к собеседнику. Обращение представляет собой неотъемлемую часть человеческого общения, обеспечивая контактоустанавливающую функцию и являя собой одну из самых употребительных речевых единиц.

Обращенностью – прямой апелляцией (эксплицитной адресованностью) – говорящий устанавливает с адресатом непосредственный контакт. В таком общении взаимоотношения коммуникантов проявляются наиболее активно, поэтому обращение получает особый статус среди лингвистических средств выражения эмоций человека, его оценочных суждений. Вместе с тем механизм двойного членения значения обращения (идентифицировать конкретное лицо, в данном случае адресата, и выразить отношение к нему говорящего) объясняет особенности формирования и использования в данной позиции функционально-эмотивных антропонимов.

Особенностью эмоционально-оценочной лексики является то, что эмоциональная окраска «накладывается» на лексическое значение слова, но не сводится к нему, функция чисто номинативная осложняется здесь оценочностью, отношением говорящего к называемому явлению [1, с. 37].

При этом, имена существительные и прилагательные с узуально закрепленной в словарных дефинициях оценочностью это лишь «полуфабрикаты», коммуникативнопрагматическая направленность которых реализуется в их целевом использовании говорящим субъектом [2, с. 7]. Эмотивность имен проявляется в определенных речевых условиях, поэтому в разряд функционально-эмотивных номинаций могут входить и нейтральные в своем первичном значении именные единицы, в частности, зоонимы, лексические единицы, называющие животных, птиц, рыб, и ботанимы, лексические единицы, называющие растения.

Человек с древности верил в то, что между людьми и животными существует родство, и животное было для людей «мерилом многих человеческих качеств – как физических, так и нравственных» [3, с. 92].

Естественно, что зоонимы, будучи обозначением реальных живых существ, не содержат субъективной оценки. Однако, используя зооним как имя эмоциональной обращенности к человеку, говорящий выражает свое субъективное отношение, «приписывая» ему – по ассоциации – свойства и признаки названного представителя животного мира. Наблюдения человека за окружающим миром живой природы обуславливают тот факт, что почти каждое наименование животного несет эмоциональный «довесок», служащий основой формирования эмотивной номинации [4, с. 170]. Даже в дефинициях имени встречается описание возможности использовать «переносные» признаки: *colombe* – oiseau voisin du pigeon, parfois pris comme symbole de la douceur et de la pureté [5, с. 259]. Или *colombe* – nom que le langage poétique donne au pigeon, surtout au pigeon blanc, emblème de douceur, de tendresse, de pureté, mais que l'omithologie réserve aux oiseaux d'un genre bien défini, dont le pigeon ramier est le type [6, с. 227].

На базе совмещенного видения двух образов – образа человека и образа животного – возникает семантическая двуплановость, совмещенность двух картин, в результате чего «появляется третья, вбирающая в себя необходимые существенные признаки двух предыдущих» [7, с. 9]. Меняется референция имени: при этом сдвиг денотативной соотнесенности сопровождается «образованием семной структуры – экспликацией одних сем и частичным погашением других, актуализирующих первичные характеристики денотата» [7, с. 9].

Итак, денотативный компонент зоонима уходит на второй план (*animal* затушевывается, уступая место более обобщенному *être vivant*), а на первый план выступает сигнификативный, который реализуется как переносное значение. Отметим, что «перенесенные на человека названия животных обычно сохраняют в своем значении только один качественно-оценочный признак: заяц – трусливый, осёл – глупый или упрямый, обезьяна – склонный к подражанию, медведь – неуклюжий» [8, с. 348].

В высказывании:

Toi, insecte, tu t'opposes à mes projets? [9, p. 87].

говорящий субъект ставит акцент прежде всего на таком общеизвестном свойстве насекомого, как маленькие размеры (*insecte* – *petit animal invertébré articulé (Arthropodes), à six pattes, le plus souvent ailé, respirant par des trachées et subissant des métamorphoses* [5, p. 568]), подчеркивая тем самым ничтожность, мизерность, незначительность человека, к которому он обращается с речью.

Ср. также:

Qu'est-ce que tu veux qu'il fasse, ma gazelle, pour t'être agréable? [10, p. 68].

Говорящий ассоциирует *gazelle* прежде всего с таким свойством этого животного, как грациозность (ср. *gazelle* – *mammifère ruminant d'Afrique et d'Asie, de la famille des antilopes, à cornes effilées en forme de lyre et à longues pattes fines, remarquable par sa grâce et la rapidité de sa course* [5, p. 138]). Остальные признаки, являющиеся существенными при выделении этого животного из класса других животных, например, *à cornes effilées en forme de lyre*, погашаются.

Одним из активных зоонимов, используемых в позиции обращения, можно назвать существительное *chat*:

J'y ai pensé, mon chat, et si tu étais bien gentil, bien gentil, si tu m'aimais un peu, tu me laisserais t'en prêter [11, p. 326].

Ecoute, ma chatte. Je vais te charger une commission pour ton mari [11, p. 331].

Tu ferais mieux de me dire où sont tes autres comprimés et de me laisser te consoler, mon petit chat! [12, p. 90].

В данных обращениях *номинативность* активизирует признаки *petit, à poil doux, aux yeux oblongs et brillants*, как признаки *приятной внешности* они способствуют формированию положительного отношения (чему, естественно, способствует и посессив *mon, ma*).

Происходит перераспределение семантической структуры обращения: компонент номинативность становится «пустым» в плане идентификации *être humain* и чрезвычайно активным в плане выражения оценочного отношения: положительного (*gazelle, chat*) или отрицательного (*insecte*), что приводит к совмещенности (по оценочному знаку) с компонентом *контактность*.

По мнению Ф.А. Литвина, «потенциально все зоонимы могут быть использованы как «второе название» человека ... характеризующие его как носителя тех или иных качеств, ассоциируемых данным языковым коллективом с тем или иным животным» [13, с. 85]. При этом

лингвист отмечает, что «зооним имеет больше точек соприкосновения с разрядом названий лиц, чем любой другой разряд существительных, по известному тройному членению *animal – végétal – mineral* (животный мир – растительный мир – неживая природа) они вообще объединяются (ср. также категорию одушевленности / неодушевленности)» [13, с. 87].

Характеризующее значение присуще зоонимам имманентно, поскольку в их семантической структуре потенциально имеется сема, соотносимая с какой-либо чертой человека. Подобная обусловленность объясняется «наличием в их семантике общего с группой названий лица и в то же время принципиальным, фундаментальным противопоставлением (“не человек, а – ...”)», что становится основой разграничения антропонима и зоонима [13, с. 90].

Субъективное (ассоциативное) сопоставление, перенесение признаков животного на человека с целью выразить отношение, позволяют говорящему при переадресовке наименований животное–человек «к лексическому минимуму понятийных признаков добавить прагматические (эмотивные) признаки» [14, с. 22].

Таким образом, использование названия животных при обращении к человеку служит средством усиления эмоциональной окрашенности и выражения оценочного отношения к собеседнику.

Поиск признаков, которые связывали бы человека и растение, оказывается значительно труднее: эти признаки могут относиться к числу несущественных или субъективно приписываемых / ассоциируемых и не входить в семантическую структуру имени:

fleur – production colorée, souvent odorante, de certains végétaux [5, с. 449];

lis ou lys – plante ornementale de la famille des liliacées, à bulbe écaillé, à tige droite, à feuilles lancéolées, à grandes fleurs terminales, dont il existe de nombreuses espèces [5, с. 379];

courge – plante potagère ou ornementale de la famille des cucurbitacées [5, с. 126];

pomme – fruit du pommier [5, с. 447],

chou – plante à plusieurs variétés sauvages ou cultivées comme potagères... [5, с. 178].

Вместе с тем эти имена распространены в разговорном языке именно в своем оценочном значении, о чем свидетельствуют и словарные дефиниции:

Ср.: *fleur – ce qu’il y a de meilleur, de plus beau, de plus distingué* [6, с. 449];

courge – pop. imbécile, «gourde» [6, с. 239];

pomme – arg. individu naïf, crédule [6, с. 378];

chou – fam. être bête comme chou, être très bête; fig. et fam. terme d’affection [6, с. 724].

Номинативность ботанима-обращения условно согласуется с компонентом вторичности на базе семы *être vivant*: ср. *végétal – être vivant caractérisé par rapport aux autres (les animaux) par des mouvements et une sensibilité plus faibles* [5, с. 1121].

Другими словами, номинативность обращения в зависимости от номинации (зооним, ботаним) способна в пределах денотата *être vivant* переносить признаки *animal* или *plante* на *être humain*.

Таким образом, обращение имеет «гибкую» семантическую структуру в плане возможности *идентифицировать* конкретное лицо – адресата – и *выражать отношение* к нему говорящего, что способствует активному созданию и функционированию в данной позиции эмотивных номинаций. «Перевод» семы *être vivant (animal)* в сему *être humain* (в номинациях-обращениях *chat* ‘кот’, *lapin* ‘кролик’, *fleur* ‘цветок’ и т. п.) интенсифицирует признаковую компоненту *номинативность*, позволяет изменить референцию обращений и объединить их в функциональную подгруппу эмотивных номинаций (с семой *être humain*) [2, с. 54].

Кроме того, зоонимы и ботанимы в рассматриваемой позиции представляют собой нечто вроде эллиптических сравнений, в которых выделяется какое-то выбранное говорящим качество. В позиции обращения они содержат, как уже отмечалось, оценочный элемент и характеризуют адресата ярко и образно.

Признаковая (сигнификативная) основа эмотивных номинаций раскрывается в том, что они способны идентифицировать лицо (*être humain*) при выполнении функции обращения. Подобные прагматические единицы можно отнести к функциональным эмотивным антропонимам [2, с. 55], способным ситуативно вычленять из «предметного мира» конкретного человека. Путь развития таких антропонимов может закончиться появлением клички/ прозвища.

Литература

1. Колесов, П. В. Ораторское искусство: Говори свободно! / П. В. Колесов. – М. : Издательский центр «Академия», 2006. – 134 с.
2. Грачева, Л. А. Обращение и проекция его семантики на формирование функционально-эмотивных номинаций во французском языке : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.05 / Л. А. Грачева. – Минск, 2000. – 115 с.
3. Мокиенко, В. М. В глубь поговорки : рассказы о происхождении крылатых и образных выражений / В. М. Мокиенко. – СПб. : Авалон : Азбука-классика, 2007. – 253 с.
4. Михайлова, Ю. Н. Культурные коннотации зоонимов в русской и китайской фразеологии / Ю. Н. Михайлова // Известия Уральского федерального университета. – 2016. – № 4 (157). – С. 168–181.
5. Larousse dictionnaire essentiel du fran^aais contemporain. – Paris : Larousse, 2019. – 1223 p.
6. Le Grand Robert de la langue franchise contemporaine. – Paris : Edition Poche, 2017. – 1152 p.
7. Кунин, А. В. Курс фразеологии современного английского языка / А. В. Кунин. – М. : Высш. школа, 1996. – 381 с.
8. Арутюнова, Н. Д. Предложение и его смысл : логико-семантические проблемы / Н. Д. Арутюнова. – М. : URSS, 2009. – 382 с.
9. Camus, A. Caligula et autres pieces / A. Camus. – Paris : Edition «Livre de poche», 2008. – 189 p.
10. Maurois, A. Les roses de septembre (recueil de nouvelles) / A. Maurois. – Paris : Edition Grasset, 2007. – 143 p.
11. Maupassant, G. Bel ami / G. de Maupassant. – Lausanne : Editions Rencontre, 2017. – 432 p.
12. Saint-Exupery, A. Le petit prince I / A. de Saint-Exupery. – Paris : Edition Grasset, 2007. – 107 p.
13. Литвин, Ф. А. Многозначность слова в языке и речи / Ф. А. Литвин. – М. : URSS, 2005. – 120 с.
14. Шаховский, В. И. Эмотивный компонент значения и методы его описания / В. И. Шаховский. – Волгоград : ВГПИ, 2003. – 94 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 23.09.2021

УДК 81'371:398.92:81'367.622.12

Трансформация коннотативного значения устойчивых словесных комплексов *23 февраля* и *8 марта*

Н.И. ЛАПИЦКАЯ

В статье рассматриваются особенности функционирования устойчивых словесных комплексов «23 февраля» и «8 марта». Источником фактического материала является интернет-пространство, которое позволяет проанализировать изменения в условиях употребления данных выражений.

Ключевые слова: устойчивый словесный комплекс, коннотация, коннотативное значение, интернет-пространство.

The article discusses the features of the functioning of the sustainable verbal complex *February 23* and *March 8*. The source of the actual material is the Internet space, which allows us to analyze the changes in the conditions of usage of these expressions.

Keywords: sustainable verbal complex, connotation, connotative meaning, Internet space.

В последние десятилетия в лингвистике возрос интерес к прецедентным феноменам в языке. Экспрессивный потенциал прецедентных феноменов очень высок, использование их в метафорическом значении – весьма эффективный способ воздействия на общественное сознание, состоящий в обращении к эмоциональной сфере психики. Такие феномены очень часто встречаются в публицистических текстах и призваны не просто рассказать читателю о чём-то, но и «разъяснить ему глубинный смысл событий, сформировать общественное мнение, возбудить читателя эмоционально, наконец, мобилизовать его, подготовить к активному действию» [1, с. 15].

К такого рода единицам относятся устойчивые словесные комплексы *23 февраля* и *8 марта*, выступающие в качестве объекта исследования в данной статье.

По информации Википедии, 23 февраля в ряде стран ежегодно отмечается как «День защитника Отечества». Исторически он появился в РСФСР 27 января 1922 г., когда Президиум ВЦИК РСФСР опубликовал постановление о четвёртой годовщине Красной армии, в котором говорилось: «В соответствии с постановлением IX Всероссийского съезда Советов о Красной армии Президиум ВЦИК обращает внимание исполкомов на наступающую годовщину создания Красной армии (23 февраля)» [2].

С 1922 г. в СССР эта дата ежегодно традиционно отмечалась как «День Красной армии», с 1946 г. – «День Советской армии», с 1949 по 1992 гг. – «День Советской армии и Военно-морского флота». 23 февраля являлся рабочим днём для всех советских граждан, за исключением военнослужащих [2].

Со времен СССР в этот день вручаются памятные награды ветеранам войны. Позже к ним добавились солдаты, участвующие в различных военных кампаниях, в том числе иностранных, а также ветераны боевых действий. Таким образом, в День защитника Отечества вспоминают военнослужащих, которые сражались за Родину когда-либо, а также выражают уважение современным солдатам.

Постепенно мужчин начали поздравлять с Днем защитника Отечества в кругу семьи, а также на рабочих местах. Сейчас праздник приобрел общенациональный, народный характер. Поэтому 23 февраля стало днем не только военнослужащих, но и всех мужчин, независимо от возраста, которые потенциально могут встать на защиту Родины. Общепринятыми считаются мероприятия в детских садах, школах, прочих учебных заведениях и трудовых коллективах.

Пусть ты и не служил пока,
Ты – стойкий, сильный, некапризный,
Глаз зорек и тверда рука,
Защитник будущий Отчизны!
Ведь если предстоит войне
Стоять не будешь в стороне –
Мать защитишь, сестру, подругу!

А чтобы победить опять,
Ты будь здоровым, умным, бодрым:
Учись старательно на «пять»
И занимайся больше спортом!

23 февраля в наше время ассоциируется с мужским днем, наряду с Международным женским днем 8 марта [3].

Интересно отметить, что содержание данного праздника, его восприятие не менялось на протяжении долгого времени. Праздник, отмечаемый 23 февраля, несколько раз менял название. Сначала он назывался День Красной армии и Флота, с 1946 по 1993 гг. – День Советской армии и Военно-морского флота. Основой его было и остаётся чествование военнослужащих и ветеранов. Но именно ассоциация с мужским днём, чему способствовало также и переименование праздника в День защитника Отечества, во многом сняла с него идеологическую окраску.

В интернет-пространстве представлено множество выражений, включающих прецедентный феномен *23 февраля* и имеющих иронический характер. Так, в качестве шутки бытует выражение *8 марта – 23 февраля по старому стилю*. Фраза, содержащая реальную историческую информацию, служит для шутивого противопоставления «мужского» и «женского» праздников – 23 февраля и 8 марта. См. также: *8 марта – день возмездия за подарки на 23 февраля; Как 23 февраля аукнется, так 8 марта и караокнется; 8 марта – это день, когда при выборе подарка для любимой отсутствие фантазии помогает мужчине компенсировать злорадство после 23 февраля; Почему цены на пену и трусы к 23 февраля не меняются, а вот цветы к 8 марта дорожают в два раза; 8 Марта – это расплата за 23 февраля; 8 Марта – это когда праздник женский, а мужчинам приходится отдуваться; 8 Марта – это Международный день Подруг Защитников Отечества*.

Традиция дарить подарки на 23 февраля также отражается в афоризмах и шутках, посвященных данному празднику: *Носки и крем для бритья на 23 февраля – это здорово! Это значит, что Вас считают МУЖЧИНОЙ! Следует задуматься, если тебе подарили лосины или абонемент в спа салон. Предлагаю в новой Конституции запретить дарить на 23 февраля носки, трусы, шампунь и пену для бритья. – Милый, какой дорогой подарок, спасибо! Откуда у тебя столько денег? – Я продал все носки, которые мне подарили на 23 февраля... 21 февраля ходили с девушкой в магазин за продуктами. Публично, при ней, я купил себе пару носков, дезодорант, лезвия и пену для бритья. Шах и мат, любимая. Февраль – это Бог торговли кремом для бритья и мужскими носками. – Дорогой, сегодня в честь Дня защитника отечества будет праздничное блюдо – картошка в мундире! Чтобы жена не мучилась вопросом, что купить на 23 февраля в подарок, чуткий муж специально разбил кружку*.

Показательным является тот факт, что приведённые нами данные подтверждаются в текстах Национального корпуса русского языка.

В текстах, датированных до 30-ых гг. 20 в., или в текстах о событиях того периода 23 февраля – это обычная календарная дата:

Отряды Красной гвардии к 23 февраля 1918 года уже несколько месяцев воевали с частями Каледина и формируемой добровольческой армией на Дону (в этот день красные как раз входили в Ростов), а Михаил Муравьев во главе большевистских сил еще в январе брал штурмом Киев [Станислав Кувалдин. Смутный день календаря (2018.02.22) // «Сноб», 2018].

Интересны контексты, в которых 23 февраля называется Международным женским днём. Это соответствует истории, так как современное 8 марта – это 23 февраля по старому стилю:

23 февраля – женский день, как 1 мая день пролетариата всего мира [неизвестный. Великий день (1917.03.20) // газета «Правда», 1917].

Неделю назад, 23 февраля в Петрограде старая власть помешала женищинам-работницам праздновать свой день [неизвестный. Великий день (1917.03.20) // газета «Правда», 1917].

23 февраля – Женский день – день русской революции, первый день Третьего Интернационала [неизвестный. Великий день (1917.03.20) // газета «Правда», 1917].

Тексты, датированные 30 гг. 20 в. и далее, отражают закрепление за данной датой Дня Красной Армии:

23 февраля мы праздновали двенадцатую годовщину великой Красной армии [[Что в номере] // «Чиж», 1930].

23 февраля День Красной Армии. Нам прибавка сегодня не прошла, но я не унываю: может быть, к 1-му [Т.К. Великотная. Дневник (1942)].

Между Островом и Псковом в ожесточённых боях против кайзеровских полчищ Германии родилась 23 февраля 1918 года героическая Красная Армия [А.И. Мусатов. Клава Назарова (1958)].

В контекстах советского периода отражается смена названия праздника:

А сегодня 23 февраля – День Советской армии, а завтра суббота, а послезавтра воскресенье... [Владимир Войнович. Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру (1976)].

Наконец, тексты, датированные 21 веком отражают тот факт, что 23 февраля – это День защитника Отечества, день всех мужчин, любимый всеми праздник наряду с другими всенародными праздниками.

А 23 февраля – день воевавших или служивших людей – внезапно оказался днем всех мужчин [Адриана Имж. О чем молчат мужчины (2018.02.15) // «Сноб», 2018].

Едва отпразднуем День святого Валентина, как 23 февраля катит в глаза [Юлия Рахеева. Тесты для девушек, или Как родить от инопланетянина. Книжки // «Известия», 2003.02.13].

В нынешнем году на все праздники – Новый год, 23 февраля, 8 Марта – колонка стабильно выходила из строя [Глаз народа // «Встреча» (Дубна), 2003.06.04].

Пять праздников (7 января – Рождество Христово православное; 23 февраля – День защитников Отечества; 8 марта – Международный женский день; 9 мая – День Победы; 12 июня – День России) инициаторы не тронули [Виктор Толстенко. Современные традиции внесения смуты // «Вечерний Екатеринбург», 2004.11.06].

Традиция дарить подарки на 23 февраля также отражается в текстах, представленных в НКРЯ:

На 23 февраля – День защитника Отечества – мужчинам принято дарить бритвы, часы, носки, ножи, гель для душа, дезодорант и туалетную воду [Адриана Имж. О чем молчат мужчины (2018.02.15) // «Сноб», 2018].

По информации Википедии, 8 марта в ряде стран ежегодно отмечается как «женский день». Исторически он появился как день солидарности женщин во многих странах в борьбе за равные права. С марта 1975 г. Международный женский день отмечается в ООН [5].

Февраль 1917 г. стал важной вехой в истории праздника, поскольку 23 февраля (8 марта) 1917 г. было ознаменовано революционным взрывом, положившим начало Февральской революции в России. Четыре дня спустя царь подписал указ о даровании права голоса женщинам, однако это не остановило революцию. Петроградские большевики воспользовались празднованием Международного женского дня для организации митингов и собраний против войны, дороговизны и тяжелого положения работниц. Такие выступления особенно бурно происходили на Выборгской стороне. В этот день бастовало более 128 тыс. рабочих, а колонны демонстрантов с рабочих окраин направились к центру города и прорвались на Невский проспект, по которому к Городской думе прошла процессия с требованиями женского равноправия и хлеба.

В 1921 г. по решению 2-й Коммунистической женской конференции было решено праздновать Международный женский день 8 марта в память об участии женщин в петроградской демонстрации 23 февраля (8 марта) 1917 г.

С 1966 г., в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1965 г., Международный женский день стал не только праздником, но и нерабочим днем. Постепенно праздник потерял свою феминистскую окраску, став днем поздравлений женщин, девушек и даже девочек в кругу семьи, в трудовом и учебном коллективе [5].

Интересно отметить, как менялось содержание статей, посвященных данному празднику, с течением времени. Разумеется, в довоенное время 8 марта было идеологизированным. Так, в газете «Правда» за 1923 г. **героиня статьи** – работница; **лозунги этого дня**: *Долой кухонное рабство! Да здравствует общественное питание! Поборем тьму!* В «Комсомольской правде» от 8 марта 1933 г. **героиня** – колхозница; **лозунги**: *Берегите колхозный строй, как зеницу ока! Колхозницы, помните, что культурная обработка полей, борьба с остатками кулачества решают успех сева! Рабочая и колхозница – в передовые ряды!* В «Вечерней Москве» от 8 марта 1943 г. **героиня** – защитница, а лозунг – *Советской женщине есть что защищать!*

В 1966 г. впервые 8 марта становится нерабочим днем. Однако общий тон публикаций остается прежним. В обращении ЦК КПСС к советским женщинам в газете **«Труд» от 8 марта 1966 г.** этот день называется *«боевым праздником солидарности женщин всего мира в борьбе за демократию и социализм, свободу и равноправие, национальную независимость, за мир во всем мире»*.

Героиней становится все более абстрактная труженица, строитель коммунизма, борец за мир, которая горячо поддерживает внутреннюю и внешнюю политику партии [6].

В настоящее время праздник совершенно потерял идеологическую окраску и является днем почитания женщин, днем выражения любви к ним: *8 марта – женский день. День счастья, радости и красоты; 8 марта – каждый мужчина может честно признаться: «Сегодня не мой день!»; 8 марта – миром правят девушки; 8 Марта – практически единственный день, когда женщина соглашается со всем, что говорится в ее адрес; 8 марта – практически единственный день, когда мужчина понимает – нужно быть моногамным...; 8 марта – это день, когда даже самые толковые мужики тратят свои заначки самым бестолковым образом; 8 марта даже солнышко нам улыбается! Знает, что у девчонок праздник!*

В интернет-пространстве представлено множество выражений, включающих прецедентный феномен 8 марта и имеющих иронический характер. Так, в качестве шутки бытует выражение *8 марта – 23 февраля по старому стилю*. Фраза, содержащая реальную историческую информацию, служит для шуточного противопоставления «мужского» и «женского» праздников – 23 февраля и 8 марта. См. также: *8 марта – день возмездия за подарки на 23 февраля; Как 23 февраля аукнется, так 8 марта и караокнется; 8 марта – это день, когда при выборе подарка для любимой отсутствие фантазии помогает мужчине компенсировать злорадство после 23 февраля; Почему цены на пену и трусы к 23 февраля не меняются, а вот цветы к 8 марта дорожают в два раза; 8 Марта – это расплата за 23 февраля; 8 Марта – это когда праздник женский, а мужчинам приходится отдуваться; 8 Марта – это Международный день Подруг Защитников Отечества*.

Традиция дарить подарки на 8 марта также отражается в афоризмах, посвященных данному празднику: *8-ое марта – это волшебный день, превращающий самую обыкновенную гвоздику в прекрасную розу, по крайней мере, по цене; А я жду 8 марта! Испеку торт, романтический ужин при свечах...и будет совсем не важно, что ты мне подаришь! нууу... почти не важно; Акция: мужчинам, 8 марта купившим сковородку, – каска в подарок!; Праздник 8 марта придумали торговцы цветами, а свалили все на Клару Цеткин; На 8 марта собрались купить букет своей женищине? Имейте в виду: конфеты вкуснее цветов, колбаса дешевле, а деньги не вянут; – Что лучше подарить девушке на 8 марта: один большой подарок или много маленьких? – Много маленьких! – Тогда подарю ей семечки!*

Таким образом, исследование устойчивых словесных комплексов *23 февраля и 8 марта*, осуществленное на материале интернет-пространства, демонстрирует результаты выявленных изменений коннотативного значения, трансформация которого обусловлена динамикой и инверсией лингвокультурных и базовых общечеловеческих ценностей.

Литература

1. Ратникова, И. Э. Имя собственное: от культурной семантики к языковой / И. Э. Ратникова. – Минск : БГУ, 2003. – 214 с.
2. 23 февраля [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/23_февраля. – Дата доступа : 20.02.2022.
3. 23 февраля – День защитника Отечества: история праздника, значение, как и когда появился, традиции, фото и видео [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://kipmi.ru/23-fevralya/>. – Дата доступа : 22.02.2022.
4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 23.02.2022.
5. 8 марта [Электронный ресурс] // Википедия. – Режим доступа : https://ru.wikipedia.org/wiki/8_марта. – Дата доступа : 25.02.2022.
6. Уроки истории: XX век [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://urokiistorii.ru/article/52052>. – Дата доступа : 03.03.2022.

УДК 821.161.3-3*Я.Баршчэўскі:821.111(73)-3*Э.По

Увасабленне смерці ў творчасці нацыянальных рамантыкаў (Ян Баршчэўскі і Эдгар По)

Л.А. ЛЕШЧАНКА

У артыкуле даследуецца пытанне рэпрэзентацыі тэмы смерці ў прозе Яна Баршчэўскага і Эдгара Алана По. Адзначаецца падабенства сюжэтаў і вобразаў у творах беларускага і амерыканскага пісьменнікаў, аналізуецца выбар мастацкіх сродкаў для ўвасаблення тэмы.

Ключавыя словы: кампаратывістыка, смерць, рамантызм, Ян Баршчэўскі, Эдгар По.

The article explores the issue of the representation of the theme of death in the prose of Jan Barszewski and Edgar Allan Poe. The similarity of plots and images in the works of Belarusian and American writers is noted, the choice of stylistic devices for the embodiment of the theme is analyzed.

Keywords: comparative literature, death, romanticism, Jan Barszewski, Edgar Poe.

У сваёй «Паэтыцы» Арыстоцель сцвердзіў, што аб'ектам мастацтва з'яўляецца імітацыя жыцця. [1, с. 291]. Пісьменнікі заўсёды выкарыстоўвалі сітуацыі і падзеі штодзённасці ў сваіх творах, паколькі смерць з'яўляецца важнай часткай існавання. Яна, хутчэй за ўсё, адна з самых паўтаральных тэм у літаратуры.

Агульная змрочнасць і цікаўнасць да смерці стала здабыткам масавай літаратуры і таму была вельмі распаўсюджанай з'явай ў творчасці пісьменнікаў перыяду сталага рамантызму. Паколькі Эдгар По і Ян Баршчэўскі былі аднымі з першых прафесійных літаратараў, яны не маглі не ўлічваць у сваёй творчасці густы тагачаснай публікі і імкнуліся прынесці ў свае творы элементы, здольныя прыцягнуць і зацікавіць чытача.

Паэтызацыя смерці звычайна тлумачыцца навукоўцамі тугой па мінуламу, якое сыходіць. Так, асаблівую схільнасць да «мартальных» матываў мелі амерыканскія паэты Поўдня, якія сумавалі па слаўных днях «віргінскага адраджэння». Азначаная туга набывала абстрактны характар і ўвасаблялася ў вобразе гібелі прыгожага – часцей за ўсё ў вобразе прыгожай паміраючай жанчыны. Адно з найбольш часта цытуемых палажэнняў эстэтычнай канцэпцыі По зводзіцца да таго, што самы паэтычны сюжэт на свеце – гэта смерць прыгожай жанчыны [2, с. 645].

Для Яна Баршчэўскага-рамантыка характэрнай рысай таксама была яго зацікаўленасць тэмай смерці ў розных яе аспектах і адносінамі паміж светам жывых і светам памерлых. Цяжка сказаць, ці ён браў прыклад з ранніх нямецкіх рамантыкаў Юнга і Грэя, якія стварылі так званую могільнікавую паэзію, ці з Гофмана або Жукоўскага. Цалкам верагодна, што ён натхняўся беларускімі народнымі казкамі, дзе такія кантакты вельмі частыя, а таксама Бібліяй і філасофскімі пазіцыямі хрысціянства ў адносінах да смерці ў цэлым.

Таму вельмі цікава і карысна прасачыць і параўнаць увасабленне тэмы смерці ў творчасці такіх розных і адначасова блізкіх сучаснікаў.

У той час, як у вядомай нам рэальнасці смерць уяўляе сабой канчатковы фінал існавання, мастацкая літаратура не ўсталёўвае нерухомай мяжы паміж светам жывых і мёртвых. Згодна з народным светапоглядам, успрынятым і дапрацаваным еўрапейскімі пісьменнікамі-рамантыкамі, існуюць прасторы і моманты ў часе, калі два светы збліжаюцца і ўзаемадзейнічаюць.

Духі і страчаныя душы застаюцца, хоць часткова, у свеце жывых і ўяўляюць сабой небяспеку для іх. Розныя крыніцы як у Еўропе, так і ў іншых частках свету дэманструюць дзіўнае аднадумства ў гэтай спрэчцы: мёртвыя могуць прынесці жывым смерць. Каб гэтага не адбылося, мёртвыя павінны годна спачыць, супакоіцца, а калі гэта не атрымаецца, іх трэба забіць другі раз [3, с. 3].

Узаемадзеянне паміж жывымі і памерлымі ў творчасці рамантыкаў Эдгара По і Яна Баршчэўскага шматаспектнае і шматўзроўневае. Больш за тое, у выпадку першага духі памерлых ці пахаваныя людзі часта вяртаюцца і з'яўляюцца прычынай смерці альбо вар'яцтва жывых персанажаў.

Так, напрыклад, у навэле «Марэла» дачка апавядальніка нібыта з'яўляецца рэінкарнацыйнай духа памерлай жонкі: *«Як яна і прадбачыла, яе дзіця, якому яна дала жыццё сваёй смерцю, дзіця, якое пачало дыхаць, калі яна дыхаць перастала, – яе дачка жыла. І яна дзіўна развівалася цэлам і розумам і была цудоўным падабенствам той, што пакінула гэты свет»* [4, с. 21].

Калі ж ён вырашае ахрысціць ужо дарослую дачку, каб пазбавіцца *«ад жахаў, на якія яго асудзіў кон»*, сярод мноства імёнаў ён мімаволі выбірае імя жонкі – Марэла. *«Якая пачва-ра прамаўляла з глыбіняў мае душы, калі ў цішыні ночы сярод крыжоў я прашаптаў святару “Марэла”? Хто ж, калі не сам д'ябал, сказаў рысы тварыка майго дзіцяці, надаўшы яму адценне смерці? Пачуўшы гэтыя гукі, яна ўзняла свае шклянныя вочы з зямлі ў неба і, апусціўшыся бязвольна на чорныя пліты нашага фамільнага склепа, адказала: “Я тут!”»*.

Канчаткова набыўшы рысы памерлай маці, дзяўчынка памірае. Апавядальнік адносіць яе ў фамільны склеп і з горыччу смяецца, бо не знаходзіць там і знаку першай Марэлы. Пасля гэтага ён вар'яецца, нішто не суцяшае яго ў гэтым свеце. Адзін толькі вобраз Марэлы з'яўляецца яму паўсюль: *«Гады – гады могуць мінуць, але памяць пра гэта не знікне ніколі. ... Я не мераў ні прасторы, ні часу, і зоры майго лёсу падалі з неба, і змрок накрыў зямлю, і хуткімі ценьмі праходзілі міма мяне яго вобразы, сярод якіх я бачыў толькі адзін – Марэлу. Вятры шапталі мне адно слова, якое я мог чуць, і хвалі на моры мармыталі толькі адно – “Марэла”...»* [4, с. 21].

У беларускага рамантыка вар'яцтва ад сустрэчы з прывідамі чытач можа назіраць у апавяданні «Валасы, якія крычаць на галаве» зборніка «Шляхціц Завальня, або Беларусь у фантастычных апавяданнях». Паслухаўшыся парады чорнага старца, апавядальнік разбурае старую каплічку на могілках і з яе цэгля закладае падмурак новага дома. Жонка апавядальніка, Амелія, пачынае бачыць у новым доме прывіды, *«мроіліся ёй страшныя сны, а апоўначы чула часам нейкія стогны»* [5, с. 231]. Яна шмат малілася і *«так змянілася з твару, што знаёмыя ледзь пазнавалі яе цяпер»* [5, с. 231].

Пасля іншай парады старца апавядальнік загадвае жонцы абрэзаць доўгую касу, якая нібыта прываблівае юнакоў, і адносіць яе да чарнакніжніка. Той паказвае, што валасы былі жывыя, паказвае, як яны разбягаюцца па вадзе, звываючыся ў месяцавым святле. Пасля гэтага ўчынку Амелія часта пачынае плакаць, а здароўе яе пагаршаецца. Яна часта не можа заснуць, бо *«як толькі прыплюшчвала вочы, адразу мроіліся ёй нейкія прывіды, што ўставалі з магіл»* [5, с. 23]. Пасля здараецца чарговы страшны выпадак: жонка апавядальніка бачыць дух чарнакніжніка, *«чорнага старца ў жахлівым абліччы»*. *«Крывавым агнём свяціліся ягоныя вочы, у руках трымаў велізарны нож і пагражаў ёй смерцю»* [5, с. 234]. Убачыўшы яго, яна *«закрычала і ўпала, нібы мёртвая»*. Гераіня беззваротна вар'яецца, яе хворую псіхіку не здолелі выратаваць лепшыя дактары. Праз некаторы час яе муж атрымлівае звестку, што *«Амелія самотнае сваё жыццё закончыла»* [5, с. 234].

Такім чынам, у творчасці абодвух аўтараў вяртанне духаў мертвых шкодзіць жывым і з'яўляецца прычынай іх вар'яцтва і нават смерці.

Наступны аспект у раскрыцці тэмы смерці можна назіраць праз вяртанне мертвых цел да жыцця. Людзей XIX ст. па абодва бакі Атлантыкі цікавілі розныя калянавуковыя акультныя тэорыі: месмерызм, жывёльны магнетызм і г. д. У якасці пацвярджэння гэтага можна прывесці аргумент, што сюжэты двух апавяданняў Эдгара По і аднаго Яна Баршчэўскага цалкам пабудаваны на ідэі ажыўлення трупа. У навэлах «Мумія» і «Праўда пра тое, што здарылася з містэрам Вальдэмарам» По ажыўляе герояў з дапамогай электрычнасці і месмерызма; Баршчэўскі жа ў апавесці «Душа не ў сваім целе» выкарыстоўвае вобраз нейкіх таемных лекаў, створаных з «жывой вады», якія прымушаюць кроў цыркуляваць.

У «Праўдзе» апавядальнік, зацікаўлены пытаннямі месмерызма і гіпнозу, знаёміцца з містэрам Вальдэмарам, у якога за некалькі месяцаў да гэтага дактары знайшлі сухоты. *«Аб блізкім сконе ён меў звычай казаць спакойна, як пра нешта непазбежнае і якое не выклікае шкадаванняў»* [4, с. 84]. Вырасціўшы правесці месмерычны эксперымент над паміраючым чалавекам у стане агоніі, апавядальнік загадзя дамаўляецца з Вальдэмарам, прыходзіць да пацыента незадоўга да меркаванага моманту смерці і бачыць у ім страшныя перамены: *«Ягоны твар набыў шэры колер, вочы страцілі ўсё бляск, і схуднеў ён настолькі, што косці скулаў амаль прарывалі скуру»* [4, с. 85].

Перад пачаткам самога месмерычнага эксперымента аўтар пытае дазволу ў паміраючага і пачынае рабіць рукамі спецыяльныя пасы. Містэр Вальдэмар упадае ў глыбокі гіпнатычны транс: *«пульс ня адчуваўся; дыханне было вельмі слабым (і прыкметным толькі пры дапамозе люстэрка, паднесенага да вуснаў); вочы былі зачыненыя, як у спячых, а цела цвёрдае і холаднае, як мрамур. Тым не менш гэта зусім не была карціна смерці. Наблізіўшыся да містэра Вальдэмар, я наспрабаваў навесці яго руку за сваёй, ціхенька водзячы ёю перад ім»* [4, с. 87]. Калі гэтая спроба ўдалася, апапядальнік спрабуе загаварыць з жывым трупам. Ён пытае яго, ці ён спіць і ці адчувае боль у грудзях. Містэр Вальдэмар хоць і з цяжкасцю, але адказвае: *«Так, усё яшчэ сплю – паміраю»*. Гэта паўтараецца некалькі разоў. Але *«у гэты час на твары спячага адбылася прыкметная змена. Вочы яго павольна раскрыліся, зрэнкі закаціліся, скура набыла трупнае адценне, ня пергаментнае, але хутчэй белае, як папера, а плямы ліхаманкавай чырвані, дагэтуль ясна пазначаныя на яго шчоках, імгненна патухлі... Адначасова яго верхняя губа паднялася і агаліла зубы, якія яна перш цалкам закрывала; ніжняя сквіца адвалілася з выразным стукам, і ў шырока раскрыты роце паказаўся распухлы і счарнелы язык»* [4, с. 88].

Негледзячы на жых усіх прысутных, апапядальнік працягвае пытаць, ці містэр Вальдэмар спіць, на што той жаклівым голасам, нібыта з падзямелля, адказвае *«Так – не – я спаў – а цяпер – цяпер – я памёр»*. Для ўсіх было відавочна, што *«смерць (ці тое, што пад ёй звычайна разумеюць) была прыспыненая ўздзеяннем гіпнозу»* [4, с. 90].

Пасля сямі месяцаў эксперымента труп застаецца ў тым самым стане, пакуль нарэшце апапядальнік не прымае рашэнне абудзіць яго. Апошні раз апапядальнік пытае, што адчувае ці чаго хоча містэр Вальдэмар, на што той адказвае *«Богам праіш! – хутчэй! – хутчэй! – усыпіце мяне, ці хутчэй! – абудзіце! хутчэй! – Кажуць вам, што я мёртвы!»* [4, с. 91].

Калі ж апапядальнік пагаджаецца і перастае рабіць пасы рукамі, усе бачаць, што цела Вальдэмара *«на працягу хвіліны ці нават хутчэй – асела, распаўзлося, расклаўшыся пад маімі рукамі. На ложку перад намі апынулася напавуадкая, агідная, загнілая маса»* [4, с. 91].

Паколькі мэтай творчасці для По быў пэўны «эфект» [2, с. 640], уплыў на чытача, то абсалютна апраўданым уяўляецца пастаянная прысутнасць агідных падрабязнасцяў і апісання наступстваў смерці для чалавечага цела, таму што адзін з самых сур'ёзных эмацыйных зарадаў чалавек атрымлівае менавіта ад судотыку з гэтым аспектам быцця.

Таксама і ў апапяданні «Вогненныя духі» Яна Баршчэўскага перад чытачом разгортваецца страшная, агідная карціна. Эпізод, калі апоўначы раптам гаснуць усе свечы і ажыўшыя мерцвякі прыходзяць да бязбожнага Альберта, які пасябраваў са злымі духамі і *«накланіўся цемры»* – адзін з самых жудасных ва ўсім зборніку. *«Адна толькі лямпа свяціла бледна, нібы накрытая густою імжою. З'явіліся на кутах і пасярод салона жахлівыя монстры: велізарныя стварэнні ў белым, вочы гарэлі, як агонь, гангрэнавыя плямы палілі іхнія твары. Учарнелыя шкілеты абапіраліся спаракхнелымі рукамі на мэблю»* [5, с. 193].

Яшчэ адзін эпізод з ажыўленнем трупа можам знайсці ў апапяданні «Твардоўскі і вучань». Адзін са шкаляроў, любімы вучань Твардоўскага, заходзіць у пакой, у які заходзіць забаронена, і бачыць *«велізарную кнігу ў старасвецкім пераплёце з пергамену»* [5, с. 203]. Як толькі ён *«прачытаў паўстаронкі, з'явіўся перад ім чараваты карузілік, вочы свяціліся белым агнём, твар чорны, як вугаль»*. Шатан узлаваўся, што нейкі шкаляр выклікаў яго без мэты, *«выцяў яго і забіў на месцы, а сам знік»* [5, с. 204].

Калі Твардоўскі вярнуўся дадому і знайшоў у пакоі мёртвае цела свайго прыяцеля пад разгорнутай кнігай, ён выклікаў да сябе шатана і загадаў яму залезці ў цела Гугона, каб схаваць забойства, паколькі ажывіць юнака не мог ні ён сам, ні шатан. Твардоўскі загадвае шатану быць вучню *«замест душы, пакуль не прыйдзе яму час паміраць»*. *«Д'ябал імгненна залез у цела, і Гугон ажыў, але стаў зусім інашы: вочы блішчалі, ды гэты бляск быў прыкры; твар у яго быў той самы, ды ў ім было штосьці агіднае»* [5, с. 204]. Таварышы і прафесары бачылі ў ім перамену, аднак ніхто не мог дазнацца таямніцы. Тут мы бачым чарговы прыклад жывога мерцвяка, які працягвае сваё існаванне ўжо пасля смерці.

У апапяданні «Душа не ў сваім целе» ўжо самой назвай Баршчэўскі арыентуе чытача, што далей гаворка пойдзе пра нейкую рэінкарнацыю – перасяленне душы ў іншае цела. Так,

галоўны герой, урач Саматніцкі, які дапамагаў людзям ратавацца ад страшнай хваробы, перманіў цела, пра што мы даведваемся з дыялогу напачатку твора.

У доме шляхціца Н. збіраюцца суседзі і пачынаюць размаўляць пра халеру, пра нябожчыкаў і пра тых, хто ачунаў. Адзін з іх узгадвае Саматніцкага, які нібыта памёр, а нібыта «*і цяпер жыве на тым жа хутары*» [5, с. 318]. Адзін з суразмоўнікаў апавядае пра дзіўнае здарэнне, калі адзін мешчанін, у якога захварэла жонка, прыбег аднойчы на хутар да Саматніцкага, і пабачыў, што «*той выглядаў нябожчыкам: рукі і ногі былі не падуладныя яму, вочы адкрытыя, твар бледны; мёртвае цела, адарваўшыся ад зямлі, рухалася, і здавалася, што нейкая нябачная сіла кідала гэты труп ва ўсе бакі*» [5, с. 318]. Мешчанін хацеў ужо ўцякаць, але Саматніцкі папрасіў пачакаць, таму што трэба было намазаць яго цела лекамі, каб выратаваць ад пошасці. Праз колькі хвілінаў цела стала на ногі.

Далей апавядаецца пра тое, як Саматніцкі згубіў сваё цела. Аднойчы каханая Саматніцкага ў далёкім краі захварэла на халеру, і калі ён пра гэта даведаўся, то вельмі ўзрушыўся, і нават забыўся, што «*з целам ягоным можа здарыцца няшчасце, калі не схаваць яго ў зацішным кутку*» [5, с. 319]. Пакінуўшы цела ля брамы хутара, ён паляцеў, каб як хутчэй паспець з таемнымі лекамі. Але пасля выратавання каханай і вяртання дахаты, ён ужо не ўбачыў свайго цела, якое «*людзі знайшлі ды пахавалі, лічачы, што ён памёр ад пошасці*» [5, с. 319]. Доўгі час ён блукаў незаўважаным, пакуль не «*знайшоў на дарозе нейкі труп, з якога толькі што душа вылецела, прымусіў сваімі таемнымі лекамі цыркуляваць кроў, улез у чужое цела, вярнуўся на свой хутар і цяпер жыве там самотна*» [5, с. 319].

Гэтае здарэнне адзначаецца людзьмі па-рознаму: нехта кажа, што лепей яму было б сысці «*назаўсёды на той свет, чым блукаць па зямлі ў чужым целе*», а нехта яго шкадуе і кажа, што ён «*мусіць пакутаваць на зямлі і чакаць, пакуль праб'е гадзіна, прызначаная Богам*» [5, с. 319].

Уздзеянне апавядання ўзмацняе той факт, што падчас размовы раптам у пакой заходзіць незнаёмы, «*твар цёмны, пануры, зусім бяскроўны, аніякага пачуцця на ім, нос тонкі, накрыты сухою скураю, вусны без колеру, вочы без выразу, і, здаецца, імгла нейкая іх ахутала*» [5, с. 319]. Гэта і ёсць Саматніцкі ў іншым целе. Адзін з гасцей, Зянон, кажа, што ведаў раней Саматніцкага, і яны дамаўляюцца сустрэцца і пагаманіць. Зянон прыходзіць на хутар і слухае гісторыі з жыцця лекара.

Пасля апавядання пра свае прыгоды на Украіне, Саматніцкі «*нейкі час сядзеў нерухома, нібы ў ім ужо не было іскрынкі жыцця*», а Зянон працягвае задаваць пытанні, «*каб абудзіць з гэтага летаргічнага стану*» [5, с. 322]. Напрыканцы апавядання Саматніцкі звяртаецца да Зянона з прамовай, у якой шкадуе, што «*забыўся пра мінулае і пра будучае, хацеў ужо сёння быць у раі ў гэтым жыцці*», думаючы пра каханую, «*аддзяліўся ад цела, забыўся пра сваё цела, забыўся і пра зямное жыццё, – загубіў сябе*» [5, с. 334].

Такім чынам, аўтараў са Старага і Новага света цікавілі вельмі падобныя рэчы і дзівосы, яны ставілі падобныя пытанні: што ёсць смерць? ці можна скасаваць смерць фізічнага цела? што адбываецца з душой пасля смерці і ці можа яна вяртацца? і г. д.

Варта адзначыць, што не ўсе смерці ў творах нацыянальных рамантыкаў – трагічныя. Праз усю творчасць абодвух чырвонай ніткай праходзіць ідэя, што смерць – не канец. Некалькі разоў у творах Баршчэўскага героі развітваюцца «*ўбачымся пасля смерці*». Герой По ў навіле «Спатканне» ўчыняе самагубства, каб пабачыцца з каханай на тым свеце са словамі

Чакай мяне, у даліне той,

Клянуся, убачымся з табой. [6, с. 200] (пераклад наш)

Смерць у літаратуры адлюстроўваецца многімі спосабамі, ад таямнічага забойства да святкавання вечнага жыцця, і можа рэпрэзентаваць шмат розных падтэм. Людзі маюць свае ўласныя ідэі і стаўленне да смерці, але многія лічаць, што гэта трагічная падзея з-за многіх прычын. Аднак для тых, хто моцна цягне ад адчаю, хто жыве безнадзейна пакутуючы ад болю, яна сапраўды можа стаць палёгкай.

Часта смерць у апавяданнях выконвае функцыю збаўлення ад пакутаў жыцця. Напрыклад, гераіня По з апавядання «Элеанора» цяжка хварэла, і яе смерць была спакойная і свет-

лая. Калі апавядальнік прыносіць клятву, што не ажэніцца ні з адной дзяўчынай пасля яе смерці, «ясныя вочы Элеаноры пасвятлелі», яна прыняла клятву, «і гэта дало ёй палёжку перадабліччам смерці» [4, с. 96].

У Баршчэўскага смерць дабрачынных людзей заўсёды спакойная: пра герояў кажуць, напрыклад: «*Агупка згасла, як свечка*» [5, с. 109], «*старая Арына заручылася з зямлёю*» [5, с. 121], «*Плаксуніха памерла па-хрысціянску*» [5, с. 154, 162].

Падтэму «жыццё як пакуты» добра ілюструе эпізод з апавядання «Стогадовы стары і чорны госць», калі стары, паказваючы на труну, кажа «*Тут адначну спакойна, сон мой не перапыніць ні смутак, ні трывога, ні клопаты*». Каментуючы смерць старога Гараські, які загадзя ведаў, калі памрэ, пан Завальня кажа, што «*пэўна, ён усё жыццё памятаў пра смерць, за гэта ў старасці літасцівы Бог і абвясціў яму часіну свайго суда і міласэрнасці*» [5, с. 263]. Такім чынам, тут смерць успрымаецца як палёгка, як сон пасля цяжкага працоўнага дня.

Аналіз эсхаталагічных сітуацый паказвае, што агульнарамантычная цікавасць да смерці знайшла вельмі падобныя ўвасабленні ў творчасці абодвух пісьменнікаў. Так, смерць не толькі ўяўляе сабой пераход чалавека са свету жывых у свет мёртвых, але яна таксама можа выконваць функцыю пакарання альбо асвятчэння і ўзнагароджання. Таксама ў творчасці рамантыкаў мяжа паміж двума светамі няўстойлівая і пры некаторых абставінах яе лёгка перайсці, што спрыяе ўзаемадзеянню паміж жывымі і памерлымі, звычайна на шкоду першым.

Негледзячы на вялікую колькасць падабенстваў, варта адзначыць, што існуюць і адрозненні. Асаблівасцю ўспрыяцця смерці праз прызму творчасці Яна Баршчэўскага можна назваць разгляд яе з маральных, хрысціянскіх, сацыяльных пазіцый. Эдгар По ж болей маляваў псіхалагічныя і эстэтычныя аспекты смерці.

Літаратура

1. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель – М. : Издательство АСТ, 2020. – 352 с.
2. По, Э. Избранное : Стихотворения; Проза; Эссе / Э. По. – М. : Художественная литература, 1984. – 704 с.
3. Barber, P. Vampires, burial, and death : Folklore and reality / P. Barber. – New Haven : Yale University Press, 1988. – 244 p.
4. По, Э. Маска чырвонае смерці. Выбраныя навелы, вершы, эсэ / Э. По. – Мінск : Кнігазбор, 2011. – 472 с.
5. Баршчэўскі, Я. Выбраныя творы / Я. Баршчэўскі. – Мінск : Міжнар. фонд «Бел. Кнігазбор», 1998. – 476 с.
6. Poe, E. Poetry and tales / E. Poe. – New York : Literary Classics of the United States, 1984. – 1408 p.

Интенсификация в реализации гармоничного общения в испаноязычном политическом диалоге

А.Б. ЛISOBA

В статье анализируются особенности функционирования языковых интенсификаторов в кооперативном речевом взаимодействии в рамках политического диалога на испанском языке. Определены основные стратегии кооперативного общения, в которых участвуют единицы интенсифицирующего содержания. Описаны функциональные характеристики языковых интенсификаторов в рамках кооперативных стратегий. Выявленная специфика анализируемых языковых маркеров в испаноязычном политическом диалоге заключается, во-первых, в их участии в реализации гармоничной коммуникативной интеракции, а также в организации интеграции и взаимодействия гармоничных, дисгармоничных, а также презентационных коммуникативных установок в рассматриваемом типе дискурса.

Ключевые слова: интенсификация, интенсификатор, кооперативное речевое взаимодействие, стратегия вежливости, стратегия отстранения, стратегия сотрудничества.

The article analyzes the features of the functioning of language intensifiers in cooperative speech interaction in political dialogue in Spanish. The main strategies of cooperative communication are determined, in which units of intensifying content are involved. The functional characteristics of language intensifiers within the cooperative strategies are described. The identified specificity of the analyzed language markers in the Spanish-language political dialogue is, firstly, in their participation in the implementation of harmonious communicative interaction, as well as in organizing the integration and interaction of harmonious, disharmonious and presentation communicative attitudes in the type of discourse under consideration.

Keywords: intensification, intensifier, cooperative speech interaction, politeness strategy, detachment strategy, cooperation strategy.

Взросший в последние десятилетия интерес исследователей к проблеме эффективной коммуникации весьма объективен: в эпоху быстроразвивающихся коммуникационных технологий переоценить роль информации и общения в формировании внутриобщественных настроений, воздействии на мнение и выработке тех или иных взглядов широкой аудитории практически невозможно. В этой же связи особенно привлекательным для изучения представляется политический дискурс, основным предназначением которого, как известно, является борьба за власть. Успех же последней во многом обуславливается используемыми коммуникативными механизмами и вербальным оформлением обсуждаемых идей.

Неотъемлемой чертой политических дебатов является противостояние их участников и агональный характер речевого взаимодействия, определяющие особую насыщенность языка коммуникантов такими средствами, которые будут способствовать минимизации эффекта воздействия речи оппонента и усилению влияния на политические взгляды широкой публики [1, с. 17], [2, с. 6], [3], [4]. Несмотря на это, вполне естественным представляется и необходимость кооперативного речевого взаимодействия в рамках политического диалога: во-первых, трудно представить себе коммуникацию, строящуюся на абсолютном разногласии ее участников, а во-вторых, куда более привлекательным для электората, на наш взгляд, представляется образ не только компетентного, объективного и сдержанного в высказываемых негативных оценках политика, но и вежливого, и готового к компромиссу общественного деятеля, предлагающего конструктивный подход в том или ином вопросе [5, с. 66], [6, л. 57]. Сказанное детерминирует актуальность исследования самых разных языковых средств в рамках реализации гармоничного коммуникативного взаимодействия и мотивирует выбор в качестве предмета настоящего исследования ранее не изучавшихся в данном контексте особенностей функционирования интенсификаторов (единиц со сложным семантико-прагматическим потенциалом: служащих для усиления воздействия на адресата посредством изменения по шкале интенсивности количественно-качественных характеристик признака [7, с. 111]) в испаноязычном политическом диалоге.

Цель настоящей работы заключается в выявлении характеристик функционирования единиц интенсифицирующего содержания в рамках кооперативных коммуникативных стратегий в политическом диалоге на испанском языке. Данная цель обуславливает необходимость решения следующих задач: 1) определить основные кооперативные коммуникативные стратегии, в реализации которых используются интенсификаторы; 2) описать действие анализируемых единиц в рамках выявленных стратегий; 3) установить семантические характеристики интенсификаторов в анализируемых коммуникативных фрагментах; 4) определить роль интенсифицирующих единиц во взаимосвязи кооперативных, некооперативных и презентационных стратегий в испаноязычном политическом диалоге.

Материалом для исследования послужили фрагменты политических дебатов, организованных в рамках предвыборных кампаний, а также выпусков телепередачи «El gato al agua», участие в которой принимают представители различных политических сил Испании.

Общая картина употребительности интенсифицирующих единиц в испаноязычном политическом диалоге в зависимости от типа реализуемой коммуникативной стратегии весьма очевидна: 58 % проанализированных фрагментов фиксируют использование интенсификаторов в некооперативном общении, 24 % – в рамках презентационных стратегий, 18 % – для реализации кооперативных коммуникативных смыслов. Единицы интенсифицирующего содержания, таким образом, представляют собой эффективный инструмент, который в рамках политического диалога характеризуется многоплановостью и разносторонностью употребления.

Рассмотрим подробнее характеристики использования интенсификаторов в рамках кооперативных установок.

Большая часть кооперативных реплик, содержащих элементы со значением интенсивности, направлена на реализацию говорящим ряда стратегий.

А) Стратегия ВЕЖЛИВОСТИ (9 % анализируемых конструкций), основанная на следующих принципах:

– поддержание коммуникативного контакта:

Qué bueno que hoy podamos discutir los temas de la pobreza y te voy a decir por qué Carlos ‘Как хорошо, что сегодня мы можем обсудить темы бедности, и я скажу тебе, почему, Карлос’.

В данном случае с помощью конструкции прилагательного с местоимением «как» коммуникант выражает удовлетворенность представленной возможностью обсудить определенные темы, что, на наш взгляд, способствует налаживанию коммуникативного взаимодействия.

– выражение благодарности и использование других интенсифицированных формул вежливости (приветствия, главным образом). Ср. следующие примеры:

Muchísimas gracias ‘Большое (букв. **большущее**) спасибо’.

В данной формуле на испанском языке регистрируется прием двойной интенсификации: маркер высокой степени интенсификации *mucho* + *ísimo* (суффикс элативной формы).

Muy buenas tardes ‘Самого (букв. **очень**) доброго вечера’.

Необходимо отметить, что интенсификация в подобных речевых формулах на испанском языке представляет собой весьма распространенное явление и фиксируется в самых разных дискурсивных практиках, что позволяет говорить об универсальности данного приема.

– комплименты, одобрение:

Me parece muy bien todo lo que ha dicho sobre nuevas tecnologías e internet pero mire, los datos son los datos, los acaba de publicar hace poco también la Unión Europea ‘Все, что Вы сказали о новых технологиях и интернете, – **очень** хорошо, но, послушайте, данные есть данные, их только недавно опубликовал так же и Евросоюз’.

В приведенном примере говорящий интенсифицирует положительную оценку приводимых оппонентом данных, сглаживая тем самым остроту возможных противоречий в их мнениях.

– демонстрация солидарности:

Antes de pasar al primer punto, queremos expresar nuestro total apoyo al congresista Juan Pari debido al difícil momento ‘Перед тем, как перейти к первому пункту, мы хотим выразить свою **полную** поддержку депутату конгресса Хуану Пари в связи с тяжелым происшествием’.

Несмотря на, возможно, диаметрально противоположные позиции в политических вопросах, участникам политических прений не чуждо выражение искренней поддержки оппоненту в отношении тех или иных событий его жизни.

– выражение согласия:

1: *En educación la compartimos **totalmente*** ‘В образовании мы разделяем это **полностью**’.

2: *Me alegro **mucho*** ‘Я **очень** рад’.

1: *Y comparto **totalmente** la necesidad de educación, tanto que hemos financiado, aunque sea competencia de las Comunidades Autónomas de 0 a 3 y 3 a 6 años* ‘И я **полностью** разделяю необходимость образования, так что мы проводили финансирование, хотя это компетенция автономных областей с 0 по 3 и с 3 по 6 лет’.

Безусловно, мнения участников политических дебатов не могут расходиться по всем без исключения темам. При этом интересно отметить, что для выражения согласия коммуниканты отдают предпочтение интенсификаторам абсолютной степени (*totalmente, plenamente, absolutamente* и т. п.), заявляя таким образом, на наш взгляд, о твердости своих взглядов.

В приведенном выше примере, кроме того, в ответной реплике собеседник, на первый взгляд, выражает одобрение (‘Я очень рад’), хотя в данном контексте определенно использование данной позитивно эмоциональной конструкции с иронической окраской с намеком на очевидность, что естественным образом несколько не благоприятствует кооперативному диалогическому взаимодействию. Необходимо отметить, что подобные реплики (эксплицитным предназначением которых является формирование положительного эмоционального настроя в диалогическом взаимодействии) чаще всего служат иной цели. Ср. рассматриваемый далее пример.

– формирование положительного эмоционального настроя:

*Pues le voy a responder con **mucho** gusto* ‘Что ж, я отвечу Вам с **большим** удовольствием’.

В приведенной реплике интенсифицируется решительность говорящего и готовность к ответу на попытку оппонента его дискредитировать. Необходимо подчеркнуть, что в рамках политического диалога вполне натуральным представляется пограничное употребление интенсифицированных конструкций, эксплицирующих кооперативную коммуникацию, но приводящих в большей степени к эскалации конфликта между говорящими.

Б) Стратегия ОТСТРАНЕНИЯ представлена интенсифицированными конструкциями (4 % проанализированных реплик), направленными на проявление сдержанности и неимпозитивности, ненавязчивости (другими словами, толерантности), а также выражающими:

– уважение:

*Yo creo que lo que hay es una cierta desaceleración, unos factores externos y a veces algunos problemas generados internamente. Y algunos me preocupan, se lo tengo que decir **muuy** honestamente con **todos** mis respetos* ‘Думаю, что имеет место некоторое замедление, ряд внешних факторов, а также внутренние проблемы. И некоторые меня беспокоят, должен Вам сказать **весьма** честно, со **всем** моим уважением’.

В данном примере маркеры усиления используются как для интенсификации уважительного отношения к оппоненту, так и своей искренности.

– неконфликтность, благожелательность:

*Usted puede tener **muuy** buenas intenciones, desde luego, no mejor que las mías, eso sí que no se lo acepto de ninguna manera* ‘У Вас могут быть **очень** хорошие намерения, безусловно, не лучше моих, этого я точно не приму ни в коем случае’.

В приведенной реплике говорящий, выражая интенсифицированную положительную оценку намерений собеседника, допускает корректность его позиции и при этом выгодно представляет самого себя.

– снижение категоричности высказывания:

*Creo que estamos confundiendo **un poco** los términos* ‘Я думаю, что мы **немного** путаем термины’.

В данном случае наблюдается реализация смягчения негативной оценки коммуникативных действий собеседника с помощью комбинации двух способов: использования деинтенсификатора *un poco* и приема интеграции (*мы* вместо *Вы*). Важно отметить при этом, что в целом использование деинтенсификации для смягчения несогласия или негативной оценки в политическом диалоге носит спорадический характер.

В) Стратегия СОТРУДНИЧЕСТВА (5 % проанализированных реплик) проявляется в соблюдении говорящим следующих традиционных норм принципа кооперации [8]:

– предоставление необходимого количества информации, контроль ее качества (истинности информации):

*Voy a pedirle que sea **muy** selecto en sus respuestas y con una síntesis de todo lo ya conversado por los señores congresistas.* ‘Я попрошу Вас быть **очень** избирательным в своих ответах, обобщая все, уже сказанное депутатами конгресса’.

Важно отметить, что точное определение прагматических свойств интенсификаторов в подобных контекстах представляется весьма затруднительным, поскольку, на первый взгляд, в том числе с их помощью реализуется установка на конструктивное взаимодействие, хотя в то же время вполне очевидной может показаться и ориентация говорящего на некооперативность: реализацию доминирующей позиции в диалоге, а также на манипулирование оппонентом в данном случае.

– соблюдение релевантности сообщения и его соответствия теме:

*Esto es **importantísimo** y veo que usted ha agregado otros factores, y esto es **bastante** importante, creo yo* ‘Это **очень** важно, и я вижу, что Вы добавили другие факторы, и это **достаточно** важно, я думаю’.

В приведенном примере с помощью интенсификаторов высокой и средней степени усиливается положительная оценка коммуникативных действий собеседника, что совершенно однозначно способствует коммуникативному сотрудничеству в рамках рассматриваемой ситуации.

– следование оптимальному способу (ясности) подачи сведений:

*Creo que de forma **totalmente** clara y meridiana tanto el Grupo Parlamentario Popular como la presidenta en sus intervenciones o el propio consejero han dejado **bien** claro la defensa* ‘Думаю, что **абсолютно** ясно и понятно, как Парламентская народная группа, так и президент или сам советник **достаточно** ясно высказались об обороне’.

В данной реплике интенсификации так же подвергается позитивная оценка коммуникативного поведения собеседника.

Что касается количественно-качественных характеристик набора единиц интенсифицирующего содержания, выявленных в рамках реализации кооперативных коммуникативных стратегий в испаноязычном политическом диалоге, необходимо отметить следующее:

– во-первых, определенную сдержанность коммуникантов (в сравнении с выделенными особенностями интенсификации в конфронтационном общении) в выборе конкретных интенсифицирующих единиц: в анализируемом материале в рамках ведения гармоничного диалогического взаимодействия зарегистрировано использование весьма ограниченного инструментария интенсификации:

интенсификаторы в **высокой** степени – *muy / mucho, tan, todo*;

интенсификаторы в **абсолютной** степени – *absolut(-o / -amente), plenamente*;

интенсификатор в **средней** степени – *bastante*;

интенсификатор в **низкой** степени – *un poco*;

– во-вторых, любопытным представляется распределение указанных выше маркеров интенсификации определенной степени относительно той или иной коммуникативной установки говорящего: так, интересно, что использование единиц со значением абсолютной степени интенсификации (значительно повышающих градус категоричности высказываемых суждений) зафиксировано в анализируемом материале только в таких коммуникативных фрагментах, в рамках которых фокус с кооперативности говорящего может быть несколько смещен в сторону акцентирования твердости его позиции по вынесенному на обсуждение вопросу (в данном случае речь идет, прежде всего, о выражении согласия и солидарности), что позволяет говорить об участии рассматриваемых единиц во взаимодействии кооперативных и презентационных стратегий;

– в-третьих, интеграции кооперативных и презентационных стратегий способствует, на наш взгляд, также и комбинирование интенсификаторов в рамках одной реплики для усиления одних и тех же смыслов (см. примеры, иллюстрирующие соблюдение релевантности и ясности в рамках стратегии сотрудничества), поскольку повтор приема интенсификации в подобных случаях направлен не на сообщение той или иной информации, а на трансляцию таких качеств говорящего, как уверенность и решительность.

Таким образом, результаты проведенного исследования показывают, что при очевидной обусловленности высокой употребительности интенсификаторов для некооперативного взаимодействия в политическом диалоге взаимосвязью прагматического потенциала анализируе-

мых единиц и характеристиками данной коммуникативной практики весьма логична востребованность данных единиц и в рамках реализации кооперативных коммуникативных установок (стратегий вежливости, отстранения, сотрудничества), хотя справедливо отметить случаи их пограничного использования в точке пересечения кооперативной и некооперативной коммуникации (ирония), а также во взаимосвязи с презентационными стратегиями (для демонстрации уверенности в высказываемых суждениях и твердости политических взглядов).

Литература

1. Андреев, А. А. Политические телевизионные дебаты: их роль в избирательных кампаниях, социально-психологические и жанровые особенности : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.01.10 / А. А. Андреев ; Моск. гос. ун-т им. М. В. Ломоносова. – М., 2004. – 23 с.
2. Бернацкий, Г. Г. Культура политической дискуссии / Г. Г. Бернацкий. – Ленинград : «Знание», 1991. – 32 с.
3. Иванова, Ю. М. Стратегии речевого воздействия в жанре предвыборных теледебатов : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Ю. М. Иванова. – Волгоград, 2003. – 138 л.
4. Рублева, Е. В. Лингвопрагматические аспекты политической теледискуссии : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Е. В. Рублева ; Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина. – М., 2006. – 23 с.
5. Чудинов, А. П. Типовые свойства, дискурсивные характеристики и функции политической коммуникации / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика : учеб. пособ. / А. П. Чудинов. – М., 2006. – С. 52–89.
6. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса : дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01, 10.02.19 / Е. И. Шейгал. – Волгоград, 2000. – 431 л.
7. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки : моногр. / Е. М. Вольф. – 2-е изд., доп. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 280 с.
8. Грайс, Г. П. Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М., 1985. – Вып. 16. – 504 с.

Минский государственный
лингвистический университет

Поступила в редакцию 22.04.2022

Выразы-адказы як устойлівыя адзінкі дыялагічнага маўлення

В.А. ЛЯШЧЫНСКАЯ

У артыкуле звернута ўвага да беларускіх выказаў-адказаў (фразеалагізмаў, прыказак) на пэўныя пытанні, словы ў папярэднім пытанні ці выказванні суразмоўніка, на вызначэнне іх месца ў сістэме моўных адзінак. Устаноўліваецца іх роля, вызначаюцца тыпы, функцыі.

Ключавыя словы: фразеалагізм, прыказка, пытанне, адказ, рэакцыя, роля, функцыя.

The article draws attention to the Belarusian expressions-answers (phrases, proverbs) to certain questions, words in the previous question or the statement of the interlocutor, to determine their place in the system of language units. Their role is established; the types and functions are defined.

Keywords: phraseology, proverb, question, answer, reaction, role, function.

Вядома, што найбольшую колькасць фразеалагічных адзінак складаюць размоўныя, якія разам з прастамоўнымі маюць шырокае выкарыстанне ў вусным маўленні, мастацкай і публіцыстычнай літаратуры. У непасрэдных зносінах чалавек выходзіць з памяці вядомага яму фразеалагізму, прыказкі і іншыя віды ўстойлівых адзінак, выкарыстоўвае іх, нярэдка аўтаматычна, для ажыццяўлення зносін, для хуткай рэакцыі на сказанае, для адказу на пытанне, для падтрымання дыялогу, выражэння адносінаў, сваёй ацэнкі.

Аналіз фразеалагічных запасаў беларускай мовы, іх выкарыстання ў непасрэдным маўленні, у мове персанажаў мастацкіх твораў дазваляе выдзеліць адметную групу фразеалагічных адзінак, як правіла, фразеалагізмаў-адказаў у дыялагічных зносінах людзей. Такія адзінкі спарадычна прыцягвалі ўвагу фразеалагаў, напрыклад, рускай мовы, дзе для іх абазначэння, як адзначае Г.М. Мандрыкава, скарыстаны розныя тэрміны: «ответные фразореплики (В.Т. Бондаренко, Т.И. Битева), эхо-реплики (П.А. Клубков), эхо-фразы (Н.Д. Голев), формулы ответа (А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский), присловья (Н. Макарова), фразорефлекс (В.Г. Гак), фразореплики (Г.М. Мандрикова)» [1, с. 312].

Выяўленыя намі беларускія выразы-адказы датычаць перш за ўсё фразеалогіі і парэміялогіі і раздзяляюцца на: 1) адказы на пытанні, 2) адказы-рэакцыі на змест выказвання ці пытання і 3) адказы-рэакцыі на словы ў выказваннях суразмоўніка.

1. Так, у слоўніку фразеалагізмаў беларускай мовы [2], [3] заўважна нават група фразеалагізмаў-адказаў, аб'яднаныя агульным значэннем 'ніколі; невядома калі', якія ўжываюцца ў мове аднаго з удзельнікаў дыялогу як адказ аднаго суразмоўніка на пытанне «Калі?» другога. Імі з'яўляюцца фразеалагізмы-сінонімы, якія, нягледзячы на агульнасць семантыкі, магчымасць замены паміж асобнымі, усё ж адрозніваюцца стылістычна і найбольш выразна сваімі вобразамі, непаўторнай унутранай формай.

Гэта аднаструктурныя размоўныя фразеалагізмы *на святое ніколі і на святыя нігды* як адказы для жартоўнага вызначэння няпэўнасці часу ажыццяўлення чаго-небудзь і жадання прадоўжыць размову, напрыклад: Якім: *Калі, калі ўжо надойдзе тая часінка, што нас злучыць на веку і мы ўжо ніколі не расстанемся? Калі? Калі?..* Паўлінка: *Ха-ха-ха! На святыя ніколі.* (Я. Купала); – *Калі выйдзе твой зборнік? – На святое ніколі.* (А. Цяжкі); *Часта ў вас бываюць вяселлі: – Раз у год на святыя нігды.* (А. Асіпенка). У іх адметную ролю адыгрываюць кампаненты-лексемы *ніколі і нігды*, што часткова захоўваюць сваё значэнне. Фразеалагізм *на святыя нігды* абавязаны сваім утварэннем скарачэнню і, магчыма, змене прыказкі-адказу *На святыя нігды, што не бываюць нігды*.

А яшчэ гэта размоўны фразеалагізм-адказ *калі як на гары свісне*, які найперш служыць для негатыўнай ацэнкі і выражэння іроніі адносна невядомага і недакладнага часу ажыццяўлення чаго-небудзь у сувязі з пытаннем «Калі?», напрыклад: – *Я магу кінуць піць. – Калі? Як як на гары свісне? – Як ты загадаеш.* (Л. Калодзежны).

Жартоўна-іранічнае адценне даводзіць фразеалагізм *пасля дожджыку / дожджычку ў чацвер*, напрыклад: – *Калі прыйсці? – Заўтра... Паслязаўтра. Пасля дожджыку ў чацвер, – ужо весела жартуючы, сказаў Кавальчук, спадзеючыся, што рыбак усё роўна нічога не пачуе.* (М. Ваданосаў).

Адметна гучыць стылістычна нейтральны фразеалагізм *на грэчаскія календы* як аднаструктурны з першымі двума фразеалагізмамі, але скалькаваны з лацінскага выразу, напрыклад: – *Пазыч сто рублёў. – А аддасі калі? На грэчаскія календы? – Ды сёння ж аддам, скнара ты пракляты! – ускінеў Шахрай і грывнуў далоняй на сталае.* (Я. Васілёнак).

Дыялектны фразеалагізм *буракамі адпалю* [4] дапаўняе вышэй пералічаны рад літаратурных сінанімічных фразеалагізмаў-адказаў са значэннем ‘ніколі’ ці ‘невядома калі’, але, па-першае, даводзіць новае бачанне і спосаб выражэння абазначанага паняцця; па-другое, служыць жартоўнаму адказу на пытанне аб часе аддачы чаго-небудзь; па-трэцяе, імліццёна ўтрымлівае адметную інфармацыю з жыцця ў савецкі час. Справа ў тым, што параўнальна нядаўна ў сельскай мясцовасці кожнай сям’і калгаснікаў і мясцовай інтэлігенцыі летам выдзяляўся участак буракоў для іх праполкі як абавязак і як дапамога калгасу, паколькі буракі засаджвалі на вялікай плошчы, а іх праполка – ручная работа. Як вынік асэнсавання гэтага ўзнік фразеалагізм для жартоўнага адказу на пытанне, калі будзе аддадзена пазычанае, напрыклад: – *Кума, пазыч бутылку? – Я то пазычыць магу, а чым ты аддаваць будзеш? – Ну, як ні аддам, то буракамі адпалю!*

Галоўная прагматычная функцыя такіх фразеалагізмаў – своеасабліва выразіць адказ на пэўнае пытанне суразмоўніка. Пры гэтым паводле адносін да зместу пытання ў іх часцей заўважаецца нежаданне даць дакладны адказ. Так, фразеалагізм *на кудыкіну гару ўжываецца* як уніклівы адказ на пытанне «Куды?», напрыклад: – *Куды ты? Куды... вы?! – заскочыў наперад машыне Іван Іванавіч, падняў абедзве рукі. Нібы мячык хацеў злавіць. Дзверцы адчыніліся. – На кудыкіну гару! (П. Місько); Запрог каня ў калёсы і наш бацька. Прывязаў да драбіны карову і паехаў. На пытанне мамкі «Куды?» – суха адказаў: – «На кудыкіну гару».* (Х. Жычка); – *Куды гэта яны нас, дзядзька? – На кудыкіну гару, – горка ўсміхнуўся ён і заскакаў шпарчэй.* (І. Сяркоў); – *Куды вы хадзілі? – На кудыкіну гару.* (І. Аношкін).

Негатыўная ацэнка належыць выклічнікаму фразеалагізму *была ў сабакі хата*, які ўжываецца як адмоўны адказ на папярэдняе пытанне аб наяўнасці, існаванні каго-, чаго-небудзь і служыць для выражэння іроніі і адмоўных эмоцый адрасата да названага ў пытанні. Напрыклад: – *А дзе яго цешча? – Якая цешча!.. Была ў сабакі хата. У Цімахах нейкую ўдаву мая.* (І. Гурскі); – *Білет дзе твой? – Там у мужыка майго. У тым вагоне... – Была ў сабакі хата, – выскаліўся, паказваючы ў кутку расцягнутых губ устаўныя зубы, немалады кандуктар.* (В. Адамчык).

Устойлівыя выразы адзначаны і ў паасобных прыказках, сабраных у зборніках А.С. Аксамітава [5], М.А. Даніловіча і М.А. Якалцэвіч [6], І.Я. Лепешава [7]. Вось толькі адна з іх: *Еду ў Рыгу па соль, па скрыгу*, якая выкарыстоўваецца як адказ на пытанне «Куды едзеш?», калі не хочучь сказаць, куды едуць [5, с. 40].

2. Але найбольш часта фразеалагізмы-адказы сваім незвычайным выглядам выкарыстоўваюцца не для адказу на пытанне, а для адказу-адмовы чыёй-небудзь просьбы, выказанага жадання, што адрасаваны да суразмоўніка. Напрыклад, дыялектны фразеалагізм *булачку з дзёгцем* – гэта адмоўны адказ таму, хто што-небудзь просіць, і выкарыстоўваецца ён для выражэння іроніі і нават здэклівай насмешкі з прасіцеля, напрыклад: *Я бачу, што ні на вуліцу хочаш, а булачку з дзёгцем ты ні хочаш?* Адмова-здзек тут выражаецца дзякуючы словаспалучэнню, у якім два кампаненты ўступаюць у процістаянне: булка як эталон, сімвал прыцягальнасці, значнасці, як сведчанне жаданага чаго-небудзь, а дзёгаць (*дзёгаць* – ‘цёмная густая смалістая вадкасць, якая здабываецца шляхам сухой перагонкі цвёрдага паліва (драўніны, торфу, каменнага вугалю і пад.)’ [8, с. 171]) зусім не гастронамічны кампанент, а ў народных павер’ях гэта вядомы сродак, што не толькі адганяе нячыстую сілу сваім рэзкім пахам, але, паводле свайго чорнага колеру, прадстаўленнем самога дэманічнага свету і адпаведна як знак негатыву. Узгадаем, што дзёгаць – гэта і прыняты знак выражэння зневажэння, знеслаўлення, ганьбавання, які прымяняецца пераважна ў адносінах да дзяўчыны, што згубіла сваю дзявоцкасць да вяселля (параўн. прыказкі ў рускай мове *И рада б идти (замуж), да зад в дёгте; Распишут тебе ворота дёгтем* [9, с. 425]). Такое спалучэнне булкі з дзёгцем і ёсць тая вобразная адмова і здзек, іх спалучэнне перадае новы змест – зусім нічога. Абранне дзёгцю як кампанента новай адзінкі абумоўлена тым негатывам у адносінах да яго як сродку «порчы» прадукту (узгадаем *ложка дзёгцю ў бочцы мёду*) і, магчыма, на аснове асацыятыўнай сувязі як рэчыва, якое толькі паводле свайго кансістэнцыі нагадвае масла, але ні ў якім выпадку не спалучаецца з булкай (параўн. адваротныя фразеалагізмы *дулю / кукіш / фігу з макама; фігу з макама; дулю з маслам* як адзінкі з тым жа значэннем). Такім вобразным выразам у выніку яго пераасэнсавання даводзіцца адказ і новы сэнс: нічога не атрымае той, хто што-небудзь просіць, хоча неверагоднага.

Блізкім да папярэдняга паводле значэння, але з адметным вобразам і адценнем семантыкі выкарыстоўваецца дыялектны фразеалагізм-сказ *можса каму яшчэ і булку варэннем намазаць* як адказ таму, хто просіць што-небудзь, як правіла, бязмерна ці жадае неверагоднага, паводле ўяўлення адрасата гэтай просьбы. Напрыклад: – *Дай мне да палучкі паўмільёна.* – *Нічога сабе, можса табе яшчэ і булку варэннем намазаць.* [6, с. 59]. Фразеалагізм выступае як стэрэатып адмовы ў чыёй-небудзь просьбе, паколькі яна мяжуе з нахабствам, уяўляе бязмернае жаданне. Такі спосаб адмовы служыць для выражэння не толькі рэзкага адказу ў гэтым, а яшчэ і іроніі да такога прасіцеля.

Такія фразеалагізмы-адказы скіраваны найперш на выражэнне, з аднаго боку, адмоўнага стаўлення да адрасанта, а з другога боку, негатыўнай рэакцыі адрасата – яго раздражнення, абурэння, незадавальнення просьбай. Напрыклад, дыялектны фразеалагізм-выклічнік *захацелася кабыле воцату* служыць для іранічнага асуджэння чыйго-небудзь нечаканага жадання і ўжываецца як адказ на выказаную кім-небудзь просьбу, жаданне, патрабаванне, напрыклад: – *І мне, мама, купеця такі траньзістар.* – *Захацеласо кабылі воцату! Можса, яшчэ п што выдумала.* [6, с. 227]. Тут кампанент *воцат* як нельга лепш перадае менавіта эмоцыю здзіўлення ад нечаканай просьбы і вызначае незвычайнасць жадання, якое прыпісваецца кабыле, што з пункту гледжання логікі абсурдна, каб падкрэсліць абсурднасць просьбы.

А вось дыялектная адзінка з гаворак Гродзеншчыны *масла пагасла <сала патала> ў каго 'ў каго-н. няма чаго-н. са скароміны'* не дае выразнай негатыўнай ацэнкі і скарыстоўваецца ў якасці «ветлівай» адмовы на просьбу, аформленую без пытання. Напрыклад: – *Дай і мне [каўбасы].* – *Вунячы ты чаго захацела! Масло пагасло сало патало.* [6, с. 315].

І сярод прыказак адзначаем такога тыпу адзінкі, напрыклад: *Ад пірага баліць нага* як жартаўліва-гумарыстычны адказ таму, хто просіць пірага, напрыклад: – *Дай пірага, хоць пакаштаваць, ці ўдаліся пірагі?* – *Ад пірага баліць нага.* [6, с. 92]; *Тады ўзялі і не аддалі* як жартаўлівы ўніклівы адказ на рэпліку «А што было тады?», напрыклад: – *Першы рас праспаў – і на табе!* – *Ну, і што было тады?* – *А тады ўзялі і не аддалі.* [6, с. 116].

3. Адметную падгрупу складаюць устойлівыя выразы, якія выкарыстоўваюцца як адказы-рэакцыі на пэўныя словы ў маўленні суразмоўніка і для якіх уласціва не толькі прагматычная, але фатычная і гумарыстычная функцыі, што заключаюцца ва ўстанаўленні кантакту з адрасантам пытання, адказу яму ў чым-небудзь, нярэдка для выражэння адметнага погляду, нязгоды з меркаваннем суб'яднага ці жарту, смеху.

Так, напрыклад, фразеалагізмы *на хлеб не намажаш, дзякуй у кішэнь не паложыш* выклікаюцца да ўжывання як вобразнае жартоўнае абыгрыванне слова *дзякуй* ці ў адказ на падзяку як вербальная рэакцыя на гэта з мэтай працягнуць размову і выразіць сваё бачанне кантактавання, напрыклад: *Што мне твой «дзякуй», дзякуй на хлеп ні намажаш.* [6, с. 548]; – *Дзякуй, што паслухалі і намаглі.* – *Дзякуй у кішэнь ні паложыш.* [6, с. 65].

Варта заўважыць, што і ў складзе прыказак беларускай мовы намі выдзелены зафіксаваныя там паасобныя адзінкі, якія служаць адказам-сказам на пэўнае слова ці нават пэўны выраз у папярэднім выказванні суб'яднага.

Гэта прыказкі-адказы на такія словы-«зачэпкі», як:

– *аўторак*: *У аўторак мыла баба ворак* як жартоўная рэакцыя на выказанне, у якім прагучала слова *аўторак*, напрыклад: – *Калі ты ўжэ закончыш гэты рамонт?* – *Можса, у аўторак даб'ю.* – *У аўторак мыла баба ворак.* [6, с. 7];

– *яглы* (яглы – прасяная каша) у пытанні *Што сёння на вячэру, яглы?* і ў адказ жартоўны выраз *Яглы – галоднымі спаць ляглі.* [6, с. 133];

– *думаць* – *Індык думаў у нядзелю, а голаў сцялі на нядзелі*, што ўжываецца як рэакцыя на слова *думаць* у рэпліцы суразмоўніка, напрыклад: *Як прыдумаў, так і рабі, і больш ні думай, бо індык думаў у нядзелю, а голаў сцялі на нядзелі.* [6, с. 59], ці *Індык думаў, што купаецца, пакуль суп не закінеў*, напрыклад: *Ён, бачыце, думаў, што ўсё так лёгка палучыцца, ажно ні вышла. Індык тожса думаў, што купаецца, пака суп ні закінеў.* [6, с. 59];

– *добры* – *Добры, як спіць зубамі да сценкі* як іранічная рэакцыя-адказ на слова *добры*, ужывае ў папярэднім кантэксце і нярэдка паўторанае ў адказе, напрыклад: *Кажаш, добры ён, спагядлівы. Ага, добры, як сьпіць зубамі да сценкі.* [6, с. 57];

– *ласка* – *Ласка – не каляска, сеўшы не паедзеш* як іранічная рэакцыя на слова *ласка* ці выраз *калі ласка* ў выказванні суразмоўніка, напрыклад: – *Няхай першы выступіць той, хто рэплікамі*

кідаецца, – здагадаўся нехта. І старшыня аж узрадаваўся: – Калі ласка! – Ласка – не каляска, сеўшы не паедзеш, – загадкава ўсміхнуўся чалавек, падымаючыся на трыбуну. (М. Чавускі) [7, с. 60].

Паасобныя прыказкі выкарыстоўваюцца ў адказ на рэплікі, устойлівыя пажаданні суразмоўніка. Гэта, напрыклад:

Казаў бог, каб <i> ты памог як жартайлівы выраз-адказ на зычэнне пры рабоце «Памагай бог!», напрыклад: – Памагай табе бог, Пракон! – пад самае вуха пракрычаў Кандрат. – Казаў бог, каб ты памог, – прагугніў у адказ Пракон. (М. Лобан); – Памагай бог! – Казаў бог, каб і ты памог, – у тон яму адказвае Аўдоля, не пакідаючы малаціць. (К. Крапіва) [7, с. 56];

Хочаш малака, то ідзі падой быка як скептычна-жартайлівая рэакцыя на рэпліку хачу малака. – Хочаш малака, то ідзі падой быка. [6, с. 77];

Як усё роўна, то лазілі б у акно, а так дзверы рубаюць як незадавальненне ў адказ на рэпліку ўсё раўно (усё роўна) – Што ты гаворыш... Як усё раўно, то лазілі п у акно, а так дзверы рубаюць. [6, с. 7].

Адзначаны два розныя выразы-адказы, што абумоўлены выкарыстаннем у маўленні аднаго суб'екта ў адносінах да другога ў адным выпадку ўжытым словаам-«зачэпкай» *чорт*, а ў другім – рэплікай-зачэпкай з гэтым жа словам: *У чорта спіна сцёрта* як адказ-рэакцыя на слова *чорт* у папярэднім выказванні суб'екта;

У чорта сваіх да чорта як дэманстрацыйны адказ на рэпліку «*Ідзі ты к чорту*», напрыклад: – *Нікуды я ні паеду! Ідзі ты к чорту! – У чорта сваіх да чорта!* [6, с. 130]. Зразумела, што абодва выразы-адказы з прычыны выкарыстання лексемы *чорт* як наймення антрапаморфнай і дэманалагічнай істоты даводзіць негатывную рэакцыю-адказ і эмоцыю суб'екта.

Як відаць, прыведзеныя прыклады фразеалагізмаў і прыказак не з'яўляюцца аднароднымі, хоць усе яны служаць адказам-рэакцыяй на названыя суразмоўнікам факты ў выглядзе пытання, просьбы ці як рэакцыя на пэўныя словы, змест звароту. Яны патрабуюць далейшага вывучэння, для чаго неабходна найперш іх сабраць і лексікаграфічна апрацаваць. Асабліваю цікавасць, на наш погляд, прадстаўляюць тыя адзінкі, што выяўляюць цесную сувязь з папярэднім выказваннем, выступаюць у выглядзе поўных адказаў-рэакцый, ці тых выказаў-адказаў, што вымушаюцца папярэднім выказваннем, але галоўнае, як адзначае В.Т. Бандарэнка, «утвараюць у маўленчым ланцугу цеснае семантыка-граматычнае цэлае ў форме дыялагічнага адзінства» [10, с. 75]. Пры афармленні такіх адзінак, як правіла, выяўляецца паўтор асобных слоў, рыфмаванне і інш., што асабліва характэрна для фразеалагічных і парэміялагічных адзінак мовы.

Літаратура

1. Мандрыкова, Г. М. *Откуда? – от верблюда!* (Или для чего нужны ответные фразеореплики) / Г. М. Мандрыкова // Фразеологизм в тексте и текст во фразеологизме. Четвёртые Жуковские чтения : мат-лы Междунар. науч. симпозиума, Великий Новгород, 4–6 мая 2009 г. – Великий Новгород, 2009. – С. 333–336.
2. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 1 : А–Л. – 672 с.
3. Лепешаў, І. Я. Слоўнік фразеалагізмаў : у 2 т. / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Беларус. Энцыклапедыя імя П. Броўкі, 2008. – Т. 2 : М–Я. – 704 с.
4. Даніловіч, М. А. Фразеалагічны слоўнік гаворак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч. – Гродна : ГрДУ, 2020. – 607 с.
5. Аксамітаў, А. С. Прыказкі і прымаўкі : Тлумач. слоўн. бел. прыказак і прымавак з архіваў, кафедр. збораў, рэд. выд. XIX і XX стст. / А.С. Аксамітаў. – Мінск : Бел. навука, 2000. – 320 с.
6. Даніловіч, М. А. Тлумачальны слоўнік прыказак Гродзеншчыны / М. А. Даніловіч, М. А. Якалцэвіч. – Гродна : «ЮрСаПрынт», 2020. – 144 с.
7. Лепешаў, І. Я. У слоўнікавую скарбонку : навуч. дапам. / І. Я. Лепешаў. – Гродна : ГрДУ, 1999. – 89 с.
8. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. / АН БССР, Інстытут мовазнаўства ім. Я. Коласа. – Мінск : Гал. рэд. БелСЭ, 1978. – Т. 2 : Г–К / Рэд. тома А.Я. Баханькоў. – 768 с.
9. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль. – М. : Рус. яз., 1981. – Т. 1 : А–З. – 699 с.
10. Бондаренко, В. Т. Ответные фразеореплики в русской диалогической речи / В. Т. Бондаренко // Русский язык в школе. – 2004. – № 6. – С. 75–77.

УДК 811.161.3'42'373:94:327.5(47+57)«1941-
1945»:811.161.3'374:398.91(=161.3)*М.Я.Гринблат

Идеологемы Великой Отечественной войны в словаре белорусских паремий М.Я. Гринבלата

Е.В. Ничипорчик

В центре исследовательского внимания пословичные идеологемы, созданные во время Великой Отечественной войны. Выяснено, что проverbsиальная форма и содержание такого рода коммуникативных единиц обусловлены их специфическим функциональным предназначением, связанным с формированием в массовом сознании соответствующих военному времени социальных установок. Выявлены и описаны языковые средства, которые были использованы для придания идеологемам жанровых признаков пословицы. Конкретизированы социальные установки, выразителями которых являются пословичные идеологемы о войне.

Ключевые слова: идеологема, пословичная идеологема, идеологический смысл, социальная установка, пословица, словарь.

In the center of the research attention are proverbial ideologemes created during the Great Patriotic War. It has been found that the proverbial form and content of such communicative units are determined by their specific functional purpose associated with the formation in the mass consciousness of social attitudes corresponding to wartime. The linguistic means that were used to give ideologemes the genre features of a proverb are identified and described. The social attitudes, which are expressed by proverbial ideologemes about war, are concretized.

Keywords: ideologue, proverbial ideologue, ideological meaning, social attitude, proverb, dictionary.

Идеология любого государства проявляется в воздействии на массовое сознание, цель этого воздействия заключается в формировании определенного отношения к формам правления, различным видам социального взаимодействия внутри общества, а также к принципам социального устройства «чужих» сообществ. Законы и правила социальной жизни, известные и письменные, вырабатывались на протяжении всей истории человеческого сообщества, и генезис человеческих взаимоотношений показывает, что миропорядок, каким бы он ни был, неотделим от формирующих его средств.

Уникальными порождениями человеческой культуры, способными выполнять регулятивную функцию в социуме, выступать естественным средством социального контроля, являются пословицы. Уникальность их заключается в том, что они утверждаются «по общему согласию, составляют мирской приговор, общее мнение» [1, с. 151], и именно эта естественность формирования законов «общезития» наделяет пословицы особой жизненной силой, обеспечивает некоторой их части трансвременное и даже транскультурное бытование.

Высокая степень персуазивности меткого пословичного слова испокон веков принималась во внимание теми, кто искал пути воздействия на сознание масс. Провербиальные формы для выражения ключевых идей религиозных учений использовали представители духовенства, с тем чтобы эти идеи были восприняты массовым сознанием и закрепились в нем [2, с. VIII]. Провербиальные формы активно использовались и идеологами, в чем можно убедиться при обращении к ряду русских и белорусских паремиологических словарей двадцатого века [3], [4], [5], [6 и др.].

В составленном М.Я. Гринблатом двухтомном словаре белорусских пословиц и поговорок [6] выражения с идеологическим содержанием, воплощенным в провербиальную форму, помещены в отдельный раздел, названный «Прыказкі і прымаўкі савецкага часу». Входящие в данный раздел коммуникативные единицы, а это выражения типа *За партыяй ісці – у ішчасці жыць і цвісці*; *За камуністамі пойдзеш – свабоду знойдзеш*; *Быў парадак панскі – стаў рабоча-сялянскі*; *Гультай – то калгас не лай*; *Хто за Радзіму гарой, той сапраўдны герой*, в соответствии с терминологией сегодняшнего дня определяются как идеологемы.

Заострим внимание на том, что понятийное содержание термина «идеологема» в современной научной литературе оказывается размытым. Если проанализировать существующие трактовки термина «идеологема» (как «когнитивные», так и «семиотические»), то оказывается, что объем понятийного содержания этого термина колеблется в весьма широком диапазоне. При понимании идеологема как ментальной сущности термин используется, как правило, для обозначения достаточно объемной, неоднородной ментальной структуры, определяемой как идеологический концепт (это «особого типа многоуровневый концепт, в структуре которого (в ядре или на периферии) актуализируются идеологически маркированные концептуальные признаки, заключающие в себе коллективное, часто стереотипное и даже мифологизированное представление носителей языка о власти, государстве, нации, гражданском обществе, политических и идеологических институтах» [7, с. 35]). В то же время известно и узкое понимание идеологема, в соответствии с которым идеологема есть не что иное, как отдельная мысль, тезис какой-либо идеологии [8]. При понимании идеологема как семиотического феномена – знаковой единицы, наделенной идеологическим смыслом, – также наблюдается широкая и узкая трактовка термина. При широком понимании термин используется для обозначения любых знаков (в том числе и неязыковых), обладающих идеологическим содержанием. Так, Г.Ч. Гаспаров считает, что, поскольку референтом идеологема «не является ни обобщение или абстракция, ни предметная реальность» и единственным значимым элементом идеологического сообщения является точно угаданный подтекст [9, с. 27], идеологемой может быть любой элемент естественного языка (исследователь описывает такие идеологема, как «идеологема-буква», «идеологема-окончание», «идеологема-предлог», «идеологема-антропоним» и др.); идеологемами, по мнению Г.Ч. Гаспарова, могут быть и коммуникативные единицы («идеологема-цитаты»), и разного рода символы (изобразительные (серп и молот, щит и меч и т. п.), музыкальные (гимны, позывные) и др.) [9]. Узкая трактовка термина сугубо лингвистическая. Идеологема – это лексико-фразеологические единицы с особыми семантическими свойствами («любое словесное обозначение значимых для личности духовных ценностей, при котором как бы размывается прямое, предметное значение слова, а на первый план выходят чисто оценочные, эмоционально-экспрессивные коннотации, не имеющие опоры в непосредственном содержании слова» [10, с. 22]).

Обращает на себя внимание тот факт, что при лингвистической интерпретации термина когнитивный и семиотический планы оказываются совмещенными: идеологема – это и некоторое содержание, диктумное и / или модусное (значение, со-значение, компонент значения, эмоциональное, оценочное отношение к какому-либо объекту, причем явно вариативное, зависящее от мировоззренческой позиции человека [11, с. 92], [12, с. 11]), и сама форма для выражения этого содержания. Выдвижение одного из планов в определении термина «идеологема» и столкновение этих определений в научном дискурсе приводит к нежелательному противоречию; так, Н.А. Купина, в одной из своих работ определяет идеологему как «мировоззренческую установку (предписание), облеченную в языковую форму» [13, с. 43], в другой – как «языковую единицу, семантика которой покрывает идеологический денотат или наслаивается на семантику, покрывающую денотат неидеологический» [14, с. 183].

Неустойчивость связи между идеологическим смыслом и формой его выражения подвигает некоторых исследователей к мысли о необходимости использования разных терминов для обозначения идеологического содержания и средств, объективирующих его. Так, при анализе отношений, возникающих между языком и мышлением в процессе моделирования действительности, и, в частности, при лингво-идеологическом анализе исследователь А.А. Мирошниченко предлагает использовать, кроме термина «идеологема» термины «лингвема» и «лингво-идеологема». Идеологема квалифицируется как праксема сознания, лингвема – как праксема языка, а соответствие, которое может возникать между ними, – как лингво-идеологема [15]. Индикатором лингво-идеологема, согласно концепции А.А. Мирошниченко, может быть любая единица языка, любое синтаксическое или семантическое отношение в языке и даже значимое отсутствие должной единицы языка или должного структурного отношения [15]. Аналогичной позиции, вслед за А.А. Мирошниченко, придерживаются исследователи О.И. Калинин и А.Д. Сузень [16, с. 135].

Несмотря на всю рациональность подобного рода предложения, расширение терминологического аппарата лингвоидеологических изысканий при возможности логичной экономии языковых средств кажется нецелесообразным, по этой причине склоняемся к такой точке зрения, согласно которой идеологема квалифицируется как знаковая единица, характеризующаяся, как и иные семиотические феномены, двуединой – материальной и идеальной – сущностью. «Форма и содержание едины в слове, понятом как социальное явление, социальное во всех сферах его жизни и во всех его моментах – от звукового образа до отвлеченнейших смысловых пластов, – пишет М.М. Бахтин [17, с. 72], а далее делает очень важное для понимания социально обусловленных функциональных характеристик слова замечание: – Слово как бы живет на границе своего и чужого контекста» [17, с. 97]. И эта метафорическая ремарка особенно верна по отношению к идеологемам, способным при употреблении социальными субъектами, являющимися носителями конфликтующих идеологий, выявлять различное моделирование действительности.

В центре нашего исследовательского внимания идеологемы особого рода. Это патриотические по своей содержательной сути идеологемы, созданные во время Великой Отечественной войны. Их создание было обусловлено необходимостью формирования и донесения до массового сознания таких идей, которые позволяли бы каждому гражданину страны, претерпевшей нападение врага, почувствовать важность личной причастности к защите своей Родины. Слово должно было внушать веру в победу, заставлять преодолевать боль, страх, культивировать ненависть к врагу, подвигать к совершению героических поступков. И это слово должно было быть простым, естественным, привычным для обыденного сознания, таким, каким является пословичное слово: *Смела ідзі ў бой – Радзіма стаіць за табой; Слязьмі ворага не б'юць; Розум дае сілу, сіла дае адвагу; Кожнаму воўку – у горла па асколку; Не той удал, хто пальнуў і прапаў, а той, хто б'е і доўга жыве; Не лезце ворагі да нас: магілак хопіць і на вас; Горш фашыскай чумы не ведалі мы; Жорсткая бузде фашыстам расплата за кожнага брата.*

Сейчас трудно определить, как возникли такого рода идеологемы: порождены ли они речевой стихией, созданы ли исключительно по заказу теми, кто выпускал печатную продукцию военного времени: газеты, плакаты, листовки. Наверняка пути возникновения подобных коммуникативных единиц были разные, в то же время ясно, что идеологемы, созданные на злобу военного дня, с окончанием войны утратили свою актуальность, как и многие другие идеологемы раздела «Прыказкі і прымаўкі савецкага часу» в паремиологическом словаре М.Я. Гринблата.

Пословичные патриотические идеологемы для лингвиста интересны прежде всего тем, что позволяют вскрывать механизмы порождения proverbially units. Разумеется, что внимание лингвиста приковывают к себе в первую очередь языковые средства, используемые продуцентами патриотических идеологем для придания им пословичного облика.

Петербургский паремиолог Е. И. Селиверстова в одной из своих статей с символическим названием «Как “собрать” пословицу: некоторые средства и способы» указывает на то, что для конструирования новых паремий активно используется и «пословичная грамматика (правила порождения речений, признаваемых паремиями)», и «арсенал фрагментов, из которых по принципу мозаики конструируются новые единицы» [18, с. 142]. Обращение к пословичным патриотическим идеологемам позволяет убедиться в справедливости этого тезиса.

В качестве строительного материала для пословичных идеологем военного времени использовались следующие средства:

1) узнаваемая пословичная лексика (свойственные обыденному сознанию средства концептуализации и категоризации действительности): *Мы да варот, а фашыст праз плот; Пераступілі фашысты нашыя парогі, ды паламалі свае ногі; На чужое мяса як сабака ласы; У крамах пуста і ў хатах чыста: абабралі ўсё фашысты; За наша жыта шмат ворагаў пабіта;*

2) пословичные биномы:

Даў (дасі) фашысту ў рабро – зробіш сабе дабро; сравн.: За маё дабро да мяне ў рабро; Чужое дабро бярэ за рабро;

Шлі фашысты ў госці – у зямлі пакінулі косці; сравн.: Нядобрыя госці – аставілі мёртвых ды косці; Не сабраць касцей пасля гасцей;

Фашыст за сталом – свіння ў карыце; сравн.: Абы бог даў свінню, то карыта знойдзеца; Свіння і то ў карыце не гадзіць;

3) фрагменты узуальных пословиц, поговорочные выражения:

Хіцэр Зміцэр: і карчом немца б'е; сравн.: *Хіцёр Зміцёр*; *Зміцэр то хіцэр*, ды і Сава не дурань; *Дзміцэр хіцэр*, да і Саўка не дурак;

Куранят увосень лічаць, а фашыстаў круглы год (кожны дзень); сравн.: *Куранят увосень лічаць*;

Не пераскачыйшы, крычаў «гон», ды схпіў кулю ў лоб; сравн.: *Не пераскачыйшы*, не кажы гон;

Не мялі языком, а калі штыком; сравн.: *Не мялі языком*, а дзелей дзела;

4) синтаксические структуры, основанные на параллелизме частей / контрасте (как правило, включающие узнаваемую пословичную лексику): *Фашыст бойкі, а партызан стойкі*; *Партызанам пірагі і пышкі, а фашыстам – сінякі і шышкі*; *Па вачах сірата, а на кіпцюрах разбойнік*; *Фашыст богу моліца, а чорту наклёны б'е*; *Язык доўгі, да пяты кароткія*; *Крычалі – бліцкрыг, а шэпчаў – бліцдран*; *На Бягомль цішком, а з Бягомля бяжком*.

Активно использовались иные средства художественной выразительности, в частности ритмизация и рифмизация слога: *Леті смерць на полі, чым жыццё у няволі*; *Хто смерці не баіцца, таго куля стараніцца*; *Не будзе таго ніколі, каб жылі мы ў няволі*; *Ад Савецкай сілы немцу свет не мілы*; *Не галься на Маскву, бо не збяреш у Бярліне пяску*; *Бургамістр ды кат – адзін другому брат*; *На Вісле скіслі, а на Шпрэе сапрэюць*; *Будзе часіна – дойдзем да Берліна*.

Зачастую наблюдается использование схожих сюжетных линий (аналогичных пословичных фреймов). Смена денотата достигается заменой одного или нескольких компонентов пословичного пре-текста, введением в пословичный пре-текст компонента с субъектной семантикой, изменяющей степень обобщенности моделируемой ситуации:

Не ўсё фашысту маслянца – будзе і вялікі пост; сравн.: *Не ўсё ж кату масленіца, прыдзе і вялікі пост*.

Не ўтрымаўся фрыц за грыву – на хвасте не паедзе; сравн.: *Як не ўтрымаўся за грыву, дык і на хвасце не ўдзяржышся*.

Фашысты высока масціліся, да нізка зваліліся; сравн.: *Высока лятаеш – нізка ўпадзеш*; *Высока падляцеў, да нізка сеў*; *Хто высока заглядае, той нізка сядзе*.

Лавіць авец і фашыст маладец, а як зловяць падляца – ён сам як аўца; сравн.: *Ты маладзец напроціў авец, а напроціў маладца сам аўца*.

Фашысты да нас – як рыба ў нерат – ні ўзад, ні ўперад; *Папала рыбка ў нерат – ні назад, ні наперад*; сравн.: *Улез у нерат: ні ўход, ні ўперад*; *Папаўся ў нерат: ні ўзад, ні ўперад*; *Улез у нерат: ні ўзад, ні ўперад*.

Прапаў, як фашыст пад Сталінградам; сравн.: *Прапаў, як швед пад Палтаваю*.

Не менее важным в исследовательских целях является выяснение того, что именно свидетельствует об идеологемности пословичных выражений о войне, зафиксированных в словаре М.Я. Гринблата.

Обращает на себя внимание прежде всего лексика, которая играет ключевую роль в воплощении идей, связанных с формированием социальных установок, соответствующих военному времени – времени Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Самыми частотными словами в патриотических пословичных идеологемах оказываются слова, используемые для обозначения врага: *фашыст / фашысты, фрыц*. Непрямыми средствами идентификации врага являются сочетания типа *фашысцкая чума, фашысцкая зараза, фашысцкае ярмо, фашысцкія парадкі, фашысцкі лад* и др. Эпизодичнее используются имена собственные, называющие предводителей врага: *Гітлер, Кубэ, Гебельс*.

Враг является инициатором смертоносной войны, и профилирование его образа связывается с необходимостью выражения резко негативной его характеристики. Создаваемый в идеологемах образ врага призван вызывать ненависть, презрение и безжалостное отношение к тем, по чьей воле развязана война, кто повинен в гибели людей: *Воўка пазнаюць па клыках, а фашыста па акрываўленых руках*; *Фашыста і звер на адзін арышын мерай*; *У фашыста рот чорны*; *Фашысцкі салдат – разбойнік і кат*; *Кожнай фашысцкай гадзіне вісець на перакладзіне*; *Жорсткая будзе фашыстам расплата за кожнага брата*.

В то же время этот образ не должен быть устрашающим, отсюда уничижительные коннотации средств, используемых для развенчания мифов о грозной силе врага: *Фашысцкаму ваяку рускі штык не да смаку*; *Хацеў фрыц пышкі, атрымаў сінякі і шышкі*; *Са стрэх капае, а фрыц далей драпае*; *Гітлер думаў: ен ваяка, ды загінуў небарака*; *Ішоў да нас ваякам, а назад паўзе ракам*; *Хацеў Гітлер з'есці беларускага мужыка, ды тонкая кішка*.

Уничтожение врага контрастирует с возвеличиванием солдата, бесстрашно уничтожающего врага; партизана, сражающегося за свободу своей земли в тылу: *Народ заве таго героя, хто б'е фашыстаў смертным боем; Хто смерці не баіцца, таго і куля не бярэ; Партызан ідзе – фашыстам смерць нясе; Сорак фашыстаў, двое нас, ды смекалка пра запас; З беларусам прусак ваеваць сабраўся, ды сам без галавы застаўся; Яўхім і клёцам самалет саб'е.*

Установка на спасение родной земли, уничтожение врага, совершение героических поступков выражается прямо или косвенно практически в каждой идеологеме Великой Отечественной войны: *Не давай праходу фрыцу – ратуў родную зямлю; Фашысцкую заразу знішчай адразу; Фашыскаму грамілу кулю ў лоб і кол в магілу; Лепш загінуць героем, чым жыць рабом; За Савецкую Беларусь не трус; Палі склады і базы ў фашысцкай заразы; Беларусь – не трус: ад яго Кубэ здох, як прус.*

Гражданское население, находившееся на оккупированных территориях, также нуждалось в поддержке лозунговым словом: гражданскому населению были адресованы идеологемы, в которых культивировалась ненависть к предателям, вменялось неповиновение, неприятие вражеских порядков, важным было внушение и веры в победу: *Зраднік за агрызкі прадасць радных і блізкіх; Для прадажнай (фашысцкай) псіны – кол з осіны; Фашысту і зверу ніколі не веру; Фашысцкі лад – пятля да кат; Фашысцкі парадак, як Гітлер, гадак; Не будзе таго ніколі, каб жылі мы ў няволі; У беларускім краі не быць фашысцкай зграі.*

Как видим, оптимистичность, присущая истинному народному провербиальному слову, экстраполируется и на созданные на злобу дня пословичные патриотические идеологемы. В этой оптимистичности и проявляется важнейшее прагматическое значение пословичных патриотических идеологем. Сегодня уже кажется не столь актуальным поиск ответа на вопрос, как создавались ушедшие в прошлое единицы, формирующие социальные установки, однако нужно иметь в виду, что общество не может существовать вне выработки некоторой общей стратегии поведения социальных субъектов, а следовательно, потребность в формировании ценностных ориентаций членов сообщества посредством языка будет непреходящей.

Литература

1. Снегирев, И. М. Словарь русских пословиц и поговорок : Русские в своих пословицах / И. М. Снегирев. – Н. Новгород : Русский купец, Братья славяне, 1996. – 624 с.
2. Arthaber, A. Prefazione / A. Arthaber // Dizionario comparato di proverbi e modi proverbiali in sette lingue / A. Arthaber. – Milano : Ulrico Hoepli, Editore, 1995. – P. VII–XIV.
3. Рыбникова, М. А. Русские пословицы и поговорки / М. А. Рыбникова ; АН СССР, Ин-т мировой лит. им. А.М. Горького. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 229 с.
4. Жигулев, А. М. Русские народные пословицы и поговорки / А. М. Жигулев. – М. : Московский рабочий, 1965. – 360 с.
5. Беларускія прыказкі, прымаўкі і загадкі / Склаў Я. Рапановіч. – Мінск : Выш. шк., 1974. – 384 с.
6. Прыказкі і прымаўкі : ў 2-х кн. / рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Кн. 1. – 556 с. ; кн. 2. – 615 с.
7. Малышева, Е. Г. Идеологема как лингвокогнитивный феномен: определение и классификация / Е. Г. Малышева // Политическая лингвистика. – 2009. – № 4. – С. 32–40.
8. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова. – М. : Русский язык, 2000. – Режим доступа : <https://dic.academc.ru/dic.nsf/efremova>. – Дата доступа : 15.01.2022.
9. Гусейнов, Г. Ч. Д. С. П. Советские идеологемы в русском дискурсе 1990-х. / Г. Ч. Гусейнов. – М. : Три квадрата, 2004. – 272 с.
10. Радбиль, Т. Б. Мифология языка Андрея Платонова / Т. Б. Радбиль. – Новгород : Изд-во НГПУ, 1998. – 116 с.
11. Чудинов, А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – М. : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.
12. Тимофеев, С. Е. Специфика идеологизации составных наименований в русском и английском языках : автореф. дис. ... канд. филол. Наук : 10.02.19 / С. Е. Тимофеев ; Брянский гос. ун-т им. И. Г. Петровского – Брянск, 2021. – 23 с.
13. Купина, Н. А. Тоталитарный язык : словарь и речевые реакции / Н. А. Купина. – Екатеринбург; Пермь, 1995. – 144 с.

14. Купина, Н. А. Языковое строительство : от системы идеологем к системе культурем / Н. А. Купина // Русский язык сегодня : сб. статей. / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова ; редколл.: Л. П. Крысин (отв. ред.). – М. : «Азбуковник», 2000. – С. 182–189.
15. Мирошниченко, А. А. Толкование речи. Основы лингво-идеологического анализа [Электронный ресурс] / А. А. Мирошниченко. – Ростов н/Д : Изд. дом «Город N», 1995. – Режим доступа : <https://studfile.net/preview/9144247/page:6/#11>. – Дата доступа : 20.01.2022.
16. Калинин, О. И. Идеологема национальной мечты в массмедиаальном дискурсе КНР и США / О. И. Калинин, А. Д. Сузень // Социоллингвистика. – 2020. – № 1. – С. 133–146.
17. Бахтин, М. М. Слово в романе / М. Бахтин // Вопросы литературы и эстетики. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 72–233.
18. Селиверстова, Е. И. Как «собрать» пословицу: некоторые средства и способы / Е. И. Селиверстова // Грани слова : сб. науч. ст. к 65-летию проф. В. М. Мокиенко. – М., 2005. – С. 135–142.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 25.02.2022

УДК 811.162.1'42'366'367.625:070*Р.Капустинский

Польские возвратные модели в интервью Р. Капустинского

Г.В. СЕРИКОВ

В статье анализируются особенности употребления возвратных форм как глагольных так и именных, в разговорной речи репортёра, зафиксированной в книге-сборнике интервью Кристины Стрончек; вводится понятие *исходной модели* возвратного глагола. В статье представлена частотность употребления возвратных форм, построенных по моделям контактной и дистактной препозиции и постпозиции энклитики *się*, указывается на её относительно свободное и связанное место в синтаксисе простого предложения, выделяются подтипы модели с дистактной препозицией, обращается внимание на возвратные существительные в структуре предложения и способы их перевода на русский язык.

Ключевые слова: контактная постпозиция, контактная препозиция, дистактная постпозиция, дистактная препозиция, энклитика, бивалентность, начальная модель, возвратное местоимение, возвратные глаголы.

The article analyzes the features of the use of reflexive forms, both verbal and nominal, in the colloquial speech of a reporter, recorded in the book-collection of interviews by Christina Stronchek; the concept of the original model of the reflexive verb is introduced. The article presents the frequency of use of reflexive forms built on the models of contact and distact preposition and postposition of the enclitic *się*, indicates its relatively free and connected place in the syntax of a simple sentence, identifies subtypes of the model with distact preposition, draws attention to reflexive nouns in the sentence structure and ways of their translation into Russian.

Keywords: contact postposition, contact preposition, distact postposition, distact preposition, enclitic, bivalence, initial pattern, reflexive pronoun, reflexive verbs.

*Репортаж состоит из чужих голосов и опыта.
Р. Капустинский*

Очередным источником исследования возвратных моделей современного польского языка явилась книга Кристины Стрончек «Ришард Капустинский: автопортрет репортёра» [1], представляющая собой систематизированную выборку автора-составителя текстов различных интервью, которые дал когда-либо король польского репортажа, как называют Р. Капустинского, другим своим коллегам-журналистам о себе и о специфике своей работы. Известно, что язык интервью как жанр публицистики приближается в значительной степени к живому разговорному, разве что уже несколько очищенному от оговорок, повторений, излишних пауз и т. п. Именно поэтому нам важно обратиться к природным языковым привычкам нашего современника, польского мастера репортажа Ришарда Капустинского (1932–2007), родившегося в Пинске, а умершего в Варшаве, пропутешествовавшего всю свою жизнь, начиная с начала Второй мировой войны и почти до конца своих дней [2]. Возвратные глагольные и именные модели в непринужденной беседе поляка – это как раз тот неискажённый объект исследования, который не только не подвергается издательскому редактированию в силу естественного владения респондентом своим природным языком, но на который даже не обращается никакого внимания в силу той же причины.

Поскольку текст книги [1], явившейся источником данного исследования, представляет собой композицию, состоящую из: 1) небольшого (2 стр.) вступления автора-составителя, 2) незначительных по объёму вопросов-ремарок корреспондентов и 3) собственных высказываний Р. Капустинского, составляющих основной объём книги, нам показалось справедливым проанализировать *весь* текстовый материал данной книги, невзирая на фрагментарное авторство других лиц.

Итак, в числе 27 324 слов, составляющих 130 страниц текста указанной книги [1], возвратное местоимение *się* как в глагольных, так и в именных формах употребляется 713 раз, составляя 2,60 % всех словоупотреблений, поэтому в среднем на страницу приходится 6,08 употреблений данной возвратной энклитики. Среди возвратных форм преобладают *глаголы*,

причём некоторые из них в составе одного словосочетания обслуживаются одной энклитикой *się*, которая является по отношению к ним бивалентной. Количество возвратных *существительных* невелико: 22 случая, т. е. 3,08 % от всех возвратных конструкций, причём в одном случае *się* обслуживает два таких возвратных существительных (речь о них – ниже).

Итак, преобладающая модель возвратных *глагольных* конструкций – это контактная постпозиция *się* по отношению к глаголу. Нами выявлено 451 такая конструкция, т. е. 63,25 % от общего числа всех конструкций (от 713), а с вычетом возвратных *именных* конструкций (- 22) этот процент достигает 69,27 % (от 691). То есть в спонтанной живой речи современного поляка преобладают постпозиционные контактные модели, где энклитика *się* выступает непосредственно после глаголов, делая их возвратными: *wszystko zaczęło się od pewnej włoskiej publikacji* [1, с. 5] – ‘всё началось с определённой итальянской публикации’; *wyłaniał się z tych tekstów autoportret człowieka* [1, с. 6] – ‘появлялся из этих текстов автопортрет человека’; *urodziłem się na Polesiu* [1, с. 11] – ‘я родился на Полесье’; *bo zajmuje się grupą* [1, с. 15] – ‘потому что занимается группой’; *mało podkreśla się fakt, że XX wiek to narodziny Trzeciego Świata* [1, с. 17] – ‘мало подчёркивается факт, что XX век это рождение Третьего мира’; *nasze czasy nie różnią się od innych* [1, с. 18] – ‘наши времена не отличаются от других’; *musimy nieustannie zastanawiać się* [1, с. 18] – ‘мы должны неустанно задумываться’; *czym kieruje się korespondent...* [1, с. 32] – ‘чем руководствуется корреспондент’; *boją się wszyscy* [1, с. 34] – ‘боятся все’; *wybór dokonuje się poza dziennikarzem* [1, с. 39] – ‘выбор совершается независимо от журналиста’ и т.п. Эти модели целесообразно представить в виде **V + się**, где V – *verbum* (лат. ‘глагол’). И поскольку именно в таком виде представлены возвратные глаголы во всех лингвистических словарях польского языка, мы можем обозначить данное сочетание (**V + się**) как *исходную модель* возвратного глагола.

На втором месте по количеству употреблений – глагольные конструкции с контактной препозицией возвратной энклитики: 136 случаев, т. е. 19,07 % от общего числа. Это модель типа **się + V**: *zaczęła się krystalizować koncepcja* [1, с. 7] – ‘начала кристалizоваться концепция’; *musimy się pogodzić z tym* [1, с. 18] – ‘мы должны с этим согласиться’; *musiałem się skryć* [1, с. 27] – ‘я должен был скрыться’; *jak się wydostać z zagrożonych miejsc* [1, с. 35] – ‘как выбраться из опасных мест’; *nasze wspomnienia bardzo się zmieniły* [1, с. 42] – ‘наши воспоминания очень изменились’ и т. п.

На такую распространённую позицию энклитики в польском языкознании издавна обращалось внимание учёных. Так, например, Зенон Клеменевич (1891–1969) в своей капитальной работе «История польского языка» отмечает следующее: «Локализация местоимения *się* была в разговорном языке и нестрогих записях очень свободной: *się* могло выступать перед глаголом или после него, в непосредственном соседстве или в отдалении. Зато книжный шаблон, ревностным приверженцем которого был Сандэcki, поддерживал позицию *się* тут же, при глаголе, т. е.: *się narodził, się wypytał, się to stanie* или *modlił się, dała się, bał się*. Когда Мужинowski написал *A gdy się Jezus narodził; A to iż oni radzi się w bożnicach i na rogach ulic modlą*, Сандэcki исправил: *się był narodził Jezus; bo oni obyczaj mają w bożnicach, a to w kącie ulic stojąc modlić się*. Во многих местах таких предполагаемых ошибок Мужинowski настаивал на жёстком упреке *mala compositio, contra syntaxim*» [3, с. 423–424], т. е. с лат. ‘плохая композиция, противоречащая синтаксису’.

На третьем месте по количеству употреблений – модели с дистактной препозицией (67 употреблений, т. е. 9,39 % от всего числа), представленные несколькими типами:

1) **się + n¹ + V** (где **n¹** – слово, выступающее между энклитикой и глаголом): *proszę się nie dziwić* [1, с. 14] – ‘прошу не удивляться’; *nic się nie widzi* [1, с. 15] – ‘ничего не видишь’; *co się ponownie obserwuje* [1, с. 15] – ‘что вновь наблюдается’; *fascynuje mnie to, jak się ona tworzy* [1, с. 16] – ‘захватывает меня то, как она создаётся’; *jakim się go widzi* [1, с. 19] – ‘каким его видят’; *nędza się nie buntuje* [1, с. 23] – ‘нищета не бунтует’; *ludzie nigdy się nie zbuntują* [1, с. 24] – ‘люди никогда не взбунтуются’; *robię wszystko, by się tam dostać* [1, с. 33] – ‘делаю всё, чтобы туда добратся’; *kto mówi, że się nie boi, kłamie* [1, с. 34] – ‘кто говорит, что не боится, врёт’; *ale musi się też liczyć z tym* [1, с. 35] – ‘но следует тоже с этим считаться’; *nigdy więcej nie będę się tak narażał* [1, с. 35] – ‘никогда больше не буду так рисковать’; *trzeba się tylko starać unikać zaślepienia* [1, с. 40] – ‘надо только стараться избегать ослепления’; *po co się tu pchałem*

[1, с. 42] – ‘зачем я сюда пёрся’; *nie umiałem się temu oprzeć* [1, с. 43] – ‘я не мог этому противиться’; со *się tam działo* [1, с. 43] – ‘что там делалось’; *jakoś się tam dostałem* [1, с. 43] – ‘как-то туда добрался’; со *się wówczas działo* [1, с. 44] – ‘что тогда делалось’; *to się kiedyś spełni* [1, с. 44] – ‘это когда-то исполнится’; со *się tam dzieje* [1, с. 50] – ‘что там делается’; со *się może stać* [1, с. 52] – ‘что может случиться’; *tak się nie da pracować* [1, с. 56] – ‘так не удастся работать’; *dobrze się tam czuję* [1, с. 56] – ‘хорошо себя там чувствую’; *to się tam gubię, źle czuję* [1, с. 56] – ‘то там теряюсь, плохо чувствую’; *bo nic mi się nie stanie* [1, с. 57] – ‘ничего мне не сделается’; *i nie dlatego, że się mnie boją* [1, с. 57] – ‘и не потому, что меня боятся’; *do niczego tam się nie przyda* [1, с. 58] – ‘ни к чему там не пригодится’; *albo się ją ma, albo nie* [1, с. 59] – ‘или она есть, или нет’; *ja mu się spokojnie oddaję w opiekę* [1, с. 59] – ‘я ему спокойно отдаюсь в опеку’; *wyzwanie ..., które potem się tylko powieli* [1, с. 63] – ‘призвание, которое потом только увеличивается’; *on się bardzo ożywił* [1, с. 64] – ‘он очень оживился’; *piszę tak, jak mi się najlepiej wyrazi* [1, с. 77] – ‘я пишу так, как мне лучше выразится’; *ile się tylko uda* [1, с. 79] – ‘сколько только удастся’; *opisać epicko się nie da* [1, с. 88] – ‘описать эпически не удастся’; со *się samo nasuwa* [1, с. 91] – ‘что само надвигается’; *jeżeli więc mi się to uda* [1, с. 91] – ‘если, таким образом, мне удастся’; *gdyby mi się to udało* [1, с. 91] – ‘если бы мне это удалось’; *to się ich rozczaruje* [1, с. 105] – ‘то их разочаруешь’; *o których świat się nie dowie* [1, с. 110] – ‘о которых мир не узнает’; *oni robią to, co się im każe* [1, с. 116] – ‘они делают, что им прикажут’; *którzy się wzajemnie mordują* [1, с. 118] – ‘которые убивают друг друга’; *z dziennikarstwem nikomu się nie kojarzy* [1, с. 123] – ‘с журналистикой никому не ассоциируется’. Из общего количества моделей с дистактной препозицией (66) данный тип (*się + n¹ + V*), как видно, является самым многочисленным: выше приведен 41 случай употребления.

2) *się + n¹ + n² + V*: *chciałbym się do tego przyczynić* [1, с. 21] – ‘я бы хотел быть к этому причастным’; *człowiek się na to decyduje* [1, с. 35] – ‘человек на это решается’; *nikt się tym nie interesował* [1, с. 36] – ‘никто этим не интересовался’; *całkowicie się od siebie różnią* [1, с. 41] – ‘полностью отличаются друг от друга’; *nie umiem się wobec nich zdystansować* [1, с. 44] – ‘не умею дистанцироваться по отношению к ним’; *ludzie widzą, że się im nie ufa* [1, с. 55] – ‘люди видят, что им не доверяют’; *dobrze się w nim czuję* [1, с. 56] – ‘хорошо себя в нём чувствую’; *ilu ludzi się dla mnie poświęcało* [1, с. 58] – ‘сколько людей мне себя посвящало’; *bo jeżeli się z kimś spotykam* [1, с. 59] – ‘потому что если с кем-то встречаюсь’; *jak się do nich odnosić i jak ich rozumieć* [1, с. 60] – ‘как к ним относиться и как их понимать’; *myślę wpierw, że ktoś się z nich nabija* [1, с. 62] – ‘сначала думают, что кто-то над ними издевается’; *nigdy bym się pisaniem nie interesował* [1, с. 65] – ‘никогда бы я писательством не интересовался’; *powinniśmy się do tego przyznać* [1, с. 82] – ‘мы должны в этом признаться’; *kiedy się z nim umawiałem* [1, с. 87] – ‘когда я с ним договаривался’; *ja się z tym zgadzam* [1, с. 104] – ‘я с этим соглашаюсь’; *polega na tym, że się problem biedy spycha do egzotyki* [1, с. 119] – ‘заключается в том, что проблема бедности относится к экзотике’; *tak to się po prostu widzi* [1, с. 84] – ‘это попросту так видится’. Данный тип модели с дистактной препозицией (*się + n¹ + n² + V*) отмечен в анализируемом произведении 17 раз.

3) *się + n¹ + n² + n³ + V*: *muszę się z tymi problemami zmierzyć* [1, с. 18] – ‘я должен с этими проблемами столкнуться’; *nikt się do tego nie przyzna* [1, с. 22] – ‘в этом никто не признается’; *sam musi się w sytuacji wojny znajdować* [1, с. 38] – ‘сам должен в ситуации войны находиться’; *to może świadczyć o pysze, że się coś tak dobrego napisało* [1, с. 97] – ‘это может свидетельствовать о гордыне, что нечто хорошее написалось’; *wszystko się w końcu dobrze ułożyło* [1, с. 105] – ‘всё в конце концов хорошо сложилось’. Данный тип модели с дистактной препозицией встречается 5 раз.

4) *się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + V*: *zdażyliśmy się na razie nim jedynie zauroczyć* [1, с. 132] – ‘мы успели пока им только очароваться’; *nic się, moim zdaniem, inaczej nie da zrobić* [1, с. 88] – ‘ничего, по моему мнению, иначе не удастся сделать’; *masa rzeczy się w tym zawodzie nie udaje* [1, с. 52–53] – ‘масса вещей в этой профессии не удаётся’. Данный тип модели встречается в тексте 3 раза.

5) тип *się + n¹ + n² + n³ + n⁴ + n⁵ + V* представлен единственным случаем из 713 всех возвратных кунструкций: *ja się po prostu na Polsce nie znam* [1, с. 101] – ‘я попросту не разбираюсь в Польше’.

$V^1 + się + n^1 + V^2$: *konsultować się i radzić, sięgać po coraz to nowsze lektury* [1, с. 92] – ‘консультироваться и советоваться, всякий раз обращаясь к новым книгам’.

Более сложные конструкции характеризуются приращением количества делимитеров и различными (контактными или дистактными) позициями самих глаголов. Обратимся к примерам:

$się + n^1 + n^2 + V^1 + V^2$: *ludzie widzą, że się im nie ufa, izoluje od nich* [1, с. 55] – ‘люди видят, что им не доверяют, изолируют от них’;

$się + n^1 + V^1 + n^2 + V^2$: *gdy mnie zaproszą do Ritza, to się tam gubię, źle czuję* [1, с. 56] – ‘когда меня пригласят в Ритц, то я там теряюсь, плохо чувствую себя’;

$V^1 + się + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + V^2$: *jedzie się do zapadłej dziury i czeka na kogoś* [1, с. 53] – ‘едешь в захудалую дыру и кого-то ждёшь’;

$się + V^1 + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + V^2$: *kiedy jakaś forma się kończy, a inna jeszcze nie zaczyna* [1, с. 89] – ‘когда какая-то форма заканчивается, а другая ещё не начинается’;

$V^1 + się + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + n^5 + V^2$: *jednoznacznie przyjmuje się rolę dziennikarza, a tym samym wyróżnia spośród tamtejszych ludzi* [1, с. 61] – ‘однозначно принимаешь роль журналиста, а тем самым выделяешься среди тамошних людей’;

$V^1 + się + n^1 + n^2 + n^3 + n^4 + n^5 + n^6 + n^7 + n^8 + n^9 + n^{10} + n^{11} + V^2$: *przyjeżdża się do jakiegoś kraju w sobotę, a w niedzielę o tym kraju zaczyna opowiadać* [1, с. 63–64] – ‘приезжаешь в какую-то страну в субботу, а в воскресенье об этой стране начинаешь рассказывать’.

Однако бивалентность *się* не распространяется на неоднородные по структуре глагольные формы: если в одном предложении выступает возвратная личная форма глагола и возвратное действительное причастие, то используются при этом две отдельные энклитики, например: *rzeczywistość i dziejąca się historia przejawiają się w poszczególnych wydarzeniach* [1, с. 51] – ‘действительность и совершающаяся история проявляются в отдельных событиях’. Либо если в одной из частей сложноподчинённого предложения выступает безличная форма глагола, а во второй – личная: *okazuje się, że nasze wspomnienia bardzo się zmieniły* [1, с. 42] – ‘оказывается, что наши воспоминания очень изменились’; *problemy mnożyły się bez końca i często nie udawało się ich rozwiązać* [1, с. 85] – ‘проблемы умножались без конца, и часто не удавалось их решить’. Или когда возвратность в одной из простых частей сложноподчинённого предложения характерна для инфинитива, а во второй части – для личной формы глагола: *trzeba się skoncentrować na tym [obrazie], który zamierza się pokazać* [1, с. 83] – ‘нужно сконцентрироваться на той [картине], которую собираешься показать’; *media, które stały się potęgą, przestały się zajmować wyłącznie informacją* [1, с. 107] – ‘...медиа, которые сделали силой, перестали заниматься исключительно информацией’. Также не обслуживает одна энклитика находящиеся рядом два глагола, один из которых принадлежит главному предложению, а второй – придаточному в составе сложноподчинённого: *dziennikarze często nie zastanawiają się, do kogo się zwracają* [1, с. 62] – ‘журналисты часто не задумываются, к кому обращаются’; *pojawia się problem, kiedy staje się naprzeciw świata i kiedy rodzą się pytania* [1, с. 88] – ‘появляется проблема, когда стоишь напротив мира и когда рождаются вопросы’; *jak się pojedzie na Bahama, to się znajdzie biedną wioskę* [1, с. 119] – ‘как поедешь на Багамы, то найдёшь бедную деревню’. Бивалентность не распространяется на один и тот же глагол, употреблённый в границах одного сложного предложения: *Używa się pojęcia journalist i używa się pojęcia media worker* [1, с. 123] – ‘употребляется понятие журналист, и употребляется понятие работник медиа’; *Nieważne, co się sprzedaje, tylko jak się sprzedaje* [1, с. 127] – ‘неважно, что продаётся, только как продаётся’.

Отсутствие бивалентности *się* можно объяснить также тем, что с её помощью оформляются безличные формы глаголов, которые, входя в состав синтаксических конструкций, переводятся на русский язык определённо-личными предложениями: *mógł go zapytać, jak się pisze, jak się robi reportaż dla radia lub telewizji* [1, с. 128] – ‘мог его спросить, как пишут, как делают репортаж для радио или телевидения’; *gdy przyjeżdża się do jakiegoś kraju i widzi się, że już niemal wszystko jest nowe* [1, с. 15–16] – ‘когда приезжаешь в какую-то страну и видишь, что уже почти всё ново’; *jeśli będzie się żyć – to się kiedyś spełni* [1, с. 44] – ‘если будешь жив, то когда-то исполнится’; *bo jeśli chce się tam zostać, chce się coś zrobić* [1, с. 58] – ‘ибо если хочешь там остаться, хочешь что-то сделать’.

В определённо-личных предложениях, объединённых в одно сложносочинённое, также не наблюдается бивалентности возвратной энклитики по причине значительной отдалённости в предложении одного возвратного глагола от другого, например: *widzi się wokół siebie setki takich obrazów, ale wie się, że są one niepotrzebne* [1, с. 83] – ‘видишь вокруг себя сотни таких картин, но знаешь, что они не нужны’. Видимо, по той же причине отдалённости глаголов бивалентность *się* отсутствует и в предложениях сложносочинённых: *uczy się, jak zamknąć przekaz w minucie czasu antenowego albo w dwudziestu wierszach druku, ale nie mówi się o sensie tego przekazu* [1, с. 127] – ‘учат, как уместить сообщение в минуте эфирного времени или в двадцати печатных строках, но не говорят о смысле этого сообщения’; *centralne punkty rozmnożyły się – i w tym samym momencie przestały być centralne, stały się równorzędne* [1, с. 133] – ‘центральные пункты размножились – и в этот самый момент перестали быть центральными, сделались равноправными’. Не наблюдается бивалентности *się*, если одна из энклитик в границах той же синтаксической конструкции относится в одном случае к глаголу, а в другом – к существительному: *moje środowisko kieruje się nie tylko rzeczywistym procesem działania się historii* [1, с. 110] – ‘моя среда руководствуется не только реальным процессом развития самой истории’.

Особое место в польском синтаксисе занимают возвратные *существительные* (NR – от *lat. nomen reflexivum*), представленные в исследуемом тексте 22-мя случаями. Это модели типа **NR + się**, хотя отмечается и единственная бивалентная конструкция **NR¹ + n¹ + NR² + się**, где в качестве делимитера выступает союз *i*. Особенность таких конструкций в том, что они переводятся на русский язык или существительным (1), или глаголом (2), но не возвратным, или (3) описательным способом, а также (4) при помощи использования полной формы местоимения *себя*. Рассмотрим эти случаи, обнаруженные в интервью Р. Капустинского:

1) *celem jest sprawdzenie się* [1, с. 12] – ‘целью является **проверка** себя’ (самопроверка); *przemieszczanie się pilotów samolotów* [1, с. 12] – ‘**передвижение** пилотов самолётов’; *wymaga dostosowania się do nowych warunków* [1, с. 13] – ‘требуется **приспособления** к новым условиям’; *wymagają nieustannej czujności, otwarcia się* [1, с. 16] – ‘требуют неустанной бдительности, **открытости**’; *fascynowało samo działanie się historii* [1, с. 16–17] – ‘очаровывало само **свершение** истории’; *dla autora zmierzenie się z tym wyzwaniem to pokusa* [1, с. 18] – ‘для автора **столкновение** с этим вызовом – это искушение’; *możliwość pokuszenia się o przybliżoną odpowiedź* [1, с. 19] – ‘возможность **попытки** дать примерный ответ’; *zmaganie się z chorobami* [1, с. 34] – ‘**борьба** с болезнями’; *to znaczy umiejętność «zbliżenia się do»* [1, с. 39] – ‘это значит способностью «**приближения** к»’; *dar wyrzekania się rzeczy niepotrzebnych* [1, с. 52] – ‘дар **отречения** от ненужных вещей’; *traktuje o zagubieniu i odnalezieniu się w różnych okolicznościach* [1, с. 81] – ‘рассказывает о **потере** и **обретении** себя в разных обстоятельствах’; *opisać ten fenomen poprzez przyglądanie się mu* [1, с. 87] – ‘описать этот феномен через **наблюдение** его’; *nie mógł przetrwać bez posługiwania się bronią* [1, с. 107] – ‘не мог выжить без **применения** оружия’; *procesem działania się historii* [1, с. 110] – ‘процессом **творения** истории’; *oznacza poruszanie się wśród mnóstwa informacyjnego śmiecia* [1, с. 132] – ‘обозначает **движение** среди множества информационного мусора’;

2) *kwestia dostania się na strajk* [1, с. 43] – ‘проблема **попасть** на забастовку’; *uniemożliwia; dowiedzenie się czegokolwiek* [1, с. 56] – ‘делает невозможным **узнать** что-либо’; *w próbie przebijania się przez stereotypy* [1, с. 63] – ‘в попытке **пробиться** сквозь стереотипы’; *próba znalezienia w nim metafory i przyglądanie się mu* [1, с. 84] – ‘проба найти в нём метафору и **присмотреться** к нему’;

3) *działenie się zdobytą wiedzą* [1, с. 12] – ‘**взаимный обмен** полученными знаниями’;

4) *okresem totalnego wyłączenia się ze wszystkiego* [1, с. 44] – ‘периодом тотального **исключения** себя из всего’.

Подобного рода конструкции с возвратными существительными не являются сугубо книжными, ими изобилует речь каждого поляка. Словосочетание *примерное поведение* переводится как *zachowanie się wzorowe* и известно каждому школьнику. Или, например, *uczenie się* ‘учёба’, *poddanie się* ‘смирение’, *rozlokowanie się* ‘заселение, размещение’ и мн. др.

Возвратные действительные причастия настоящего времени в речи респондента представлены немногочисленными эпизодами, что объясняется тенденцией замены этих форм на сложноподчинённые предложения с придаточными определительными (как, впрочем, и в языках восточнославянской группы). Особенностью этих возвратных глагольных форм явля-

ется преобладающее постпозиционное положение *się*, что можно обозначить как **RP + się** (от лат. *resurrexerunt participio* ‘возвратное причастие’): *wciąż wzmagając się różnorodność kultur* [1, с. 13] – ‘постоянно **рас**тущее разнообразие культур’; *rzeczywistość i dziejąca się historia* [1, с. 51] – ‘действительность и **со**вершающаяся история’; *z potoku dziejących się wydarzeń* [1, с. 51] – ‘из потока происходящих событий’; *żywych konfliktach dziejących się na naszych oczach* [1, с. 54] – ‘живых конфликтах, **про**исходящих на наших глазах’; *refleksje budzące się przy okazji* [1, с. 73] – ‘рефлексии, **ож**ивающие при случае’; *dziennikiem mieszczącym się na przecięciu prozy, eseju i autobiografii* [1, с. 89] – ‘дневником, **на**ходящимся на границе прозы, эссе и автобиографии’; *reportaż ograniczający się do czystego opisu* [1, с. 92] – ‘репортаж, **ог**раничивающийся чистым описанием’; *toczących się na świecie procesów demokratyzacji* [1, с. 112] – ‘**про**исходящих на свете процессов демократизации’; *dynamicznie rozwijającego się świata usług* [1, с. 122] – ‘**ди**намично **раз**вивающегося мира услуг’; *nie ma publicystów znających się na islamie* [1, с. 126] – ‘нет публицистов, **раз**бирающихся в исламе’.

Отмечается, однако, и одна модель **się + RP**: *poplątanych i stale się zmieniających* [1, с. 88] – ‘перепутанных и постоянно **из**меняющихся’.

Четырьмя случаями употребления представлены возвратные деепричастия с контактной постпозицией **się**: *przygotowując się do tej pracy* [1, с. 40] – ‘**го**товясь к работе’; *przygotowując się do pisania Imperium, studiowałem materiały* [1, с. 68] – ‘**го**товясь к написанию *Империи*, я изучал материалы’; *nie zastanawiając się nad ich klasyfikacją* [1, с. 77] – ‘**не** задумываясь над их классификацией’; *nie troszcząc się o to* [1, с. 115] – ‘**не** беспокоясь об этом’.

Таким образом, исходная модель возвратного глагола (**V + się**), представленная во всех лингвистических словарях польского языка, является наиболее распространённой и устойчивой как на письме, так и в устной речи носителей языка в силу своей простой структуры и грамматической логики: переходный глагол, выступая в препозиции по отношению к *się*, управлял и управляет винительным падежом этого древнего возвратного местоимения.

Широкое функционирование модели **się + V** с её типами, обусловленными различным количеством делимитеров в её составе, может быть объяснено результатами формирования языковой нормы, процессами нормализации письменной разновидности польского языка, к которым приложили усилия ренессансные писатели XVI в. [4], что постепенно находило отражение и в устной речи. Видимо (судя по замечанию З. Клеменсевича, приведённому выше), реже употребляемая модель **się + V** была больше присуща книжному стилю.

Чем структурно проще тип модели с дистактной препозицией, т. е. чем меньше делимитеров входит в отрезок **się + nⁿ ... + V**, тем этот тип модели более устойчив, а значит, и шире распространён как на письме, так и в устной речи. Похоже, что сложными типами дистактных препозиционных моделей при спонтанных высказываниях оперируют природные носители польского языка с более высоким социальным статусом и уровнем общего образования. Для мастеров художественного слова возможность использования таких конструкций значительно расширяется в силу имеющегося резерва времени (в отличие от респондента, дающего интервью) для доработки и надлежащего упорядочивания синтаксических конструкций.

Литература

1. Strączek, K. Ryszard Kapuściński autoportret reportera / K. Strączek. – Kraków : Znak, 2003. – 145 s.
2. Kapuściński, R. [Электронный ресурс] / R. Kapuściński. – Режим доступа : https://pl.wikipedia.org/wiki/Ryszard_Kapuściński. – Дата доступа : 13.12.2021.
3. Klemensiewicz, Z. Historia języka polskiego / Z. Klemensiewicz. – Warszawa : Państwowe wydawnictwo naukowe, 1980. – 796 s.
4. Polski język literacki [Электронный ресурс] / Polski język literacki – etapy rozwoju. – Режим доступа : <https://slideplayer.pl/slide/11994583/>. – Дата доступа : 13.12.2021.

УДК 811.161.1'42:398.91(=161.1)

Худой мир лучше доброй ссоры: жизнь пословицы в текстах Национального корпуса русского языка

О.А. СИМОНЧУК

В статье излагаются результаты исследования особенностей функционирования пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в художественных и публицистических текстах. Определяется семантическая специфика пословицы. Выявляются и описываются структурно-семантические трансформации пословицы при ее употреблении в речи.

Ключевые слова: пословица, паремия, предпочтение, окказиональное употребление, трансформация, ключевой компонент.

This paper deals with the peculiarities of the usage of the proverb *Better a lean peace than a fat victory* in literary and non-fictional texts. The focus is on the following aspects: identification of semantic characteristics of the proverb, examination and description of structural and semantic transformations of the proverb in speech.

Keywords: proverb, preference, occasional use, transformation, key element.

Многие лингвисты, изучая функционирование паремий в различных речевых сферах, отмечают активный интерес современных авторов к этому жанру фольклора. Паремии используются как эффектное и вместе с тем эффективное средство эстетического и психологического воздействия на читателя. Исследователь прагматических функций паремий Г.Д. Сидоркова называет их «козырными картами» коммуникативного воздействия и отмечает, что человек, искусно владеющий ими, как бы контролирует ключевые позиции в структуре вербального общения, чему особо способствует авторитетность и ореол «народной мудрости» паремий [1]. Многочисленные исследования употребления паремий в художественных и публицистических текстах демонстрируют также открытость данных языковых единиц к различным структурным и семантическим изменениям. По сравнению со словарными вариантами такие перевоплощения паремий в большей степени привлекают внимание адресатов прежде всего благодаря эффекту неожиданности. Он может быть разный по силе воздействия в зависимости от степени и характера отклонения окказионального варианта пословицы от словарного.

Цель нашего исследования заключается в выявлении особенностей функционирования пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в художественных и публицистических текстах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) [2]. Теоретической основой исследования при определении семантической специфики пословицы стали труды Н.Д. Арутюновой [3], Е.И. Селиверстовой [4], при описании особенностей функционирования паремии в речи – результаты исследований Т.А. Наймушиной [5], А.М. Мелерович и В.М. Мокиенко [6], [7], И.Ю. Третьяковой [8], М. Добровой [9], Е.В. Ничипорчик [10] и др.

Как свидетельствуют данные словарей, например, словаря немецких пословиц *Deutsches Sprichwörter-Lexicon* К.Ф.В. Вандера [11], Большого толково-фразеологического словаря Михельсона [12], Русско-славянского словаря пословиц: с английскими соответствиями М.Ю. Котовой [13, с. 88], многоязычного словаря пословиц и поговорок *Refranero multilingüe* [14], исследуемая паремия выражает своеобразный этический постулат не только русского народа. Ее аналоги есть и во многих других европейских языках, а также в восточной культуре и, судя по всему, они имеют один генетический корень.

В многоязычном словаре пословиц и поговорок *Refranero multilingüe* указывается частотность употребления аналогичных паремий в некоторых языках, и в большинстве случаев она низкая. Что касается русского языка, то количество вхождений исследуемой пословицы в тексты НКРЯ в основном подкорпусе составляет 93 единицы, в газетном подкорпусе – 104. Это относительно высокий показатель частотности. Примечательно, что ее использование в

преобразованном виде преобладает над случаями употребления в каноническом варианте (в основном подкорпусе пословица в преобразованном виде встречается в 67 контекстах (72 %) из 93, в газетном – в 84 (81 %) из 104).

Главная идея пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* состоит в том, что любой мир, каким бы шатким и ненадежным он не казался, все же лучше ссоры. Следует отметить, что данная идея находит свое воплощение и во многих других русских поговорках. Так, в Большом словаре русских пословиц под редакцией В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитиной насчитывается 10 паремиологических единиц, которые выражают предпочтительность мира войне: *И соломенный мир лучше железной брани, Лучшие лычный мир, чем ременный суд, Малой мир лучше большой драки, Малый мир лучше большой драки, Плохой мир лучше хорошей войны, Соломенный мир лучше железной войны, Соломенный мир лучше железной драки, Худой мир лучше доброй брани, Худой мир лучше доброй войны, Худой мир лучше доброй ссоры* [15, с. 540–541]. Данные пословицы имеют одинаковую логико-синтаксическую структуру. Их особенностью является наличие девальвирующего признака при компоненте, обозначающем благо, и компенсирующего признака при компоненте, обозначающем противоположную этическую категорию. Это, как отмечает Н.Д. Арутюнова, помогает подчеркнуть незыблемость ценностных отношений между основными категориями, то есть бесполезность «подрывных» усилий [3, с. 261].

В вышеуказанных пословицах наблюдается лексическое варьирование при наименовании худа, а также при наименовании признаков противоположной этической категории. Однако существенных семантических и стилистических различий между этими лексическими вариантами не наблюдается, и смысл пословиц, а также их стилистическая окраска не претерпевают сколь-либо значительных изменений. Возможно, поэтому многие из данных пословиц при их окказиональном употреблении так легко контаминируются, и в результате контаминации авторами создаются своего рода «гибридные» формы пословичных выражений, в которых в качестве первой части используется ключевой компонент и атрибутивный признак одной пословицы, а в качестве второй части – ключевой компонент и атрибутивный признак другой: *А плохой мир все равно лучше доброй ссоры* (М. Полетика. Однажды была осень (2012)); *Худой мир лучше хорошей войны* (С. Артемов. 5 типичных ошибок при разделе имущества между супругами // Московский комсомолец, 2016) [2]. И все же, несмотря на такое разнообразие ключевых компонентов и их потенциальную способность к объединению друг с другом, наибольшую частотность в текстах НКРЯ проявляет антонимическая пара *худой мир – добрая ссора*, которая является семантическим ядром одной и той же паремиологической единицы (в основном подкорпусе она встречается в 53 контекстах из 93, в газетном – в 41 из 104).

Анализ текстов НКРЯ показывает, что пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* в своем каноническом варианте в качестве самостоятельного предложения употребляются редко: в основном подкорпусе в 5 контекстах, в газетном – тоже зафиксировано только 5 употреблений. Часто в такие предложения дополнительно включаются вводные слова и сочетания слов, междометья, союзы, частицы – элементы, которые синтаксически не связаны с компонентами поговорки, но служат для связи данного высказывания с контекстом. Они помогают передать отношение продуцента речи к ситуации, характеризуемой поговоркой, а также к лежащей в основе пословицы идее: *Худой мир, как говорится, лучше доброй ссоры* (А. Митьков агентство спортивной информации «Весь спорт – для «Труда». НЕ НАДО ИКРУ – ВЕДРАМИ // Труд-7, 2006); *Лучше-же без скандала. К тому-же, это неизбежно. Подумай... Ведь худой мир лучше доброй ссоры* (Н. А. Лейкин. Купец пришел! (1903)) [2].

Чаще пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* является частью сложных предложений. Так, в составе сложносочиненных предложений поговорка встречается в основном подкорпусе в 6 контекстах, в газетном – в 1; в составе сложноподчиненных предложений в основном подкорпусе – в 11 контекстах, в газетном – в 10; в составе бессоюзных предложений в основном подкорпусе в 8 контекстах, в газетном – в 7.

В сложносочиненном предложении поговорка может находиться с другими частями предложения в разных отношениях. Так, если сложносочиненное предложение начинается с поговорки, то она может вступать с последующей частью в отношения присоединения, и тогда

содержание второй части представляют собой дополнительное сообщение или замечание к первой (1), а также в отношении противопоставления (2). При нахождении паремии в постпозитивной части сложносочиненного предложения между ней и предыдущей частью устанавливаются причинно-следственные отношения или отношения противопоставления.

Примечательно, что в некоторых контекстах происходит дублирование одного из ключевых компонентов паремии для того, чтобы привлечь внимание к определенным деталям описываемой ситуации. Если ключевой компонент, который используется вне паремии, стоит в препозиции к ней, то внимание читателя фокусируется больше на самой паремии как обосновании избранной стратегии поведения (3). Паремия выполняет в этом случае резюмирующую функцию. При нахождении повторно употребляемого ключевого компонента в постпозиции к паремии внимание читателя направляется в большей степени на детали описываемой ситуации. При этом паремия выполняет текстообразующую функцию. Она становится своего рода отправной точкой для дальнейшего повествования или последующих рассуждений автора (1), (2): (1) *Прошел год, как они помирились с Адамовичем. Разрыв длился пятнадцать лет. **Худой мир лучше доброй ссоры**, а Георгий Иванов называл их нынешние отношения «худым миром». Когда-то смотрели на них как близнецов: два неразлучных Жоржика. Но Адамович еще тогда знал, что не найти более разных людей, чем он и Жорж Иванов. Примерение получилось внешним, оба понимали это* (В. Крейд. Георгий Иванов в Йере // «Звезда», 2003); (2) *Мухаммад Аз-Завахири, родной брат лидера «Аль-Каиды» Аймана Аз-Завахири, заявил о готовности посредничать между западными государствами или различными мусульманскими организациями, добиваясь договора, суть которого можно изложить в двух словах, «вы к нам более не несете свои либерализм и демократию, мы больше не трогаем ваши башины-близнецы, посольства и даже признаем законными ваши интересы в нашем регионе»... В общем, **худой мир всегда лучше доброй ссоры**, однако стоит разобратся, насколько этот **мир** возможен, и кто от него в выигрыше? Кого представляет Мухаммад Аз-Завахири? Особый привкус этой новости придает то, что предложение поступило аж от брата главы «Аль-Каиды». Хотя по большому счету это вовсе не означает, что предложение сделала сама «Аль-Каида»* (О. Джемаль. Худой мир // Известия, 2012); (3) *Учителя уж и не настаивали, я тоже; ничего не поделаешь с людьми, для которых закон не писан; только **ссора** выйдет, ... а **худой мир лучше доброй ссоры*** (архиеп. Н. Японский (Касаткин). Дневники святого Николая Японского: в 5 т. (1895)) [2].

При употреблении пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в сложноподчиненных предложениях проявляется в большей степени ее назидательный характер: *Чтобы уменьшить число недругов, всегда следует помнить, что **худой мир лучше доброй ссоры*** («Любовь – это свет, который нас ведет» // Комсомольская правда, 2006); *Давно известно, что **худой мир лучше доброй ссоры**. Еще никогда никому не удавалось услышать трезвые и взвешенные аргументы собеседника в пылу площадной перепалки. истина, не требующая доказательств* (В. Вереск. ЦЕНА АРЕНДЫ И АКЦИЙ ПРОТЕСТА // Труд-7, 2006) [2]. В качестве придаточного изъяснительного предложения и еще более придаточного причины пословица служит также обоснованием определенной стратегии поведения, описываемой в окружающем паремию контексте: *Не могу сказать, что мне нравилось быть у него на посылках, но я исходил из того, что **худой мир лучше доброй ссоры**, и по возможности соблюдал нейтралитет* (В. Белоусова. Второй выстрел (2000)); *Родители мялись, но вопросов не задавали, потому что **худой мир лучше доброй ссоры*** (Е. Завершнева. Высотка (2012)) [2].

При бессоюзном способе соединения предложений пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* чаще всего встречается в предложениях с изъяснительным значением: – *Мудрые говорят: **худой мир лучше доброй ссоры**, – вздохнул старейшина* (А.И. Красницкий. Князь Святослав (1894)) [2]. В бессоюзных предложениях паремия может находиться и в отношениях причинного обоснования с другой частью предложения и быть дополнительным доводом, аргументом для определенной стратегии поведения, выполняя также резюмирующую функцию. Контекст строится по следующей схеме: причина – стратегия поведения – аргумент: *Перемену позиции Саурина по отношению к Аяцкову можно объяснить тем, что обе сто-*

роны конфликта решили не накалять атмосферу. Губернатор не мог не учитывать, что за экс-мэром стоит немалая доля избирателей, а кое-кто в руководстве «Отечества», очевидно, питает связанные с Поволжьем политические амбиции. Поэтому Саурина и убедили по крайней мере временно воздержаться от комментариев – **худой мир лучше доброй ссоры** (С. Оганезова. Примирение. Бывший мэр простил губернатора // «Известия», 2001) [2]. В бессоюзных предложениях со значением следствия паремия выступает и в роли образной характеристики сложившейся ситуации, а другая часть предложения является носителем значения следствия: *Отношения между Россией и США становятся все более натянутыми. Но плохой мир лучше доброй ссоры: раз есть возможность и если имеется желание, самое время отправиться в посольство США за визой* (Ю. Верби. Кроме Крыма // lenta.ru, 2015) [2]. В связи с необходимостью ограничения объема статьи здесь описаны только некоторые виды отношений, которые могут устанавливаться между паремией и другой частью бессоюзных предложений.

Пословица *Худой мир лучше доброй ссоры* может входить в состав другого предложения в качестве одного из его членов. Для исследуемой паремии наиболее характерна роль определения при существительных отвлеченного понятия: *(обывательская) поговорка, (русская) пословица, (мудрое) правило, (старое) присловье, принцип, речение, формула* (в основном подкорпусе в 5 контекстах, в газетном – в 4). При этом паремия раскрывает содержание определяемого понятия: *Принцип «худой мир лучше доброй ссоры» в отношениях между Россией и Великобританией больше не работает* (М. Ростовский. Чисто предвыборное убийство: как отравление Скрипаля изменит последний срок Путина // Московский комсомолец, 2018) [2].

Некоторую схожесть с вышеописанным способом употребления пословицы обнаруживает и презентация паремиологической единицы в высказывании через ее ключевые словосочетания в сопровождении разных метооператоров – сигналов присутствия паремии в тексте [16, с. 54]: *Как бы там ни было, покуда пословица про худой мир и добрую ссору остается гласом вопиющего в пустыне, хотя и у финнов есть точно такая же пословица, и китайцы говорят: «Мудрый здоровается первым», и вообще, кажется, все согласны, что с соседями лучше не воевать* (В. Пьецух. Сравнительные комментарии к пословицам русского народа // «Октябрь», 2002) [2].

Следует отметить, что при окказиональном употреблении пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* зачастую совмещаются разные виды ее преобразования.

Одним из видов трансформации паремии является изменение его компонентного состава (расширение, сокращение и замена компонентов). С помощью изменения компонентного состава автор как бы «вплетает» в текст пословичное выражение.

Расширение компонентного состава паремии осуществляется за счет распространения отдельных компонентов паремии словами свободного употребления. Это помогает конкретизировать определенную ситуацию, характеризваемую паремией, в различных деталях, например, в отношении времени и места действия, передать степень выраженности признаков ключевых компонентов паремии, интенсифицировать степень оценки: *Уже седьмой день между Израилем и Палестиной идет настоящая война, наглядно доказывающая, что худой мир в этом регионе куда лучше ссоры* (Израиль задался целью «добить» ХАМАС любой ценой // Новый регион 2, 2008)[2].

Изменение компонентного состава паремии может производиться путем замены узואльного компонента окказиональным. В пословице *Худой мир лучше доброй ссоры* чаще всего заменяются определения, являющиеся обесценивающими и компенсирующими признаками ключевых компонентов паремии: *худой (мир) – любой, (несколько) искусственный, классовый, даже на самых унизиельных условиях и др.; добрая (ссора) – возможная, долгая, кабинетная, крепкая, основательная, откровенная, полновесная и др.* При таких заменах словарный вариант и окказиональный чаще всего не связаны синонимическими или антонимическими отношениями.

Что касается ключевых слов *мир* и *ссора*, то в подавляющем большинстве случаев происходит замена второго компонента. Он заменяется на слова, в значении которых можно выделить семы «противостояние» и «тяжелое время»: *битва, вражда, конфронтация, безвременье и стагнация, ссоры и споры*. Замена ключевого слова *мир* зафиксирована только в одном контек-

сте НКРЯ: – *Тому же радио задают вопрос: на какие виды делятся мужчины? Армянское радио отвечает: мужчины делятся на два вида – половые гиганты и гигантские половички! Смех. Лучшие худой смех, чем добрая ссора* (К. Серафимов. Записки спасателя (1988–1996)) [2].

Оценочный компаратив *лучше* лишь в единичных случаях заменяется на такие компаративы как *предпочтительнее*, (*гораздо*) *выгоднее*, *продуктивнее*, которые различаются оттенками в значениях. Так, компаратив *предпочтительнее* обладает меньшей категоричностью при выражении предпочтения, как бы допускает вероятность выбора и противоположной миру категории, если бы обстоятельства были иными: «*Революционная демократия – писал Миллюков – за один месяц не успела почувствовать почву под ногами, и худой мир для нее был предпочтительнее доброй ссоры*»... (С. Мельгунов. Мартовские дни 1917 года (1940–1954)) [2]. При употреблении компаратива *выгоднее* на передний план выносятся не безотносительное ценностное отношение к миру, а субъективное представление о выигрышности мира именно в данный момент: *Стрелец. Не стоит затевать ссоры и устраивать сцены, даже если ваши личные интересы затронуты: нынче мир даже на самых унижительных условиях будет гораздо выгоднее, чем ссора. На словах соглашайтесь со всеми претензиями и требованиями, а сами поступайте так, как вам удобно: вы еще свое возьмете!* (Астролог Лина Саванская. Календарь любви и личных отношений // Комсомольская правда, 2005) [2].

Прием сокращения компонентного состава паремии представлен двумя типами:

а) сокращение постпозитивной части паремии, при котором может измениться порядок следования компонентов паремии (1); б) сокращение компенсирующего признака ключевого слова *ссора* (2): (1) *Лучше уж худой мир* (Б. Майоров. Победим Канаду и в Ванкувере! Эксперт «Советского спорта» считает, что на Олимпиаде-2010 золотые медали вновь разыграют россияне и кленовые листья // Советский спорт, 2009); (2) – *Уже седьмой день между Израилем и Палестиной идет настоящая война, наглядно доказывающая, что худой мир в этом регионе куда лучше ссоры* (Израиль задался целью «добить» ХАМАС любой ценой // Новый регион 2, 2008)[2].

В 5 контекстах основного подкорпуса НКРЯ и 3 контекстах газетного словарный вариант пословицы меняется на окказиональный, выражающий идею предпочтительности ссоры, а не худого мира. Инверсия может сопровождаться преобразованиями синтаксической структуры и компонентного состава паремии: *Муки душевного одиночества толкали людей, оторвавшихся от непосредственности, к искусственному и непрочному «примирению» с действительностью, о котором можно сказать, вопреки поговорке, что такой плохой мир – гораздо хуже хорошей ссоры* (Д. Овсяннико-Куликовский. Из «Истории русской интеллигенции» (1911)) [2]. Как правило, в состав таких инвертированных выражений (в 6 из 8) включаются конкретизирующие компоненты, которые в какой-то мере раскрывают причины изменившегося вектора предпочтения, например, *в ближайшее время, иной раз, добрая евразийская ссора – худой европейский мир, фальшивый мир, этот / такой худой мир* и др. Своеобразными конкретизаторами могут стать также глаголы, которые в совокупности с другими лексическими средствами передают уникальность случая: *Не пытайтесь сгладить острую ситуацию, иной раз добрая ссора бывает лучше фальшивого мира* (Астролог Лина Саванская. Календарь любви и личных отношений // Комсомольская правда, 2006) [2]. Чаще всего инвертированная паремия используется при выражении субъективного мнения автора. В художественном тексте она может передавать также субъективное суждение одного из персонажей повествования: *А знаете, друзья, драка на кладбище – хорошая вещь в конце концов! О ней говорит весь город. Твоя бу-мажка по этому поводу – очень хороша и поспела вовремя. Я всегда говорил, хорошая ссора лучше худого мира...* (М. Горький. Мать (1906)) [2].

При окказиональном употреблении пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры*, как уже было отмечено выше, могут производиться преобразования ее синтаксической структуры. Синтаксическая структура канонического варианта может заменяться на синонимичную ей структуру сложноподчиненного предложения с придаточным сравнительным: *Лучше худой мир, чем добрая ссора* (О. Вандышева. Постпред России при НАТО Дмитрий Rogozin: «НАТО – партнер бодливый, но мы тоже не белые и пушистые» // Комсомольская правда, 2009) [2].

Во многих случаях производится полное разрушение синтаксической структуры канонического варианта пословицы. Ключевые компоненты паремии употребляются обособленно друг от друга. При этом общая идея пословицы сохраняется. Окказиональный вариант отличается от исходного не только структурно, но и своим лексическим составом. Особенности такого типа преобразований пословицы являются выделение ключевого компонента *мир* и превращение его в своеобразный смысловой центр высказывания. Это достигается посредством дистанцирования данного компонента от остальной части паремии. К способам дистанцирования относятся расположение атрибутивного признака ключевого компонента *мир* в постпозиции от определяемого слова (1), установление определительных (2) или противительных отношений со второй частью пословицы (3): (1) **Мир**, возможно, не самый почетный и даже в чем-то **худой**, но все же лучше доброй ссоры, ... (М. Соколов. Далеко шагает, пора унять молодца // Известия, 2006); (2) *Шеварднадзе сейчас является, пожалуй, единственной фигурой, способной сохранить тот «худой мир», который лучше «доброй ссоры»* (У ШЕВАРДНАДЗЕ ЕСТЬ ШАНС // Труд-7, 2003); (3) *Не мир*, конечно, но все же **лучше доброй ссоры** (Е. Завершнева. Бабушка // «Знамя», 2010) [2].

Привлечение внимания читателя к отдельным компонентам паремии может достигаться за счет «порционной» подачи содержания паремии не только в разных частях сложного предложения, но и в двух разных предложениях, а также путем включения в высказывания вводных слов, сочетаний, предложений: *Что в остатке после матча со зрителями? Худой мир, пожалуй, так. Это, как в народе говорится, лучше крепкой ссоры* (А. Фомин. Худой мир на восточной. Болельщики «Торпедо» ослабили давление на руководство клуба – не оставили кричалки, но убрали пиротехнику // Советский спорт, 2013) [2]. Примечательным является случай дистанцирования атрибутивного признака от ключевого слова при употреблении ключевого сочетания паремии в качестве интертекстемы в названии одной из газетных статей: ХОТЬ ПЛОХОЙ, НО МИР (В. Воробьев. ХОТЬ ПЛОХОЙ, НО МИР // Труд-7, 2000) [2].

В некоторых свободных предложениях, содержащих ключевые компоненты пословицы, вместо компаратива общей оценки употребляются формы глагола *предпочитать* для субъективизации предпочтения. Именно поэтому в таких предложениях всегда указываются субъекты, осуществляющие выбор между миром и ссорой: *О том, как поладили Путин и Эрдоган, предпочтя худой мир доброй войне, – в материале «Лента.ру»* (Т. Меликян. В комнате стало душно // lenta.ru, 2017); *В этом плане Ульянов всегда предпочитал худой мир откровенной вражде* (Л. Лебедина. БАТЯНЯ // Труд-7, 2007) [2].

В других контекстах при использовании только ключевых компонентов паремии предпочтительность даже худого мира ссоре выражается еще более имплицитно. При этом идея ценностного отношения к миру передается, как правило, с задействованием большего текстового пространства: *Возможно, Масхадов пойдет на уступки... Или русские удовлетворятся новыми границами, новыми условиями союзного договора. Пусть это будет плохой мир. Война тоже не обещала стать чем-то хорошим, ни для одной, ни для другой стороны* (Г. Садулаев. Шалинский рейд (2009) // «Знамя», 2010) [13].

Ключевые сочетания *худой мир* и *добрая ссора* широко используется в текстах НКРЯ для окказиональной номинации определенной ситуации или сложившихся взаимоотношений, что позволяет автору образно и вместе с тем лаконично выразить свое или характерное для некоторой группы людей восприятие этой ситуации или этих взаимоотношений и дать им таким образом оценку: *Знакомство Гордеева с Дорманом было многолетним, отношения – сложными, больше напоминающими добрую ссору, нежели худой мир* (А. Маринина. Стечение обстоятельств (1992)) [2].

Завершая описание функционирования пословицы *Худой мир лучше доброй ссоры* в художественных и публицистических текстах НКРЯ, отметим, что большинство контекстов, в которых употребляется данная пословица либо в каноническом виде, либо в преобразованном или используются ее ключевые компоненты в роли интертекстем, относятся к периоду с 2000 по 2018 гг. и составляют почти 2/3 объема нашей выборки. Около 40 % преобразований представляют собой контаминации двух и более приемов трансформации паремиологической единицы. Как показывает анализ исследуемого нами материала, расширение компо-

нентного состава является самым частотным способом структурно-семантической трансформации данной поговорки. Достаточно часто авторы обращаются к ключевым компонентам паремии и задействуют их в роли интертекста. Идея предпочтительности даже ненадежного мира ссоры в большинстве контекстов сохраняется. При этом под «ссорой» понимается любой конфликт, который может иметь разную степень выраженности противостояния и возникнуть в любой сфере общественной жизни.

Литература

1. Сидоркова, Г. Д. Прагматика паремий : пословицы и поговорки как речевые действия [Электронный ресурс] : автореф. дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.19 / Г. Д. Сидоркова ; Кубанск. гос. ун-т. – Краснодар, 2003. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/pragmatika-paremi-poslovitsy-i-pogovorki-kak-rechevye-deistviya>. – Дата доступа : 10.01.2022.
2. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.ruscorpora.ru>. – Дата доступа : 18.10.2021.
3. Арутюнова, Н. Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. – 2-е изд., испр. – М. : Школа «Язык русской культуры», 1999. – 896 с.
4. Селиверстова, Е. И. Пространство русской поговорки: постоянство и изменчивость / Е. И. Селиверстова. – СПб. : МИРС, 2009. – 270 с.
5. Наймушина, Т. А. Пословицы и поговорки в художественном тексте [Электронный ресурс] : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.04 / Т. А. Наймушина ; Ленинг. орд. Лен. и орд. Красн. Знам. ун-т им. А.А. Жданова. – Ленинград, 1984. – Режим доступа : <https://www.dissercat.com/content/poslovitsy-i-pogovorki-v-khudozhestvennom-tekste>. – Дата доступа : 21.10.2020.
6. Мелерович, А. М. Введение / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Фразеологизмы в русской речи : словарь / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко. – М. : Русские словари, 1997. – С. 3–44.
7. Мелерович, А. М. Оказиональные преобразования фразеологических единиц [Электронный ресурс] / А. М. Мелерович, В. М. Мокиенко // Вестник ЮУрГТТУ. – 2014. – № 8. – Режим доступа : <https://cyberleninka.ru/article/n/okkazionalnye-preobrazovaniya-frazeologicheskikh-edinit>. – Дата доступа : 21.11.2021.
8. Третьякова, И. Ю. Оказиональная фразеология (структурно-семантический и коммуникативно-прагматический аспекты) : автореф. дис. ... д-ра фил. наук : 10.02.01 / И. Ю. Третьякова ; КГУ им. Н.А. Некрасова. – Ярославль, 2011. – 50 с.
9. Доброва, М. Русские фразеологизмы в интернет-дискурсе: функциональный аспект / М. Доброва. – Olomouc : Univerzita Palackého v Olomouci, 2019. – 282 с.
10. Ничипорчик, Е. В. Воспроизводимое и вариативное в текстовых реализациях паремий / Е. В. Ничипорчик // *Frazeologia a Reprodukowalność w teorii i w praktyce komunikacyjnej. Problemy – Metody – Opis*. – Białystok : University of Białystok publishing house, 2020. – Volume six. – С. 65–87.
11. Deutsches Sprichwörter-Lexikon von Karl Friedrich Wilhelm Wander, digitalisierte Fassung im Wörterbuchnetz des Trier Center for Digital Humanities, Version 01/21 [Elektronische ressource]. – Zugriffsmodus : <https://www.woerterbuchnetz.de/Wander>. – Datum des zugriffs : 18.12.2021.
12. Большой толково-фразеологический словарь Михельсона [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://rus-michelson-tolk-dict.slovaronline.com/11617>. – Дата доступа : 18.12.2021.
13. Котова, М. Ю. Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями / М. Ю. Котова ; под ред. П. А. Дмитриева. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 356 с.
14. Refranero multilingüe, 1997–2014. Madrid : Instituto Cervantes [Recurso electrónico]. – Modo de acceso : <https://cvc.cervantes.es/lengua/refranero/Busqueda.aspx>. – Fecha de acceso : 04.01.2022.
15. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских пословиц. Около 70 000 пословиц / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина, Е. К. Николаева ; под общ. ред. В. М. Мокиенко. – М. : ОЛМА Медиа Групп, 2010. – 1024 с.
16. Гомонова, И. Г. Редукция как один из способов дискурсивной реализации паремий / И. Г. Гомонова // Известия Гомельского гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2018. – № 1 (106). – С. 54–58.

УДК 378.147:801.82:378.018.43:811.161.1

Методы улучшения дистанционного (онлайн) обучения: внедрение художественного текста в образовательный процесс

О.В. СЛАВИНА

В статье предлагается стратегия по работе над улучшением дистанционного (онлайн) обучения. Представлены тематические выдержки из анкетирования учащихся 17–19 лет – студентов Казахского национального исследовательского технического университета имени Каныша Сатпаева (Satbayev University) и воспитанников Салона ораторского искусства. Демонстрируются примеры внедрения художественного текста в учебный процесс дисциплин «Русский язык как иностранный. Академический уровень» и «Русский язык как иностранный. Продвинутый уровень».

Ключевые слова: дистанционное обучение, русский язык, художественный текст, средства массовой коммуникации.

The article proposes a strategy to work on improving distance (online) learning. There are presented thematic extracts from the survey of 17–19-year-old students of the Kazakh National Research Technical University named after Kanysh Satpayev (Satbayev University) and pupils of the Salon of Oratory Art. There are demonstrated examples of the literary text implementation in the educational process of disciplines «Russian as a foreign language. Academic level» and «Russian as a foreign language. Advanced level».

Keywords: distance learning, Russian language, literary text, mass communication.

Быстрое развитие информационных технологий обусловило появление стратегически важной области исследования, акцентирующей взаимосвязь медийной среды и литературного наследия. Художественный текст продолжает играть существенную роль в вопросах освоения русского языка. Литературный труд позволяет создать материалы по развитию навыков во всех видах речевой деятельности: чтение, слушание, письмо, говорение. Средства массовой коммуникации дают возможность применять в обучении как недавно созданные (кино, видеоклипы, тематические программы), так и беспрецедентно новые приемы представления литературного труда: мобильное приложение «Живые страницы», видеоигры, тематические проекты с применением технологий виртуальной реальности.

Если учесть, что все студенты сталкиваются с необходимостью прочтения учебного материала на русском языке, то, согласно опросу среди первокурсников, не у всех возникает интерес к этому процессу. Между тем, чтение является основой для совершенствования навыков говорения, необходимых для спонтанной речи в реальной жизни. На вопрос, при каких же обстоятельствах интересно исследовать текст, студенты отвечают: фильмы, видеоклипы, видеоигры. Очевидно, молодежь требует развлечений, чтобы занятия проходили не только познавательно, но и весело: студенты категорически не хотят ощущать отрицательные эмоции. Такие желания понятны. У современного поколения уже есть альтернатива этому миру – мир виртуальный, куда каждый практически в любое время может погрузиться и использовать подходящий ему контент. К тому же общетематическая качественная аудиовизуальная форма подачи материала как никакая другая способна быстро завладеть вниманием аудитории.

Листы анкетирования, проведенного в апреле 2022 г., дают возможность акцентировать внимание на нескольких аспектах нового качества дистанционного (онлайн) обучения. В опросе приняли участие студенты первого курса Казахского национального исследовательского технического университета им. К. Сатпаева и воспитанники Салона ораторского искусства. 93 % учащихся отметили необходимость улучшения качества и скорости интернета, иначе любые программные разработки перестают иметь функциональный смысл. 86 % желает, чтобы одно онлайн-занятие (50 минут) включало в себя различные методы преподавания: деловые игры, тестирование, тематические викторины (предлагаемые платформы: Quizizz, Kahoot), аудирование, любой интерактив, развивающий интеллектуальные способности. Анкетируемые предлагают обязательно сохранять запись видеоуроков. Все молодые люди же-

лают иметь максимально быструю и мобильную связь с преподавателем. 64 % анкетированных хотят получать от наставника психологическую поддержку. В опросе приняло участие 130 человек в возрасте 17–19 лет.

Аружан Сатайбек (Satbayev University) акцентирует внимание на внедрении в процесс обучения виртуальных очков. С их помощью «виртуальные учебные кабинеты будут всегда удобными, актуальными. А тест рубежного контроля превратится в увлекательную гонку с тематическими заданиям-препятствиями». Али Сериков (Satbayev University) видит улучшение онлайн-обучения в применении box-коробки, с помощью которой можно оказаться в глубинах Марианской впадины или у Лукоморья Пушкина. Виртуальная комната также способствует скорейшему познанию базовой структуры программирования (3d модель, VR, код), исследованию деятельности IT специалистов и составителей учебной программы. Важно отметить, в этом году началась процедура внедрения VR-очков в образовательный процесс на базе Института энергетики и машиностроения Satbayev University.

Рациональная качественная подготовка специалистов с высокой предпринимательской культурой, дизайн-мышлением возможна, по мнению Динары Жумагалиевой (Satbayev University), благодаря хорошо технически оснащенной образовательной экосистеме и взаимодействию с метавселенной. Валерия Сидоренко (Салон ораторского искусства) акцентирует внимание на мультидисциплинарности и соответствии Учебного материала современным требованиям рынка труда. Амина Нескенова (Satbayev University) предлагает объединиться преподавателям разных учебных дисциплин, отыскав общую тему и проработав ее сообща, рассматривая проблему под разными альтернативными углами зрения. Александра Павлюк (Салон ораторского искусства) утверждает, что на улучшение качества образования повлияют наличие у студентов и преподавателей необходимых технических средств, обеспечивающих продуктивное бесперебойное обучение; внимание и чуткое отношение между онлайн-сокурсниками; финансовое обеспечение населения; обязательные путешествия для обогащения реальными знаниями о других странах и развития своего мировоззрения; гарантии высокой конкурентоспособности будущего специалиста на рынке труда.

Учитывая степень языковой культуры студента, в Satbayev University предмет «Русский язык» преподается по уровням: элементарный, базовый, академический, прогрессивный, культура делового общения. В первый семестр включено 13 тем – по три подтемы в каждой. В неделю проводятся 3 занятия по 50 минут, одно из них – online. Используемая платформа – Microsoft teams. Занятие имеет строгий time limit – примерно по 10 минут на уяснение и подготовку каждого задания. То есть во время проведения одного урока обязательно используются несколько методов обучения. Например: вариативные упражнения, учебная дискуссия, эвристическая беседа, деловые игры, демонстрация учебных кинофильмов.

Следует учитывать, что процесс внедрения художественного текста происходит непосредственно при разработке тематического урока. При детальном изучении темы исследуется, какие художественные произведения помогут раскрыть содержание занятия. Так, лучшему уяснению материала к курсу «Русский язык. Академический уровень» по теме «Искусство и его виды. Монологическая речь и её особенности» способствует демонстрация на уроке видеоотрывка из фильма-спектакля «Горе от ума», снятого по мотивам одноименного произведения А.С. Грибоедова. Просмотрев и услышав «Монолог Чацкого», студенты яснее воспринимают структуру монологического выступления. При этом выявляются образно-выразительные средства и способы воздействия на аудиторию.

Качественный «деятельный процесс над адаптацией и представлением литературного художественного первоисточника в медийном пространстве осложняется необходимостью максимально корректного декодирования его словесных образов-символов и знаков препинания» [1, с. 313]. Поэтому при подборе видеоматериалов важно учитывать уровень профессионализма авторов арт-произведений. Освоение виртуального мира знатоком слова И.П. Золотусским обусловило создание литературным критиком творческого продукта, представляющего собой качественное взаимодействие художественного текста и средств массовой коммуникации. В фильме Игоря Золотусского «Двух гениев полет» сообщается о

«двух, может быть, самых загадочных гениях русской литературы. Один заставлял нас громко смеяться, но в осадок смеха выпадали слезы. Другой более склонялся к сарказму, к анализу боли сознания, к “хождениям души по мытарствам”» [2, с. 1]. Авторское кино «Двух гениев полет» позволяет научиться работать с подтекстом и выявлять структуру материала. Фильм состоит из введения, трех основных частей («Приговор», «В петле мещанских улиц», «Струна в тумане») и вывода. Смысловое единство достигается путем переплетения сцен из произведений Н.В. Гоголя («Выбранные места из переписки с друзьями», «Записки сумасшедшего», «Мертвые души», «Невский проспект», «Нос», «Ревизор», «Шинель») и Ф.М. Достоевского («Бесы», «Бедные люди», «Записки из мертвого дома», «Записки из подполья», «Преступление и наказание», «Село Степанчиково и его обитатели»). Текстовое содержание цитат из художественных произведений сохранено без изменений. Отмечается умеренный темп изложения материала. Произношение текста ясное, четкое. В киноработе акцентируется внимание на очевидном включении в повесть Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» гоголевских элементов. Так, отмечается преднамеренное цитирование персонажем Фомой Фомичом «Выбранных мест из переписки с друзьями». Важно отметить, что это явление свидетельствует о наличии в тексте признаков постмодернизма – течения, получившего известность лишь во второй половине XX в. Выявляется прямая зависимость света от смыслового содержания видеокадров. Основной цвет: множественные оттенки пыльного коричневого, изредка – синий, голубой, зеленый, красный, золотой. Единожды в ленте появляется разноцветная окружность – радуга. Отдельные кинокадры имеют музыкальное сопровождение. Важной деталью является год выхода фильма – 2001. Он знаменует 120-летие со дня смерти Александра II, о котором упоминается в фильме. Исследование киноработы «Двух гениев полет» выявляет наличие механизмов, обеспечивающих корректное внедрение художественного произведения в медиамир, устанавливает взаимосвязь между смысловым содержанием текста и аудиовизуальным сопровождением, обнаруживает скрытые концептуальные связи при поиске «путеводителей» личности, обеспечивающих согласие в виртуальном и реальном мире героя.

Анализ художественного фильма режиссера В.Д. Рубинчика «Дикая охота короля Стаха» по мотивам одноименной повести белорусского писателя В.С. Короткевича на занятии по русскому языку способствует обогащению студентов знаниями о легендах, преданиях и жизни восточнославянского народа. Пониманию художественной задумки способствует осмысление наличествующих в произведении «говорящих» фамилий. Это Дуботовк, Ворона, Светилович, Дубомирский, Каменский, Кулыша. Ученый-этнограф, член Императорского географического общества при Российской академии именуется Белорецким, а главная героиня – Яновской. Выявляется особенное, богатое на всякого рода звуки, сопровождение кинокадров: лошадиный топот, вороньи крики, гром, звуки колоколов и симфониона, органа и струнных музыкальных инструментов, выстрелов из оружия. Особенное, насыщенное аудиовизуальное сопровождение кинокадров позволяет, в том числе, исследовать произношение слов на белорусском языке и на диалекте русского языка. Для примера можно проанализировать отрывок из главы 8 повести (в фильме – на 47-й минуте): «Пане, пане милостивый... Дай Вам Бог здоровья. И пусть Бог покарает тех, кто сгоняет людей с земли» [3, с. 202]. Данный монолог персонаж фильма, сирота младшего школьного возраста, произносит с белорусским акцентом. Важно отметить, что аналогичные слова в художественном первоисточнике принадлежат не ребенку, а женщине-вдове. Пусть сюжет мистической кинодрамы значительно отличается от структуры повести, однако сохраняет социальную подоплеку «очерчиваемого дня». Свет в киноленте чаще тусклый, на открытом пространстве – туманный естественный, в помещениях – точечный. Цветовая палитра: пыльные оттенки коричневого, голубого, зеленого, лилового. На 52–54 минутах присутствует визуальный эффект калейдоскопа. Основной темп изложения материала – 6 из 10. В тексте выявляются выразительные знаки-символы, в том числе из библейских мотивов: книги, окна, Донская икона Богоматери, огонь, гроб-стол, лестница, ель, дерево, вода, часы, яблоко и каплица, куклы и чучела, болото и хлеб, курица и цыпленок, ласточка и змея, лошади. Кино, как и художественное произве-

дение, представляет собой квинтэссенцию символизма и мифологии, является колыбелью красноречивых славянских мифов и легенд, заклинаний и молитв, пословиц, поговорок, фразеологизмов, устойчивых словосочетаний. Среди них: кашу варить; дразнить гусей; наводить тень на плетень; святые угодники; много, когда три жены в хате, и то смотря для кого. В конструкции крайнего выражения присутствует число три. В «Дикой охоте короля Стаха» оно упоминается не единожды. В ключевом эпизоде фильма – на 47-й минуте Андрей Белорецкий повстречал трех сирот; основным условием дуэли между Вороной и ученым-этнографом стало наличие трех мушкетеров для каждой стороны; на дуэли прозвучало три выстрела; встречаются видеокадры трех иссохших деревьев; трех икон. В произведении «показывается» и Уильям Шекспир. Отсылкой к «Гамлету» является наличествующая в произведении фраза «Не все ладно в Датском королевстве». В оригинале выражение из трагедии имеет написание «Something is rotten in the state of Denmark».

Обобщая всё сказанное, можно сделать вывод, что внедрение дистанционного (онлайн) обучения в сферу образования создает условие для эффективной адаптации художественного текста к учебному процессу.

Литература

1. Славина, О. В. Современное медийное пространство как область литературоведения : особенности адаптации и представления литературного первоисточника / О. В. Славина // Мова і культура. – 2021. – № 23. – С. 311–314.
2. Золотусский, И. П. Струна в тумане / И. П. Золотусский // Литература. – 2001. – № 45. – С. 1.
3. Короткевич, В. С. Дикая охота короля Стаха / В. С. Короткевич. – Л. : Лениздат, 1990. – 416 с.

Гомельский государственный
университет имени Франциска Скорины

Поступила в редакцию 30.03.2022

К вопросу о генезисе праславянского *v

О.И. СОЛОДКАЯ

В статье приводится обзор теорий фонологической системы индоевропейского праязыка, позволяющий реконструировать направление эволюции праславянского *v и выдвинуть предположение о природе рассматриваемого спиранта и родстве *u и *u ($\rightarrow$ *v). Приведенный материал позволяет уточнить представление о первооснове мены *u ($\rightarrow$ ы) и *v ($\rightarrow$ в) в формах склонения существительных типа древнерусских *свекры*, *любы*, *смокы*, *церкы* и подобных.

Ключевые слова: генезис, индоевропейский праязык, праславянский языковой срез, вокализм, консонантизм, спирант, сонант, сонорный, слоговой аллофон, неслоговой аллофон.

The article provides an overview of the theories of the phonological system of the Indo-European proto-language, which allows reconstructing the direction of evolution of Proto-Slavic *v and suggesting the nature of the considered spirant and the relationship of *u and *u ($\rightarrow$ *v). The presented material allows us to clarify the idea of the fundamental principle of the exchange *u ($\rightarrow$ ы) and *v ($\rightarrow$ в) in the declension forms of nouns such as the old Russian *свекры*, *любы*, *смокы*, *церкы* and the like.

Keywords: genesis, Indo-European proto-language, Proto-Slavic language period, vocalism, consonantism, spirant, sonant, sonorant, syllabic allophone, non-syllabic allophone.

Установление происхождения языковых фактов и явлений вызывает затруднение, когда объект исследования относится к исторически раннему периоду. Сложившееся к определенному синхронному срезу явление есть результат многовековых преобразований. Так, фонетический облик и структура слова формируются под влиянием целого ряда факторов: переразложения основы, качественных и количественных изменений звуков, действия аналогии, влияния экстралингвистических факторов и т. п. Чем более долгий путь проходит слово, тем сложнее установление истока. Так, общеупотребительное имя существительное *любовь* рассматривается в современном русском литературном языке как отглагольное производное со словообразовательным формантом *-овь* [1, с. 565]. В древнерусском языке начальная форма рассматриваемого субстантива оканчивалась на гласный *ы* – *любы*.

Исследователи объясняют вытеснение форм именительного падежа существительных типа *любы*, *свекры*, *церкы* и др. формами винительного падежа единственного числа *любовь*, *свекровь*, *церковь* – происходит сближение данных слов со склонением основ на *-ї. Некоторые из субстантивов, относящихся к типу склонения на *-у, под влиянием форм косвенных падежей утратили свойственную им особую форму именительного падежа и получили форму с финалью *-ва*, например, *дрогва*, *клюква*, *смоква* и др., т. е. отошли к старому склонению на *-а [2, с. 86]. Лингвисты указывают, что губной фриктивный согласный появляется в результате взаимодействия гласного флексийной морфемы («падежного суффикса» в терминологии Ф.Ф. Фортунатова) и гласного основы *ї: в такой фонетической обстановке *ї «распадался» на *й и *у* или *v* [3, с. 337], [4, с. 156], [5, с. 37].

Следует отметить, что появление в формах косвенных падежей согласного *в* свойственно не только субстантивам с основой на *-у < *-ї, но и именам существительным с основой на *-ї: сравн.: *сынъ* (И.п. ед.ч.) – *сынови* (Д.п. ед.ч.), *сынове* (И.п. мн.ч.), *сыновъ* (Р.п. мн.ч.) и др. Остается неясным, почему гласный *u при определенных фонетических условиях чередуется именно с *v. Так, целью настоящей статьи является установление генезиса фонем *ї, *й, *u ($\rightarrow$ *v), реконструкция направления эволюции праславянского *v путем анализа и систематизации научной литературы.

Системный подход к изучению явлений языка оказывает существенное влияние на используемые методы исследования. Если в традиционном языкознании система гласных рассматривалась изолированно от системы согласных, то «современное языкознание ставит перед исследователями новую важную проблему – историю взаимоотношений между системами вокализма и консонантизма» [6, с. 125]. «Современная теория языка, – пишет С.Б. Бернштейн, – требует не только анализа фонетических изменений, но и всестороннего изучения тех отношений, в которые вступают между собой фонемы в различные периоды истории системы языка» [6, с. 124].

Ученый подчеркивает, что ошибочным будет смотреть на язык «через готовую схему звуковых отношений древнейших эпох» [6, с. 124], каждый исторический период следует рассматривать в синхронии, поскольку в каждую следующую эпоху эти отношения преобразуются.

«Подвижность» фонетической системы создает существенные затруднения в изучении генезиса определенных фонем. Анализ научной литературы, посвященной вопросам исторической фонологии, выявляет многообразие точек зрения на системы вокализма и консонантизма индоевропейского периода и исторически более поздних эпох. Так, в научной литературе представлены разные точки зрения на количество и качество гласных фонем индоевропейского праязыка. Н.К. Пирогова говорит о распространенности в науке о языке точки зрения, согласной которой в основе «всякой фонетической системы лежит первичный универсальный треугольник гласных – *a, u, i*» [7, с. 119]. О. Семереньи на основании сравнения ряда языков приходит к выводу о правомерности выделения в языке-основе пяти основных гласных – **i, *u, *e, *o, *a* (и соответствующих им долгих **ī, *ū, *ē, *ō, *ā*) [8, с. 47]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов говорят о том, что «наряду с гласной фонемой *V* для раннего периода общеиндоевропейской языковой системы следует постулировать узкие гласные **i* (переднего ряда) и **u* (заднего ряда)» [9, с. 160].

В соответствии с классической сравнительной грамматикой индоевропейских языков «в индоевропейском праязыке были представлены два гласных: *[ə]* и *[a]*. Первый – *schwa indogermanicum primum* – представлял ступень редукции гласных *[ā], [ō], [ē]*, второй – *schwa indogermanicum secundum* – ступень редукции гласных *[ǣ], [ǫ], [ě]*» [6, с. 147].

Согласно другой точке зрения в языке-основе следует выделять только один гласный звук *e*, к которому присоединялся сонантный коэффициент. Функцию сонантных коэффициентов, наряду с собственно сонантами, выполняли фонемы *а* и *о* [10, с. 423]. Приводя в качестве примера корни с *e*, распространенные в рефлексах индоевропейского праязыка, Ф. де Соссюр определяет функцию сонантных коэффициентов и то, как ведет себя данный элемент, присоединяясь к корневой морфеме: «*i* и *u* в этих корнях так же, как и плавный и носовой таких корней, как *derk, bhendh*, можно назвать сонантными коэффициентами. Они поддерживают вокализм корня. В зависимости от того, сохраняется или исчезает *e*, функция сонантных коэффициентов меняется: *r, l, m, n* из консонантов становятся сонантами; *i* и *u* переходят из симфтонгического состояния в состояние аутофтонгическое» [10, с. 310].

С.Б. Бернштейн, определяя индоевропейский праязык как язык «консонантного строя», говорит об отсутствии в нем гласных фонем. Исследователь, однако, допускает существование «нерасчлененного вокального элемента», выполнявшего «разгрузочную» функцию, который предлагает называть «вокалическим коэффициентом» и обозначать *[Λ]* [6, с. 126], [11, с. 13]. С.Б. Бернштейн указывает, что «в определенных позициях из этого вокалического коэффициента возник гласный *[e]* (чередующийся с *[o]*), который позже в сочетании с различными «ларингалами» и дал гласные индоевропейского праязыка» [6, с. 126].

Как отмечает С.Д. Кацнельсон, определение типа вокализма для раннего периода индоевропейского праязыка как моновокалического является спорным вопросом. «Скептицизм многих исследователей в отношении моновокалической теории во многом объясняется необычностью связанных с ней представлений: языки с одним гласным до сих пор практически не учтены наукой. Большие трудности представляет фонологическая интерпретация моновокалической системы» [12, с. 46]. Предположение о моновокалическом характере языка-основы было высказано еще Ф. де Соссюром, восстановившим для раннего периода индоевропейского праязыка сонантные коэффициенты *а* и *о*. Последние становятся фундаментом для получившей распространение ларингальной теории, которая исходит из существования в праязыке особых согласных, называемых ларингалами, и объясняет происхождение и чередования гласных языка-основы. Однако, по мнению ряда исследователей, «отмеченный разноречивостью во мнениях относительно количества предполагаемых индоевропейских ларингальных говорит об отсутствии каких-либо ясных признаков зависимости качества индоевропейских гласных от исчезнувших ларингальных» [11, с. 4], [12, с. 46].

Система вокализма оказывается тесно связанной с сонантами, слоговые аллофоны которых **i* и **u* совпадают с гласными **i* и **u*. По этой причине возникает вопрос о соотношении и разграничении названных сонантов и соответствующих гласных.

Под сонантами А. Мейе предлагает понимать фонемы, занимающие «среднее положение между гласными и согласными» [13, с. 129]. Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов определяют сонанты как фонемы, проявляющиеся «в зависимости от позиций в виде своих слогаобразующих

и соответствующих неслогообразующих аллофонов» [9, с. 164]. В современном языкознании термин имеет два значения: во-первых, под сонантом понимается согласный, способный выступать в качестве слогообразующего звука; во-вторых, – сонорный согласный, т. е. согласный, в образовании которого участие голоса, в отличие от шума, играет преобладающую роль (например *л, р, м, н*) [14]. При близости толкований термина имеются различия в представлении фонем. Так, А. Мейе выделяет сонанты *у, *w, *r, *l, *m, *n (их слоговые аллофоны *i, *u, *j, *ɹ, *m, *n); в терминологии Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова *у, *w, *r, *l, *m, *n есть сонорные, на базе которых образуются сонанты *i, *u, *r, *l, *m, *n (их слоговые аллофоны *i, *u, *j, *ɹ, *m, *n); О. Семереньи выделяет полугласные *у и *w, носовые и плавные *r, *l, *m, *n и сонанты *j, *ɹ, *m, *n [8, с. 83]. А. Мейе, Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов относят сонанты к отдельному классу фонем, О. Семереньи квалифицирует полугласные, носовые и плавные как согласные, а сонанты рассматривает наряду с гласными и дифтонгами.

Представленный выше обзор выявляет проблему природы сонантов. Вопрос об отнесенности исходной для сонанта *u/*i («полугласного») у О. Семереньи) фонемы к системе вокализма или консонантизма в настоящий момент не имеет однозначного ответа. Надо сказать, что установить генезис фонем, существование которых насчитывает тысячелетия, крайне сложно, этим объясняется множество предположений, выдвигаемых исследователями. Поэтому в настоящей работе предпринимается попытка систематизации теорий, изложенных в научной литературе, чтобы выстроить непротиворечивую модель происхождения фонем *v←и.-е.*w, *у←и.-е.*u.

В работе «Индоевропейский язык и индоевропейцы» приведена точка зрения о консонантной природе сонантов: «В корнях с сонорными *у, *w, *r, *l, *m, *n слабая ступень проявлялась, как правило, в виде ступени редукции, то есть при сонорном возникал редуцированный гласный звук, являвшийся своего рода фонетической опорой сонорных в соседстве с шумными». Сочетания «редуцированного гласного с сонорным приводили в дальнейшем к образованию слоговых сонорных», например, *_ow// *w_o → *u [9, с. 162]. Однако при этом появившийся слоговой сонант *u совпадал с гласным *u (который исследователи выделяют для раннего периода индоевропейского языка наряду с V и *i). В этой ситуации «первоначальные гласные *i, *u причисляются к классу сонантов в качестве слоговых аллофонов соответственно фонем [*i, *u.]» [9, с. 164]. В поздний же период и.-е. яз. в отдельных диалектах языка-основы вследствие вокализации сонантов появляются гласные полного образования, что приводит «к существенным преобразованиям в системе вокализма, в которой слоговые *i и *u выступают в качестве элементов вокалического класса в результате расщепления сонантов [*i, *u] на собственно гласные [*i, *u] и согласные фонемы» [9, с. 198].

Таким образом, согласно точке зрения Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванова, на раннем этапе индоевропейского языка выделяются гласные *i, *u, на следующем хронологическом срезе они переходят в разряд согласных, а к позднему периоду индоевропейского языка вновь появляются из сонантов.

Рассматривая древнейшие корневые морфемы, исследователи, однако, обнаруживают корни с гласными *i, а также, вероятно, и *u, корневая гласная которых «переходила в фонетически неслоговую разновидность *i, соответственно *u, в позиции перед гласной V» при присоединении к корню структуры «согласная + i» суффикса структуры «гласная + согласная» [9, с. 243]. Следовательно, это «привело к образованию сонанта /*i/ (а также /*u/) с аллофонами [*i, *i], [*u, *u] в результате переосмысления гласных *i, *u, перераспределения звуков *i, *u (соответственно *i, *u) и их объединения с ранее существовавшими сонорными *у, *w в один класс сонантов» [9, с. 243]. Такие гласные, отражающие «первоначальную индоевропейскую систему гласных, можно было бы видеть в «стабильных» *i и *u», которые не имеют аблаутных ступеней [9, с. 244], однако разграничить исконный гласный и слоговой сонант оказывается сложно, так как «вокалический характер такого *i и *u постепенно стирается в процессе возникновения форм с полной ступенью огласовки и дистрибутивного перераспределения слоговых и соответствующих неслоговых элементов» [9, с. 244].

С.Б. Бернштейн также указывает, что праславянские гласные [ū], [ǔ] генетически восходят к индоевропейским сонантам. Они представляют собой «слоговую ступень сонантов, будучи нулевой ступенью чередований дифтонгических сочетаний» [6, с. 148].

А. Мейе, напротив, говорит об особом характере сонантов *у и *w, представляющих согласные формы *i и *u, которые являются наиболее закрытыми из всех гласных, но все же, с фонетической точки зрения, гласными» [13, с. 129–130]. Исследователь подчеркивает неодно-

родность сонантов, т.е. выделяет принципиальные отличия в ряду данных фонем: фонемы *у и *w являются теми же, что *i и *u, «только играющими роль согласных», в то время как, например, *n и *m, «артикуляция которых включает элемент смыка, собственно говоря, – согласные; и их гласные формы *n̥ и *m̥ не могут рассматриваться в том же плане, что *i и *u» [13, с. 131].

В труде «Общеславянский язык» А. Мейе, в разных аспектах упоминая старые основы на *-ī, возводит *ī к сочетанию *й + *а [15, с. 279], а ниже к сочетанию *w + *а, подчеркивая при этом, что долгий гласный есть нулевая ступень от *-wā- [15, с. 344]. Возможно, причина неразграничения *w и *й связана с генетической связью фонем. А. Мейе указывал на то, что губно-губной *w, к которому восходит праславянский спираント *v, является согласным вариантом гласного *u [15, с. 32–33], [16, с. 79, 86, 95–97].

Ф.Ф. Фортунатов также характеризует *-ī («стянутое по происхождению») как гласный, образованный в результате стяжения *й и а [3, с. 337]. Более того, исследователь квалифицирует i и u как общеиндоевропейские гласные, которые могут быть долгими или краткими, слоговыми или неслоговыми [17, с. 275].

Об исконно гласном характере неслогового *i̯ (и, надо полагать, *u̯ по аналогии) говорит Я. Грот, исследуя дифтонги на сонант: «Для образования слога слабейший член дифтонга действительно получает значение (функцию) согласного, играет роль его, почему древние грамматики и дали йоту название i consonans (или i consona), но по натуре своей этот звук, как было показано, остается гласным» [18, с. 338].

В.В. Иванов, описывая систему гласных индоевропейского праязыка, приводит две точки зрения на состав и качество гласных фонем, в каждой из которых содержится указание на гласную природу сонантов. Так, согласно одной из точек зрения, для более древнего хронологического среза следует выделять один гласный звук, который употреблялся во всех слогах. Следовательно, для этого периода «можно было бы предположить не противопоставление *ā и других фонем, а нефонологический характер *ā, откуда <...> с необходимостью вытекает функционирование древних прототипов сонантов в качестве гласных, противопоставленных согласным» [19, с. 19–20]; функционирование слоговых сонантов, как подчеркивает исследователь, «отражает их более древнее функционирование в качестве гласных <...> тогда как их функционирование в качестве согласных обусловлено фонологизацией *ā» [19, с. 20]. В основе другой точки зрения лежит представление о системе вокализма как двухчленной системе с противопоставлением более открытых гласных более закрытым (что считается наиболее ранним противопоставлением). Преобразование сонантов *i̯, *u̯ в гласные «можно считать возвратом к гипотетическому еще более древнему состоянию» [19, с. 22–23].

Предпринимает попытку объяснения аллофонов *i̯/*i, *u̯/*u и В.А. Богородицкий: «Гласные звуки хотя и ближе подходят к музыкальным, однако же не совершенно свободны от шума, – и гласные звуки сопровождаются маленькими неправильностями воздушного движения. Более сильный шум образуется при узких гласных *i̯ и *u̯. Через простое усиление шума гласный *i̯ переходит в j, а гласный *u̯ – в английское w» [20, с. 136].

Наблюдения И.М. Тронского над системой вокализма латинского языка соотносительны с выводами В.А. Богородицкого: сонант *u̯ (v) отличается от гласного *u «более закрытым характером и меньшей напряженностью», но сохраняет при этом сходство по тембру. Уже «с I в. н. э. *u̯ начало развиваться в губно-губной щелевой согласный (β), а затем и в губно-зубной (v)» [21, с. 55–56]. Ниже ученый описывает случаи консонантизации краткого гласного i̯: «перейти в согласные могут только самые закрытые краткие гласные *i̯ и *u̯, которые при дальнейшем подъеме становятся неслоговыми сонантами *i̯ и *u̯ (v): *se-luō → *soluō (в позиции между сонантом *l и гласным *ō краткий *i̯ переходит в согласный) [21, с. 55–56, 106]. Таким образом, подчеркивается связь, которую латинский язык унаследовал из индоевропейского, между гласным *u̯, кратким гласным i̯ и сонантом *u̯.

На гласную природу индоевропейского сонорного указывает также А. Вайян, который утверждает, что индоевропейский суффикс *-wo- – *-vi̯, к которому восходит *-v-, является тематическим производным от суффикса *-u-. Примечательно, что большое количество производных с финалью *-v(a) являются результатом морфологического смешения субстантивов с основой на *-i̯ и на *-ā: например, русские имена *церковь*, *свекровь*, *буква*, *смоква* и под. [22, с. 711].

А.Н. Савченко, характеризуя состав гласных фонем индоевропейского языка в своем труде «Сравнительная грамматика индоевропейских языков», пишет: «Гласные *i, *u были довольно частыми, могли быть не только слоговыми, но и неслоговыми. Это свойство объединяло их с сонорными согласными, и вместе с последними они составляли особую группу, занимавшую промежуточное положение между гласными и согласными» [23, с. 81]. Несмотря на промежуточный характер фонем *i, *u, исследователь относит их к системе вокализма, при этом сонорные *r, *l, *m, *n, которые, как утверждает автор, составляют одну группу с гласными *i, *u, квалифицирует как согласные [23, с. 76, 79–80]. Наряду со слоговыми вариантами *i̯ и *u̯ в группу гласных фонем включен также неслоговой *u [23, с. 85–87]. На наш взгляд, отнесение неслогового *u к числу гласных фонем является отражением его генезиса. В подтверждение родственных связей между слоговым и неслоговым вариантами гласного *u А.Н. Савченко приводит в качестве примера сочетание -ва, чередующееся в славянских языках с гласным -ы: *квась – кысль, хватати – хытити*; приведенный языковой материал показывает, что *v есть позиционный вариант гласной фонемы *u. «Неясными остаются только хронологические рамки перехода *u в *v – в языке-основе или в отелных языках, выделившихся из него» [23, с. 86] (данный аспект не составляет предмет исследования в настоящей статье).

Неслоговые *i̯, *u̯ перед гласными отражаются во всех индоевропейских языках как согласные j, v. При этом в случае исчезновения гласного после неслоговых *i̯, *u̯ они становятся гласными фонемами *i, *u [23, с. 84–86]. П.Я. Черных, анализируя явление мены твердого или мягкого в неслоговым u в некоторых русских говорах, например, *де^ука, дере^уня, кро^у* и под., полагает, что данное явление можно рассматривать как «сохранение старины». При этом автор обращает внимание на отсутствие ассимиляции по звонкости глухих согласных перед в, что косвенно указывает на гласную природу согласного в [24, с. 148–149].

Установить безапелляционно состав фонем на раннем этапе развития индоевропейского языка в настоящий момент не представляется возможным. Однако приведенные выше точки зрения, указывающие на генетическую близость *i̯, *i̯ и *u̯ (из которого *v), имеют достаточно аргументированную основу. Связь *i̯ и *i̯ не вызывает сомнений у исследователей. Показательна в этом отношении характеристика основы, к которой О.Н. Трубачев предлагает относить праславянский субстантив *body/*bodъve ‘рыболовный трезубец’. Этимолог утверждает, что указанное существительное относится к типу основ на индоевропейский *u, и использует одновременно знак долготы и краткости над гласным *u [25, с. 12], т. е. не дифференцирует основы на краткий и долгий *u. В то же время родство *u (*i̯, *i̯) и *u̯ не представляется очевидным. Правомерно будет обратиться к такому фонологическому понятию, как вариация фонемы. «Вариация – это такие обусловленные позицией модификации основного вида фонемы, при которых не происходит совпадения в одном звучании данной фонемы с какой-нибудь другой. <...> вариация – это есть как бы позиционно обусловленный звуковой синоним основного вида фонемы» [26, с. 42–43]. Гласный *u не появляется в тех же фонетических позициях, что и *u̯, при этом они образуют соотносительную пару даже в индоевропейском праязыке, следовательно, сохраняют признак, лежащий в основе, т. е. «синонимичны». Можно предположить, что *i̯, *i̯ и *u̯ являются вариациями фонемы *u.

Представленный обзор теорий фонологической системы индоевропейского праязыка отражает многообразие подходов к изучению данного вопроса. Если попытаться объединить сходные предположения, игнорируя некоторые детали, то это многообразие может быть сведено к двум противопоставленным точкам зрения. Согласно одной из них индоевропейский праязык не имел качественно различающихся гласных и система вокализма строилась на базе согласных (сонантов, сонорных); в соответствии с другой уже в ранний период развития языка-основы гласные фонемы могли быть выделены как полноправные члены фонологической системы. Вторая точка зрения представляется нам более убедительной и последовательной: фонемы *i̯, *i̯, *u̯ могут быть квалифицированы как вариации гласного *u, т. е. имеют гласную природу. Резюмируя вышеизложенное, приведем в виде схемы реконструкцию ключевых этапов преобразования праславянского спираанта: *v ← *w ← *u̯ ← *u (*i̯, *i̯). Таким образом, правомерно полагать, что *v и *u есть не различные по своей природе звуки, а трансформации исторически одного звука в различных фонетических условиях.

Литература

1. Тихонов, А. Н. Словообразовательный словарь русского языка : в 2 т. / А. Н. Тихонов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : АСТ: Астрель, 2008. – Т. 1. – 860 с.
2. Кузнецов, П. С. Историческая грамматика русского языка. Морфология / П. С. Кузнецов. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1953. – 306 с.
3. Фортунатов, Ф. Ф. Склонение / Ф. Ф. Фортунатов // Избр. труды : в 2 т. – М., 1956–1957. – Т. 2. – 1957. – С 12–426.
4. Горшкова, К. В. Историческая грамматика русского языка / К. В. Горшкова, Г. А. Хабургаев. – М. : Высш. шк., 1981. – 359 с.
5. Павлович, А. И. Историческая грамматика русского языка : в 3 ч. / А. И. Павлович. – М. : Просвещение, 1977–1980. – Ч. 2 : Морфология. – 1979. – 304 с.
6. Бернштейн, С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков / С. Б. Бернштейн. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 350 с.
7. Пирогова, Н. К. Аллофоническая структура русского языка / Н. К. Пирогова // Вопросы русского языкознания. – 1980. – Вып. 3 : Проблемы теории и истории русского языка. – С. 119–130.
8. Семереньи, О. Введение в сравнительное языкознание / О. Семереньи ; пер. с нем. Б. А. Абрамова. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 400 с.
9. Гамкрелидзе, Т. В. Индоевропейский язык и индоевропейцы (реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры) : в 2 ч. / Т. В. Гамкрелидзе, В. В. Иванов. – Тбилиси : Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Ч. 1 : Структура общеиндоевропейского языка. – 430 с.
10. Соссюр, Ф. де Мемуар о первоначальной системе гласных в индоевропейских языках / Ф. де Соссюр // Труды по языкознанию ; пер. с фр. А. С. Бобовича, А. Б. Черняка. – М. : Прогресс, 1977. – С. 302–557.
11. Мельничук, А. С. О генезисе индоевропейского вокализма / А. С. Мельничук // Вопросы языкознания. – 1979. – № 5. – С. 3–16.
12. Кацнельсон, С. Д. К фонологической интерпретации протоиндоевропейской звуковой системы / С. Д. Кацнельсон // Вопросы языкознания. – 1958. – № 3. – С. 46–59.
13. Мейе, А. Введение в сравнительное изучение индоевропейских языков / А. Мейе ; пер. с фр. Д. Кудрявского. – М., Л. : Гос. соц.-экон. изд-во, 1938. – 510 с.
14. Сонант [Электронный ресурс] // Краткий понятийно-типологический справочник по этимологии и исторической лексикологии ; сост. Ж. Ж. Варбот, А. Ф. Журавлев. – Режим доступа : https://dic.academic.ru/dic.nsf/etymology_terms/426/. – Дата доступа : 06.04.2022.
15. Мейе, А. Общеславянский язык / А. Мейе ; пер. П. С. Кузнецова ; под общ. ред. С. Б. Бернштейна. – М. : Изд. группа «Прогресс», 2001. – 500 с.
16. Бенвенист, Э. Индоевропейское именное словообразование / Э. Бенвенист ; пер. с фр. Н. Д. Андреева. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 260 с.
17. Фортунатов, Ф. Ф. Сравнительная фонетика индоевропейских языков (краткий очерк) / Ф. Ф. Фортунатов // Избр. труды : в 2 т. – М., 1956–1957. – Т. 1. – 1956. – С. 199–446.
18. Грот, Я. Заметки о сущности некоторых звуков русского языка / Я. Грот // Филологические разыскания : в 2 т. – СПб. : Типография императорской Академии наук, 1885. – Т. 1. – 1885. – С. 335–353.
19. Иванов, В. В. Типологические замечания о системе гласных / В. В. Иванов // Общеиндоевропейская праславянская и анатолийская языковые системы (сравнительно-типологические очерки). – М. : Наука, 1965. – С. 19–24.
20. Богородицкий, В. А. Введение в изучение русского вокализма : в 2 вып. / В. А. Богородицкий. – Варшава, 1882–1883. – Вып. 2. – 1883. – С. 60–162.
21. Тронский, И. М. Историческая грамматика латинского языка. Общеиндоевропейское языковое состояние / И. М. Тронский. – М. : Индрик, 2001. – 575 с.
22. Vaillant, A. Grammaire comparée des langues slaves : en 5 t. / A. Vaillant. – Paris, 1950–1976. – Т. IV : La formation des noms. – 1974. – 809 p.
23. Савченко, А. Н. Сравнительная грамматика индоевропейских языков / А. Н. Савченко. – М. : Едиториал УРСС, 2003. – 410 с.
24. Черных, П. Я. Историческая грамматика русского языка / П. Я. Черных. – М., 1962. – 375 с.
25. Трубаев, О. Н. Опыт ЭССЯ : к 30-летию с начала публикации (1974–2003) / О. Н. Трубаев ; отв. ред. И. Б. Еськова. – М. : Институт русского языка РАН, 2003. – 47 с.
26. Аванесов, Р. И. Очерк грамматики русского литературного языка : в 2 ч. / Р. И. Аванесов, В. Н. Сидоров. – М. : Гос. уч.-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1945. – Ч. 1 : Фонетика и морфология. – 236 с.

Функцыянальна-сэнсавыя тыпы дыскурсу беларускіх народных загадак

А.А. СТАНКЕВІЧ

Артыкул прысвечаны апісанню функцыянальна-сэнсавых тыпаў беларускіх народных загадак як камунікатыўна абумоўленых маўленчых жанраў. Пры гэтым структурна-семантычныя мадэлі загадак разглядаюцца паводле вербалізацыі ў іх дыскурсе трох кампанентаў: загаданага прадмета – дэнатата; аб'екта, які кадзіруе загаданы прадмет – субстытута і агульнага для іх вобраза. У артыкуле вызначаюцца дыскурснаўтваральныя вербалізатары розных тыпаў загадак, апісваюцца іх кагнітыўная і лінгвапрагматычная функцыі, ацэньваюцца выкарыстоўваемыя слоўнавообразныя сродкі і выяўленча-выразны патэнцыял.

Ключавыя словы: загадка, дыкурс, функцыянальна-сэнсавы тып, структурна-семантычная мадэль, дыскурснаўтваральныя вербалізатары, кагнітыўная і лінгвапрагматычная функцыі.

The article is devoted to the description of functional and semantic types of discourse of Belarusian folk riddles as communicatively conditioned speech genres. At the same time, the structural and semantic models of riddles are considered in connection with the verbalization of three components in their discourse: the object to be guessed – the denotation; the object encoding the object to be guessed – the substitute and the image common to them. The article defines the discourse-forming verbalizers of various types of riddles, describes their cognitive and linguistic-pragmatic functions, evaluates the means of verbal imagery used and the visual-expressive potential.

Keywords: riddle, discourse, functional and semantic type, structural and semantic model, discourse-forming verbalizers, cognitive and linguistic-pragmatic functions.

Любы тэкст, як вядома, можна разглядаць як адлюстраванне пэўнага тыпу маўленчага жанру. Мова, паводле М. Бахціна, рэалізуецца ў працэсе маўленчага акта ў выказваннях, форму якіх і складаюць маўленчыя жанры. Камунікатыўная тактыка і стратэгія маўленчых паводзін у самых розных маўленчых сітуацыях рэалізуецца з улікам вялікай колькасці розных маўленчых жанраў, якія маюць пэўныя функцыянальна-сэнсавыя адметнасці [1, с. 237].

Адным з відаў вуснай народна-паэтычнай творчасці з'яўляюцца загадкі, якія традыцыйна адносяць да малых фальклорных жанраў. Народныя загадкі ў сістэме іншых жанраў вуснай народна-паэтычнай творчасці вызначаюцца невялікім тэкставым аб'ёмам, лаканічным выкладам думкі, афарыстычнасцю выражэння, выяўленчай выразнасцю і вобразнасцю.

Загадкай называюць «іншасказальнае вобразнае апісанне якога-небудзь прадмета або з'явы на аснове падабенства паміж утоеным прадметам, які трэба адгадаць, і тым, які замяняе яго ў загадцы» [2, с. 10].

Аб'ектам аналізу ў артыкуле з'яўляюцца беларускія народныя загадкі, змешчаныя ў зборніку «Загадкі» (серыя «Беларуская народная творчасць») [3], мэтай – вызначэнне функцыянальна-сэнсавых тыпаў дыскурсу народных загадак.

Пад функцыянальна-сэнсавымі тыпамі маўлення традыцыйна маюцца на ўвазе камунікатыўна абумоўленыя тыпы маўлення, выкарыстоўваемыя ў адпаведнасці з яго прызначэннем і сэнсам – апавяданне ў тэксце пра развіццё і змены падзей, апісанне характэрных прыкмет і ўласцівасцей прадметаў і з'яў, разважанне аб іх пэўных асаблівасцях [4].

Шматграннасць формы, разнастайнасць зместу і спосабаў «шыфроўкі» загаданага прадмета, кагнітыўная значнасць і прагматычная накіраванасць народных загадак дазваляе, на наш погляд, прымяніць паняцце *функцыянальна-сэнсавыя маўленчыя тыпы* да дыскурсу народных загадак.

Даследчыкі вуснай народна-паэтычнай творчасці выдзяляюць наступныя тыпы загадак: загадкі-апісанні, загадкі-метафары, загадкі-пытанні, загадкі-дыялог, загадкі-задачы [2].

Паводле меркавання лінгвістаў, семантычную структуру народнай загадкі складае ўзаемасувязь трох кампанентаў: загаданага аб'екта, або дэнатата, аб'екта, які замяшчае, кадзіруе загаданы аб'ект – субстытута і агульнага для іх вобраза [5, с. 198].

У складзе народных загадак даволі часта сустракаецца функцыянальна-сэнсавы тып загадкі-апісанне, які мае дэскрыптыўную форму вербалізацыі зместу. Дэскрыптыўная форма падачы зашыфравага прадмета ў такіх загадках грунтуецца на апісанні дэнатата, які неабходна адгадаць. Пры гэтым адзначаюцца рэлевантныя, адрозныя адзнакі прадмета. Моўная рэпрэзентацыя загаданага прадмета ў загадках-апісаннях уключае ўказанне на колер, форму, памер, прасторавую характарыстыку, стан, дзеянне і ўспрыняцце чалавекам дэнатата, які неабходна адгадаць. У іх не называецца субстытут, што замяшчае дэнатат, а апісваюцца яго прыкметы і якасці, якія выконваюць ролю падказкі для разгадкі. Структурна-семантычная мадэль такіх загадак уключае атрыбутыўную, кваліфікацыўную і прэдыкатыўную характарыстыку дэнатата. Атрыбутыўная характарыстыка можа быць статычнай – адзначае форму загаданага прадмета: «Круглае, доўгае, ніхто не дастане. Неба» [№ 1]; яго колер: «Не чарнёны, а ўвесь чорны. Воран» [3, № 1345]; смакавыя якасці: «Чырвоны колер, вінны смак. Вішня» [3, № 809]; прасторавыя ўласцівасці: «Відзен край, а дабрацца да яго нельга. Гарызонт» [3, № 93] і інш.

У такіх загадках, як правіла, выкарыстоўваюцца азначэнні, якія адлюстроўваюць эйдэчную, канкрэтна-пачуццёвую форму ўспрыняцця аб'ектыўнай рэчаіснасці і ўказваюць на знешнюю характарыстыку загадваемых прадметаў.

У некаторых загадках апісанне дэнатата можа быць дынамічным – адлюстроўвае змены, якія адбываюцца з ім: «Летам зялёны, а восенню чырвоны. Яблык» [3, № 799]; «Летам жоўценькі, а зімою беленькі. Заяц» [3, № 1319], пры гэтым могуць дэтэрмінавацца фактары, якія абумовілі змены загаданага прадмета: «Было жоўтым, вырасла зялёным, сонца пацалавала, зноў жоўтым стала. Пшаніца» [3, № 546]; «Вісіць – зялёны, ляціць – жоўты, ляжыць – чорны. Ліст» [3, № 421]; «Жывы – чорны, памрэ – чырвоны. Рак» [3, № 1389].

Кваліфікацыўная характарыстыка дэнатата з'яўляецца дадатковай. Напрыклад, яна адзначае яго карысныя для чалавека ўласцівасці: «Шараваты, кудраваты, а наварху плеш, на здароўе з'еш. Качан капусты» [3, № 651]; «Круцестая, вярцестая, хто яе дбае, будзе сто год жыць. Капуста» [3, № 652]; «Кругленька, бяленька, усяму свету міленька. Сонца» [3, № 5]; «Маленькае, бяленькае ўвесь свет адзене. Іголка» [3, № 1848].

Прэдыкатыўная характарыстыка дэнатата звычайна падкрэслівае асаблівасці яго дзеяння, змены стану: «Стукае, грукае, а нідзе яго не відаць. Гром» [3, № 166]; «Дыхае, расце, а хадзіць не можа. Расліна» [3, № 396]; «Увосень рассыпаецца, улётку збіраецца, само поўнае бывае, людзей накармляе. Жыта» [3, № 540]; «Расла, павырасла, з куста вылезла, па руках пакацілася, на губах ачуцілася. Гарох» [3, № 591]; «Крыллямі маша, а ляцець не можа. Вятрак» [3, № 1924]; «Хутка грызе, дробна жуе, сама не глытае. Піла» [3, № 2675]; «Фыркае, рыкае, галіны ламае, пыл падымае, цябе з ног збівае, чуеш яго, ды не бачыш. Вецер» [3, № 189].

Нярэдка ў загадках-апісаннях атрыбутыўная характарыстыка дэнатата спалучаецца з прэдыкатыўнай, што стварае рознабаковае, комплекснае апісанне загаданага прадмета: «Калматы, вусаты, есці пачынае, песенькі спявае. Кот» [3, № 1123]; «Малое, доўгае ўвесь свет пройдзе. Вуж» [3, № 1420]; «Ляжыць пад ганкам, хвост абаранкам. Сабака» [3, № 1112]; «Тонкі, доўгі, а ўпадзе – з травы не відаць. Дождж» [3, № 207]; «Скручана, мучана па хаце скача. Венік» [3, № 2547]; «Маленькі, гарбаты сцеражэ хаты. Замок» [3, № 2291]; «Кругленькае, касмаценькае да неба дакіне. Вока» [3, № 948].

Надзвычай распаўсюджаныя ў складзе народных загадак загадкі-метафары. Аснову функцыянальна-сэнсавога тыпу загадкі-метафары складае іншасказальны, алегарычны вобраз, які ў сімвалічнай форме «кадзіруе» загаданы аб'ект. Пры гэтым выкарыстоўваюцца антрапаморфны: «Два браты ў ваду глядзяца, а ніколі не сойдуцца. Берагі» [3, № 132]; зааморфны: «Сівы жарабец на ўсё царства заржаў. Гром» [3, № 160]; арнітаморфны: «Ходзіць курка-жаўтушка па сене і не шастае. Сонца» [3, № 29]; фітаморфны: «Са страхі морква вісіць, да зямлі не дастане, паху не мае, зімой вырастае. Ледзяшы» [3, № 298] і рэчыўны коды: «Глян' праз акно, відаць сіняе палатно. Неба» [3, № 298].

Субстытутам, які ў загадках-метафарах замяшчае загаданы прадмет можа быць вобраз чалавека: «У лазе стаіць казак на адной назе. Грыб» [3, № 498]; жывёлы: «Бег кот, навесіў хвост на плот. З гарбуза лісце» [3, № 736]; птушкі: «Поўна хата вераб'ёў. Агурок» [3,

№ 700]; расліны: «*Уся дарожка ўсыпана гарошкам. Зоркі*» [3, № 83]; прадметы побыту: «*Ні дзірачкі, ні дзянца поўна бочачка вінца. Яйцо*» [3, № 1212]. Вобраз загаданага прадмета ствараецца на аснове розных відаў асацыяцыйных сувязей паміж дэнататам і субстытутам. Асацыятамі могуць выступаць знешні выгляд, форма, паводзіны, колькасная або прасторавая характарыстыка дэнатата. Асацыяцыйны механізм утварэння іншасказальнага вобраза, які «кадзіруе» дэнатат, надае дыскурсу загадкі вобразнасць, выразнасць і займальнасць.

Маўленчае выказванне, як вядома, можа мець рознае інтанацыйнае афармленне – апавядальнае, пыталнае і клічнае. Дыкурс народнай загадкі ў выключнай большасці з’яўляецца апавядальным. Гэта абумоўлена тым, што асноўная функцыя загадкі – кагнітыўная, яна мае выразную прагматычную накіраванасць на адрасата: садзейнічае развіццю яго пазнавальнай дзейнасці і навываў мысленчай здольнасці, кемлівасці, дасціпнасці, умення лагічна разважаць.

Неабходна адзначыць, аднак, што ў сістэме загадак як асобны функцыянальна-сэнсавы тып выдзяляюцца загадкі-пытанні, якія матывуюць адрасата на дзеянне ў адказ, актывізуюць яго ўвагу, ствараюць займальнасць і экспрэсіўнасць выкладу. Як паказваюць прыклады, часцей за ўсё загадкі-пытанні маюць прадметную накіраванасць. Структурна-семантычная мадэль такіх загадак абавязкова ўключае займеннікі *хто што*, якія акрэсліваюць пыталную форму і прагматычны характар выказвання: «*Што гарыць без агню? Зара*» [3, № 3248]; «*Хто малое без рук і алоўка? Мароз*» [3, № 3263]. Дэнататамі такіх загадак могуць быць рэаліі жывёльнага: «*Хто з барадой родзіцца? Казёл*» [3, № 3290] і расліннага свету: «*Што расце без цвету? Папараць*» [3, № 3254]; прыродныя з’явы: «*Хто ляціць без крылляў? Вецер*» [3, № 3259]; рэчывы: «*Што бяжыць без повада? Вада*» [3, № 3251]; уласцівасці чалавека: «*Хто без чаго не абойдзецца? Чалавек без імені*» [3, № 3287]; яго стан: «*Без чаго чалавек жыць не можа? Без сну*» [3, № 3272]; прадметы побыту: «*Што ў першы дзень года пачынаецца, а ў апошні канчаецца? Каляндар*» [3, № 3473]; прылады працы: «*Што ходзіць дагары нагамі? Верацяно*» [3, № 1799]; музычныя інструменты: «*Што без слёз плача? Скрыпка*» [3, № 3279]; адцягненыя з’явы: «*Што на сабе не ўчуеш? Рост*» [3, № 3274] і інш.

Дыскурсаўтваральнымі вербалізатарамі ў некаторых загадках-пытаннях з’яўляюцца перлакутывы – маўленчыя формулы ўздзеяння на рэцыпіента тыпу *загадаю, адгадай, скажы*, якія адлюстроўваюць інтэнцыю, маўленчы намер гаворачага, што таксама падкрэслівае лінгвапрагматычны патэнцыял народных загадак: «*Зімой расце каранем уверх, а вясной памірае. Хто адгадае? Лядзяш*» [3, № 297]; «*Кругом вада, а з піццём бяда. Хто адгадае, дзе гэта бывае? На моры*» [3, № 141]; «*Загадаю загадку: улажу ў яму ягадку, выну, абліжу ды ізноў палажу. Лыжка і міска з кашай*» [3, № 2059]; «*Што гэта такое, скажы мне шчэра, што з чалавека зрабіць можа звер?* Гарэлка» [3, № 2040].

Выкарыстанне ў народных загадках форм, якія акрэсліваюць маўленчы намер гаворачага, стварае ілакуцыйную мадальнасць дыскурсу, што ўзмацняе яго выяўленчую выразнасць.

Акрамя загадак-пытанняў з прадметнай накіраванасцю, сустракаюцца жартаўлівыя загадкі-пытанні з ускоснай формай выражэння зместу, разлічаныя на кемлівасць і здагадлівасць адрасата: «*На што каню хамут кладуць? На шыю*» [3, № 3307]; «*Ад чаго ў вуткі ногі чырвоныя? Ад кален*» [3, № 3332]; «*Што бывае пасля сямі гадоў? Восьмы*» [3, № 3327]; «*Чаму шапку купляюць? Бо дарам не даюць*» [3, № 3329]; «*Што пасярэдзіне Кіева стаіць? Літара “Е”*» [3, № 3335]; «*З якіх варот Пётр I выязджаў на вайну? З адкрытых*» [3, № 3346].

Адметным у структурна-семантычным пляне з’яўляецца функцыянальна-сэнсавы тып загадак-дыялёгаў, якія звычайна ў алегарычнай форме перадаюць жартаўлівую размову, што наводзіць адрасата на адгадку зашыфраванага прадмета. У такіх загадках у дыялёг удзельнічае некалькі «пэрсанажаў» – мэтафарычных эквівалентаў загаданых прадметаў: «*–Куды ідзеш, крывая крывуліца? А чаго стаіш, стрыжана патыліца? Рэчка і сенажаць*» [3, № 125]; «*–Крывое, малое, куды бяжыш? – А што табе за дзела, стрыжаны чорт. Ручай і луг*» [3, № 129]; «*–Што ты стаіш, крывы, кульгавы? –Зялёныя, кудравыя сьцеражу! Плот і жыта*» [3, № 2631]; «*Душа кажа: “Зуба мая”. Цела кажа: “Радасьць мая”. Гарэлка*» [3, № 2039]; «*Рыжа ў краснае спрасіла: “Чым ты бораду красіла?” – “Ані краскай, ані змазкай: перад солнышкам стаяла, угору бораду дзяржала”. Рабіна*» [3, № 417].

Дыялогу ў загадках можа папярэднічаць апісальная частка – «словы аўтара», якія персаналізуюць персанажаў размовы: *«Адзін кажа: “Світай, божа”. Другі кажа: “Не дай, божа”. Трэці кажа: “А мне ўсё роўна: як удзень, так і ўночы, стаю, вытрашчыўчы вочы”*. Пасцель, дзверы, акно» [3, № 2408]; *«Ідзе крывая крывуліца. Стаіць стрыжаны бес. –Куды ты ідзеш, крывая крывуліца? –Якое табе дзела, стрыжаны бес. Куды ні пайду, дарогу знайду. Рэчка і луг»* [3, № 127]; *«Ляцелі тры галкі, селі на праталкі. Адна кажа – паляжым, другая – пабяжым, трэцяя – паківаемся. Камень, вада, трава»* [3, № 102].

У складзе народных загадак, асноўная маса якіх мае лаканічны тэкставы аб'ём, сустракаюцца разгорнутыя выказванні, якія сваім эпічным складам набліжаюцца да казкі. Іх можна аднесці да невялікага апавядання. Функцыянальна-сэнсавы тып загадкі-апавядання ўключае падрабязнае апісанне зашыфраванага прадмета: *«У горадзе на Сіяне стаіць дуб-вертадуб, на тым дубе пціца-верацяніца, ніхто яе не дастане: ні цар, ні царыца, ні красная дзявіца, ні добры маладзец. Сонца»* [3, № 16]; *«Жыў-быў капітан, сем душ пракармляў. Прыйшлося яму ўміраць, ніхто не бярэцца хаваць. Выкінулі за вугал і сабакі не ядзяць. Гаршчок»* [3, № 2489]. У такіх загадках могуць выкарыстоўвацца ўстойлівыя фальклорныя формулы – казачны зачын: *«У горадзе на Сіяне», «За лясамі, за гарамі, за вялікімі марамі»; «Жыў-быў», народна-паэтычныя эпітэты: красная дзявіца, добры маладзец, формы з прыдаткам: дуб-вертадуб, пціца-верацяніца.*

Аповед у загадках такога тыпу з'яўляецца, як правіла, дынамічным. У загадках-апавяданнях часта іншасказальна распавядаецца пра «жыццё» загаданага персанажа, паказваюцца этапы яго існавання, змены, якія з ім адбываюцца: *«З зямлі радзіўся, на агні хрысціўся, на базар вазілі, на ічкаках калацілі, на каня пасадзілі, у самы дым правадзілі. Гаршчок»* [3, № 2469]; *«Ляжыць у гары, божага свету не бачыць; прыйшлі адамавы дзеці, пачалі вярцеці, на курган круціць, на печках патапіць, жазлом за яго брацца, усякі можа ад яго пітацца. Гаршчок»* [3, № 2470].

Апавяданне ў такіх загадках можа весціся ад імя першай асобы, што персаналізуе выказванне, стварае суб'ектыўны, эмацыянальна-ацэначны характар выкладу зместу, надае размоўную афарбоўку дыскурсу загадкі. Вось як, напрыклад, іншасказальна паслядоўна распавядаецца працэс вырабу і выкарыстання пэўнага прадмета або прыстасавання: *«Быў я на капаньцах і на кляпаньцах, быў і на пажары, быў і на базары. Як молад быў – людзей карміў, як стар стаў – спавіацца стаў, як памёр – косці выкінулі і сабакі не ядуць. Гаршчок»* [3, № 2466]; *«Радзіўся я ў цяні, не відзеў ні сонца, ні месяца, дабраліся да мяне людзі, прабілі мне наскрозь грудзі, жалезным абручам мяне падпаясалі і скакаць казалі. Жорны»* [3, № 1904]; *«Мяне з дрэва наламалі, потым лыкам абвязалі, ну а я і не сумую ды па хаце ўсё танцую. Венік»* [3, № 2563]; *«Сам я тонак, як паясок, у мяне востранькі насок, як выйду на поле ваяваці проціў высокенькіх панічоў у злаце, яны мяне паясаюць, а мае востранькія зубкі іх усіх перакусаюць. Серп»* [3, № 1686].

Структурна-семантычная мадэль загадкі-апавядання можа будавацца па прынцыпу ланцужковага нанізвання пэўных іншасказальных элементаў выказвання. У такіх загадках назіраюцца кагерэнтныя, паслядоўныя суадносіны паміж структурнымі часткамі: *«Збудаваў бог дом круглы – без вугоў, а ў тым доме дванаццаць вакон, а ў тых вокнах па чатыры паны, у тых паноў па сем сыноў, а кожнаму сыну па імені дано. Год»* [3, № 342]; *«Стаіць дуб, на дубе канапліна, на канапліне гліна, на гліне гарох, а ў гаросе свінні. Дубовы стол, міса з гарохам і скваркамі»* [3, № 2385]; *«Стаяць вілы, на вілах вісіць торба, на торбе кузья, на кузні зіпала, на зіпале мігала, на мігале ельнік, а ў ельніку свінні ходзяць. Чалавек»* [3, № 834].

Апавядальны характар такіх загадак стварае надзвычайны выразны калейдаскапічны маляўнічы характар загаданай з'явы, узмацняе займальнасць, вобразнасць і экспрэсіўнасць іх дыскурсу.

Адметнае месца ў складзе народных загадак займаюць загадкі-задачы. У гэтых загадках адрасату прапануецца рашыць пэўную задачу: *«Сем семярэй, семера свіней, свінка, свінчын брат і семера парасят? Усяго 65»* [3, № 3361]; *«Раздзяліць дваццаць рублёў, каб выйшла дзевяць бумажак. 1 – 10 руб., 7 – па 1 руб. і 1 – 3 руб»* [3, № 3360]; *«Падзяліць сорок каней у дзевяць стайняў, каб не было пароўну. У 4 стайнях па 5 каней, а ў 5 стайнях па 4 кані»* [3, № 3362].

Аднак не ўсе загадкі-задачы маюць матэматычны сэнс. Многія з іх носяць завуалёваны характар: *«Несла гаспадыня ў кошыку дзесяць яец, а дно ўпала. Колькі засталося? Нічога, усе разбіліся»* [3, № 3365]; *«Ляцела сарока, за ёю сорок. Колькі ляцела? Двое»* [3, № 3347]; *«Як*

паставіць чатыры салдаты ў адным боце? Зняць у кожнага па аднаму боту» [3, № 3370]; «Ішоў брат з сястрою і муж з жаною, найшлі тры сыры. Як яны падзялілі? Па аднаму сыру» [3, № 3357]; «Стаяла ізба, а ў ізбе было сем акошак, а на кожным акошку сядзела сем кошак, а ў кожнай кошкі было па сем кацянят. У хаце было сем вокан, на кожным акне сядзела па сем кошак. У кожнай кошкі было па сем кацянят. Колькі ў іх ва ўсіх было ног? Увайшоў і я ў ізбу і маіх было дзве нагі. Дзве нагі, а ў катой – гэта ж лапы» [3, № 3350]. Такія загадкі-задачы не маюць рапшэння, іх энigmatычны змест разлічаны на здагадлівасць, кемлівасць і назіральнасць асобы, якая павінна разгадаць загадку. Як гумарыстычна адзначыў адзін з сучасных даследчыкаў жанра загадкі, «загадка загадкавая не толькі для таго, каму яна адрасавана, але яшчэ ў большай ступені для таго, хто хоча зразумець, што яна такое» [6].

Як паказваюць прыклады, загадкі-задачы патрабуюць ад асобы канцэнтрацыі ўвагі і хуткасці ўспрымання зместу, асэнсавання колькаснай сувязі паміж прадметамі, абазначанымі ў загадцы. Яны разлічаны не толькі на праверку матэматычных здольнасцей чалавека, але і яго лагічнага мыслення. І ў гэтым таксама праяўляецца кагнітыўна-прагматычная функцыя загадак.

Такім чынам, функцыянальна-сэнсавыя тыпы дыскурсу беларускіх народных загадак вызначаюцца разнастайнасцю структурна-семантычнага мадэлявання, якое абумоўлівае адметныя дыскурснаўтваральныя вербалізатары зместу. Народныя загадкі маюць выразныя кагнітыўную і лінгвапрагматычную функцыі, яны садзейнічаюць развіццю пазнавальнай дзейнасці і навыкаў мысленчай здольнасці чалавека, фарміруюць кемлівасць, дасціпнасць, умненне лагічна разважаць.

Багацце і разнастайнасць слоўнаваобразных сродкаў, выкарыстоўваемых у беларускіх народных загадках, стварае іх займальнасць і павышае выяўленча-выразны патэнцыял.

Літаратура

1. Бахтин, М. М. Проблема речевых жанров / М. М. Бахтин // Эстетика словесного творчества. – М., 1979. – 421 с.
2. Гурскі, А. І. Беларускія народныя загадкі / А. І. Гурскі // Загадкі ; рэд. А. С. Фядосік. – Мінск : «Навука і тэхніка», 1972. – С. 5–20.
3. Загадкі / А. С. Фядосік (рэд.). – Мінск : Навука і тэхніка, 1972. – 448 с.
4. Нечаева, О. А. Функционально-смысловые типы речи (описание, повествование, рассуждение) / О. А. Нечаева. – Улан-Удэ : Бурятское книжное изд., 1974. – 257 с.
5. Титова, Н. Г. История и изучение народных загадок в отечественном и зарубежном языкознании / Н. Г. Титова // Современная филология : материалы междунар. науч. конф., Уфа, апрель 2011 г. – Уфа : Лето, 2011. – С. 197–203.
6. Сендерович, С. Я. Морфология загадки [Электронный ресурс] / С. Я. Сендерович. – М. : Языки славянской к-ры, 2008. – Режим доступа : <https://avidreaders.ru/book/morfologiya-zagadki>. – Дата доступа : 12.12.2021.

УДК 811.161.1'373.612.2

Этимологические гнезда с корнями **god-* и **dob-* в русском языке

Е.И. ТИМОШЕНКО

Статья посвящена выявлению типологии производных значений синонимических этимологических корней **god-* и **dob-* в русском языке. В этимологических гнездах с указанными корнями обнаружен ряд соотносительных вторичных значений: темпорального, модального значения соответствия, значения общей положительной оценки и частной положительной оценки внешнего облика кого- или чего-либо, значения 'материально обеспеченный, выгодный, полезный' и являющегося номинативно-производным от последнего значения 'целебный'.

Ключевые слова: этимологическое гнездо, словообразовательное гнездо, семантика, производное значение, типология семантической эволюции, метонимия.

The article is devoted to identifying the typology of derived meanings of synonymous etymological **god-* and **dob-* roots in the Russian language. In etymological nests with these roots, a number of correlative secondary meanings were found: temporal, modal correspondence values, values of a general positive assessment and a private positive assessment of the appearance of someone or something, the meaning of 'financially secure, profitable, useful' and being nominatively derived from the latter meaning of 'healing'.

Keywords: etymological nest, word-formation nest, semantics, derived meaning, typology of semantic evolution, metonymy.

Системная организация лексики прослеживается через выявление разного рода семантических, формальных или формально-семантических объединений слов. К таким объединениям относятся лексико-семантические, тематические, гиперо-гипонимические группы слов, группы слов, связанных ассоциативными связями, а также семантические поля. Исследование подобных групп возможно как в синхронном, так и в диахроническом аспекте. На однотипность семантической эволюции слов, объединенных сходством или противоположностью исходных значений, первым обратил внимание М.М. Покровский, который в работе «Семасиологические исследования в области древних языков» писал: «Слова и их значения живут не отдельной друг от друга жизнью, но соединяются независимо от нашего сознания в различные группы, причем основанием для группировки служит сходство или прямая противоположность по основному значению» [1, с. 21]. Подобного рода наблюдения, сделанные на материале лексики со значением плетения, которая регулярно выступала как основание формирования терминологии ткачества, отражены в книге О.Н. Трубачева «Ремесленная терминология в славянских языках» [2].

Стремление к выявлению регулярных (причинных и взаимозависимых) связей между единицами и объектами языка вывело языкознание с уровня описательного и классификационного на уровень объяснительный, а объяснительные исследования невозможны только на уровне синхронии: установление причин языковых изменений всегда связано с историческим подходом к языковым фактам [3, с. 182]. При этом, что касается изучения исторических изменений в области семантики, то, как отмечал еще А.А. Потебня, «общее в языкознании важно и объективно только как результат сравнения не отдельных значений, а рядов значений, причем этим общим бывают не сами значения, а их отношения. В этих случаях языкознание доводит до сознания те аналогии, которым следует бессознательно творчество языка» [4, с. 43].

Цель работы заключается в выявлении и описании типологии семантической эволюции этимологических корней **god-* и **dob-* в русском языке. Основанием для сопоставительного анализа указанных этимологических гнезд является синонимия значений их этимонов: исходная семантика обоих корней для индоевропейского хронологического среза реконструируется как 'подходить, удовлетворять'.

Группировки слов, подобные той, которая является предметом анализа в статье, В.Г. Гак предлагает обозначать как этимолого-семантические поля. «Особым типом формально-семантической группировки слов, — пишет ученый, — являются семантические поля, охваты-

вающие все слова языка, происшедшие от слов, этимон которых связан с определенным понятием. Эти группировки являются формальными, так как они охватывают слова по принципу словообразовательного гнезда, но вместе с тем и семантическими, поскольку объединяют ряд гнезд, этимоны которых соотносятся с общим понятием» [5, с. 692]. На наш взгляд, вопрос о том, можно ли подобные лексические объединения рассматривать как поле, является спорным. Во-первых, в языкознании существует точка зрения, в соответствии с которой в поле должны входить единицы, связанные отношениями инвариантности или функциональным сходством [3, с. 164]. Ни тем ни другим признаком компоненты этимологических гнезд не обладают в силу того, что они объединяют слова разных хронологических срезов, в большинстве своём подвергшиеся разнообразным изменениям в своей морфемной структуре и семантике и потому утратившие семантический компонент, который можно было бы рассматривать как инвариантный. Во-вторых, принципиальной особенностью любого поля является ядерно-периферийная структура, проследить которую в этимологических гнездах достаточно сложно, поскольку большинство значений слов, входящих в такие гнезда, являются производными и объективность определения степени близости таких вторичных значений к исходному этимологическому значению корня в любом случае будет вызывать сомнения. Тем не менее, независимо от терминологического обозначения подобных объединений слов, задача выявления типологии семантических изменений синонимичных на древних хронологических срезах корней остается актуальной, поскольку подобные исследования, как уже отмечалось, позволяют выявить регулярные закономерности в области мыслительной деятельности человека.

Оба рассматриваемых корня исходно являются глагольными и обнаруживают на древних хронологических срезах синонимические значения: корень **god-*, находящийся на праславянском срезе свою основную реализацию в глаголе **goditi(se)*, восходит к индоевропейскому **ghadh-*, семантика которого реконструируется как ‘подходить, нравиться, угождать, быть угодным’ (ЭССЯ, 6, с. 188–190) (А.Г. Преображенский как наиболее раннее восстанавливает конкретное значение ‘крепко связывать, прилаживать, приноравливать’. – Преобр. 1, с. 136–138); корень **dob-* восходит к индоевропейскому **dhabh-*, реконструируемому со значением ‘подходить, быть подходящим, приноравливать, приноравливаться’, родственному готскому *ga-daban* ‘подходить, подовать’, а одно из его продолжений – прилагательное **dobrǣ(jǣ)* родственно латинскому *faber* ‘ремесленник, который работает с твердыми материалами’, армянскому *darbian* ‘кузнец’, внутренняя форма которых связана с признаком ‘формовать, придавать нужный, должный вид’ (ЭССЯ, 5, с. 38–39; Преобр., 1, с. 186–187). Этот признак представлен в таких продолжениях праславянского **dobiti*, как чешское *dobiti* ‘формовать’ и верхнелужицкое *debić* ‘украшать, наряжать чистить’ (ЭССЯ, 5, с. 38–39, 45–46). Рассмотрим продолжения указанных корней в русском и других славянских языках.

В обоих этимологических гнездах обнаруживается реализация темпорального значения ‘время; подходящее время, пора’. Языковой материал позволяет утверждать, что общая семантика ‘время, пора’ явилась продолжением более раннего значения ‘подходящее, удобное время’, формирование которого было непосредственно связано с исходной семой этимологического значения ‘удовлетворяющий, подходящий’ (оба значения возникли на основе метонимического переноса). Указанная сема обусловила формирование не только более широкого значения ‘время вообще’, но и положительно окрашенных значений, отражающих различные важные и торжественные события в жизни человека. Эти значения свойственны продолжениям обоих корней не только в русском, но и в других славянских языках, сравн.: ст.-сл. *godъ* ‘праздник’, ‘удобное время’; болг. диал. *goda* ‘помолвка, обручение’; макед. диал. *god* ‘ежегодный праздник, годовщина’; сербохорв. *god* ‘большой праздник’, ‘подходящее время’; чеш. *hod* ‘церковный, престольный праздник’, *hody* мн. ‘пир, угощение, праздничный стол’; русск. диал. *god* ‘благоприятный для чего-либо отрезок времени, хорошее время’ (ЭССЯ, 6, с. 191–192), рус. *година* в значении ‘час’ характеризуется как «устаревшее», в основном же значении – ‘пора, время, ознаменованные важными общественными событиями’ – как относящееся к торжественному стилю, напр.: *Година бедствий* (ССРЛЯ-20, III, с. 183) – макед. *doβα* ‘пора, время’; словен. *doba* ‘пора, подходящее время, срок’; н.-луж. *doba* ‘удобное время, пора, момент’; русск. диал. *doβα* ‘пора, время’; укр. *doβα* ‘сутки’, ‘пора, время’, ‘возраст’ (ЭССЯ, 5, с. 38).

Идея прилаженности, приноровленности, соответствия находит продолжение в обоих этимологических гнездах в виде целого комплекса выделяемых на синхронном срезе самостоятельных словообразовательных гнезд с исходными словами, имеющими положительно окрашенные модальные, оценочные или модально-оценочные значения. В гнезде с корнем **god-* это гнезда с вершинами *угождать, годиться, угодые, пригожий, выгода*; в гнезде с корнем **dob-* – гнезда с вершинами *добро, доблесть, сдоба, сдобрить, удобный, удобрить, подобать, подобный, преподобный, надо*. Во многих случаях семантика исходных слов словообразовательных гнезд с рассматриваемыми этимологическими корнями и производных, входящих в их состав, обнаруживает прямые соответствия.

Так, прямая семантическая соотнесенность модальных сем соответствия, удовлетворения принятым правилам, уместности обнаруживается, например, в толковании слов *годиться, годный, угодный*, восходящих к корню **god-*, и *подобать, удобный, сдобный*, являющихся продолжением корня **dob-*: *годиться* ‘быть на что-л., к чему-л. годным, удовлетворять определенным требованиям’, в безличной функции в сочетании с неопределенной формой глагола (обычно с отрицанием) *разг.* ‘уместно, следует, стоит’ (*Так поступать не годится*); *годный* ‘могущий быть употребленным на что-л., удовлетворяющий определенным требованиям; пригодный’ (СРЯ, I, с. 324), *угодный* 1) ‘соответствующий чьей-л. воле, желанию, удовлетворяющий чьи-л. вкусы, желания’; 2) (устар. и обл.) ‘удобный, пригодный для чего-л.’ – *подобать* (обычно в безличном употреблении) ‘соответствовать принятым правилам, обычаям, чьему-л. положению, состоянию’ (СРЯ, III, с. 204), др.-рус. *подобьнии* ‘удобный, подходящий’ (*Искааше подобьна врьмене, да его прьдасть.* – Остромирово евангелие) (Срезн., т. II, ч. 2, 1041), ‘соответствующий, подобающий’ диал. *сдобный* ‘удобный, подходящий’ (СРНГ, 37, с. 77), *удобный* 1) ‘такой, которым хорошо, легко или приятно пользоваться. // Вполне соответствующий требованиям чего-л., подходящий’; 2) ‘благоприятный, подходящий, такой, который нужен (*Назначить удобное для всех время*). // Наиболее приемлемый, выгодный или необходимый кому-л. в данной обстановке, условиях’ (*Миша замечал, что жильцы удобны для его родных, потому что они спокойные, аккуратные люди.* Н. Емельянова. Рассказы о Родине); 3) ‘соответствующий каким-л. правилам, приличиям, уместный в какой-л. обстановке, обществе и т. п.’ (СРЯ, IV, с. 468). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в толковании значений используется не просто синонимическая, но тождественная лексика, а также то, что в толковании одного из значений прилагательного *удобный* имеется слово, этимологически восходящее к корню **god-* – прилагательное *выгодный*, а в толковании прилагательного *угодный* – само прилагательное *удобный*, то есть производные рассматриваемых корней толкуются одно через другое. В контексте рассматриваемого семантического соотношения показательно русское диалектное *угодые* ‘удобство’ (СРНГ, 46, с. 214), а также белорусские существительные *выгада, выгода* (преимущественно во мн. – *выгоды*), которые совпадают в значении ‘всё, что удовлетворяет максимальным требованиям, чем удобно пользоваться’ [подчеркивание наше. – Е.Т.] (*Кватэра з выгодамі* – рус. *Квартира с удобствами*) (ТСБМ 1, с. 529).

Такие же модальные семы свойственны еще одному из рефлексов корня **dob-* – исходному слову самостоятельного словообразовательного гнезда наречию *надо* и его производным, которые исторически находились с ним в других словообразовательных отношениях: *надо* (безл., в знач. сказуемого, обычно с неопределенной формой глагола) ‘необходимо, следует, нужно’, *надобный* (устар.) ‘нужный, необходимый’, *надобность* ‘необходимость, потребность’. Предикативное наречие в функции безличного сказуемого в виде *НАДОБЬ* (*НАДОБЬ*) в памятниках письменности известно с XI в. (Лаврентьевская летопись) (СРЯ XI–XII вв., 10, с. 72) и представляет собой результат фонетических преобразований формы предложного падежа существительного *доба* с предлогом *на* (а именно редукции конечного безударного гласного, затем, как следствие, оглушения и редукции конечного согласного). Формирование модальной семантики необходимости связано с переосмыслением понятия времени: время воспринимается человеком как императив и эта закономерность лежит в основе формирования модального значения необходимости у таких, например, слов, как *пора* ‘о наступлении срока для чего-л.’ (*Пора спать*), самого существительного *время* ‘пора, на-

стал срок для чего-л.’ в сочетании с инфинитивом или без него (*Шутить не время; Тетушка, поздравляю! Замуж выходите? Время, тетушка, время!* А. Островский) (ССРЛЯ-20, II, с. 553–554). Сходное модальное значение свойственно адвербиализованному предложно-падежному сочетанию с рефлексом корня **god-* – *в годъ* ‘в меру’ (*Подобаетъ въ годъ гнѣвъ имети.* – Минейя четья, февраль. ХУ в. (СРЯ XI–XII вв., 4, с. 55).

Семантика общей высокой положительной оценки свойственна большому количеству производных, являющихся продолжениями обоих этимологических корней. Подобная семантика свойственна компонентам словообразовательных гнезд с исходными словами *угождать, угодые, пригожий, выгода*, являющимися рефлексами корня **god-*, и *добро, подобный, преподобный, сдобный, сдобрить*, являющимися рефлексами корня **dob-*. Сравн. значения следующих слов: *угождать* ‘делать для кого-л. что-нибудь приятное, полезное’; // ‘удовлетворять кого-либо, чьи-либо вкусы, требования своим поведением; приходиться по вкусу кому-либо’ (ССРЛЯ-17, 16, с. 228), диал. *угодный* ‘плодородный, пригодный для выращивания чего-л. (о земле, земельном участке и т.п.)’, диал. *угодые* ‘о чем-л. приятном, пришедшемся по душе кому-л.’, ‘благоустройство, порядок’, ‘о человеке, поведение которого вызывает одобрение, радует окружающих’ (СРНГ, 46, с. 214–215), *угодыя* ‘хорошие условия жизни’ (там же, с. 216), диал. *угода* ‘довольство, благодать’ (*Три угоды во дворе: Уж как первая угода – Соловей гнезда вьет*), ‘свобода, воля’, ‘простор, раздолье’ (там же, с. 212–213); диал. *угожий* ‘приличный, достойный’, ‘положительный по многим качествам, хороший (о человеке). // Трудолюбивый, смысленный’ (СРНГ, 46, с. 219), диал. *пригодые* ‘изобилие, избыток’ – *добрый* ‘расположенный к людям, отзывчивый, исполненный доброты, сочувствия к ним, готовности помочь’, ‘благоприятный, несущий благо, успех, радость’, ‘очень хороший, отличный’ (СРЯ, I, с. 410–411), диал. *добрый* ‘умный, дельный’ (СРНГ, 8, с. 80), диал. *добрить* ‘нежить, холить, ласкать кого-л.’ (СРНГ, 8, с. 76); диал. *сдоба* ‘везение, удача, хорошая жизнь’ (*Сдоба кому-л. ‘везет, хорошо кому-л.’*) (СРНГ, 37, с. 72); диал. *сдобный* ‘самый лучший, дорогой, сладкий (о ребенке)’, ‘ласковый’ (СРНГ, 37, с. 76); др.-рус. *ПРѢПОДОБНЫИ* ‘согласный с правилами добродетели’ (*Иже чистѣмь срдѣмь и дѣлесе прѣподобными призываетъ и прииметь и и отъ всакого мѣста молитвы его послушаютъ.* – Сбор. 1076 г.), ‘добродетельный’ (Срезн., т. II, ч. 2, 1681), диал. *доб* ‘добр, хорош’, ‘силен, здоров’ (СРНГ, 8, с. 72–73) и др.

Рефлексы рассматриваемых корней обнаруживают значение положительной оценки внешнего облика кого- или чего-либо – ‘красивый, привлекательный, нарядный’: *пригожий* (устар. и народно-поэт.) ‘красивый, привлекательный’, (разг.) ‘ясный, теплый, солнечный (о погоде)’ (СРЯ, III, с. 402), диал. *пригожий* ‘нарядный’ (СРНГ, 31, с. 166); *угожать* ‘убирать, украшать что-л.’, *угожество* ‘красота, привлекательность’ (СРНГ, 46, с. 218) – диал. *сдобный* ‘хорошо одетый’, диал. *сдоблять, сдобить* ‘одеть, нарядить кого-л.’ (СРНГ, 37, с. 73, 77); диал. *добрый* в устойчивом сочетании *добрая рубаха* ‘самая лучшая праздничная рубаха’ (СРНГ, 8, с. 80).

Еще одним сходным направлением семантической эволюции рассматриваемых этимологических корней является формирование значения, связанного с понятиями материального достатка, обеспеченности, выгоды и пользы (последняя, очевидно, может проявляться не только в материальном отношении). Подобные значения обнаруживаются в следующих производных корней **god-* и **dob-*: *выгода* 1) ‘прибыль, доход, извлекаемые из чего-л.’; 2) ‘польза. // Преимущество одного по сравнению с другим’ (СРЯ, I, с. 250), диал. *пригода* ‘польза, пригодность’, *быть (стать) в пригоде* ‘быть (стать) полезным’ (СРНГ, 31, с. 165), диал. *пригодые* ‘изобилие, избыток’ (31, с. 165), *угода* ‘выгода, прибыль’ (СРНГ, 46, с. 212) – *добро* ‘имущество, вещи, пожитки’ (СРЯ, I, с. 409), диал. *добро* ‘платье, одежда. // Приданое невесты’ (СРНГ, 7, с. 80); диал. *добрина, доброта* ‘всякого рода движимое имущество, добро’ (СРНГ, 8, с. 76, 78–79), диал. *добрый* ‘полезный’ (СРНГ, 8, с. 80); диал. *сдобный* в сочетании *сдобное дело* ‘хорошее, прибыльное дело’ (СРНГ, 37, с. 77); диал. *сдоблять* ‘приобретать, покупать что-л.’ (37, с. 73).

В производных рассматриваемых корней отмечено значение, которое можно квалифицировать как номинативно-производное по отношению к рассмотренному выше, отражающее уточнение, специализацию понятия ‘полезный’ и связанное с представлением о пользе для

здоровья ('полезный' → 'целительный'): диал. *догожать* 'исцелять' (*К духу иду – траву рву, к чему приложу, тому и догожу*) (СРНГ, 8, с. 88), диал. *пригодный* 'полезный, целебный' (*В нашей степе пригодных трав чего больше*) (СРНГ, 31, с. 165) – диал. *сдоба* 'лекарство' (СРНГ, 37, с. 72), диал. *подобать* 'помогать в излечении болезни, оказывать нужное действие' (*В маю месяцу полынь хорошо подобает: в питье дают, белый, от простуды*) (СРНГ, 8, с. 106).

Таким образом, синонимия исходной семантики корней **god-* и **dob-* обусловила формирование этимологических гнезд, компонентный состав которых обнаруживает комплекс сходных или тождественных значений. К ним относятся: темпоральное значение ('время вообще'; 'удобное, подходящее время'); модальные значения соответствия, необходимости, удовлетворения определенным требованиям; значение общей положительной оценки ('хороший, одобряемый, положительный') и частное значение положительной оценки внешнего облика человека (или предмета); значения, связанные с понятиями материальной обеспеченности, выгоды, пользы и развившееся на основе последнего номинативно-производное значение 'лечебный, целебный'. Все производные значения сформировались на основе метонимических переносов и характеризуются положительной оценочной коннотацией, обусловленной неявной положительной эмотивностью рассматриваемых этимологических корней.

Литература

1. Покровский, М. М. Семасиологические исследования в области древних языков / М. М. Покровский. – М. : Университетская типография, 1895. – 123 с.
2. Трубачев, О. Н. Ремесленная терминология в славянских языках / О. Н. Трубачев // Слово / История. Культура. – М. : Рукописные памятники Древней Руси, 2008. – Т. 3. – С. 391–783.
3. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике / Г. С. Щур. – М. : Наука, 1974. – 254 с.
4. Потебня, А. А. Из записок по русской грамматике / А. А. Потебня. – М. : Учпедгиз, 1958. – Т. I–II. – 536 с.
5. Гак, В. Г. Семантические преобразования этимонов / В. Г. Гак // Языковые преобразования. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1998. – С. 691–719.

Принятые сокращения

Преобр. – Преображенский, А. Г. Этимологический словарь русского языка / А. Г. Преображенский. – М. : Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1959. – Т.1. – 717 с.; **СРЯ** – Словарь русского языка : в 4-х т. / Гл. ред. А. П. Евгеньева. – М. : Русский язык, 1981–1984; **СРЯ XI–XVII вв.** – Словарь русского языка XI–XVII вв. – М. : Наука, 1977. – Вып. 4 ; Вып. 10. – М. : Наука, 1983; **СРНГ** – Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов. – Вып. 1–46. – Л., СПб.: Наука, 1965–2013. Издание продолжается; **ССРЛЯ-17** – Словарь современного русского литературного языка : в 17-ти т. – М.–Л. : Наука, 1964. – Т. 16; **ССРЛЯ-20** – Словарь современного русского литературного языка : в 20-ти т. / РАН. Ин-т рус. яз. ; гл. ред. К. С. Горбачевич. – М. : Русский язык, 1991. – Т. 2 : В. – 960 с. ; Т. 3 : Г. – М. : Русский язык, 1992. – 400 с.; **Срезн.** – Срезневский, И. И. Словарь древнерусского языка : в 3-х т. / И. И. Срезневский // Репринтное издание. – М. : «Книга», 1989; **ТСБМ** – Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5-ці т. – Мн. : Галоўная рэдакцыя Беларускай Савецкай Энцыклапедыі, 1977–1984; **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков : праславянский лексический фонд / Под. ред. чл.-корр. АН СССР О. Н. Трубачева. – М. : Наука, 1978. – Вып. 5. – 232 с. ; Вып.6. – 1979. – 222 с.

Нормативные теории журналистики: кризис и ревизия подхода

Н.А. ФЕДОТОВА

В статье рассмотрены предпосылки возникновения нормативных теорий журналистики, обозначены факторы, которые обуславливают необходимость их ревизии и пересмотра в различных исторических, социальных, политических условиях. В публикации учтены и рассмотрены технологические, экономические, коммуникационные изменения, которые ставят вопросы о приоритетах журналистики и ведут к пересмотру сформировавшихся представлений о нормативности журналистики.

Ключевые слова: нормативные теории, журналистика, пресса, комиссия Хатчинса, теория социальной ответственности, пересмотр нормативных представлений.

The article discusses the prerequisites for the emergence of normative theories of journalism, identifies the factors that necessitate their revision in various historical, social, political conditions. The publication takes into account and considers technological, economic, communication changes that raise questions about the priorities of journalism and lead to a revision of the established ideas about the normativity of journalism.

Keywords: normative theories, journalism, press, Hutchins commission, theory of social responsibility, normative revision.

Введение. На протяжении десятилетий в советском и зарубежном научном дискурсе нормативные теории имели приоритетное значение при описании роли и места средств массовой информации в общественном устройстве. Вместе с тем, сегодняшняя ситуация глобальных социальных и технологических трансформаций ставит вопросы, которые ведут к пересмотру устоявшихся представлений о нормативности журналистики. Так, в условиях всеобщего производства и потребления контента возникают вопросы о приоритетах журналистики, которых следует придерживаться. О влиянии интернета на необходимость ревизии нормативных подходов. О последствиях для нормативных отношений журналистики и общества, которые вызваны изменениями экономического, технологического, коммуникационного порядка, сопровождающими процесс медиадетальности.

Цель настоящей статьи – рассмотреть предпосылки возникновения нормативных теорий журналистики и обозначить факторы, обуславливающие необходимость их пересмотра. Поставленные для решения задачи условно разделим на несколько смысловых блоков: 1) когда и в силу каких причин возникли нормативные теории журналистики; 2) как с позиции нормативности понимается журналистика при различных социально-исторических укладах; 3) какие факторы вызывают кризис нормативных предписаний, необходимость их ревизии и изменение взгляда на возможности журналистики в современных условиях.

Основная часть. В учебных и научных источниках по журналистике возникновение идеи о «правильной» ответственной прессе, которая руководствуется принципами саморегулирования, связывают с деятельностью в 1940-х гг. в США Комиссии Хатчинса (например, [1], [2]). Чтобы обозначить предпосылки создания Комиссии, обратим внимание на социально-политический контекст того времени, который определял условия работы средств массовой информации.

1930-е гг. для газет США исследователи называют периодом травмы [3], который был вызван серьезными разногласиями в толковании Первой поправки Конституции, гарантирующей свободу прессы. Пресса трактовала Первую поправку исключительно в своих интересах и считала себя свободной действовать без какого-либо вмешательства в сбор и представление новостей, а также в ведение бизнеса. С другой стороны, увеличивалось количество судебных процессов с участием газет, благодаря чему появилось иное толкование Первой поправки, «автором» которого был суд. Свобода печати определялась как право народа получать информацию, необходимую для выживания в быстро меняющемся мире, а не как право издателей действовать без учета потребностей людей.

Меры по регулированию газетного бизнеса коснулись законодательства о заработной плате и продолжительности рабочего времени, что напрямую затрагивало финансовые интересы

издателей. Пресса, стремясь защитить права собственности, а также деятельность по распространению информации, оказалась в ситуации противостояния с федеральным правительством.

Как отмечает Маргарит Бланшар, это противостояние имело и политический характер: «Свобода печати стала лозунгом для многих руководителей газет и отождествилась с идеей невмешательства правительства в деятельность прессы. Этот аргумент был расширен некоторыми, чтобы любой план администрации Рузвельта, который будет стоить газетам денег, включая Закон о социальном обеспечении, был добавлен к списку опасностей для свободы прессы. Необходимость защитить права собственности на прессу и предоставить газетам прочную финансовую базу для работы превратилась в вендетту против одного из самых популярных президентов в истории Америки» [3].

В это же время раскол между интересами общества и интересами владельцев газет использовали критики прессы, которые клеймили ее за выраженный коммерческий интерес и стремление отвечать запросам высшего класса, но не учитывать пожелания народа. Так, министр внутренних дел при президенте Рузвельте Гарольд Л. Икес предостерегал: «Свободное и просвещенное общество не может наслаждаться опасной роскошью прессы, которая стремится к привилегиям для себя... и в то же время безразлично к своим обязательствам» [3].

В такой ситуации в 1942 г. Генри Р. Люс, глава империи журналов Time, решил заявить о важности системы свободной прессы в США. Надо отметить, сам Люс охватывал треть всего грамотного взрослого населения страны через издания своей журнальной империи, и можно предположить его личную заинтересованность в этом вопросе. Чтобы понять, к чему принцип свободы печати обязывает лично его, Генри Люс предложил Роберту Хатчинсу, президенту Чикагского университета, собрать экспертную комиссию, которая занялась бы анализом прав и обязанностей прессы. Хатчинс предложение поддержал, а Люс взял на себя финансирование работы комиссии.

Результат трехлетней работы – отчет Комиссии Хатчинса «Свободная и ответственная пресса» – был опубликован в 1947 г. и стал классикой американского разговора о свободе слова. Как отмечает Стивен Бейтс, изучавший архивы комиссии, не приходится сомневаться, что этот доклад повлиял на научные исследования проблем журналистики, подведя фундамент под теорию социальной ответственности. Но о его воздействии на практическую журналистику сложно сказать что-то определенное [4]. Мало того, С. Бейтс полагает, что отчет Хатчинса спасла от забвения работа Ф. Сиберта, Т. Питерсона, У. Шрамма «Четыре теории прессы» (1956).

Как известно, сравнительное описание четырех теорий прессы – авторитарной, либертарианской, советской коммунистической и социальной ответственности, – предложенное американскими исследователями и опиравшееся отчасти на результаты работы Комиссии Хатчинса, десятилетиями являлось наиболее полным и весьма востребованным в теоретических кругах. Трудно найти статью или книгу, которая имеет отношение к теории журналистики, где не упоминалась бы книга этих авторов. Ценность четырех теорий заключалась в том, как точно они указывали, какое место СМИ занимают в том или ином обществе [5, с. 16].

Как писали сами авторы, их книга рассматривает, «почему пресса такова, какая она есть, и почему она служит разным целям, и почему в разных странах она появляется в самых различных формах. Почему, например, пресса в Советском Союзе так не похожа на нашу, а пресса Аргентины так отличается от британской прессы» [6, с. 16].

Есть и иные исследовательские мнения относительно истоков нормативно-теоретического подхода к прессе и времени их возникновения. С.Г. Корконосенко называет ссылки на 1950-е гг. «ритуальными» и полагает неверным буквалистский подход к объекту изучения, при котором нормативные теории обязательно носят это название и получили оформление в виде развернутой концептуальной схемы. По мысли профессора Корконосенко, нормативная теория может проявляться как устойчивая профессиональная идеология и соответствующие методики редакционной работы, а также в виде непризнанных современниками взглядах и декларациях профессиональных принципов [7, с. 16]. Исходя из таких идей, он предлагает учитывать три типа нормативного понимания журналистики – директивный, профессионально-деонтологический и профессионально-прагматический – и брать отсчет их появления в России с XVIII ст.

Обобщая представления о нормативных теориях журналистики, их можно свести к описанию того, какие роли СМИ должны играть в идеале, рекомендуют идеальную практическую деятельность и предвидят некие «идеальные варианты» последствий от такой деятельности. Важно отметить, что нормативные теории основываются не на эмпирических наблюдениях, а на том, как должно быть [8].

Характеристика деятельности СМИ в разных странах при различных общественных укладах, которая содержится в нормативных теоретических подходах, может быть использована для: детального исследования специфики политических и медийных систем; проведения сравнительного анализа сходств и различий медиасистем, существующих в уникальном политическом, экономическом, культурном, национальном контексте; установления типов связей между СМИ, другими социальными институтами и участниками процесса медиапроизводства; фиксации институционального характера журналистики, который подкрепляется осознанием общих ценностей и целей.

Как полагают российские разработчики журналистской теории, есть основания утверждать, что нормативное содержание присуще большинству попыток обосновать ту или иную роль журналистики в обществе. При этом, говоря о нормативных теориях, «следует иметь в виду ...наличие идеала, элементов моделирования, интеллектуального конструирования наилучшего образа прессы» [7, с. 14].

Сами создатели четырех теорий подчеркивали множественность нормативных теорий, поскольку всякая медиасистема не руководствуется какой-то одной теорией прессы, а придерживается «своей» версии нормативного взгляда на журналистику. При характеристике системы СМИ разных стран они предлагали учитывать такие различия: способность страны платить за свою прессу; уровень технических достижений и ресурсов; степень урбанизации. Отношение социальных систем к прессе отражены в базисных представлениях, которые это общество разделяет относительно природы человека, природы общества и государства, отношения человека к государству и природы знания и истины [см. 6, с. 16–17].

Отчасти причина в том, что «пресса всегда принимает форму и окраску тех социальных и политических структур, в рамках которых она функционирует. В частности, пресса отражает систему социального контроля, посредством которой регулируются отношения между отдельными людьми и общественными установлениями» [6, с. 17]. Вместе с тем, наличие представлений о нормативности позволяет сформулировать некие общие принципы, на основе которых можно классифицировать каждый отдельный случай национальной медиасистемы.

Так, в 1990-х гг. трансформация политического строя и формирование нового социально-экономического уклада на территории бывшего Советского Союза создали почву для появления новых возможностей журналистики и пересмотра теоретических представлений о профессии. Напомним, авторы четырех теорий прессы характеризовали систему советской массовой коммуникации, исходя из следующих положений: средства массовой коммуникации: используются как инструмент государства и партии; составляют единое целое с другими инструментами государственной власти и партийного влияния; используются для обеспечения единства внутри государства и партии; используются как инструменты государственных и партийных «обличений»; используются почти исключительно как инструменты пропаганды и агитации; характеризуются строго выполняемыми обязанностями [6, с. 179].

В результате преобразований 1990-х гг. профессор Е.П. Прохоров, автор одной из нормативных теорий журналистики, предложил при изучении журналистики «исходить из того, что с нарастанием действия глобализирующих факторов, проявляющихся в драматически проходящем формировании единого и взаимосвязанного мира на новых цивилизационных основах открытого гуманистического общества, СМИ призваны играть роль информационного обеспечения демократического гуманистического развития общества» [9]. И признать, что журналистике органична роль «четвертой власти», реализующей функции непосредственной демократии.

Российский исследователь И.И. Засурский, фиксируя глобальные концептуальные сдвиги, сопровождавшие журналистику 1990-х, не склонен идеализировать представления журналистов о модели «четвертой власти» и трактует ее роль так: «Важность концепции «четвертой власти» для журналистов состояла в том, что она помогала подвести идеологический фундамент под сложившееся положение вещей, то есть легитимизировать независимый статус СМИ. Кроме того, эта концепция вносила некоторую определенность и в новые задачи средств массовой информации» [10, с. 16]. Однако глубоко укоренившаяся традиция советских СМИ вместо задач «информирования или формирования достоверной картины реальности», как и прежде, ставила задачи «просвещения, агитации и организации масс во имя истинных ценностей и идеалов» [10, с. 16].

Обзор учебных пособий для студентов факультета журналистики Белорусского государственного университета, где содержится анализ журналистской практики «переходного периода» 1990-х гг., показывает, что их авторы в целом придерживаются представлений нормативности. Однако помимо «чистой теории» можно выделить и прагматический ракурс, отражающий реалии профессии того исторического периода.

При характеристике журналистики 1990-х гг. в учебных пособиях:

– отмечено, что «белорусские СМИ находятся в процессе эволюции от традиционной для советских времен командно-пропагандистской модели к так называемой «обслуживающей модели». Вместе с тем, «вряд ли уместно сводить всю практику СМИ к обслуживающей модели, пока они используются как инструмент культурного и идеологического воздействия, а не только как орудие рекламы и предмет для продажи» [11, с. 18–19];

– описана модель «четвертой власти» в Беларуси с учетом специфики национальной практики: «...У сярэдзіне 1990-х была апрабавана мадэль журналістыкі як «чацвёртай улады» з гарызантальнай сеткай выданняў і крэда апазіцыйнасці да іншых улад. Адначасова журналістыка адчула сваю дамінуючую ролю ў палітычным поспеху ў электарата» [12, с. 7];

– закреплён нормативный тезис о «распространении мнений и идей»: «Развітая сістэма журналістыкі патрабуе заняцасці ўсіх інфармацыйных «ніш», што азначае прысутнасць у ёй сродкаў інфармацыі розных пазіцый, праблемна-тэматычных напрамкаў, меж распаўсюджання і аўдыторнай арыентацыі. Крытэрыем развіцасці сістэмы журналістыкі з'яўляецца магчымасць кожнага слоя аўдыторыі атрымаць усю неабходную інфармацыю з двух–трох даступных СМІ» [13, с. 49].

Помимо общественно-политических и экономических факторов пересмотр представлений о журналистике в 1990-е гг. в Беларуси был обусловлен зарубежным влиянием и участием. Западные журналисты приезжали в страну проводить тренинги, чтобы обучать белорусских коллег. Обучение было направлено на формирование идеи «журналистика как технология» – тщательно просчитанная практика сбора фактологического материала, его структурирование и уравнивание различными мнениями в процессе производства текстов [14, с. 312].

То есть, ситуация «переходного периода» 1990-х гг. стала катализатором не только для переформатирования журналистской практики, но также для концептуального пересмотра сложившихся представлений о нормативно-«правильном» понимании роли журналистики.

Надо сказать, в исследовательских кругах неоднократно звучала критика в адрес четырех теорий прессы как базиса нормативности журналистики. Так, существенным недостатком этой концепции называли игнорирование аудитории как самого важного участника процесса передачи информации [5, с. 16].

Кроме этого, концентрация внимания только на отношениях прессы с властью и, соответственно, свободе печати, порождает упрощенные схемы, которые быстро устаревают при изменении политической конъюнктуры [7, с. 15]. Авторы ревизии четырех теорий прессы методологическим пороком этой книги считали недооценку ведущей роли современной экономической зависимости СМИ от их владельцев и в этой связи предлагали пересматривать типы и политической зависимости печати от тех или иных властных структур и систем [15, с. 287].

Сегодня к пересмотру нормативных принципов подталкивают и такие факторы, как «концентрация собственности в сфере массмедиа, несущая угрозу соблюдению прав граждан на свободное выражение мнений и на получение достоверной информации; рост объема транснациональных и мультимедийных операций, которые могут подорвать национальную культуру или даже политический суверенитет; рост влияния телевидения и интернета как социальной силы, превосходящей или вытесняющей другие агентства социализации и контроля» (см. [8]).

Новые технологические условия добавляют аудиторному и экономическому факторам определенную специфику, которую важно учитывать при пересмотре нормативных предписаний для журналистики, действующей в конкретной социальной системе.

С одной стороны, благодаря технологиям у публики появился свой голос, что вызвало «антропологический поворот» в философском знании и утвердило для теории журналистики социальный детерминизм, поставив во главу угла проблему человека в новой информационной среде, стремление личности к полноте реализации ее сущностных сил» [16, с. 92]. С другой стороны, в работах, предлагающих «новое прочтение» нормативных теорий с учетом глобальных тенденций, слышны алармистские настроения в связи с ненадежностью и недоосто-

верностью новостей в новых онлайн-источниках и невозможностью публики доверять им. Кроме того, устойчивая коммодификация интернета вытесняет ранние обязательства перед публикой и обществом играть важную роль в демократическом процессе [17, с. 266].

Ситуацию усугубляет то, что «на новые медиа широко и успешно нацелились потенциальные коммуникаторы, стремящиеся встроиться в добровольную взаимосвязь людей и социальных медиа, чтобы продвигать свои коммерческие и идеологические цели. Открытость, свобода и анонимность интернета делают его открытым для хорошо оплачиваемых попыток управлять и манипулировать голосами и сообщениями в онлайн, от которых мало шансов защититься или что-то в них исправить» [17, с. 288–289].

По мнению Д. Халлина и П. Манчини, коммерциализация прессы превращает ее в крупный бизнес, который совершает «колонизацию публичной сферы»; видоизменяет многие традиционные атрибуты журналистской профессии и связи медиа с социумом, ставит под сомнение утверждения относительно ограниченной роли государства в медийных системах и представление о прессе как «независимом четвертом сословии»; формирует культурный тренд, направляющий к глобальной консьюмеристской культуре [18]. В этом тренде экономическая глобализация в отношении медийной индустрии играет важную роль. Ведь если СМИ коммерциализируются, это меняет функционирование журналистики, поскольку главной целью оказывается не распространение идей и создание вокруг них социального консенсуса, а производство развлекательного контента, который может заинтересовать рекламодателей и потребителей. На наш взгляд, перечисленные факторы актуализируют пересмотр нормативных представлений о социально ответственной журналистике, которые формировались в XX в.

Заключение. Предпосылки возникновения нормативных теорий прессы, в частности, теории социальной ответственности, возникли в 1930-е гг. в США и были обусловлены: разногласиями в толковании Первой поправки Конституции; противостоянием между властью, издателями и общественными интересами; критикой деятельности СМИ; стремлением владельцев журналов и газет сохранить права собственности и закрепить представление о «свободной прессе». Рассмотренные в данной статье нормативные представления о журналистике очерчивают образ «идеальных» предписаний для взаимодействия СМИ и других социальных институтов, предлагают критерии для исследования специфики журналистики в различных социально-исторических укладах. Вместе с тем, уникальный контекст, обусловленный политическими, экономическими, технологическими факторами, вызывает необходимость пересмотра сложившихся устойчивых концепций о нормах и ценностях журналистики сегодня, связанных с влиянием новых медиа на информирование и доверие аудитории, а также с дисфункциональными последствиями коммерциализации СМИ.

Литература

1. Михайлов, С. А. Современная зарубежная журналистика: правила и парадоксы / С. А. Михайлов. – СПб. : Изд-во Михайлова В.А., 2002. – 456 с.
2. Мамонтова, О. И. Развитие основных институтов саморегулирования СМИ в мире [Электронный ресурс] / О. И. Мамонтова. – Режим доступа : <https://vestnik.journ.msu.ru/books/2010/5/razvitie-osnovnykh-institutov-samoregulirovaniya-smi-v-mire/> Дата доступа : 05.01.2022.
3. Blanchard, M. A. The Hutchins Commission, the press and the responsibility concept [Electronic resource] / M. A. Blanchard. – Access mode : <http://www.aejmc.org/home/wp-content/uploads/2012/09/Margaret-A.-Blanchard.The-Hutchins-Commission.May-1977.pdf>. – Access date : 05.01.2022.
4. Бейтс, С. Об одной попытке избавить прессу от недостатков [Электронный ресурс] / С. Бейтс. – Режим доступа : [https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1996-45-46/1996-45-46%20\[263-268\].pdf](https://nsarchive.gwu.edu/rus/text_files/EastUropeProblems/1996-45-46/1996-45-46%20[263-268].pdf). – Дата доступа : 05.01.2022.
5. Бакулев, Г. П. Массовая коммуникация: западные теории и концепции / Г. П. Бакулев. – М. : Аспект Пресс, 2005. – 176 с.
6. Сиберт, Ф. Четыре теории прессы / Ф. Сиберт, У. Шрамм, Т. Питерсон. – М. : Вагриус, 1998. – 196 с.
7. Корконосенко, С. Г. Нормативные теории журналистики в России : ретроспективный взгляд / С. Г. Корконосенко // Вопросы теории и практики журналистики. – 2014. – № 5. – С. 12–25.
8. Бакулев, Г. П. Нормативные теории массовой коммуникации [Электронный ресурс] / Г. П. Бакулев // Социологические исследования. – 2005. – № 1. – Режим доступа : <http://ecsocman.hse.ru/socis/msg/210706.html>. – Дата доступа : 15.12.2021.

9. Прохоров, Е. П. История преподавания и разработки теории журналистики [Электронный ресурс] / Е. П. Прохоров // Медиаскоп. – 2006. – № 1. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/история-преподавания-и-разработки-теории-журналистики>. – Дата доступа : 05.01.2022.
10. Засурский, И. И. Реконструкция России. Масс-медиа и политика в 90-е годы / И. И. Засурский. – М. : Изд-во МГУ, 2001. – 288 с.
11. Потребин, А. В. Экономика и менеджмент СМИ : уч-метод. комплекс / А. В. Потребин. – Минск : БГУ, 2005. – 163 с.
12. Воробьев, В. П. Система СМИ Беларуси / В. П. Воробьев. – Минск : Изд. Центр БГУ, 2002. – 252 с.
13. Дубовік, С. В. Даведнік журналіста / С. В. Дубовік. – Мінск : Выд.цэнтр БДУ, 2006. – 221 с.
14. Кулинка, Н. А. Время несбывшихся надежд : 17 интервью с белорусскими журналистами о 1990-х / Н. А. Кулинка, Н. А. Федотова. – Вильнюс : Логвинов, 2014. – 326 с.
15. Землянова, Л. М. Коммуникативистика и средства информации : англо-русский толковый словарь концепций и терминов / Л. М. Землянова. – М. : Изд-во Моск.ун-та, 2004. – 416 с.
16. Теория журналистики в России / под ред. С. Г. Корконосенко. – СПб. : Алетейя, 2018. – 254 с.
17. МакКуэйл, Д. Журналистика и общество / Д. МакКуэйл. – М. : МедиаМир ; Факультет журналистики МГУ им. М.В. Ломоносова, 2013. – 368 с.
18. Землянова, Л. М. Теоретические принципы сравнительного анализа медийных систем в трудах Даниела Халлина и Паоло Манчини, их адептов и оппонентов [Электронный ресурс] / Л. М. Землянова // Медиаскоп. – 2013. – № 3. – Режим доступа : <http://www.mediascope.ru/node/1388>. – Дата доступа : 05.12.2021.

Белорусский государственный университет

Поступила в редакцию 02.02.2022

УДК 811.161.1'373.46:821.161.1:801.82

Мифолексемы как средство характеристики персонажей в художественных текстах

О.Л. Ючко

В статье анализируются мифолексемы *кикимора*, *змея* и *бес*, используемые в качестве средства характеристики литературно-художественных персонажей. Обращается внимание на связь прямых и переносных значений названных лексем, на особенности реализации ими инвективной функции в тексте. Отмечаются изменения в семантике диалектных и общеупотребительных мифолексем, а также возможность использования одной и той же номинации для оценки внешнего вида и особенностей характера как женских, так и мужских литературных персонажей.

Ключевые слова: мифолексемы, кикимора, змея, бес, оценочность, художественный текст.

The article analyses the mytholexemes *kikimora*, *snake*, *demon* used as a means of characterization for literary characters. The attention is drawn to the connection of direct and figurative meanings of the named lexemes, as well as to the peculiarities of their invective function implementation in the text. The changes in semantic of dialect and commonly used mytholexemes are noted, as well as the possibility of using the same nomination to evaluate the appearance and character traits of both female and male literary characters.

Keywords: mytholexemes, kikimora, snake, demon, evaluation, literary text.

Важнейшей особенностью лексики русского (как и любого другого) языка является, наряду с номинативной, его экспрессивно-оценочная функция, которая «позволяет говорящему «выразить себя», то есть свои эмоции, суждения, мысли» [1, с. 8]. Существуют и другие термины для обозначения данной функции (*эмоциональная, экспрессивная, аффективная*), реализуя которую, «субъект спонтанно или сознательно передает свое психическое отношение к происходящему» [2, с. 107]. Будучи употребленными в художественном тексте, «эмоционально заряженные» номинации создают его экспрессивность (от лат. *expressio* ‘выражение’), под которой понимается «выразительность, сила проявления чувств и переживаний» [3, с. 80].

Средствами выражения эмоционального состояния участников коммуникации являются либо слова, изначально содержащие в своей семантике негативную или позитивную коннотацию (*хапуга, негодяй, умница, пустозвон, герой, красавица*), либо номинации, приобретающие оценочность лишь в переносном значении (*шляпа* ‘растяпа’, *тряпка* ‘бесхарактерный, слабовольный человек’, *орел* ‘гордый, смелый, сильный человек’, *осел* ‘тупой упрямец’ и др.). Значительным экспрессивным потенциалом обладают и мифонимы, под которыми в широком смысле слова понимаются «имена вымышленных объектов любой сферы ономастического пространства в мифах» [4, с. 124]. Предметом нашего рассмотрения являются мифолексемы – названия «низших» мифологических персонажей, которые, обладая в сфере народной духовной культуры богатой и разветвленной символикой, активно используются как средство характеристики персонажей в художественных текстах.

Мифоним *кикимора* используется для названия вредоносного существа: «Кикимора – русский и белорусский мифологический персонаж, обитающий в жилище человека, приносящий вред, ущерб и мелкие неприятности хозяйству и людям»; кикимора «бросает и бьет горшки, мешает спать, стучит вьюшкой, кидается из подполья луковицами, с печи – шубами и подушками; выдергивает волосы у хозяина, перья у кур, досаждают людям воем, писком, шумом, рвет, мусолит и путает шерсть, жжет кудель, оставленную на ночь без благословения». Весьма непривлекателен и внешний облик кикиморы, которую «представляют в виде маленькой, безобразной, скрюченной старушки, уродливой, неряшливой, одетой в лохмотья» [5, с. 494–495]. На «нечистую» природу этого персонажа указывает и внутренняя форма самого мифонима – сложного слова, первая часть которого восходит к балто-славянскому корню *kik-/kuk-/kuk-* с общим значением кривизны, горбатости, скрюченности, а вторая часть связана со словами *мор, смерть, умирать* [5, с. 494].

Вполне закономерно, что в современном русском языке слово *кикимора*, кроме прямого значения ('злой дух в образе безобразной старушки, беспокоящий по ночам маленьких детей, досаждающий хозяевам, причиняющий вред домашним животным и птицам'), реализует переносную семантику, непосредственно соотносящуюся с вышеприведенными мифологическими представлениями – 'о неряшливой, неопрятной или сварливой женщине' [6, с. 427].

Вместе с тем, рассматриваемый мифологический персонаж в традиционной культуре наделялся и позитивно оцениваемыми чертами. Так, в словаре В.И. Даля слово *кикимора* поясняется как 'род домового, который по ночам прядет', и указывается лишь склонность кикиморы к проказам: «он днем сидит невидимкою за печью, а проказит по ночам, с веретеном, прялкою, воробьями и вьюшкою». Кроме того, здесь же рассматриваемое слово фиксируется и с переносным, но позитивно-оценочным значением, хотя и сопровождается составителем словаря пометой «укорит.» (то есть «с укором», «укорительно»): 'домосед, нелюдим, невидимка, кто вечно сидит дома за работою, особенно кто очень прилежно прядет' [7, с. 108]. В «Словаре русских народных говоров» номинация *кикимора* иллюстрируется несколькими (в основном – мелиоративными) значениями: 'тихий, скромный, трудолюбивый человек'; 'беспокойный, неуживчивый, сварливый человек'; 'непоседа, юркий, проворный человек'; 'хитрый, настойчивый человек невзрачной наружности'; 'худощавый человек' [8, с. 205]. Показательно, что в сказке для детей Т. Домаренок этот мифологический персонаж представлен исключительно в позитивной обрисовке – как существо, вернувшее к жизни заросшее тиной грязное лесное озеро: «Кикимора следит за порядком на лесном озере. Оно стало настолько чистым и красивым, что даже прекрасные белые лебеди весной селятся на нем. И птицы совсем не боятся смотреть на некрасивую Кикимору, они даже подружились с ней. Потому что старуха Кикимора мудрая и может научить добрым делам» [9].

Однако рассматриваемая номинация, использующаяся в художественных текстах как мифолексема (в роли номинации-характеристики), в полной мере реализует свой изначальный негативный потенциал. Например, в процессе словесной перепалки персонажей пьесы А.П. Чехова «Юбилей» – бухгалтера банка Кузьмы Хирина и посетительницы, «старухи в салопе» Настасьи Мерчуткиной – мужчина, находясь в состоянии аффекта, использует именно эту мифолексему в роли инвективы, имеющей целью оскорбить, унижить собеседницу – надоедливую и недалекую старую женщину. Явная вербальная агрессия сопровождается при этом угрозами физической расправы: *Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Скважина! Хири́н. Я тебе еще раз говорю... Слышишь! Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать! Я могу преступление совершить! Мерчуткина. Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких.* Очевидно, что в данном случае в мифолексеме *кикимора* реализовались такие негативно-оценочные переносные значения, как 'внешне непривлекательная (←старуха)' и 'вредная (←настырная)', что, однако, не помешало женщине в довольно грубой форме огрызнуться.

Эта же оскорбительная номинация, но в иной коммуникативной ситуации, используется кондуктором Вале́й, персонажем одноименного рассказа М. Зощенко, по адресу вполне приличной, добропорядочной пожилой женщины (к тому же – члена райсовета), попытавшейся узнать сведения о кондукторе с целью ее поощрения за хорошую работу. Валя же, не разобравшись в ситуации, безосновательно обрушивает на собеседницу гневную и раздражительную тираду, насыщенную бранью. Усугублению конфликтной ситуации способствует дважды употребленное определение *старая* и грубо-просторечное слово *хрычовка*, которое также используется по отношению к пожилой, старой женщине: *Милая кондукторша изменилась в лице. Сначала покраснела, потом побелела и вдруг крикнула: «А тебе на что моя фамилия? Ты что, старая кикимора, не в своё дело нос суёшь? Или ты хочешь сказать, что я неправильно сделала, что пьяного в вагон пустила? Так я тебе, старая хрычовка, на это скажу: лучше бы я тебя в вагон не пустила, чем я бы оставила немного выпившего на улице, где он...».* Очевидно, что в данном случае мифолексема *кикимора* употреблена, как и в предыдущем контексте, в состоянии аффекта, который определяется как «кратковременное

сильное нервное возбуждение, сопровождающееся потерей самоконтроля» [6, с. 52]. Однако, в отличие от ранее приведенного текста, номинация-характеристика *кикимора* в рассказе М. Зощенко объективно является «безадресной» и указывает прежде всего на низкий культурный уровень адресанта речи. Мифолексема *кикимора* в описанной ситуации не выполнила роль «триггера», усугубляющего конфликтную ситуацию, поскольку адресат изначально был настроен явно миролюбиво, доброжелательно.

Весьма своеобразно рассматриваемая мифолексема употреблена в рассказе А.П. Чехова «Дочь Альбиона» в адрес англичанки-гувернантки, которая удит рыбу рядом с помещиком Грябовым. Последний, общаясь с уездным предводителем дворянства Отцовым, называет гувернантку кикиморой, однако, как и в предыдущем случае, эта номинация является безадресной, так как англичанка вообще не понимает русской речи. Из содержания этого краткого рассказа можно, однако, понять, что слово *кикимора* используется в данном случае прежде всего для характеристики непривлекательного внешнего вида гувернантки: *Возле него стояла высокая, тонкая англичанка с выпуклыми рачьими глазами и большим птичьим носом, похожим скорее на крючок, чем на нос. Одета она была в белое кисейное платье, сквозь которое сильно просвечивали толстые, желтые плечи.* В речи Грябова слово *кикимора* употребляется (параллельно с другими лексемами-инвеktивами – *чертова кукла, дурища, каналья*) в ряду слов-характеристик, реализующих в контексте общий для них семантический признак ‘нечто длинное, узкое, заостренное’, что соотносится с представлениями о худобе кикиморы как мифологического существа: *Видал? – спросил Грябов, хохоча. – Нате, мол, вам! Ах ты, кикимора! Для детей только и держу этого тритона... А талия? Эта кукла напоминает мне длинный гвоздь. Так, знаешь, взял бы и в землю вбил.*

Можно также предположить, что причиной ярко выраженного негативного отношения Грябова к гувернантке является не только критическое восприятие ее внешности, но и «чужеродность» мисс Тфайс, открыто демонстрирующей свое презрение к мужчинам, надменность и высокомерие, свой статус «дочери Альбиона», то есть истинной англичанки. Известно, в сфере народной культуры инородцы как представители другого этноса традиционно воспринимались как воплощение чего-то опасного, нечистого и потустороннего [10, с. 414].

В русском языке слово *кикимора* употребляется в составе устойчивого словосочетания *кикимора болотная*, реализующего два значения: прямое (‘персонаж русских сказок в облике женщины, живущей в лесу или на болоте’) и переносное, негативно-оценочное (‘о неряшливой, неопрятной или сварливой женщине’) [6, с. 427]. Однако в рассказе В.М. Шукшина «Микроскоп» названное выражение в функции характеристики употреблено в адрес мужчины – Сергея, друга главного героя, неожиданно для всех «разоблачившего» поступок столяра Андрея Ерина, который обманным путем приобрел микроскоп. Расстроенный Андрей в отчаянии, но без злобы, почти по-дружески, примирительно говорит Сергею: *Пошли в лавку. Кикимора ты болотная!.. Какого хрена пьяный болтаешься по дворам?.. Эх-х... Чурка ты с глазами.* Очевидно, что в этом случае устойчивое словосочетание *кикимора болотная* использовано для оценки «вредоносности» поступка, а употребленная здесь же поговорка *чурка з глазами* ‘о глупом человеке’ [11, с. 743] указывает на ограниченность персонажа.

Образ змѣя (огненного змея) наделяется в традиционной духовной культуре восточных славян демоническими чертами, поскольку его основная функция – «любовные отношения с женщинами, которые носят характер вампиризма» и «результатом которых является болезнь и смерть женщины»: змей «мучит свою жертву, сосет у нее из груди молоко или кровь, а под конец убивает» [12, с. 332–333]. В христианской традиции змей устойчиво ассоциируется с мотивами соблазнения, грехопадения.

Мифолексема *змей* используется главной героиней повести Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» по отношению к своему любовнику Сергею, предавшему ее. После очередного подлого поступка Сергея Екатерина Львовна унизила его публично: *«Змей подлый!» – произнесла она, не стерпев, – насмехайся, подлец, насмехайся!»* В словосочетании *змей подлый* номинация *подлый* реализует свое прямое значение ‘низкий, бесчестный’, тогда как слово *змей*, употребляющееся с целью указания на зло и насилие, в данном случае имплицитно со-

держит представление о библейском образе змея-искусителя, поскольку Сергей в свое время реально соблазнил купеческую жену Екатерину Львовну Измайлову. Сравн. слова самой Екатерины: *Ну а только как ты меня на эту тепереишнюю нашу любовь сам улещал и сам знаешь, что сколько я пошла на нее своею охотою, сколько ж и твоей хитростью*. Таким образом, лексическая единица *змей* используется для наделения героя такими качествами, как подлость и коварство, результатом чего становится греховное искушение.

Змеем называет своего любовника и героя рассказа В.М. Шукшина «Билетик на второй сеанс». Реагируя на недовольство Тимофея ее непривлекательной внешностью, женщина возмущенно замечает: *А ведь когда-то не замечал. Во змей-то!* В приведенном контексте мифолексема *змей* реализует контекстуальное значение 'соблазнитель; не порядочный, подлый человек'.

Особое место в народных демонологических верованиях занимают представления о бесе, которые, с одной стороны, сближаются с поверьями о черте, а с другой – развивались под влиянием церковно-книжной традиции. Мифоним *бес* традиционно используется не только в значении 'нечистый, злой дух', но и для обозначения любого языческого бога – как «низшего», так и «высшего» уровней. Бес, кроме того, является воплощением греха, порока: «В древнерусских памятниках и светских повестях бесы вызывают болезни, кликушество, любовные недуги, пьянство» [13, с. 164–165]. Показателен в этом отношении фрагмент из произведения Ф. Абрамова «Алька»: *«Ладно, – отмахнулась Маня-большая, наливая себе новую стопку, – плакать не будем. Нам больше достанется»*. – *«Ты-то бы помолчала, бес старый!»* – сердито замахнулась на нее рукой строгая Афанасьевна. – *Сама-то ты пей, лешак с тобой! Да ты ведь и ребят-то молодых в яму тащишь*». Очевидно, что мифолексема *бес* в данном случае не только выполняет функцию инвективы, но и содержит имплицитную негативно-оценочную сему 'тот, кто страдает алкоголизмом, склоняя других к употреблению спиртных напитков'. Высокая степень экспрессивности приведенного высказывания обеспечивается также за счет употребления мифолексемы *лешак* (леший) в составе ругательства *лешак с тобой*. Сравн. также: *Ну тебя к лешаку!* 'выражение пренебрежения к кому-либо'; *Лешак тебя заберет!* 'выражение негодования, досады'; *Чтоб тебя лешак забрал!* 'выражение недоброго пожелания' [14, с. 30].

Показательно употребление мифонима *бес* в следующем контексте: *«А я... я говорю... пойдете!»* – взорвалась Нюшка. – *Я вот председателя кликну... Он вам...»* Она бросилась к двери и чуть было не опрокинула ведро с водой. И тут ее словно *бес попутал*. Не помня себя, Нюшка схватила ведро и с размаху выплеснула воду в печь, на горящие дрова. Огонь с шипением потух, из печного чела повалил густой чадный дым. *«Ах ты... затычка! Бес!»* – завопила Матрена (А.И. Мусатов. Земля молодая). В приведенном примере мифолексема *бес* употреблена в адрес колхозной активистки Нюшки, которая от имени руководства колхоза обязывает выполнять тяжелую и ненужную работу единоличницу Матрену. Вербальная агрессия последней обусловлена не только сказанными Нюшкой словами, но и ее поведением (*схватила ведро, выплеснула воду в печь*), которое характеризуется автором выражением *бес попутал*. Единоличница Матрена, таким образом, как бы дает Нюшке «объективную» характеристику: поскольку она совершила «бесовский» поступок вследствие того, что ее *бес попутал*, она сама в представлении хозяйки дома является бесом.

Пейоративная по своей природе лексема *бес* в некоторых ситуациях может приобретать мелиоративное значение: *«Бес ты, Володька, чистый бес, – ласково говорила бабка Евстоля. – И не стыдно тебе?»* Володька ревел у нее на руках (В. Белов. Привычное дело). В данном случае мифолексема *бес* представляет собой форму ласкового обращения к внуку и подчеркивает такую черту ребенка, как хитрость, поскольку он проявляет детскую ревность, требуя переключения внимания бабушки на него, а не на младшего брата героя.

Таким образом, употребляемые в художественных текстах мифолексемы позволяют не только охарактеризовать адреса по внешним и внутренним признакам, но и выразить вербальную агрессию, усиливая тем самым психологическое воздействие на реципиента. Проведенный анализ показал, что мифолексемы имеют диффузную структуру, что позволяет авторам осуществлять разностороннюю характеристику героев.

Литература

1. Киклевич, А. К. Двенадцать функций языка / А. К. Киклевич // Мир русского слова. – 2009. – № 3. – С. 3–13.
2. Иваницкий, В. В. Функции языка / В. В. Иваницкий // Вестник Новгородского государственного университета. – 2004. – № 29. – С. 103–109.
3. Телицына, Е. Л. К вопросу о разграничении понятий «эмоциональность», «оценочность» и «экспрессивность» / Е. Л. Телицына // Вестник Югорского государственного университета. – 2016. – Вып. 1 (38). – С. 79–83.
4. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии / Н. В. Подольская. – М. : Наука, 1978. – 200 с.
5. Левкиевская, Е. Е. Кикимора / Е.Е. Левкиевская // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти т. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 2. – С. 494–496.
6. Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб. : «Норинт», 2000. – 1536 с.
7. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – СПб.–М. : Издание М.О. Вольфа, 1881. – Том 2 : И–О. – 807 с.
8. Словарь русских народных говоров. Выпуск тринадцатый: Калун–Кобза / Ф. П. Филин (гл. ред.). – Л. : Изд-во «Наука», 1977. – 358 с.
9. Домаренок, Т. Кикимора болотная. Сказка для детей [Электронный ресурс] / Т. Домаренок. – Режим доступа : <https://proza.ru/2010/01/27/843>. – Дата доступа : 03.02.2022.
10. Белова, О. В. Инородец / О. В. Белова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти т. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 2. – С. 414–418.
11. Мокиенко, В. М. Большой словарь русских поговорок / В. М. Мокиенко, Т. Г. Никитина. – М. : ЗАО ОЛМА Медиа Групп, 2007. – 784 с.
12. Гура, А. В. Змей огненный / А. В. Гура // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти т. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 2. – С. 332–333.
13. Белова, О. В. Бес / О. В. Белова // Славянские древности : Этнолингвистический словарь : в 5-ти т. ; под ред. Н. И. Толстого. – М. : Междунар. отн., 1995. – Т. 1. – С. 165–166.
14. Словарь русских народных говоров. Выпуск семнадцатый : Леснокаменный–Масленичать / Ф. П. Филин (гл. ред.). – Л. : Изд-во «Наука», 1981. – 383 с.

Мозырский государственный педагогический
университет имени И.П. Шамякина

Поступила в редакцию 16.02.2022

Философия

УДК 116:101.1

Філасофскія і тэарэтыка-метадалагічныя падставы супрацьстаяння сепаратыўным працэсам

Я.С. ЕРМАКОЎ

У артыкуле вывучаецца мікраўзровень самаарганізацыі соцыума. Прапануюцца сацыяльныя карціны свету як адмысловыя кагнітыўна-эпістэمالагічныя схемы, якія праз свядомасць, мову і асяроддзе, з аднаго боку, і дзеянні суб'екта – з іншага, уплываюць на сацыяльную рэальнасць і ўспрыманне яе чалавекам. На гэтай падставе даследуецца роля сацыяльных карцін свету ў дынаміцы сепаратыўных працэсаў і фармулююцца філасофскія і тэарэтыка-метадалагічныя падставы супрацьстаяння сепаратызму і сепаратыўным выклікам.

Ключавыя словы: псіхафізічная праблема, свядомасць, сацыяльныя карціны свету, назіральнік-удзельнік, моўная гульня, сепаратыўныя працэсы, гарманізацыя.

The article studies the micro-level of self-organization of society. The social world patterns are proposed as special cognitive and epistemological schemes that, through consciousness, language and the environment, on the one hand, and the actions of the subject, on the other, affect social reality and human perception of it. The role of the social world patterns in the dynamics of separative processes is investigated and philosophical, theoretical and methodological foundations of opposition to separatism and separative challenges are formed on this basis.

Keywords: mind-body problem, consciousness, social world pattern, observer-participant, language-game, separative processes, harmonization.

Уводзіны. Сепаратыўныя працэсы як працэсы дэзінтэграцыўнага характару, якія закранаюць як асобныя дзяржаўныя ўтварэнні, так і грамадства ў цэлым, нясуць у сабе шырокі спектр гуманітарных пагроз. На жаль, сёння *не стае* не толькі погляду з асобным філасофскім, тэарэтычным і метадалагічным інструментарыем на сепаратызм, як на сістэмны феномен, які закранае фактычна ўсе сферы жыцця чалавека, але і адпаведаючага яму падыходу, што накіраваны на прадухіленне сепаратыўных выклікаў і працэсаў.

У адной з апошніх работ [1] намі быў прапанаваны абагульнены прынцып «назіральніка-ўдзельніка», які разглядае «наяўнасць разумнага суб'екта і яго акты пазнання як структураўтвараючы фактар антаэпістэمالагічнага марфагенеза складанасці, па меншай меры, у яе структурна-функцыянальным аспекце» [1, с. 33]. Праблема, якая вынікае з адзначанага прынцыпу, заключаецца ў наступным: як праяўляецца ў ім дынамічнасць соцыуму, марфагенез сацыяльнасці і сацыяльная самаарганізацыя ў цэлым? Да таго ж, калі мы разглядаем сацыяльную самаарганізацыю як вынік складанага ўзаемадзеяння розных узроўняў сацыяльнай рэчаіснасці (мікра-, меза-, макра-), то паўстае пытанне аб структурнасці ў першую чаргу мікраўзроўню. Як нам падаецца, адным з кампанентаў гэтай структурнасці, але не ключавым, з'яўляюцца кагнітыўна-эпістэمالагічныя структуры, уласцівыя суб'екту, і якія могуць уплываць на яго дзеянні і дзейнасць, і праз гэта – на дынаміку сацыяльнай самаарганізацыі ў цэлым. У дадзеным выпадку размова ідзе аб асобым працэсе прычынення і ўзаемаабумоўленасці, з аднаго боку, ментальных структур, абумоўленых магчымасцю функцыянавання свядомасці, і сацыяльнасці як часткі рэальнасці – з другога.

Такім чынам, мэта артыкула – у кантэксце абагульненага прынцыпу «назіральніка-ўдзельніка», з аднаго боку, і сепаратыўных працэсаў – з іншага, абазначыць кагнітыўна-эпістэمالагічныя структуры як складнік сацыяльнай самаарганізацыі на мікраўзроўні соцыума і вызначыць філасофскія і тэарэтыка-метадалагічныя падставы супрацьстаяння працэсам сепаратызму.

Адсюль мэтазгодна ў працэсе даследавання вырашыць дзве задачы, філасофскага і тэарэтыка-метадалагічнага кшталту адпаведна. Па-першае, разгледзець кагнітыўна-эпістэمالагічныя падставы сацыяльнай самаарганізацыі соцыуму. Па-другое, прапанаваць асновы тэарэтычнага і метадалагічнага інструментарыя супрацьдзеяння сепаратыўным працэсам.

Асноўная частка. У сваіх даследаваннях Р. Дэкарт заклаў асновы для субстанцыйнага, або картэзіянскага, дуалізму. Згодна яму, свядомасць і цела з'яўляюцца рознымі сутнасцямі, або субстанцыямі – «думаючай» і «працяглай» адпаведна [2, с. 335–336]. Гэта паслужыла крыніцай развіцця яго ідэй, у першую чаргу ў рамках субстанцыйналізму. Аднак ключавое яго меркаванне – інтэракцыянізм – падвяргаецца крытыцы і цяпер з-за немагчымасці строга лагічна даказаць аўтаномны характар узаемадзеяння свядомасці і цела праз адсутнасць эмпірычных дадзеных пра гэта. «Наша душа, – адзначае Р. Дэкарт, – у сілу ўласцівай ёй здольнасці да пазнання выносіць меркаванне аб тым, што названыя адчуванні вынікаюць не толькі з яе адной, паколькі яна – рэч думаючая, але таксама і паколькі яна звязаная з нейкай іншай працяглай рэччу, якая рухаецца дзякуючы размяшчэнню сваіх органаў; апошняя і называецца ўласна чалавечым целам» [2, с. 349].

Сёння інтэракцыянізм сутыкаецца з праблемай сумяшчэння каўзальнай замкнёнасці фізічнага, з аднаго боку, і каўзальнай дзейнасці свядомасці. Паводле першага прынцыпу, які таксама часта называюць прынцыпам паўнаты фізічнага, любое фізічнае дзеянне мае дастатковую фізічную прычыну, адсюль для яго тлумачэння няма неабходнасці звяртацца да нефізічнай прычыны. Да прыкладу, для таго, каб растлумачыць з'яву «рух галавы», будзе дастатковым звярнуцца да нейронавых працэсаў, што адбываюцца ў чалавечым мозгу. З іншага боку, маецца іншы аспект «руху галавы», які можна назваць ментальным бокам дадзенай з'явы. У прыватнасці, калі мы тлумачым яго толькі фізічнымі прычынамі, то застаецца ў цені каўзальная сувязь свядомасці і фізічнага свету ў цэлым, і ўплыў свядомасці на нашы паводзіны – у прыватнасці. Тым больш, элімінуюцца да фізікалісцкага тлумачэння такія філасофскія праблемы, як свабода выбару і маральная адказнасць па той прычыне, што калі паводзіны чалавека не кантралююцца свядомасцю, то наша жыццё асабліва прадвызначана фізічнымі законамі, якія ў выніку і нясуць за нашы ўчынкі адказнасць.

Зараз у філасофіі свядомасці існуе пэўная колькасць падыходаў да вырашэння адзначанай вышэй праблемы. Цікаваць уяўляе распаўсюджаны ў сучаснай аналітычнай філасофіі свядомасці падыход, што развівае Д. Чалмерс, і які закранае свядомасць як асобны феномен наогул, і называецца аўтарам натуралістычным дуалізмам. Як адзначае Д. Чалмерс, «застаецца, зрэшты, верагодным, што, хоць свядомасць не можа быць *выведзена* з нейкай фізічнай асновы, яна спараджаецца ёю. І пазіцыя, да якой мы прыйшлі, палягае ў тым, што свядомасць узнікае на фізічным субстраце, дзякуючы пэўным кантынгентным законам прыроды, якія самі па сабе не з'яўляюцца наступствам фізічных законаў... Сам факт, што ментальнае павінна *спараджацца* мозгам, паказвае на тое, што тут здараецца нешта, што выходзіць за межы фізічных фактаў (курсіў Д. Чалмерса. – Я.Е.)» [3, с. 162–163].

Такім чынам, падыход Д. Чалмерса імкнецца сумясціць «рэальнасць» свядомасці, з аднаго боку, і яе навуковае тлумачэнне як нерэдуцыруемага да фізічнай рэальнасці феномена. У дадзеным падыходзе ёсць як станоўчыя моманты, так і недахопы. У прыватнасці, да станоўчых момантаў варта аднесці імкненне Д. Чалмерса суаднесці свядомасць з фізічнай рэальнасцю, апелюючы да строга навуковага тлумачэння феномена свядомасці і выяўлення канкрэтных законаў, якія рэгулююць ментальнае. У прыватнасці, згодна з пазіцыяй Д. Чалмерса, існуе дуалізм нізкаўроўневых фізічных уласцівасцяў і высокаўроўневых псіхічных уласцівасцяў мозга. У дадзеным выпадку гаворка ідзе аб так званай лакальнай супервентнасці свядомасці на фізічным. Прызнанне дадзенага дуалізму прыводзіць да таго, што свядомасць, а дакладней протафенаменальныя ўласцівасці, адказваючы за рэалізацыю пэўных фізічных уласцівасцяў, складаюць нароўні з фізічнымі ўласцівасцямі фізічны свет.

У сваю чаргу В.В. Васільеў абпіраецца на так званую фенаменалістычную анталогію, базавыя палажэнні якой уключаюць тры наступныя пункты:

1) прынцып адпаведнасці мінулага і будучыні (чаканне, што за пэўнымі падзеямі-прычынамі ідуць пэўныя падзеі-наступствы);

2) прынцып каўзальнай веры (усе падзеі маюць прычыны);

3) прынцып экзістэнцыяльнай веры (знешні фізічны свет рэальны) [4, с. 27–48].

На гэтай падставе В.В. Васільеў крытыкуе лакальную супервентнасць як непраўільны падыход да вывучэння свядомасці і прапануе лакальны інтэракцыянізм як прынцыпова іншы падыход. Як піша В.В. Васільеў, «калі я рэальна мог бы прыйсці да свайго цяперашняга фізічнага

стану іншым шляхам (першая пасылка) і калі, як вынікае з другой пасылкі, я валодаў бы тады іншымі ўспамінамі (падзеі, дзякуючы якім мой арганізм прыходзіць у той ці іншы стан, – гэта падзеі, якія адбываюцца з ім і ў яго асяроддзі і якія адлюстроўваюцца ў маіх успамінах), то, улічваючы, што мае ўспаміны фундуюць мае перакананні і жаданні і што мае перакананні і жаданні *скарэляваны* з маімі паводзінамі (трэцяя пасылка), у такой сітуацыі я, хутчэй за ўсё, паводзіў бы сябе інакш, чым паводжу сябе цяпер, нягледзячы на тое, што з фізічнага боку я быў бы ідэнтычнай копіяй свайго цяперашняга фізічнага Я (курсіў наш – *Я.Е.*)» [4, с. 114].

Такім чынам, лакальны інтэракцыянізм, з аднаго боку, не адмаўляе ў фізічных падзеях поўнага пераліку фізічных прычын, але з іншага – не рэдукуе ментальнае да фізічнага і дапускае наяўнасць лакальных нефізічных прычын, якія дублююць нелакальныя фізічныя прычыны. Адсюль, піша В.В. Васільеў, «ментальныя станы трэба трактаваць менавіта як неабходныя ўмовы рэалізацыі нелакальнай фізічнай прычыннасці» [4, с. 179].

Выходзячы з адзначанага, прапануем асаблівыя кагнітыўна-эпістэмалагічныя схемы ў частцы ментальнасці, якія карэлююць з сацыяльнай рэальнасцю на ўзроўнях узаемаўплываў адно на аднаго, як *сацыяльныя карціны свету* (далей – СКС). У гэтым кантэксце хацелася б зноў акцэнтаваць увагу на двух найважнейшых, на наш погляд, аспектах лакальнага інтэракцыянізму. Па-першае, як адзначае В.В. Васільеў, наяўнасць у чалавека «суб'ектыўных успамінаў як прыватных ментальных станаў апраўдвае тое, што адныя фізічныя шэрагі падзей, якія прыводзяць гэтых людзей да фізічнага стану *B*, могуць выклікаць у нас чаканне фізічнай падзеі *C*, тады як іншыя шэрагі фізічных падзей, якія вядуць да таго ж фізічнага стану *B*, могуць выклікаць у нас чаканне якой-небудзь іншай фізічнай падзеі» [4, с. 108].

Па-другое, «кажучы пра тое, што ментальнае аказваецца неабходнай анталагічнай умовай рэалізацыі нелакальнай фізічнай прычыннасці, трэба падкрэсліць, што гэта неабходная ўмова не з'яўляецца нейкім незалежным каўзальным фактарам. У адваротным выпадку фізічныя фактары не былі б дастатковымі ўмовамі, гэта значыць прычынамі тых ці іншых паводзін. Але, паколькі ментальнае ў глабальным плане супервентна на фізічным, яно сапраўды не можа разглядацца як незалежны каўзальны фактар, і яго наяўнасць не пазбаўляе фізічныя фактары якасці дастатковасці» [4, с. 179].

Прыведзеныя вышэй два аспекты лакальнага інтэракцыянізму карэлююць з абазначаным вышэй абагульненым прынцыпам «назіральніка-ўдзельніка». Так, яны абодва акцэнтуюць увагу на месца суб'екта і, у першую чаргу, яго свядомасці ва ўніверсуме ў якасці аднаго з сістэмаўтвараючых фактараў фізічнай рэальнасці, задаючага множнасць і мультыварыятыўнасць у анталагічных і эпістэмалагічных аспектах. Суб'ект з наяўнай рэальнасці праз свядомасць анталагізуе пэўную частку гэтай рэчаіснасці, спараджаючы тым самым суб'ектна-суб'ектыўнае (эпістэмалагічнае) разуменне фізічнай рэальнасці і працэсаў, якія адбываюцца ў ёй, якое (разуменне) у працэсах канстытування і канстрування імкнецца быць суаднесена з наяўнай анталогіяй у максімальным супадзенні [1, с. 39]. Іншымі словамі, роля свядомасці суб'екта не ў тым, каб з'яўляцца адлюстраваннем рэчаіснасці, а ў тым, каб адлюстроўваць рэчаіснасць у суб'ектыўным ключы.

Адсюль сацыяльныя карціны свету з'яўляюцца аб'ектывацыйнай і яе вынікам у якасці лакалізацыі ў свядомасці суб'ектыўна ўспрыманых суб'ектам фактаў / падзей / з'яў у яго паводзінах і дзеяннях у вонкавым, у адносінах да свядомасці, свеце. У гэтым кантэксце сацыяльныя карціны свету трэба разглядаць як адкрытую сістэму, што ўзнікае ў працэсе ўзаемадзеяння і ўзаемапераходу суб'екта, яго дзейнасці і свядомасці, з аднаго боку, і асяроддзя – з іншага. Такім чынам, СКС дынамічны і складаным чынам дэтэрмінаваны. У той жа час СКС выступае ідэальнай сістэмай у тым сэнсе, што яна рэальная, але з'яўляецца канцэптам. У пэўным сэнсе гэта родніць СКС з квалітатыўнасцю свядомасці, аднак у той жа час маецца праблема існавання саміх *qualia*, як увасабленне суб'ектыўнай падставы свядомасці. Дадзеную праблему можна сфармуляваць у жорсткай і мяккай формах. Адпаведна жорсткая форма: «Ці не з'яўляецца *qualia* ўдалым канцэптам для рэдукавання свядомага досведу “Я” да суб'ектыўных адчуванняў?» Іншымі словамі, «ці існуюць *qualia* наогул?». Мяккая форма пытання не адмаўляе існавання *qualia*, аднак ставіць праблему

структуры і канкрэтызацыі элементаў *qualia*: «Што ўваходзіць у тое, што мы называем *qualia*?». Абедзве формы пытання, так ці інакш, абумоўліваюцца супярэчлівасцю, і, магчыма, недастатковасцю нашых ведаў пра свядомасць і, таму, на першы погляд, у жорсткай форме адказ завязаны на яе прыродзе. Сапраўды, калі мы выходзім, да прыкладу, з розных форм субстанцыялізму ці кагнітывізму, то мы мусім станоўча адказаць на пытанне аб існаванні *qualia* як нейкіх ментальных феноменаў, аднак праблема іх структуры і канкрэтызацыі з'яўляецца для нас нявырашанай па прычыне складанасці самой свядомасці. Адпаведна адказаць на дадзеныя пытанні адначасова, на першы погляд, не прадстаўляецца магчымым у кантэксте, да прыкладу, таго ж субстанцыялізму.

У сваю чаргу І.Я. Прысь прапанаваў іншы падыход да праблемы *qualia* і свядомасці, у прыватнасці, у рамках вітгенштэйнаўскіх «моўных гульняў» і «форм жыцця». Згодна Л. Вітгенштэйну, моўныя гульні ёсць «адзінае цэлае: мовы і дзейнасці, з якімі ён пераплецены» [5, с. 83]. Формы жыцця ж прадстаюць у разуменні аўтара як нявызначаная сукупнасць моўных гульняў і адзначаюцца ім як «тое, што неабходна прымаць, як дадзенае нам» [5, с. 314]. Апроч моўных гульняў і форм жыцця важным значэннем надзяляецца так званае правіла, дзякуючы якому «функцыянуюць» і моўныя гульні і, зрэшты, формы жыцця. Для паўнавартаснага выкарыстання мовы правілы мусіць быць зразумелыя самі па сябе. «Прыгадаем жа, – піша Л. Вітгенштэйн, – у якіх выпадках сцвярджаюць, што гульня праводзіцца па нейкаму пэўнаму правілу! Правіла можа быць інструкцыяй пры навучанні гульні. Яго паведамляюць вучню і навучаюць яго прымяненню правіла. – Ці ж правіла выступае як інструмент самой гульні. – Ці ж яго не ўжываюць ні пры навучанні гульні, ні ў самой гульні; Не ўваходзіць яно і ў пералік правілаў гульні. Гульні навучаюцца, гледзячы на гульню іншых. Але мы кажам, што ў гульні выконваюцца тыя ці іншыя правілы, бо назіральнік можа “ўзяць” гэтыя правілы з практыкі самой гульні: як нейкі закон прыроды, якому падпарадкоўваюцца дзеянні граючых» [5, с. 105].

Вяртаючыся да праблемы свядомасці, пасылам да яе для І.Я. Прысь з'яўляецца тэзіс, што «нешта можа існаваць, быць дадзена толькі ў рамках моўнай гульні і, такім чынам, толькі ў рамках нейкай формы жыцця, а значыць – не аўтаномныя. Рэальнасць, як такая, адыграе ролю фону для іх» [6, с. 12]. Зыходзячы з гэтага, І.Я. Прысь вызначае свядомасць ці як «норму» / «дух», ці як «неканцэптуалізаваны прыродны працэс», ці як моўную гульню, «якая змяшчае як ідэальныя элементы (дух), так і матэрыяльныя, прыродныя» [6, с. 12]. Апошняя «разуменне» свядомасці найбольш цікава тым, што яно (разуменне) залежыць «ад кантэксту прыродных (якія маюць рэальныя ўмовы свайго існавання) норм і іх ужыванняў» і ўпісана ў рамкі «той ці іншай нарматыўнай сістэмы» [6, с. 13]. Гэта значыць, заключае І.Я. Прысь, і «свядомасць як карэктная рэалізацыя адпаведнай нормы, гэта значыць у рамках “моўнай гульні”, ёсць прыродная з'ява, рэальна, існуе» [6, с. 15].

Па аналогіі з апошнім «разуменнем» свядомасці, сацыяльныя карціны свету можна разглядаць як і вітгенштэйнаўскую «форму жыцця», якая існуе ў рамках пэўнай нормы (канцэпта, прадстаўлення, тэорыі, «гісторыі») і сумесна рэалізуецца праз некаторую сукупнасць моўных гульняў. Адпаведна СКС не з'яўляецца часткай сацыяльнай «рэальнасці», але яна неаддзельная ад яе з дапамогай існавання правіла і яго рэалізацыі праз і ў рамках моўных гульняў, якія з'яўляюцца пэўнымі і складанымі сацыяльнымі практыкамі. Але СКС не можа рэалізоўвацца па-за кантэкстам (можна сказаць, «асяроддзя»), які і выступае ў якасці нормы (правіла). Адпаведна СКС не статычны, а дынамічны, і змяненне якіх спараджаецца правіламі (асяроддзем / кантэкстам), моўнымі гульнямі (практыкамі / дзеяннямі) і свядомасцю як канцэптуалізацыі феноменальнага досведу. У дадзеным выпадку мы не адмаўляемся ад ідэі свядомасці, аднак з прычыны тэарэтычнай складанасці дадзенай праблемы не маем магчымасці раскрыць яе тут.

Растлумачым больш падрабязней сувязь сацыяльных карцін свету з мовай і дзеяннем. Як палягаў Л. Вітгенштэйн, «словы мовы называюць прадметы – сказы гэта сувязь такіх найменняў... кожнае слова мае нейкае значэнне. Гэта значэнне суаднесена з дадзеным словам. Яно – адпаведны дадзенаму слову аб'ект» [5, с. 80]. У сваю чаргу, дзеянні («практыкі»), па сутнасці, з'яўляюцца часткай рэальнасці – уплечены ў рэальнасць – дзякуючы мове. Паводле ж пазіцыі прадстаўнікоў дзейнаснага падыходу, дзейнасць выступае неабходнай падставай напаўнення псіхікі чалавека

сваім зместам для самарэгуляцыі сваіх паводзін. На наш погляд, недахоп дзейснага падыходу заключаецца ў тым, што дзейнасць, як такая, уяўлялася найважнейшай перадумовай далучэння да феноменальнай сутнасці рэчы і ўтварэння асноўных паняццяў для мыслення. Як жа ўяўляецца, няма сэнсу разрываць сувязь паміж мовай і дзеяннем: дзеянне як бы «адкрывае» феноменальную сутнасць рэчаў, а мова – «замацоўвае» яе праз моўныя гульні і формы жыцця.

Такім чынам, сацыяльныя карціны свету, зыходзячы са сказанага, з'яўляецца прадуктам узаемадзеяння сацыяльнай рэальнасці, мовы, дзейнасці і свядомасці суб'екта. Менавіта дзякуючы гэтым чатыром фактарам СКС з'яўляецца сістэмай кагнітыўна-эпістэمالагічных схем, якія спрошчваюць успрыманне сацыяльных працэсаў, але ў той жа час даюць магчымасць спараджаць новыя сэнсы і, адпаведна, новае і іншае разуменне сацыяльнай рэальнасці. У той жа час мяркуем, што сацыяльныя канфлікты рознага кшталту можам разглядаць і як канфлікты розных суб'ектаў са сваімі сацыяльнымі карцінамі свету, што можна ахарактарызаваць як *эпістэмічны канфлікт*. Калі ў якасці структурных уласцівасцяў СКС разглядаць «сэнс» і «каштоўнасць» на той падставе, што абазначаныя кагнітыўна-эпістэمالагічныя схемы палягаюцца як наданне сэнсу не простым падзеям / з'явам / працэсам, але і тым, што разумеюцца суб'ектамі як каштоўнасці, то можна прапанаваць тры наступныя тыпы канфліктаў сацыяльных карцін свету ад самага «бяспечнага» да найбольш эскалацыйнага: *эпістэмна-лагічны*, *аксіялагічны* і *аксія-эпістэмна-лагічны*.

Першы тып канфлікту выступае канфліктам «ведаў пра нешта...». Веданне аб якіх-небудзь сацыяльных падзеях або працэсах, як і любое веданне наогул, дыскрэтнае па сваёй прыродзе, таму назіраецца множная сэнсавая інтэрпрэтацыя адной падзеі / з'явы / працэсу. Канфлікт, такім чынам, адбываецца паміж рознымі «сэнсамі» як структурнымі ўласцівасцямі, як паміж рознымі СКС, так і ўнутры адной.

Другі тып з'яўляецца канфліктам «значнасці чаго-небудзь...». Гэта значыць выступае як канфлікт інтэрпрэтацый месца той ці іншай падзеі / з'явы / працэсу ў структуры гістарычнай прасторы-часу. З прычыны таго, што «каштоўнасць» як адна са структур СКС з'яўляецца надіндывідуальнай якасцю, то ўяўляецца, што разгляданы тып канфлікту больш глыбокі, чым *эпістэмна-лагічны*. Па-першае, ён можа паўстаць як унутры таго ці іншага грамадства, як вынік наяўнасці ў гэтым грамадстве двух і больш буйных калектыўных супольнасцей, якія разглядаюць тую іншую падзею / з'яву / працэс з пункта погляду значнасці для сябе як часткі пэўнай супольнасці. Па-другое, ён можа так жа паўстаць і паміж рознымі грамадствамі, якія маюць у сваім гістарычным развіцці агульныя моманты. У дадзеным канфлікце не прынцыповая несупярэчлівасць канфліктуючых карцін свету, але кожны ўдзельнік канфлікту імкнецца падмацоўваць сваю карціну свету менавіта каштоўнымі кампанентамі і канфігурацыямі.

Трэці тып канфлікту неаддыктыўна ўбірае ў сябе асаблівасці двух папярэдніх тыпаў і з'яўляецца, на наш погляд, самым глыбокім з разгледжаных. Перш за ўсё, гэты канфлікт з'яўляецца вынікам супярэчнасцей і сэнсу, і каштоўнасці той ці іншай падзеі / з'явы / працэсу. Акрамя таго, калі ў двух папярэдніх выхадах з канфлікту з'яўляецца пошук агульных сэнсавых або каштоўных канфігурацый у канфліктуючых СКС, то для таго, каб пераадолець разгледжаны тып канфлікту, неабходна адначасова знаходзіць пункты судакранання і ў сэнсавых, і ў каштоўных структурах, што ўяўляецца вельмі складаным. У гэтых адносінах гэты тып канфлікту, як нам уяўляецца, найбольш верагодна можа перарасці ў «гарачы» канфлікт пры адпаведных абставінах.

Такім чынам, адзначым, што развіццё сепаратыўных працэсаў, якія мы разглядаем як комплекс сістэмна-сінергетычных эфектаў *спрошчвання-ўскладнення* у межах пэўнай сацыяльна-палітычнай сістэмы, які прыводзіць да крызісу адносінаў паміж цэнтральнай уладай і насельніцтвам пэўных тэрыторый, што абумоўлівае зніжэнне ўзроўню тэрытарыяльнай легітымнасці ўлады на гэтых тэрыторыях і агульнае аслабленне тэрытарыяльнай цэласнасці, яе распад і дэінтэграцыю, можа быць прадстаўлены як эскалацыя дзеянняў сацыяльных актараў і палягаць ва эвалюцыі канфлікту прыхільнікаў і праціўнікаў сепаратызму, для якіх уласціва прытрымлівацца той ці іншай сацыяльнай карціны свету. Прадукаванне гэтых канфліктуючых СКС ёсць працэс аб'ектывацыі сацыяльнай рэальнасці, уключаючы ўласцівыя і адмысловыя для сепаратызму фактары, асноўны змест якой (аб'ектывацыі) з'яўляецца развіццём

цё дыхатаміі «частка-цэлае» на ўзроўні тэрытарыяльнай цэласнасці пэўнай сацыяльна-палітычнай сістэмы. Сітуацыю эскалацыі розных карцін свету, з пункта погляду сацыяльнай самаарганізацыі, трэба разглядаць як перавагу спрощвання над ускладненнем.

Са сказанага вынікаюць падставовыя элементы стратэгіі супрацьдзеяння сепаратыўным працэсам. Наяўнасць супрацьлеглых і канфліктуючых паміж сабою сацыяльных карцін свету не з'яўляецца праблемай, тое ж самае тычыцца і этнічнай, канфесійнай і моўнай разнастайнасці. Наадварот, імкненні да ліквідацыі аднастайнасці больш эскалююць агульную сітуацыю і могуць мець вялікія наступствы ў будучыні. Адсюль асноўная стратэгія, якая мусіць палягаць у супрацьстаянні сепаратызму, павінна быць накіравана на *неэскалацыю*, на неўскладненне і непаскарэнне дынамікі. Сам змест стратэгіі – канкрэтныя крокі – павінен быць індывідуальны і залежыць ад асаблівасцей сітуацыі ў той ці іншай дзяржаве, у якой існуе пагроза развіцця сепаратызму. Аднак інварыянтнасць гэтых стратэгіі мусіць палагаць у стварэнні ўмоў не для эскалацыі і паскарэння дынамікі працэсу, а для дыялогу не паміж канфліктуючымі бакамі, а *карцінамі свету* для агульнага суаднясення іх элементаў. Апошняе неабходна для таго, каб задаць шляхі для кагерэнтага ўзаемадзеяння рознанакіраваных сацыяльных карцін свету ды гарманізацыі і самаарганізацыі наогул. Мяркуем, што на розных этапах працэсу доля гэтай стратэгіі будзе мець розны поспех, бо ў перыяд найбуйнейшай эскалацыі – грамадзянскай вайны – такое ўзаемадзеянне розных карцін свету можа не мець, да і не будзе мець дастатковага плёну.

Як паказвае закон максімуму эфектыўнасці – адзін з законаў узаемнай адаптацыі і трансфармацыі структур сістэм В.Ф. Венды – «эфектыўнасць сістэмы пры пэўнай яе структуры максімальная, калі значэнне кантралюючага фактара ўзаемнай адаптацыі аптымальнае» [7, с. 99]. Іншымі словамі, у сітуацыі, калі ў структуры пэўнай СКС дамінуюць элементы эскалацыі, якая выступае як дамінуючая стратэгія для пэўных сацыяльных суб'ектаў, узаемная адаптацыя канфліктуючых бакоў не можа быць знойдзена па той прычыне, што іншая, канфліктуючая з першай, СКС таксама мусіць быць накіравана на эскалацыю. У гэтым кантэксце да эскалацыі неабходна аднесці і імкненні таго ці іншага боку да ўзаемага знішчэння.

Апроч таго, згодна з законам трансфармацыі В.Ф. Венды – «структуры сістэмы трансфармуюцца адна ў другую праз агульны для іх стан сістэмы» [7, с. 100] – агульных для двух сістэм структур ці элементаў структур можна дасягнуць толькі праз агульны стан гэтых сістэм. Адсюль для паспяховага супрацьстаяння сепаратыўным выклікам і працэсам неабходна, каб ўзаемадзеянне канфліктуючых СКС было заснавана на *рэфлексіўнай* накіраванасці асэнсавання агульных элементаў карцін свету супрацьлеглых бакоў як калектыўных суб'ектаў гісторыі, што ўсведамляюць усю пэўную сацыяльна-палітычную цэласнасць неаддзялімай. У агульным сэнсе, праз рэфлексіўнае ўзаемадзеянне канфліктуючых карцін свету не толькі неабходна знайсці агульны праект на падставе адзінства пэўнай сацыяльна-палітычнай цэласнасці, але і адвергнуць інтэнцыі на эскалацыйнае ўзаемадзеянне. Адною з форм прымянення рэфлексіі як спосабу нахаджэння і асэнсавання агульных элементаў сацыяльна-палітычнай цэласнасці можа выступаць распрацаваная і прапанаваная раней асіметрычная мадэль карэляцыі адказу сістэмнай цэласнасці соцыума на выклік сепаратызму [8], дзе рэфлексія вылучаецца ў якасці інструмента для арганізацыі сістэмнага адказу праз агульную гісторыю цэласнасці, суб'ектаў гісторыі і іншых сацыяльных актараў *усёй* сацыяльна-палітычнай сістэмы, абмяжоўваючы такім чынам развіццё працэсу да грамадзянскай вайны. Аднак адна справа, калі аддзяленне пэўнай тэрыторыі адбываецца праз ваенную агрэсію, а іншая – калі ў дзяржаве сапраўды ініцыююцца сепаратыўныя працэсы, аднак паскарэнне іх агульнай дынамікі мае вонкавыя крыніцы. У гэтай сітуацыі канфлікт адбываецца не столькі паміж карцінамі свету ўнутры пэўнай дзяржавы, колькі паміж дзяржавамі. Таму стратэгія пераадолення сепаратызму павінна ісці праз трэці бок, які можа выступаць медыятарам і месцам «сустрэчы» паспраўднаму канфліктуючых у гэтай сітуацыі бакоў – адной дзяржавы з іншай.

Заклучэнне. У кантэксце адзначанага, такім чынам, сфармулюем філасофска-тэарэтычныя і тэарэтыка-метадалагічныя падставы супрацьдзеяння сепаратыўным працэсам.

Па-першае, адзначаныя сацыяльныя карціны свету прадстаюць у якасці кагнітыўна-эпістэمالагічных схем сацыяльнай рэальнасці, якімі ў сваёй дзейнасці аперуюць розныя сацыяльныя суб'екты, ці назіральнікі-ўдзельнікі. Дзякуючы гэтаму назіраецца не толькі плюра-

лістычнасць інтэрпрэтацый сацыяльнай рэальнасці, але і ўскладненне дынамікі асобных працэсаў, такіх як сепаратыўныя, дзе на мікраўзроўні адзначаецца супрацьстаянне розных сацыяльных карцін свету, якія, аднак, у той жа час могуць мець адзіную анталагічную («гістарычную») прыроду. Адзначанае, па-сутнасці, можа выступаць у якасці першапрычыны, ці неабходнай умовай, зараджэння працэсаў сепаратызму.

Па-другое, важнейшай тэарэтыка-метадалагічнай перадумовай процідзеяння сепаратыўным выклікам і працэсам з'яўляецца прызнанне «*легальнасці*» і права на існаванне Іншага і іншай сацыяльнай карціны свету адпаведна. Адсюль інварыянтны элемент магчымых стратэгий супрацьстаяння сепаратызму мусіць заключацца ва ўзаемнай адаптацыі не дзеянняў, а *сацыяльных карцін свету* са знаходжаннем агульных карэлятыўных элементаў і з наступным выхадам на агульнапрыняты алгарытм дээскалацыі адносін.

Літаратура

1. Ермаков, Е. С. Онтологические и эпистемологические проблемы сложности / Е. С. Ермаков // *Философия науки*. – 2021. – № 4. – С. 25–42.
2. Декарт, Р. Сочинения : в 2 т. / Р. Декарт ; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова ; пер. с лат. и франц. – М. : Мысль, 1989. – Т. 1. – 654 с.
3. Чалмерс, Д. Сознательный ум : В поисках фундаментальной теории / Д. Чалмерс ; пер. с англ. В. В. Васильева. – Изд. 3. – М. : URSS, 2019. – 512 с.
4. Васильев, В. В. Сознание и вещи : Очерк феноменалистической онтологии / В. В. Васильев. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 240 с.
5. Витгенштейн, Л. Философские работы / Л. Витгенштейн ; сост., вст. ст., примеч. М. С. Козловой ; пер. с нем. М. С. Косовой, Ю. А. Асеева. – М. : Изд-во «Гнозис», 1994. – Ч. I. – 612 с.
6. Прись, И. Е. Природа и сознание / И.Е. Прись // *Научно-практический журнал Диалог*. – 2018. – № 3. – С. 8–17.
7. Венда, В. Ф. О законах взаимной адаптации и трансформации систем / В. Ф. Веда // *Вопросы философии*. – 2017. – № 2. – С. 94–105.
8. Ермаков, Е. С. Философско-методологический инструментальный анализа и моделирования сепаративных процессов / Е. С. Ермаков // *Философские исследования*. – 2019. – Вып. 6. – С. 45–57.

Институт философии
НАН Беларуси

Поступила в редакцию 04.05.2022

Ценность исторической памяти в менталитете русской интеллигенции Нового времени

Е.В. КОРЕНЬ

Статья посвящена анализу вопроса о ценности исторической памяти в менталитете русской интеллигенции, что актуально в связи с современными духовно-культурными процессами. Рассматриваются идеи о нравственном смысле исторической памяти в русской философско-исторической мысли Нового времени. Показывается отношение разных мыслителей (Н.М. Карамзина, П.Я. Чаадаева, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина и др.) к истории с точки зрения её общественного и духовного значения. Раскрывается связь представлений о ценности исторической памяти со смысловыми и религиозно-философскими поисками интеллигенции.

Ключевые слова: историческая память, интеллигенция, менталитет, историософия, историческое самосознание, смысл истории, смысл жизни.

The article is devoted to the analysis of the value of historical memory in the mentality of the Russian intelligentsia, which is relevant in connection with modern spiritual and cultural processes. The ideas of the moral meaning of historical memory in the Russian philosophical and historical thought of Modern times are considered. It shows the attitude of various thinkers (N.M. Karamzin, P.Ya. Chaadaev, N.A. Berdyaev, L.P. Karsavin, etc.) to history from the point of view of its social and spiritual significance. The connection of ideas about the value of historical memory with the meaning-of-life and religious-philosophical searches of the intelligentsia is revealed.

Keywords: historical memory, intelligentsia, mentality, historiography, historical self-awareness, the meaning of history, the meaning of life.

Темы истории, исторической памяти занимали видное место в русской культуре Нового времени, в творчестве интеллигенции. В течении XVIII–XIX вв. было создано много фундаментальных трудов по истории России (М.М. Щербатовым, В.Н. Татищевым, Н.М. Карамзиным, С.М. Соловьевым и др.). Усилиями просветителей, историков, археографов (Н.И. Новикова, П.М. Строева, Н.Н. Бантыш-Каменского, М.Ф. Владимирского-Буданова, К.Н. Бестужева-Рюмина и др.), меценатов Н.П. Румянцева, А.И. Мусина-Пушкина и др. опубликованы громадные собрания исторических источников [1, с. 63, 77–79]. Осмысление истории занимало первостепенное место в русской философии. Исторические факты и образы, историософские размышления составляли большую часть содержания художественной литературы, живописи и других искусств. В XIX в. историческая литература печаталась немалыми тиражами в издательствах А.Ф. Смирдина, М.О. Вольфа («Живописная Россия»), Ф.Ф. Павленкова (позже – серия ЖЗЛ) и др. [2, с. 94–94, 106, 378–390]. По тематике исследований, изданных трудов можно проследить ход научной мысли и состояние исторического сознания общества [1, с. 67, 68]. М.О. Коялович высказал наблюдение, что «литература русской истории – это история русского научного сознания [3, с. 38–39].

Развитие исторического самосознания интеллигенции в России было органично взаимосвязано с развитием национального и гражданского самосознания. На этот процесс повлияла цивилизационно-историческая специфика страны, динамичность социально-политических и культурных процессов, большое количество крупных исторических событий, фактов влияния личностей на исторические судьбы народов. В личностно-психологическом аспекте повышенный интерес к истории обусловлен тем, что сложная историческая реальность выступала объективным условием человеческого бытия. К историософским размышлениям располагала переменчивость и текучесть российской жизни от эпохи петровских реформ до революций первой четверти XX в. Противоречивые исторические обстоятельства часто порождали мировоззренческие кризисы и делали актуальными историософские поиски [4], [5, с. 27], [6], [7]. Интерес к истории и судьбе в ней человека возрастал в периоды внутри- и внешнеполитических конфликтов. Характеризуя общественно-духовную ситуацию первой четверти XIX в., литератор-романтик А.А. Бестужев-Марлинский писал: «мы живем в веке романтизма... в веке историческом... по превосходству. История была всегда, совершалась всегда. Но она ходила сперва неслышно... скоро исто-

рия обращалась сказкою. Теперь иное. Теперь история не только в одном деле, но и в памяти, в уме, на сердце у народов. Мы ее видим, слышим, осязаем ежеминутно... История – половина наша во всей тяжести этого слова» [8, с. 136–137]. В последней строчке А.А. Бестужев зафиксировал важную тенденцию в развитии ценностного самосознания интеллигенции. Русских мыслителей привлекали вопросы о смысле и содержании истории – и как процесса, и как особого типа знания, – о духовно-нравственном значении исторической памяти.

Историософичность русской мысли, её социальную и моральную окрашенность отмечали В.В. Зеньковский, Н.А. Бердяев, Г.В. Флоровский и др. авторы [9, с. 385], [10, с. 71], [11, с. 286], [7], [4]. Русская философия сосредоточивалась на анализе *проблем человека в истории*. В.В. Зеньковский, исследуя историю русской философии, констатировал «антропоцентризм русских философских исканий», поскольку философия «больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории», в ней доминирует «моральная установка», в «анализ исторической действительности привносится оценочный момент» [9, с. 384–385].

В менталитете русской интеллигенции со второй половины XVIII в. политические, моральные, религиозные умонастроения постоянно взаимодействовали с историософским осмыслением места России во вселенском масштабе, с определением своей личностной задачи в жизни, то есть со смысложизненными поисками. Н.А. Бердяев писал, что «русская самобытная мысль пробудилась на проблеме историософической», задавалась вопросами об исторической судьбе России, склонялась к религиозной философии [10, с. 71]. Интерес к истории Бердяев связывал также с самопознанием человека и общества.

Для русской историографии и историософии (Н.И. Новикова, Н.М. Карамзина, М.П. Погодина, С.М. Соловьёва, П.Л. Лаврова, Л.П. Карсавина и др.) характерно просветительское понимание исторического знания как основы морального, гражданского, патриотического воспитания. Так, Н.И. Новиков в предисловии к «Древней Российской Вивлиофике» и в других сочинениях критиковал пренебрежение к отечественным культурным традициям, слепое подражание всему иностранному, призывал чтить отечественное историческое наследие. Он полагал, что «история должна нас делать благоразумнейшими и лучшими, из неё должны мы научиться знать себя и других людей», подчеркивал, что «полезно знать обычаи и обряды древних чужеземных народов. Но гораздо полезнее иметь сведения о своих предках» [12, с. 239–240, 395, 453]. А.С. Пушкин в записке «О народном воспитании» определил историю как ведущую дисциплину в образовании и патриотическом воспитании молодежи. Изучение истории «должно будет преимущественно занять в окончательные годы умы молодых дворян, готовящихся служить отечеству верою и правдою» [13, т. 12, с. 47]. В «Истории Пугачева», «Истории Петра», в драме «Борис Годунов», повести «Капитанская дочка» и др. сочинениях поэт высказывал ценные наблюдения и выводы о философии истории [13, т. 11, с. 47; т. 13, с. 102]. Он «раскрыл историзм человека», представил человеческий характер, личностное переживание как факты истории, как культурно-историческую ценность [5, с. 191]. Пушкин тонко уловил глубинные основы исторической памяти, родовые мотивы интереса к истории: «два чувства дивно близки нам – // В них обретает сердце пищу – // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам. // Живо-творящая святыня!» // Земля была б без них мертва...» [13, т. 3, кн. 1, с. 242].

В первой четверти XIX в., отмеченной масштабными военно-политическими событиями, интерес к истории охватил все слои общества. Отечественная война 1812 г. способствовала, например, актуализации осмысления событий «смутного времени» первой четверти XVII в., роли народа и личности в истории, образов К. Минина, Д. Пожарского, И. Сусанина. Посредством исторических аналогий люди пытались прояснить современную им ситуацию. В культурной среде злободневной стала философско-историческая проблема «России в Европе» и в «общем плане «всемирной истории» [11, с. 274, 286]. Историческая память обретала большое духовно-культурное значение.

Сильнейший общественный резонанс вызвало появление многотомной «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина. Написанная хорошим литературным языком на основе добросовестного анализа источников, книга привлекла заинтересованных читателей в разных кругах общества, явилась для многих, по наблюдению А.С. Пушкина, открытием «Древней России» [13, т. 11, с. 57]. Работа Карамзина, отметил Флоровский, «заставила тогда почувствовать *реальность русского прошлого*, – реальность и допетровской истории» [11, с. 286]. Н.М. Карамзин позиционировал историю как национально-культурную ценность, «священную книгу народов», «зерцало их бытия и деятельности», «скрижали откровений и правил». Ува-

жение к предкам он определил как «достоинство образованного человека». Кроме того, по его мнению, история даёт человеку утешение и надежду в «государственных бедствиях», питает нравственное чувство, воскрешая прошлое, она «расширяет пределы нашего собственного бытия» [14, кн. 1, с. 72, 76; кн. 4, с. 472]. Будучи убеждён, что «дух народный составляет нравственное могущество Государства», Карамзин высказал в «Записке о древней и новой России», адресованной императору Александру I, ряд нелицеприятных истин об ошибках его политики, о пренебрежении монархов, начиная с Петра I, к исторической традиции и национально-культурным ценностям [14, т. 4, с. 483, 490, 491, 530]. Историограф подчёркивал гражданское и нравственное значение исторической памяти, поскольку «настоящее бывает следствием прошедшего. Чтобы судить о первом, надлежит вспомнить последнее» [14, кн. 4, с. 472].

«История» Карамзина, выразившего консервативные взгляды на государство и общество, вызвала неоднозначные реакции: и восхищение, и критику. Декабрист Н.М. Муравьев, оспаривая позицию Н.М. Карамзина, утверждал, что история принадлежит, прежде всего, народу. Она не должна «погружать нас в нравственный квиетизм». Декабрист подчеркивал деятельный характер истории, ее «просветительную», воспитательную роль: история «возжигает соревнование веков, пробуждает душевные силы наши и устремляет к тому совершенству, которое суждено на земле» [15, с. 170–173]. Муравьев в первую очередь познакомил со своими «критическими заметками» («мыслями») по поводу «Истории государства Российского») именно Карамзина, который отнёсся к этой критике в целом положительно, считая необходимыми дискуссии о проблемах истории [3, с. 207].

Духовно-нравственное значение труда Н.М. Карамзина обусловлено тем, что он одним из первых классиков русской историографии попытался глубоко осмыслить проблему национальной самоидентичности, раскрыл морально-личностное содержание русской истории [5, с. 190–191]. По наблюдению М.О. Кояловича, никто до Карамзина «и после него не умел придавать «Истории» такого могущественного популярного значения» [10, с. 206]. Именно с эпохи Карамзина в обществе закрепилось понимание ценности исторической памяти для нравственного бытия народа и личности.

XIX в. был для России веком историческим в полном смысле слова. Это проявилось в распространении разнообразных исторических сочинений, в изобилии записок и мемуаров. Ответственные деятели старались фиксировать и осмысливать события, свидетелями или участниками которых являлись. Следует отметить вклад декабристов в дело сохранения исторической памяти. Многие из них писали мемуары, руководствуясь прежде всего чувствами долга и исторической ответственности. А.А. Лебедев отметил такую черту менталитета декабристов, как «нравственный историзм» [16, с. 287–288]. Например, «Письма русского офицера» декабриста Ф.Н. Глинки по содержанию представляют собой хронику военно-политических событий 1805–1813 гг., заграничных походов, сражений Отечественной войны 1812 г., участником которых он был. Глинка ставил для себя целью запечатлеть «военные происшествия и многие геройские деяния россиян», «описание о нравах, обычаях народов» [17, с. 23–24]. В период после 1825 г. исследовательская деятельность декабристов была связана с ретроспективным анализом пройденного этапа жизни. И.Д. Якушкин писал И.И. Пущину: «одно только беспрестанное внимание к прошедшему может осветить для нас будущее» [18, с. 404]. Мемуары декабристов являются весьма информативными источниками по истории России и не только [19, с. 154, 156].

Декабрьские события 1825 г. (междуцарствие, восстание декабристов) явились новым толчком к переосмыслению исторического пути России [20, с. 5, 215]. Характеризуя русскую мысль 1830-х гг., Г.В. Флоровский подчеркнул, что философия в России родилась «из историософского изумления, почти испуга, в болезненном процессе национально-исторического самонахождения и раздумья», «историософия русской судьбы» стала основной темой философии [11, с. 286].

Сильный импульс историософской мысли был дан «Философическими письмами» П.Я. Чаадаева, выразившего глубокое разочарование в исторических перспективах России [21, с. 47]. Опубликовано в 1836 г. в журнале «Телескоп» письмо произвело в обществе, по определению А.И. Герцена, эффект «выстрела раздавшегося в темную ночь» [22, с. 139–140]. Вообще Чаадаев рассматривал историю как «ключ к пониманию народов», пытался объективно сопоставить исторический опыт России и Европы, раскрыть вселенскую миссию России [21, с. 48, 146]. Он больше всего и сетовал по поводу игнорирования исторического опыта, писал о необходимости «ясного взгляда на наше прошлое», извлечения уроков, выработки «сознательного патриотизма», национальной идеи, гражданской культуры, преодоле-

ния парализующих жизнь рабства, деспотизма и других негативных явлений [21, с. 40–51, 77–80]. Чаадаев придерживался позиции исторического провиденциализма, полагая, что смысл истории определяется Божественной волей, что христианская религия указывает цель и смысл бытия человеческого рода и отдельной личности [21, с. 49, 66, 77–78], [23, с. 80]. Миссию русского народа он связывал с решением проблем духовно-морального и социального порядка [21, с. 156–160, 247, 307]. Исторические идеи и выводы П.Я. Чаадаева во многом определили содержание дискуссии славянофилов и западников об исторических судьбах России, оказали значимое влияние на развитие философско-исторической мысли в России с середины XIX в. [23, с. 75–82], [1, с. 85], [20, с. 169–170]. Е.Л. Рудницкая полагает, что усиленная рефлексия о судьбе России в контексте всемирно-исторического процесса «отмечена устойчивым феноменом – нравственным императивом, в котором синтезируется понимание хода истории и долг мыслящей личности, способствующей реализации абсолютных законов бытия». Возникает «теоретическая предпосылка» интеллигентского сознания, «идентифицирующего себя с самой историей». Это обусловило практическую «установку на просвещение» как главное дело интеллигенции, ключ к пониманию её ментальности [20, с. 215].

В русской философско-исторической мысли гносеологические категории соотносились с духовными ценностями, «вопрос об истине выступал в связи с нравственной категорией правды» [4]. Понятию исторической памяти придавалось морально-религиозное и эстетическое значение [7]. Вопрос о нравственном смысле истории нередко затрагивался в контексте смысложизненных поисков, например, в сочинениях Е.Н. Трубецкого, С.Л. Франка, В.С. Соловьёва, Л.П. Карсавина и др.

Е.Н. Трубецкой, соотнося смысл человеческой жизни с пересечением вертикального (духовного) и горизонтального (земного) мировых путей человеческого бытия, утверждает связь личностного смысла человеческой жизни со «смыслом всемирным», с богочеловеческим процессом, «имеющим целью всеобщее воскресение, царство божие и полноту бытия, благодаря победе над смертью богочеловека Христа» [24, с. 80–87, 327–328]. По мнению философа, история, все её «временные ряды» содержатся во «всеедином, безусловном сознании». Человеческое сознание связано с высшим сознанием. Совесть – это весть, отклик на запрос высшего сознания. «Время есть необходимое условие самоопределения твари». Смысл земного человеческого бытия – «субстанциональное и творческое дело» – состоит в самоопределении, в «создании собственного образа», с которым человек перейдет в вечность» [24, с. 117, 136, 182, 335]. Память – основа духовного самоопределения человека.

С.Л. Франк связывал нравственный смысл единичной человеческой жизни со смыслом всей истории человечества, с участием в мировом историческом процессе. «Человек в своем сознании и познании обладает вечностью» – писал Франк. Знание способно «обозревать и познавать и бесконечное пространство, и бесконечное время», свидетельствует о «наличии в нас начала иного, вечного бытия», о действии в нас «сверхмирной, божественной силы». В познании для человека открывается сверхэмпирическое бытие и собственное «внутреннее бытие», высший нравственный смысл единичной человеческой жизни. История «становится страдальческим, но разумно-осмысленным путем всечеловеческой жизни» [25]. Историческая память важна для раскрытия собственного смысла личности в мировом процессе.

В.С. Соловьёв осмысливал историю в религиозном и морально-эстетическом ключе. Он понимал «исторический процесс человечества» как «освобождение человеческого самосознания и постепенное одухотворение человека через внутреннее усвоение и развитие божественного начала». Это возможно благодаря подвигу «богочеловеческого самоотвержения» Христа [26, с. 165, 177, 187, 189], [7]. Смысл духовно-творческой (теургической) деятельности человека заключается в преодолении «греха и смерти». «Достойная и вечная жизнь, которая требуется, но не дается разумом, должна быть добыта духовным подвигом» [26, с. 369–370]. В работе «Оправдание добра» В.С. Соловьёв объясняет ценность исторического опыта тем, что он «открывает пути утверждения нравственного добра». Смысл истории – в «постоянном и несомненном духовном росте человечества». «Цель исторического процесса есть откровение Царства Божия, или совершенного нравственного порядка, осуществляемого новым человечеством, духовно вырастающим из Богочеловека» [27]. Ценность исторической памяти философ связывает с «вечной памятью» о прошедших поколениях, с почитанием святых, с упованием на «всеобщее воскресение жизни» [27, с. 136–138].

Н.А. Бердяев развил идею истории как творческой, преобразующей памяти о прошлом [28, с. 57–60]. Прошлое самораскрывается в «смысловом пространстве настоящего» в разные исторические эпохи по-разному, в соответствии с существующими представлениями о цели и смысле истории. Сущность исторического процесса заключается в постоянном переоформлении сверхисторического содержания жизни [7]. Историю Бердяев рассматривает как особую «науку о духе», приобщающую нас к «тайнам духовной жизни», духовной судьбы человека. «Историческое предание» есть «внутренняя историческая память», «одухотворение и преобразование исторического процесса». Огромное нравственное значение истории в том, что постигая её, люди приобщаются «к тайнам мира, в котором вечность побеждает тлен и смерть» [28, с. 13–14, 16, 19]. История – это «вечная действительность, в которой каждый из нас, в глубине своего духовного опыта, преодолевает болезненную разорванность своего бытия». Память человеческая, основа истории, «есть борьба со смертоносной властью времени во имя вечности», она поддерживает связь времен. В истории преодолевается «дурное время, пожирающее и истребляющее, превращающее жизнь нашу в кладбище», «действует истинное время», поддерживающее связь, в нём нет разрыва между прошлым, настоящим и будущим, «время ноуменальное, а не феноменальное». Поэтому для истинного исторического сознания важно «установление должного отношения к прошлому и будущему». Мировой исторический процесс существует потому, что «в основе заложена свобода добра и зла, свобода отпадения от источника высшей Божественной жизни, свобода возвращения и прихождения к ней» [28, с. 45–60, 143–144].

Н.А. Бердяев обличает уравнительную «религию прогресса», приносящую предыдущие поколения в жертву последующим. По его мнению, каждое поколение имеет цель «в своей собственной жизни, в творимых им ценностях и собственных духовных подъемах, приближающих его к Божественной жизни». Творческая работа должна совершаться во имя «того вечного настоящего, в котором будущее и прошлое – едины». Смысл истории, по Бердяеву, – за ее пределами. История есть «трагическая судьба», которая должна разрешиться в метафизическом плане. Особая миссия принадлежит здесь русской культуре, которая, по мнению Бердяева, апокалиптична, развивает «мысль о конечных исторических судьбах» мира [28, с. 151–152, 154, 159, 181]. Историческая память хранит ценный опыт поколений, обеспечивает связь времён, духовного и земного планов бытия, противостоит смерти.

Л.П. Карсавин рассматривает исторический процесс как движение человечества к Абсолюту, а центром исторического бытия считает «искупающее человечество Боговоплощение». Содержание истории – это «развитие человечества как всеединого, всепространственного и всевременного субъекта». «Всякий исторический момент содержит в себе нечто неповторимое и ценное абсолютно». Цель истории как процесса есть достижение «усовершенного тварного всеединства», «обожения» человека [29], [30]. «Эмпирическое развитие человечества не растворяется и не теряет смысла своего во всеединстве, моментом которого оно является». Человек содержит в себе все и полнее всего осуществляется «в историческом бытии». Настоящее не детерминировано прошлым. Историческое развитие отличается свободой и творчеством. Свобода человека раскрывается и обосновывается через «индивидуализацию всеединого Абсолюта во всех моментах кажущегося пространственно-временного ряда. Творчество человека заключается в приобщении к Божеству. Человек не созидает ничего, кроме своей личности» посредством духовных усилий, в свободе [29, с. 31–32, 48, 208].

Высшей задачей исторического мышления является познание «тварного всеединства» как развивающегося субъекта. Познание определяется как качественное бытие. Предмет истории – «социально-психическое развитие всеединого человечества». Объект изучения для историка – живая развивающаяся духовно-душевная личность, связанная «с целым раскрытия ее во времени и пространстве». «Субъект исторического познания то же, что субъект исторического творчества». История – «наука о жизни», о развитии человечества в целом. Идеальная цель исторического познания – «познавательное качественное бытие всеединого человека» «во всех его моментах». Историк «постигает прошлое чрез настоящее и настоящее чрез прошлое» «как непрерывный процесс». Прошлое – *действительность, вспоминаемая настоящим*. «Талант историка заключается в умении заставить прошлое говорить громче и отчетливее». «Центр мировой истории и основание истории, как науки» заключается «во всякой познающей историю личности, а через нее в той высшей личности, индивидуализацией которой она является». Этический долг историка Л.П. Карсавин видит в том, чтобы «дать свое понимание исторического процесса», «в качественном своем, личном познании выразить

историческое знание», «выразить процесс развития так, как он индивидуализируется в его личном познании, и оценить его с точки зрения своего индивидуального восприятия исторической усовершенности». «История содержит в себе «уроки» для будущего. И не случайно историческое образование признается полезным для будущего политика» – пишет Карсавин [29, с. 3, 115, 171, 193, 203]. История есть процесс духовного становления человечества во всеединстве, историческое познание – качественное бытие познающего. Историческая память, хранящая «всеединное бытие», есть важное условие этого становления.

В целом в религиозной историософии нравственный смысл исторической памяти обусловлен представлением об абсолютном бытии, о ценности исторического бытия для духовного становления личности как индивидуализации божественного всеединства. Историческая память обуславливает возможность для человека осознанно реализовать себя в мире, преодолеть смерть.

Историки и философы обосновывали социально-прогностические возможности истории. Так, по мнению В.О. Ключевского, исследовавшего роль в истории психологических, геополитических и иных факторов, исторический опыт особенно ценен в политике, которая должна быть, в сущности, «прикладной историей». «Предмет истории – то в прошедшем, что не проходит, как наследство, урок, неоконченный процесс, как великий закон». «Изучая предков, узнаем самих себя». «Без знания истории мы должны признать себя случайностями, не знающими, как и зачем мы пришли в мир, как и для чего в нём живём, как и к чему должны стремиться» – подчёркивал историк-мыслитель [31, т. 9, с. 341, 361, 366, 375]. По мнению В.О. Ключевского, «история учит даже тех, кто у неё не учится: она их проучивает». Невыученные уроки истории дорого обходятся народам [31, т. 9, с. 361, 366]. На основе всестороннего анализа развития российского государства и общества ученый достаточно ясно спрогнозировал революционные процессы первой четверти XX в.

Историк интеллигенции Г.П. Федотов, осмысливая в послереволюционное время проблемы и перспективы национально-культурного развития России, подчеркнул, что «первый долг для нас – долг самопознания – упорный труд по изучению и осмыслению нашего прошлого». «Грады и книги ... путь культуры». История является источником информации для самопознания интеллигенции и народа. Историческое познание – главное условие адекватной духовной самоидентификации во вселенском плане [32, с. 445, 449]. Задача интеллигенции состоит в изучении и восстановлении исторических памятников, рукописей, достижений искусства, духовно-религиозных ценностей. Историческая память рассматривалась философами как основа духовного возрождения России [33, с. 449].

Таким образом, ценность исторической памяти занимала значимое место в менталитете русской интеллигенции Нового времени. В русской философско-исторической мысли XIX – первой четверти XX в. были высказаны замечательные идеи о сущности и содержании истории (как осуществляющегося процесса и как особого типа знания), о ценности исторической памяти. Нравственный смысл исторической памяти как запечатления и сохранения бытия глубоко раскрыт в религиозно-философских концепциях Н.Е. Трубецкого, В.С. Соловьёва, С.Л. Франка, Н.А. Бердяева, Л.П. Карсавина. Огромное мировоззренческое и практическое значение имеет постановка русскими мыслителями вопроса о ценности каждой человеческой жизни в истории. Этот опыт осознания ценности исторической памяти имеет огромное общественно-культурное значение и особенно важен для самоопределения человека в обществе, в мире, в культуре, в истории.

Литература

1. Вернадский, Г. В. Русская историография / Г. В. Вернадский. – М. : «Аграф». 1998. – 448 с.
2. Яковкина, Н. И. История русской культуры : XIX век / Н. И. Яковкина. – СПб. : «Лань», 2002. – 576 с.
3. Коялович, М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям / М. О. Коялович. – Минск : Лучи Софии, 1997. – 688 с.
4. Панарин, А. С. Общая характеристика русской историософской традиции [Электронный ресурс] / А. С. Панарин. – Режим доступа : <http://maxbooks.ru/filhis/philis69.htm>. – Дата доступа : 27.11.2018.
5. Кондаков, И. В. Культура России / И. В. Кондаков. – М. : «Университет», 2000. – Ч. 1 : Русская культура : краткий очерк истории и теории. – 360 с.
6. Желтикова, И. В. Специфика историософии в русской религиозной философии (конец XIX – нач. XX вв.). [Электронный ресурс] : автореф. дисс. ... канд. философ. наук : 09.00.03 / И. В. Желтикова. – Орел, 1998. – Режим доступа : <http://cheloveknauka.com/spetsifika-istoriosofii-v-russkoy-religioznoy-filosofii-konets-xix-nachalo-hh-vv>. – Дата доступа : 27.11.2018.

7. Кузнецов, Ю. В. Эстетика и теургия истории в русской историософии [Электронный ресурс] / Ю. В. Кузнецов // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2011. – № 1. – Режим доступа : www.segr.ru. – Дата доступа : 27.11.2018.
8. Бестужев, А. А. О романе Н. Полевого «Клятва при гробе господнем» / А. А. Бестужев // Декабристы. Эстетика и критика / Сост., вступ. ст. и коммент. Л. Г. Назарьяна, Л. Г. Фризмана. – М. : Искусство, 1991. – С. 133–187.
9. Зеньковский, В. В. История русской философии / В. В. Зеньковский // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М. А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 379–402.
10. Бердяев, Н. А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века / Н. А. Бердяев // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М. А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 43–271.
11. Флоровский, Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М. А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 272–379.
12. Новиков, Н. И. Избранное / Н. И. Новиков. – М. : Правда, 1983. – 511 с.
13. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 19 т. / А. С. Пушкин. – М. : Воскресенье, 1995. – Т. 3, кн. 1. – 635 с. ; 1996. – Т. 11. – 600 с. ; 1996. – Т. 12. – 588 с. ; 1996. – Т. 13. – 684 с. ; 1996. – Т. 14. – 548 с.
14. Карамзин, Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин ; ред. Н. В. Передистый ; вступ. ст. А. Ф. Смирнова. – Ростов н/Д. : Книж. изд. – Кн. 1. – 1989. – 528 с. ; 1990. – Кн. 4. – 544 с.
15. Муравьев, Н. М. Мысли об «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина / Н. М. Муравьев // Сб. матер. по истории исторической науки в СССР (конец XVIII – первая треть XIX в.) : учеб. пособ. ; сост. А. Е. Шикло ; под ред. И. Д. Ковальченко. – М. : Выш. шк., 1990. – С. 170–173.
16. Лебедев, А. А. Честь. Духовная судьба и жизненная участь И.Д. Якушкина / А. А. Лебедев. – М., 1989. – 399 с.
17. Глинка, Ф. Н. Письма русского офицера / Ф. Н. Глинка. – М. : Правда, 1990. – 448 с.
18. Якушкин, И. Д. Записки / И. Д. Якушкин // Декабристы. Избр. соч. : в 2 т. – М. : Правда, 1987. – Т. 2. – С. 380–507.
19. Корень, Е. В. Материалы движения декабристов как исторические источники / Е. В. Корень // Беларусь у кантэксце еўрапейскай гісторыі : асоба, грамадства, дзяржава : зб. навук. арт., прысвеч. 80-год. ГрДУ імя Я. Купалы і 65-год. гіст. адукацыі ў ГрДУ імя Я. Купалы : у 2 ч. / ГрДУ імя Я. Купалы ; рэд.: А. А. Каваленя (гал. рэд.), І. Ф. Кітурка (гал. рэд.) [і інш.]. – Гродна : ГрДУ, 2019. – Ч. 1. – 424 с.
20. Рудницкая, Е. Л. Поиск пути. Русская мысль после 14 декабря 1825 года / Е. Л. Рудницкая. – М. : Эдиториал УРСС, 1999. – 272 с.
21. Чаадаев, П. Я. Статьи и письма / П. Я. Чаадаев. – М. : Современник, 1989. – 623 с.
22. Герцен, А. И. Собр. соч. : в 30 т. / А. И. Герцен. – М. : АН СССР. – 1956. – Т. 9. – 534 с.
23. Левицкий, С. А. Очерки по истории русской философии / С. А. Левицкий. – М., 1996. – 496 с.
24. Трубецкой, И. Н. Смысл жизни / Е. Н. Трубецкой // Избр. произведения. Сер., «Выдающиеся мыслители». – Ростов-на-Дону : «Феникс», 1998. – С. 17–336.
25. Франк, С. Л. Смысл жизни [Электронный ресурс] / С. Л. Франк. – Режим доступа : <http://www.vehi.net/frank/kumiry.html>. – Дата доступа : 27.03.2015.
26. Соловьев, В. С. Чтения о Богочеловечестве; Статьи; Стихотворение и поэма; Из «Трех разговоров»; Краткая повесть об Антихристе / В. С. Соловьев. – СПб., 1994. – 528 с.
27. Соловьев, В. С. Оправдание добра. Нравственная философия [Электронный ресурс] / В. С. Соловьев. – Режим доступа : <http://www.vehi.net/soloviev/oprav/>. – Дата доступа : 20.03.2019.
28. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – М. : Мысль, 1990. – 176 с.
29. Карсавин, Л. П. Философия истории. [Электронный ресурс] / Л. П. Карсавин. – Режим доступа : <https://predanie.ru/karsavin-lev-platonovich/book/72514-filosofiya-istorii/>. – Дата доступа : 22.02.2019.
30. Бутаков, Я. А. Историософия [Электронный ресурс] / Я. А. Бутаков. – Режим доступа : <http://www.pravaya.ru/govern/392/2096>. – Дата доступа : 26.02.2019.
31. Ключевский, В. О. Курс русской истории / В. О. Ключевский // Соч. : в 9 т. – М., 1990. – Т. 9. – 528 с.
32. Федотов, Г. П. Национальное и вселенское / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М. А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 444–449.
33. Федотов, Г. П. Будет ли существовать Россия? / Г. П. Федотов // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья / Сост. М. А. Маслин. – М. : Наука, 1990. – С. 450–462.

УДК 111.8:316.454.5:130.121:130.3:94:316.7:165.62*Э.Гуссерль

Конституирование темпоральных структур исторической памяти и их трансцендирование в социокультурном пространстве (на основе феноменологии времени Э. Гуссерля)

Д.В. МАЛАХОВ

Статья посвящена рассмотрению форм конститутивного наполнения ретенциальных комплексов, актуализирующих в памяти события прошедшего времени. Методологический подход определён исходя из принципов феноменологического реализма. Выделяется сущностный аспект конституирования темпоральных структур исторической памяти, в соответствии с которым эйдос события выступает в качестве интенционального восполнения отсутствия или недостатка непосредственных переживаний исторических событий как действительных воспоминаний о них. Эйдетический сегмент конституирования темпоральных структур актуализации событий прошлого определяет способы трансцендирования конституируемых смыслов в социокультурном пространстве исторической памяти.

Ключевые слова: Гуссерль, феноменология, интенциональность, трансценденция, историческая память, событие, темпоральность, ретенция, континуум, смысл, эйдос, социум.

The article is devoted to the consideration of the forms of constitutive filling of repotential complexes that actualize the events of the past in memory. The methodological approach is defined based on the principles of phenomenological realism. The essential aspect of the constitution of the temporal structures of historical memory is highlighted, according to which the eidōs of an event acts as an intentional replenishment of the absence or lack of direct experiences of historical events as real memories of them. The eidetic segment of the constitution of the temporal structures of the actualization of past events determines the ways of transcending the constituted meanings in the social-cultural universe of historical memory.

Keywords: Husserl, phenomenology, intentionality, transcendence, historical memory, event, temporality, retention, continuum, sense, eidōs, society.

Совершенствование личностных и социальных форм актуализации исторической памяти является существенным требованием современности. В белорусском обществе манифестация смысла исторической памяти направлена в основном на такие значимые события двадцатого века, которые для большей части социума не являются событиями собственных памяти, опыта, переживаний. Возможно ли, в таком случае осмыслить историческое событие в качестве собственного достояния на глубинных ценностно-императивных, смыслопорождающих уровнях развития личности и социума? Возможна ли интеллектуальная эмпатия в отношении таких *сверхзначимых* событий, как Великая Отечественная война, Холокост, огненные деревни Беларуси и нацистские лагеря смерти для тех, кто родился на рубеже двадцатого и двадцать первого столетий? Согласно принципам феноменологической философии подобная *трансвременная* эмпатия возможна на уровне смыслополагания, что подразумевает *осовременивание* указанных событий в конститутивных актах сознания. В целях экспликации перспектив актуализации событий прошлого в форме присутствия их в настоящем времени в качестве *смысла*, мы обратимся к анализу конституирования темпоральных структур памяти в том виде, как они представлены в феноменологии времени Эдмунда Гуссерля.

Методология исследования базируется на комплексе идей, связанных с таким направлением феноменологической философии, как *феноменологический реализм*. Применительно к философии сознания времени Гуссерля принципы феноменологического реализма будут рассмотрены по ходу работы. Сейчас же отметим такие общие характеристики, как признание значимости трансценденции по отношению к сознанию в аспекте постоянной корреляции между ним, трансцендентным, как *сущим* единством и процессом интенционального нозо-ноэматического конституирования идеальной предметности [1], [2], а также утверждение о динамическом единстве естественной и трансцендентальной, или онтической и онтологической, установок сознания [3], [4]. Под конституированием темпоральных структур памяти мы будем понимать комплекс таких актов интенционального сознания, который обеспечива-

ет, с одной стороны, восприятие и смысловое схватывание прошедшего события и, с другой, его удержание и актуализацию в сознании в настоящем времени. В контексте современной специфики актуализации исторической памяти особую значимость имеет социокультурная адаптации смысловой результирующей конститутивных актов. Трансцендирование конститутивных актов смыслонаделения понимается в гуссерлевском проекте социальной феноменологии как порядок «о-душевления» [5, с. 92] психической жизни личности, транслируемой в социум на внутреннем, императивном уровне межличностного взаимодействия. Таким образом, второй задачей работы является конкретизация *содержательных* аспектов трансцендирования конституируемого смысла в социокультурном пространстве исторической памяти.

Конститутивная активность внутреннего сознания времени эксплицируется гуссерлевским понятием *дления*. Как отмечает В.Л. Васюков, «Гуссерль рассматривает каждую конституируемую сущность – каждую индивидуальную вещь – как длящуюся, и даже более того – как длящуюся с необходимостью, т. е. продлённую во времени и самотождественную в этом продлённом существовании, которое также может рассматриваться как процесс. Эта разновидность продления – продления с необходимостью – по-видимому является ключом ко всему» [2, с. 104]. Действительно, согласно Гуссерлю, сущее, в отношении которого ведётся конституирование интенциональных полей смысла, «существует непрерывно во времени и есть тождественное в этом непрерывном бытии, которое может одновременно рассматриваться как процесс» [6, с. 77]. В этом замечании представляется важным имплицитное указание, с одной стороны, на дление, а с другой – на единство. Характер этого единства является определяющим для дальнейшего хода работы, поэтому остановимся на нём подробнее. Согласно Гуссерлю, поток внутреннего сознания времени есть «всцело трансцендентальное качество» [6, с. 79], т. е. *само*у имманентному потоку не присущи *сдерживающие* параметры объективного течения времени – в своей активности он оказывается от них практически свободен.

Однако, в истории феноменологии вновь и вновь возникает вопрос, в какой мере единство абсолютной субъективности внутреннего потока сознания *удерживает* корреляцию с единством объективно длящейся временности, т. е. с действительным событием, которое, по идее, должно в хоть в какой-то мере определять *единство* внутреннего потока сознания времени? Принятый в настоящей работе методологический принцип феноменологического реализма не позволяет рассматривать внутренний поток сознания времени как полностью *изолированную* от трансценденции абсолютную субъективность. Как будет показано далее, это имеет основания в понимании *целостности* самого внутреннего потока сознания и конституируемых в нём идеальных предметностей. По верному замечанию О.Ю. Кубановой, неустранимость из внутреннего потока сознания трансцендентного начала связана с тем, что «каждое новое переживание всегда возникает как каким-либо образом связанное с уже имеющимися и своим возникновением изменяет связи, до сих пор существовавшие», когда именно «в первичном временном потоке создаётся Так-бытие моего сознания, первая абсолютная сфера твёрдой истинной предметности, в неустранимой действительности которой коренится очевидность моего восприятия мира» [5, с. 97].

Следует добавить, что сам Гуссерль посредством уточнения смысла первоначального нерелексивного впечатления (*impression*), или трансцендентной «материи» восприятия (*hyle*), внёс серьёзные коррективы в мысль об абсолютно трансцендентальном характере внутреннего потока сознания времени: «Нерелексивное окружение необходимо. К нерелексивному окружению с необходимостью относится гиле, и мы можем говорить об относящихся к необходимой сущностной форме сферы внутреннего гилетического окружении в качестве безусловной первой необходимости. Ни одна точка имманентного времени невозможна без этого первого объективного содержания, как и никакое Теперь в ориентированном имманентном времени без гилетического прото-впечатления, которое затем переходит в (ретенциальные и протенциальные) модификации необходимой, конституирующей гилетические временные предметы (*Zeitgegenstände*) жизни» [7, с. 161]. То есть, единство трансцендентно данное («вторичное» в гуссерлевской терминологии) и единство конститутивное («первичное»), выступают как *трансцендентно-имманентное* единство объективного времени и внутреннего потока сознания времени. В трансцендентно-имманентном плане дление сущего / события обеспечивается единством *первовпечатления*, имманентных актов его удержания и последующего конституи-

рования форм его смыслового присутствия в сознании. Данное единство, по всей видимости, и призвано обеспечить единство *внутреннего темпорального потока сознания*. Действительно, если трансцендентное событие было воспринято и имманентизировано сознанием, то *трансцендентно-имманентное единство* в перспективе своей длительности образует, по выражению Гуссерля, *Теперь-точку*, которая и должна быть воспроизводима посредством имманентных потоку сознания и конститутивных актов в реальном объективном времени. Это, собственно, и есть феноменологическое понимание памяти. В отношении же *исторической* памяти следует указать, что в феноменологическом способе актуализации событий прошлого простые воспоминания о событии не рассматриваются в качестве удерживающих и конститутивных форм его актуализации. Память должна, скорее, осуществить построение временной последовательности *пиковых*, или предельных, состояний события – его своеобразных «смысловых сгустков», когда изначальная *Теперь-точка* события воспроизводится как актуальная *здесь и сейчас* – в корреляции объективного времени и внутреннего времени субъекта памяти.

Теперь обратимся к понятию *ретенции* – имманентному потоку сознания времени, поддерживающему темпоральное дление события в сознании (вследствие специфики настоящей работы мы решили не обращаться к понятию *протенции* как предвосхищающему будущее имманентному комплексу внутреннего потока сознания временности). Как замечает В.Л. Васюков, Гуссерль заменяет «темпоральную модификацию» Франца Brentano понятием ретенции – специальной разновидностью интенциональной очевидности, в которой сознание *располагает* собственным содержанием, т. е. имманентно обладает прошедшим в настоящем [2, с. 103]. В соответствии с принципом трансцендентно-имманентного предметного единства в феноменологическом реализме, в отношении обладания как постоянной *ре-актуализации* длящегося в сознании события возникает сложность. Каким образом может быть достигнута *пиковая* интенсификация присутствия в памяти того, что в качестве непосредственно данного не может быть сознанием *ре-актуализировано* в принципе, т. е. того предмета, в отношении которого *изначальная* *Теперь-точка* не была установлена и который не был воспринят сознанием на *гилетическом* уровне?

Получается, что в отношении предмета, объективное бытие которого связано только с прошедшим временем, укоренённое в настоящем времени сознание в принципе не может осуществить его *ре-актуализацию*, поскольку последовательность *Теперь-точек* оказывается *разорвана*, лишена изначальной *Теперь-точки* и, возможно, ряда следующих за ней *Теперь-точек*. Что же именно в таком случае должно актуализировать сознание? Некое предпосланное его собственному бытию «объективное» знание о событии? Но, согласно феноменологии смысл может конституироваться только как собственный и лишь вследствие этого осуществляться в качестве универсально значимого. Не ведёт ли данная ситуация к бесплодию памяти, к обречённости на забвение о событиях прошлого, о котором предостерегал сам Гуссерль: «Об истекших интервалах (темпоральных интервалах. – Д.М.) мы говорим: они осознаются в ретенциях, и притом не строго разграниченные части или фазы длительности, которые находятся в окрестности актуальной *Теперь-точки*, осознаются с уменьшающейся степенью ясности; более отдалённые фазы, лежащие ещё далее в прошлом осознаются совершенно неясно, как пустые. И точно так же после протекания вот длительности: по мере отдаления от актуального теперь близлежащее к нему обладает ещё некоторой ясностью, тогда как целое исчезает во мраке, в пустом ретенциальном сознании, и исчезает в конце концов полностью <...> как только прекращается ретенция <...> Чем дальше мы отдаляемся от *Теперь*, тем большая обнаруживается расплывчатость и слитность» [6, с. 28–29]?

Дело, однако, обстоит не столь печально, как может показаться. Следует помнить, что ретенция не является простым воспоминанием. Неоднократно подчёркивая данный момент, Гуссерль различает интенционально пустую и интенционально наполненную ретенции. Пустая ретенция и обуславливает указанный «затухающий» комплекс *лишь* осознаваемых, но не поддержанных конститутивными актами их актуализации в настоящем времени воспоминаний. Эти *осознаваемые*, но не *воссоздаваемые* воспоминания и являются опустошаемым, уносящим смысл как бы *противопотоком* внутреннего сознания времени – движением вспять без *следа* трансценденции и возможности актуализации сущего / события, в котором

смысл выхолацивается, рассеивается и, вследствие этого, не может быть *ре*-актуализирован памятью. Следует предположить, что в отношении конституирования темпорального дления гилетически не фундированного в памяти события ретенции должны иметь *иные* формы интенционального наполнения, нежели нерелексивные формы первоначального восприятия. Намёк на решение данной проблемы даётся, опять же, самим Гуссерлем: «Настоящим (*Gegenwärtis*) является осознание прошедшего, прошедшее как осознанное в настоящем в сознании, но само прошедшее не есть в настоящем, оно схватывается, причём схватывание направляется на осознанное в сознании прошлого. Но следует возразить: это само по себе не ясно, и что всё-таки в ретенциальном сознании может быть отрефлектировано бытие-бывшего-в-настоящем (*Gegenwärtig-gewese-Sein*) соответственно бытие-в-качестве-осознанного-как-бывшее-в-настоящем (*Als-gegenwärtig-bewusst-gewesen-Sein*), даже там, где оно могло быть несхваченным» [7, с. 70]. Что имеется в виду?

Особенностью интенционального наполнения ретенции как имманентной формы актуализации последовательности Теперь-точек выступает весьма необычная, если не сказать гениальная, мысль Гуссерля о том, что интенционально наполненные ретенции являются *восполняющими* «конституентами» *друг для друга*. Это значит, что *сами* интенционально наполненные ретенции обуславливают свою дальнейшую *взаимонаполняемость*: «Идя вдоль потока, или вместе с ним, мы имеем постоянный, относящийся к изначальной точке ряд ретенций. Кроме того, каждая предыдущая точка этого ряда в качестве некоторого Теперь оттеняется опять-таки в смысле ретенции. К каждой из этих ретенций присоединяется, таким образом, непрерывность ретенциальных изменений, и эта непрерывность сама есть опять-таки точка актуальности, которая оттеняется ретенциально. Это не ведёт к простому бесконечному регрессу, так как каждая ретенция есть в себе непрерывная модификация, которая <...> несёт в себе наследие прошлого, принимая форму рядоположенности оттенков. Дело обстоит не так, что в продольном измерении потока каждая предыдущая ретенция заменяется новой, пусть даже это происходит постоянно. Скорее, каждая последующая ретенция есть не просто непрерывная модификация, исходящая из первичного впечатления, но непрерывная модификация всех непрерывных модификаций той же самой начальной точки. <...> Когда истек временной объект, когда актуальная длительность уже миновала, то при этом ни в коем случае не исчезает сознание уже теперь прошедшего объекта, хотя оно уже более не функционирует как воспринимающее, или, лучше сказать, импрессиональное сознание. (При этом мы удерживаем как и прежде в нашем внимании имманентные объекты, которые не конституируются собственным образом в восприятии). К впечатлению присоединяется первичная память, или, как мы говорили, ретенция. <...> Ибо непрерывность фаз, которая присоединялась к каждому Теперь, была ничем иным, как такой ретенцией, или непрерывностью ретенций. В случае восприятия временного объекта (для нынешнего рассмотрения не играет никакой роли, возьмем мы имманентный или трансцендентный) оно имеет границу каждый раз в схватывании Теперь, в восприятии в смысле Как-Теперь-полагания (*Als-Jetzt-Setzung*)» [6, с. 32–33]. Актуализируемая подобным образом последовательность Теперь-точек в действительности оказывается *континуумом*, где каждая последующая актуализация изначальной Теперь-точки содержит в себе единство изначальной Теперь-точки и Теперь-точек, следующих за ней.

Таким образом, в случае разрыва гилетического восприятия изначальной Теперь-точки отстоящим от неё в объективном времени сознанием (и даже от ряда следующих за ней Теперь-точек) конституирование памяти об этих событиях будет означать *восполнение континуума* в качестве интенционального наполнения ретенциального комплекса. Теперь мы должны поставить вопрос предельно конкретно: что именно будет обеспечивать *смысловую целостность континуума* Теперь-точек как континуума смысла *одного и того же* события в случае указанного гилетического разрыва? Не идёт ли в данном случае речь о возможности *опосредованной* актуализации изначальной Теперь-точки, например, на уровне *ноэматического* единства смысла, скоррелированного, в соответствии с принципами феноменологического реализма, с единством трансцендентного сущего / события [1, с. 386]? С нашей точки зрения, именно об этом и должна идти речь, а *восполняющим* конституентом изначальной Теперь-точки должен выступить *эйдос*,

или нозматически конституируемый смысл имманентно *присваемого* интенциональным сознанием события. В этом случае «стартовая позиция» конституирования темпоральных структур исторической памяти оказывается не на уровне исходного гилетического восприятия события и, следовательно, не на уровне его нозтического схватывания, а на уровне эйдоса нозмы.

Наше предположение состоит в том, что интенсивное конституирование *эйдоса* в состоянии *восполнить* отсутствие или недостаток непосредственной гилетической данности нозтической составляющей интенционального наполнения ретенциального комплекса. В таком случае, эйдос события как его *конституируемый смысл* выступит в качестве формы интенционального наполнения ретенциального комплекса континуума Теперь-точек. Однако, можно ли вообще вести речь о каком-либо *идеальном* восполнении памяти, если в феноменологии Гуссерля сам смысл «не *преддан*, не является чем-то готовым», но представляет собой «лишь срез некоего непрекращающегося генезиса» [8, с. 191]? Допустима ли, в таком случае, *априорная смысловая нагруженность* интенционального наполнения ретенциального комплекса? Это – сложный вопрос, ответ на который предполагает прояснение того, что в данном случае подразумевает слово «нагруженность». Указывает ли оно на необходимость признания *предданного* нашим собственным конститутивным актам метафизического смысла или теоретически фундированной, т. е. *внеопытной для нас*, системы значений? С нашей точки зрения – нет, не означает. Поясним нашу позицию.

В первую очередь, необходимо иметь в виду конститутивную *свободу*, которой располагает феноменологический субъект памяти, *жёстко не связанный*, как подчёркивалось выше, с протеканием объективного времени. По замечанию Гуссерля, «конституирование самого времени и наполняющего его <...> окружения предполагает репродукцию и свободные возможности Я посредством репродуцирования проникать во временной горизонт и “ре”актуализовывать (*zu “ver” gegenwärtigen*) прошедшее в форме “Вновь” (*in der Form des “Wieder”*)» [7, с. 162]. И поскольку восприятие трансцендентного события в качестве его *hyle* оказывается недоступным современному сознанию, событие может быть схвачено и осовременено им иначе – в более «свободной» форме активности, к примеру, на основании интенциональной структуры *другого сознания*, в котором ретенциальный комплекс уже интенционально наполнен, а темпоральный поток конститутивно реализован. Будучи изолированным от трансцендентно недоступной ему фактичности события, современное сознание совершает акты эмпатии не в отношении самого события в его фактической данности, но в отношении *другого* внутреннего потока сознания времени – сознания, содержащего в себе и гилетическое восприятие, и нозтическое схватывание, и нозматическое конституирование эйдоса события.

Таким образом, интенсификация нозматической составляющей включает отнюдь не *предданное* теоретическое или метафизическое знание, но конститутивный *опыт* смыслополагания другого сознания, *эйдетическая* корреляция с которым в виде интеллектуальной эмпатии *восполняет* возможности интенционального наполнения собственного ретенциального комплекса. Эйдетическое *восполнение* ретенциального комплекса в данном случае представляет собой нозматический *преизбыток*, распределяющийся в структуре интенционального сознания в качестве горизонтов смысла, удостоверение в истинности которых требует же *собственного* установления корреляции между нозмой, ноззисом и тем гилетическим «следом» события, который предоставляет другое сознание. В этом, с нашей точки зрения, и заключается характер эйдетической адаптации принципа феноменологического реализма к интересубъективному, а, в конечном счёте – социокультурному, измерению конституирования темпоральных структур исторической памяти. Данное предположение отчасти совпадает с замечанием О.Ю. Кубановой о том, что осовременивание другого сознания предполагает присутствие в моём собственном сознании *двух* темпоральных потоков [6, с. 98].

Но что представляет собой другое сознание, взятое в качестве истока конститутивной деятельности нашего собственного сознания в отношении исторической памяти? С нашей точки зрения, это может быть только сознание *свидетеля* исторического события, транслирующего в мир собственные конститутивные результирующие удержания, *воссоздания* в памяти и смыслополагания события. Поэтому свидетель события не есть просто очевидец, повествующий о его

фактичности и исторических реалиях. Свидетельство выступает более сложным и драматичным компонентом формирования памяти, поскольку, как мы отмечали в другой работе, содержит *известие о смысле* события, его глубинном телеологическом существе – духовной обоснованности и предназначенности человеку и человечеству [9]. В свидетельствах событие предстаёт, как и предполагается в феноменологии памяти и в соответствии с принципом феноменологического реализма, не только трансцендентным историческим, но и трансцендентно-имманентным событием жизни свидетеля, конститутивные акты которого раскрываются современному сознанию в качестве недостающего ему *имманентного* слоя исторического события.

Обратимся теперь к проблеме трансцендирования эйдетического конституента темпоральности исторической памяти в социокультурном пространстве.

Как верно замечает Г.И. Чернавин, проблема смысла в феноменологии Гуссерля выходит далеко за рамки чистой дескрипции, апеллируя к смысловой сфере познания: «Говоря о смысле, феноменолог гуссерлевского типа, прежде всего, опирается на констатацию некоторого “избытка” (*Überschüss*), выходящего за рамки “голового” или чистого восприятия, “избытка”, благодаря которому нам дана та или иная вещь именно *в качестве* той или этой. Речь идёт о своеобразном “смысловом приросте восприятия”, несводимом к ощущению и раздражению, о смысловой схеме, размечающей восприятие. Понятие смысла указывает на горизонт сопровождающего опыта, на сеть подразумеваний, из которых складывается то или иное сущее *в качестве* определённого сущего. Центральной здесь является эта “структура “в качестве”” (*Als-Struktur*); это то, что позволяет нам узнать, например, белый лист бумаги именно в качестве белого листа – эта структура рассматривается как определяющая для всякого смыслообразования» [8, с. 190–191].

Исходя из сказанного, зададим вопрос о специфике *идеи*, способной выступить горизонтом эйдетического конституирования, компенсирующего отсутствие изначального восприятия тех событий, на которые мы указывали выше как на предельные смысловые содержания исторической памяти в современном белорусском обществе – Великой Отечественной войны, нацистских лагерей смерти, белорусских огненных деревень, Холокоста? Конечно, ответ на этот вопрос предполагает наличие *уже* осуществившихся конститутивных актов в сознании самого автора. С нашей точки зрения, идеальным горизонтом эйдетического конституирования указанных событий в сознании является идея *человека и человечности*. В работах, посвящённых проблеме феноменологического конституирования исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны и Холокоста на основе свидетельств, мы подчёркивали, что данные события указывают на воплощение в определённом временном интервале *новой* идеи человека, на *откровение* о природе и смысле совершённых им деяний [9, с. 201–202], [10, с. 74–76]. Конститутивный характер *понимания* смысла этого *откровения из уст свидетелей* действительно позволяет в значительной мере компенсировать отсутствие гилетической *перводанности* событий, которые сохраняют в *сущностно* организованной памяти остроту своего восприятия и глубину связанных с ними переживаний.

Хотелось бы заметить, что в современной культуре исторической памяти Беларуси ситуация складывается сложная, неоднозначная. Несмотря на бесспорно значимое присутствие в культуре памяти военных кинохроник и художественных фильмов-повествований о войне Виктора Турова («Война под крышами», «Сыновья уходят в бой»), Элема Климова («Иди и смотри»), Ларисы Шепитько («Восхождение»), Сергея Колосова («Вызываем огонь на себя», «Помни имя своё»), представленный в них и подобных им выдающихся произведениях искусства глубокий анализ духовных оснований человеческого бытия, крайне редко рассматривается социально-гуманитарными науками в качестве *экзистенциального синтеза гештальт-конститутивных образов человечности как таковой*. То же следует сказать и в отношении произведений таких мастеров художественного слова, повествующих о Великой Отечественной войне и Холокосте, как Алесь Адамович, Василь Быков, Василий Гроссман, Ольга Берггольц, Александр Чаковский, Илья Эренбург, Северина Шмаглевская, Элиезер Визель, Примо Леви, Пауль Целан. Вместе с тем, полноценное рефлексивное и конститутивное присутствие созданных этими свидетелями и художниками *образов-идей* человечности в

сознании современного, в особенности юного, молодого человека и гражданина, является важнейшим требованием к формированию воспитательно-образовательных стратегий в средних и высших школах. В контексте же реалий информационной и социально-политической конфронтации, неотрывно сопровождающей формы общественной актуализации исторической памяти, следует учитывать их *абсолютную* значимость.

Будучи убеждены в возможности и необходимости глубинного социокультурного освоения великих образов и идей человека и человечности в качестве идеальных горизонтов эйдетических форм актуализации исторической памяти, считаем, что данное освоение требует колоссальных усилий в рамках нового государственного и общественного проекта *Просвещения*. Предметом усилий, на наш взгляд, выступает *тип* сознания, способного к интеллектуальной эмпатии и формированию императивных слоёв исторической памяти и социального действия. В рамках подобного социального проекта трансцендирование конститутивных смыслов подразумевает определённый порядок инициирования личностно осуществляемых конститутивных актов, долговременное формирование расположенности сознания к работе со смыслами и его настроенности на понимающее познание в целом. При этом глубина эмпатии и степень её конститутивной достоверности напрямую зависят от конкретных форм социокультурного воплощения актов утверждения жизни и добра как сущностного предназначения человека – его *человечности*. Иначе говоря, трансцендируемые в социум идеи человека и человечности и конститутивные эйдосы исторической памяти, основанные на свидетельствах о значимых событиях прошлого, призваны стать внутренне желанным, действенно-мотивационным и обоснованным культурой памяти смыслом личностного и социального бытия.

Литература

1. Штрёкер, Э. Гуссерлевская идея феноменологии как обосновывающей теории науки / Э. Штрёкер // Современная философия науки : знание, рациональность, ценности в трудах мыслителей запада (хрестоматия) ; сост., пер., вступ. ст., ввод. замеч., коммент. А. А. Печёнкина. – М. : Логос, 1996. – С. 376–392.
2. Васюков, В. Л. Формальная феноменология / В. Л. Васюков. – М. : Наука, 1999. – 223 с.
3. Тыменецка, А.-Т. Феноменология отвечает на вызов прагматической проверки : мера / А.-Т. Тыменецка // Вопр. философии. – 2005. – № 11. – С. 145–162.
4. Tymieniecka, A.-T. Phenomenology and science in contemporary European thought / A.-T. Tymieniecka. – Toronto : Ambassador Books, Ltd., 1962. – 198 p.
5. Кубанова, О. Ю. Проблема интерсубъективности в «Картезианских размышлениях» Э. Гуссерля / О. Ю. Кубанова // Историко-философский ежегодник '91 ; отв. ред. Н. В. Мотрошилова. – М. : Наука, 1991. – С. 87–107.
6. Гуссерль, Э. Феноменология внутреннего сознания времени / Э. Гуссерль ; пер. с нем. В. И. Молчанова. – М. : Гнозис, 1994. – 162 с.
7. Гуссерль, Э. Бернау-манускрипты о сознании времени (1917/1918) / Э. Гуссерль // Феноменология времени / Э. Гуссерль, А. Шнелль ; пер. с нем. и франц. Г. И. Чернавина. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 43–173. – (Сер., «Феноменология : Современные переводы»).
8. Чернавин, Г. И. Подвалы времени. Конструктивная феноменология Александра Шнелля / Г. И. Чернавин // Феноменология времени / Э. Гуссерль, А. Шнелль ; пер. с нем. и франц. Г. И. Чернавина. – М. : Группа Компаний «РИПОЛ-классик» / «Панглосс», 2019. – С. 175–196. – (Сер., «Феноменология : Современные переводы»).
9. Малахов, Д.В. Феноменологическая герменевтика события Холокоста на основе «Tenebrae» Пауля Целана / Д. В. Малахов // Известия ГГУ им. Ф. Скорины. – 2022. – № 1. – С. 196–202.
10. Малахов, Д. В. Мыслимость Откровения : к событию Шоа / Д. В. Малахов // Reflexio. – 2021. – № 1 (14). – С. 38–82.

Религиозный плюрализм в современной Беларуси

В.А. ОДИНОЧЕНКО

В статье рассматривается феномен религиозного плюрализма в современной Беларуси. Его возникновение и развитие является частью процесса трансформации, который затронул все сферы нашего общества. Дается сопоставление религиозного плюрализма и поликонфессиональности. Последняя традиционно присуща Беларуси и означает, что в стране имеется несколько религий. Религиозный плюрализм следует рассматривать в контексте формирования общества современного типа. Он задает способы взаимодействия на различных уровнях: между государством и религиозными организациями, самими религиозными организациями, людьми, по-разному относящимися к религии и т. д.

Ключевые слова: религия, плюрализм, современность, трансформация, межрелигиозный диалог, государственная политика в сфере религии.

The article deals with the phenomenon of religious pluralism in modern Belarus. Its emergence and development is part of a transformation process that has affected all areas of our society. A comparison of religious pluralism and polyconfessionality is given. The latter is traditionally inherent in Belarus and means that there are several religions in the country. Religious pluralism should be considered in the context of the formation of a modern type of society. It sets the ways of interaction at various levels: between the state and religious organizations, religious organizations themselves, people with different attitudes to religion, and so on.

Keywords: religion, pluralism, modernity, transformation, interreligious dialogue, state policy in the field of religion.

Специфика общественной ситуации в современной Беларуси определяется процессом трансформации, который имеет всеобъемлющий и фундаментальный характер. Это означает, что, во-первых, изменения охватили все сферы общества и, во-вторых, они происходят на глубинном уровне и затрагивают основы нашей жизни. Можно говорить о том, что изменилась сама реальность, в которой мы живем.

Частью происходящей трансформации является смена подходов в социально-гуманитарных науках. Нам следует учитывать характер того, что происходит. В Советском Союзе существовала поддерживаемая государством идеология, положения которой использовались как на официальном, так и на повседневном уровнях. Она задавала базовые схемы мировосприятия, которые также были и схемами деятельности. В соответствии с ними формировалась общественная реальность. Несомненно, что официальная советская идеология выполняла ряд важных функций и была необходимым компонентом советского общества.

Сейчас такой обязательной идеологии нет. В белорусском законодательстве закреплён принцип мировоззренческого плюрализма. Согласно Конституции: «Каждому гарантируется свобода мнений, убеждений и их свободное выражение» (Ст. 33) [1] и «Демократия в Республике Беларусь осуществляется на основе идеологии белорусского государства, а также многообразия политических институтов и мнений» (Ст. 4) [1].

Однако более важным, чем предоставляемая законом возможность высказывать свои взгляды, является в условиях современной Беларуси осознание сложности самой реальности и распространение данного осознания в обществе. Именно оно должно быть основанием плюрализма мнений.

Это относится в том числе и к трактовке понятий «религия», «личность», «свобода», «плюрализм» и т. д., причем не только исследователями в области социально-гуманитарных наук, но и общественным сознанием. В настоящее время отсутствует точка зрения, которая могла бы претендовать на исключительную истинность, и исходя из которой, возможно, было бы построить ясную и несомненную для всех картину реальности. Поэтому мы всегда должны быть готовы к тому, что будут высказаны иные взгляды, в том числе и те, содержание и способ обоснования которых для нас неприемлемы. Это не отменяет самого понятия

истинности и того очевидного положения, что не со всеми высказываниями необходимо соглашаться. Принципиальным в современных условиях является осуществление права на свободу мнений, безусловно, если эти мнения не вступают в конфликт с законом. Основным механизмом выяснения их истинности в современном обществе должен быть диалог.

Мы исходим из продуктивности использования принципа плюрализма при анализе религиозной сферы. Это дает возможность, во-первых, осознать ее сложность и многомерность, во-вторых, выявить многообразие точек зрения на религию как имеющихся в наличии, так и возможных в будущем, в-третьих, что, на наш взгляд, имеет наибольшую значимость при осуществлении практической деятельности исходить из наличия многих религиозных позиций в мире и в стране.

Плюрализм определяется как мировоззренческая установка, согласно которой реальность многообразна (от лат. *pluralis* – *множественный*). Это многообразие выявляется на нескольких не сводимых друг к другу уровнях: онтологическом, гносеологическом, аксиологическом, социальном, политическом и др.

Таким образом, плюрализм может принимать различные формы, в каждой области он имеет свою специфику. Религиозный плюрализм – один из его видов, он предполагает не только наличие множества религий (онтологический аспект), но и право на различные религиозные взгляды (мировоззренческий аспект).

В этой связи скажем об актуальности использования понятия «религиозный плюрализм». Мы исходим из того, что актуальность (от лат. *actualis* – *действенный*) – это способность быть пригодным для решения тех проблем, которые возникают в процессе человеческой жизнедеятельности. Следует учитывать, что процесс получения знаний не только расширяет наше видение реальности, но также он в конечном итоге ориентирован на практику.

Продуктивной является следующая формулировка проблемы: что дает использование понятия «религиозный плюрализм», во-первых, для видения ситуации, сложившейся в современной Беларуси, во-вторых, для практической деятельности, которая осуществляется государством, общественными объединениями, самими религиозными организациями и т. д.?

Как правило, для характеристики религиозной ситуации в современной Беларуси употребляется понятие «поликонфессиональность» (от греч. *poly* – *много*, *confessio* – *исповедование*). Оно означает, что в стране имеется несколько религий. По крайней мере, больше одной.

Феномен поликонфессиональности задает не только количественные, но и качественные характеристики общественной ситуации в той или иной стране, что важно подчеркнуть, поскольку выявляет не только фактичность, но и наличие (либо отсутствие) правовых основ для его осуществления. Речь идет прежде всего о принципе свободы совести.

Согласно Конституции Беларуси, «Религии и вероисповедания равны перед законом» (ст. 16, ч. 1) [1]. «Каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом» (ст. 31) [1].

Осуществление принципа свободы совести является одним из необходимых элементов современного состояния общества. И в этой связи возникает проблема, насколько органично сочетается религиозный плюрализм со схемами поведения, традиционными для данной культуры. В ряде постсоветских стран выявилось отсутствие опыта совместной жизни приверженцев различных религий, а во многих случаях, если этот опыт и есть, то он имеет негативный характер (столкновений и преследований), и необходимо предпринять усилия, чтобы его преодолеть в ходе построения общества современного типа.

Но в случае Беларуси мы можем с полным правом рассматривать поликонфессиональность как воплощение нашей исторической традиции. В качестве ее основных этапов называются Полоцкая земля и Туровское княжество, Великое Княжество Литовское, Речь Посполитой, Российская империя, БНР, БССР, Республика Беларусь [См. 2, с. 6]. На каждом из них было свое специфическое соотношение конфессий. Но в целом для Беларуси характерны мирные взаимоотношения между приверженцами различных верований и отсутствие серьезных столкновений на религиозной почве. Поэтому при осуществлении принципа религиозного плюрализма мы можем опираться на собственную традицию.

В то же время, особое значение сейчас приобретает современность. Мы живем в период, пожалуй, наиболее важный в нашей истории, поскольку Беларусь развивается как независимое государство со своей экономической, политической, культурной, а также религиозной ситуацией.

По данным аппарата Уполномоченного на 1 января 2022 г. в Беларуси зарегистрировано 3409 религиозных общин, принадлежащих к 25 конфессиям и направлениям [3]. Таким образом, очевидно, что Беларусь является поликонфессиональной страной. Следует учитывать последствия этого применительно к нашей современной ситуации.

Поликонфессиональность выявляет различные аспекты религиозного плюрализма. Каждое религиозное направление имеет не только свое особенное вероучение, но и культурную ориентацию. Традиционно в этой связи говорят о соотношении православия и католичества на наших землях. С ним связывается концепция промежуточного положения Беларуси между Востоком и Западом, которая, как правило, используется при рассмотрении проблемы нашей культурной идентификации.

Данная концепция оформилась в начале XX в. В работах М. Богдановича, Я. Купалы, И. Абдираловича как нахождение между Польшей и Россией. Акцент делался на негативные последствия этого положения. Как писал Купала, «кроме политической и экономической зависимости, была и вторая причина, что ослепила мировоззрение белоруса, – это религиозная распря двух христианских обрядов в нашем крае: католичества и православия... Эта борьба двух вер не только делит белорусов на две части по религии, но, самое важное, убивает в их сознание и чувство национального единства» [4, с. 212–213].

Однако, здесь следует учитывать характер стоящих перед обществом проблем на каждом этапе его исторического развития. В начале XXI в. ситуация в Беларуси иная, чем в начале XX. В условиях независимого государства на первый план выходит выработка путей собственного развития (тот самый «Беларускі шлях», о котором писал Абдиралович) и налаживание на этой основе взаимодействия между различными религиозными направлениями, действующими в стране. Мы исходим из того, что Беларусь в настоящее время находится между Россией и Европой, и с этим необходимо считаться. Поэтому на первый план выходит принцип диалога, в частности, между приверженцами различных верований. Православие и католичество должно стать частью нашей религиозной ситуации, а не инструментом влияния извне.

Протестантство в условиях современной Беларуси олицетворяет саму идею религиозного плюрализма. Оно имеет множество направлений (деноминаций). Сейчас в Беларуси их 12, в мире – порядка 33 тысяч. При этом нам следует учитывать, что протестантство включено в нашу традицию. К нему принадлежали такие известные деятели белорусской культуры, как Симон Будный (1530–1593) и Василий Тяпинский (1530–1600). Безусловно, современное протестантство в Беларуси отличается от того, которое существовало здесь в XVI в. Тем не менее, Реформация, как и Контрреформация – часть нашей исторической традиции.

Также следует говорить не просто о разнообразии, но о разнородности религий, что проявляется в том числе и в их видении плюрализма. Мы рассмотрим имеющиеся отличия, используя два соотношения: «политеизм-монотеизм» и «этнические-мировые религии».

В политеизме, как это следует из его названия (от греч. *poly* – много, *theos* – бог), признается наличие множества богов, каждый из которых отвечает за свою область реальности. Поэтому почитание еще одного бога (или богов) не составляет проблему для приверженцев политеизма. В истории Беларуси это, в частности, обусловило в целом мирное принятие христианства. Христианский бог воспринимался как один из многих. К нему можно было обращаться за помощью, но также не следовало игнорировать Велеса, Ярило, Лесовика и других.

Монотеизм же в этом плане исключает плюрализм. Он признает только одного Бога. Его основополагающий принцип «да не будет у тебя других богов» (Исх. 20, 3). Отсюда возникает проблема взаимодействия с приверженцами других религий. Она решалась по-разному: от резко враждебного отношения до терпимого.

Этнические религии являются частью культуры того или иного народа. Поэтому схематично их позицию можно обозначить следующим образом: есть наш бог (боги), и есть боги других народов. Если религия не используется для достижения экономических, политических и т. д. интересов, то допускается, что каждый остается при своих взглядах. В этом случае действует принцип «мы – это мы, они – это они».

Мировые религии обращены ко всем людям независимо от пола, образования, национальности, имущественного положения и т. д. Поэтому для них характерно, во-первых, признание принципиального равенства всех людей, во-вторых, уверенность, что именно их религия обладает всеобщей истиной, постигнуть которую может каждый, в-третьих, осознание того, что они обязаны распространять эту истину. Отсюда – присущий им миссионерский порыв.

В этой связи нам следует учитывать, что христианство, которое наиболее распространено в современной Беларуси, является монотеистической и мировой религией. Поэтому для него остро стоит проблема отношения к другим верованиям. В современных условиях преобладающей является в целом благожелательная установка. В католичестве это отношение определяется прежде всего решениями Второго Ватиканского собора (1962–1965). Согласно им, «Церковь углублённее размышляет над тем, каково должно быть её отношение к нехристианским религиям. В своей обязанности развивать единство и любовь между людьми, даже между народами она прежде всего обращает внимание на то, что объединяет людей и что ведет их к совместному общению» [5, с. 431].

В документе «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию», принятом на Юбилейном Архиерейском соборе в 2000 г. позиция обозначена следующим образом, «Православная Церковь не выносит суда о мере сохранности или поврежденности благодатной жизни в инославии, считая это тайной Промысла и суда Божия» [6].

Несомненно, религиозные организации учитывают, что нетерпимость во всех ее видах осуждается в современном мире, особенно, когда она имеет практические последствия. Нарушение права на свободу совести, в какой бы стране оно не происходило и кем бы не осуществлялось: государством, господствующей религией и т. д., вызывает резко отрицательную реакцию со стороны международного сообщества.

В то же время отсутствует отношение к религии, которая могла бы обоснованно претендовать статус образца. По словам одного из ведущих современных философов Ч. Тейлора, «наш мир изобилует самыми разнообразными позициями – от воинствующего атеизма до самого ортодоксального традиционного теизма, и все это соседствует с огромным множеством всевозможных промежуточных позиций» [7, с. 33].

В Беларуси было проведено несколько исследований отношения населения к религии. В результате всех их были сделаны в целом сходные выводы. Во-первых, подавляющая часть респондентов (до 95 %) [8, с. 104] заявляет о своей принадлежности к тому или иному религиозному направлению, преимущественно к православию, во-вторых, эти заявления имеют в большинстве случаев декларативный характер. Как правило, речь идет не о религиозной, но о культурной идентификации. Так, наибольшее количество респондентов отождествляет себя с православием, поскольку считается, что это религия восточных славян.

Также значительной частью населения религия сейчас воспринимается прежде всего как основа традиционной морали. Это утверждается и на официальном уровне. Социологические опросы свидетельствуют, что признание человеком значимости религии, как правило, свидетельствует о его желании следовать принятым в обществе образцам поведения, чем о личной позиции.

Однако необходимо учитывать наследие нашего недавнего советского прошлого. В период атеистических репрессий у большинства людей не было возможности полноценной религиозной жизни, а перед всеми конфессиями стояла прежде всего задача выживания в неблагоприятных условиях. Сейчас ситуация резко изменилась. Двумя основными показателями этого является рост религиозных организаций и изменение официального отношения к ним. Сейчас они действуют в условиях мировоззренческой свободы и имеют возможность проповедовать свои взгляды. Именно от деятельности религиозных организаций зависит, насколько глубоко их приверженцы усвоят положения вероучения и будут следовать им в своей повседневной жизни.

В заключении сформулируем следствия из приведенных рассуждений, которые, на наш взгляд, имеют практическое значение.

Рост числа религиозных организаций, который идет в современной Беларуси, является следствием утверждения принципа свободы совести. Наличие религиозного плюрализма можно рассматривать как показатель того, что люди имеют возможность самостоятельно определять свои взгляды в отношении религии: быть верующим, неверующим, атеистом, агностиком и т. д.

В современном обществе личность занимает центральное место. Возрастает ценность человеческого фактора, он рассматривается как важный ресурс развития. Необходимыми становятся такие качества, как способность самостоятельно принимать решения и творчески относиться к делу. Эта способность формируется в различных сферах: в том числе и религиозной. В условиях современной Беларуси важно, чтобы у человека была возможность осуществить свои убеждения.

Проблемой в настоящее время является мировоззренческая дезориентация, связанная с переходным периодом в обществе, когда старые идеи утратили свое ориентирующее значение и идет выработка новых. Возрастает значение определенности взглядов и готовности взять на себя ответственность за их осуществление. Общественное сознание в целом становится все более плюралистичным. При этом следует учитывать, что, во-первых, не все взгляды являются равноценными и, во-вторых, что все они должны обсуждаться.

Следует учитывать специфику религиозного мировоззрения. Оно имеет трансцендентное измерение, обладающее с точки зрения верующих безусловной ценностью. Поэтому они будут последовательно отстаивать свои взгляды, даже в неблагоприятных условиях. Как показал исторический опыт, давление на них вызывает реакцию сопротивления. В современных условиях должен быть налажен диалог между верующими и неверующими, между различными религиозными направлениями, между религиозными направлениями и государством и т. д.

Мы считаем, что при осуществлении практической деятельности в условиях религиозного плюрализма следует исходить из официальной позиции, согласно которой «приоритетным направлением государственной политики в этноконфессиональной сфере является поддержание в обществе отношений толерантности и взаимного уважения, пресечение любых проявлений дискриминации по религиозному, национальному признакам и связанной с ними нетерпимости» [9].

Литература

1. Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution><https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution>. – Дата доступа : 08.05.2022.
2. История белорусской государственности : в 5 т. / редкол.: А. А. Коваленя (гл. ред.) [и др.] ; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск : Беларус. навука, 2018. – Т. 1. – 598 с.
3. Информация о конфессиональной ситуации в Республике Беларусь [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://belarus21.by/Articles/1439296790>. – Дата доступа : 08.05.2022.
4. Купала, Я. Вера і нацыянальнасць / Я. Купала // Збор твораў : у 7 т. – Мінск : Навука і тэхніка, 1976. – Т. 7. – С. 212–213.
5. Второй Ватиканский собор : Конституции, Декреты, Декларации. – Брюссель, 1992. – 573 с.
6. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html>. – Дата доступа : 08.05.2022.
7. Тейлор, Ч. Структуры закрытого мира / Ч. Тейлор // Логос. – 2011. – № 3 (82). – С. 33–55.
8. Республика Беларусь в зеркале социологии : сб. материалов социол. исслед. за 2016 г. / А. В. Папуша [и др.] ; Информ.-аналит. центр при Администрации Президента Респ. Беларусь ; под общ. ред. А. П. Дербина. – Минск : Беларус. Дом печати, 2017. – 209 с.
9. Состоялось заседание коллегии аппарата Уполномоченного по делам религий и национальностей по итогам работы в 2021 году [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://belarus21.by/New/sostoyalos-zasedanie-kollegii-apparata-upolnomochennogo-po-delam-religij-i-nacionalnostej-po-itogam-raboty-v-2021-godu>. – Дата доступа : 08.05.2022.

Системное моделирование как инструмент решения глобальных проблем современности

В.К. СТЕПАНЮК

Рассматривается методологический потенциал системного моделирования в исследовании экологических и демографических процессов. Обращается внимание на то, что системное моделирование выступает в качестве практически-ориентированного направления системных исследований. Показано, что на основе системного моделирования могут быть приняты социально приемлемые меры по разрешению глобальных проблем и кризисных процессов. При решении экологических проблем использование методологии системного моделирования позволяет получить предварительный прогноз поведения природных систем в условиях неопределенности.

Ключевые слова: биосфера, глобальное моделирование, демографическая проблема, динамический объект, синергетика, системный анализ, социоприродные процессы.

The author deals with the methodological potential of system modeling in the study of ecological and demographic processes. The article draws attention to the fact that system modeling acts as a practice-oriented area of system research. It is shown that basing on the system modelling, socially acceptable measures can be taken in order to resolve global problems and crisis processes. When solving environmental problems, the use of system modeling methodology makes it possible to obtain a preliminary forecast of the behavior of natural systems under conditions of uncertainty.

Keywords: biosphere, global modeling, demographic problem, dynamic object, synergetics, system analysis, socio-natural processes.

Системный анализ и основанная на нем методология компьютерного моделирования сложных объектов рассматриваются в настоящее время как весьма эффективные средства, способствующие принятию адекватных решений в тех ситуациях, когда необходимо осуществить выбор среди возможных альтернатив, характеризующихся состоянием неопределенности.

Элементы моделирования обнаруживаются еще в трудах античных ученых. Это, в частности, проведение аналогии между предметами, уменьшенные копии, установление подобия процессов и т. д. Впервые слово «модель» было применено как научное понятие в связи с созданием неевклидовых геометрий. Для доказательства возможности объективного существования противоречащих опыту построений ученые создавали материальные модели.

Вторая половина 19 в. охарактеризовалась тенденцией перехода от изучения вещей к изучению процессов. Разработка теории сложных процессов вызывала определенные трудности. Поэтому ученые пытались найти идеализированные аналоговые представления, которые бы служили связующим звеном от эмпирических данных к теории. Теории стали рассматриваться как своеобразные модели действительности. Модели выполняют ту же функцию, что и теория – «дают знание и обеспечивают адаптацию человека к окружающему миру» [1, с. 151].

В философско-методологической литературе предложено несколько подходов к определению понятия «модель». Например, В.К. Лукашевич рассматривает модель как средство, объект и продукт человеческой деятельности. Сферой широкого использования моделей, по его мнению, является познание. В процессе познания модель выполняет в основном эвристическую функцию. Осуществление данной функции представляет собой «процесс получения новой информации об объекте познания, который включает в себя сравнение известных субъекту до начала исследования информации об объекте и информации о модели или перенос информации об объекте на модель, получение новой информации о модели и перенос ее на объект познания» [2, с. 59].

Понятие модели органически связано с понятием моделирования, так как моделирование есть процесс создания и использования модели. Метод моделирования имеет очень большое значение в решении экологических проблем, поскольку дает предварительное объяснение и предсказание поведения природных систем в условиях, когда теоретический уровень исследований природной среды еще недостаточно высок. В этом аспекте моделирование в определенном смысле дополняет имеющиеся теоретические построения.

Метод моделирования тесно связан с системным подходом. Системный подход нацелен на целостный охват изучаемых явлений, углубленный анализ их структуры, на выявление максимального числа факторов взаимодействия и взаимосвязей. Он играет существенную роль в исследовании экологических проблем, так как ориентирован на всесторонний анализ социальных и социоприродных последствий развития науки, техники, производства. Он опирается на методологические процессы управления сложными системами социально-экономической и экологической природы. Данное обстоятельство содействует практической оптимизации социоприродных процессов, конструктивному поиску средств управления ими.

Несмотря на длительную историю исследований естественными науками различных аспектов природной среды, совокупность процессов взаимодействия природы и общества теоретически разработана недостаточно. Свидетельством этого являются во многом неожиданные последствия реализации некоторых социально-экономических проектов. «Причина подобных просчетов чаще всего заключается в трудности достоверного прогноза обратной реакции природной среды на антропогенное вмешательство, в отсутствии научно обоснованных методов оценки допустимой степени такого вмешательства, в ограниченности представлений о научной сущности противоречий, возникающих между задачей необходимости охраны среды и интенсивным использованием ее ресурсов» [3, с. 67].

Управление развитием экологических процессов предполагает знание фундаментальных свойств объекта управления, принципов организации природных систем. «При этом основное внимание концентрируется на выявлении динамических характеристик системы, механизмов изменения ее структурно-функциональных особенностей в различных условиях и временных интервалах существования» [4, с. 42].

Важный вклад в развитие системного подхода внесла кибернетика. Ее можно рассматривать как один из разделов системного подхода к исследованию динамических объектов. В связи с этим особый интерес представляет кибернетическое определение понятия «система».

Д.М. Гвишиани формулирует требования, которым должна удовлетворять в том или ином виде представляемая совокупность знаний о реально существующем объекте, чтобы она могла рассматриваться в качестве системы [5, с. 85–86].

Во-первых, система – это некоторый объект изучения, обладающий целостностью или рассматриваемый как целое. Во-вторых, чтобы совокупность знаний о рассматриваемом объекте могла считаться системой, необходимо, чтобы она являлась частью, подсистемой некоторой большой системы, входила в нее как элемент. В-третьих, рассматриваемое представление можно считать системой, если оно допускает расчленение на ряд частных представлений, отвечающих реально существующему дроблению объекта на меньшие объекты, являющиеся элементами первого.

Системный подход к исследованиям сложных процессов использует в качестве своего основного инструмента математические модели, в основе которых лежат исходные принципы, изменяющиеся при переходах от менее сложных к более сложным уровням организации материи.

Организация систем в живом мире рождает совершенно новый тип механизмов развития. Это механизмы обратной связи. «Механизмами обратной связи называются механизмы, определяющие изменения состояния, которые являются реакцией на внешние воздействия и ими определяются. Любому живому существу, любой живой системе свойственно стремление сохранить стабильность своей организации (своего гомеостазиса)» [6, с. 9].

Первым необходимым шагом любых системных исследований, использующих математические модели, является определение границы гомеостазиса, то есть критических значений параметров окружающей среды. Второй этап исследований – это определение реакции на отклонение от гомеостатической границы.

И биосфера в целом, и ее различные компоненты существуют в сильно неравновесных условиях. «В сильно неравновесных условиях процессы самоорганизации соответствуют тонкому взаимодействию между случайностью и необходимостью, флуктуациями и детерминистическими законами. Вблизи бифуркаций основную роль играют флуктуации или случайные элементы, тогда как в интервалах между бифуркациями доминируют детерминистические аспекты» [7, с. 235].

Важнейшей особенностью любого эволюционного процесса, протекающего в живом мире, является противоречивое взаимодействие тенденции к стабильности (сохранению гомеостазиса) и тенденции поиска новых способов использования внешней энергии и вещества. На

уровне неживой природы тенденции к разрушению препятствуют прежде всего законы сохранения. На уровне живой природы появляется целеполагание – стремление сохранить гомеостазис. Исследование особенностей самоорганизации живой природы показывает, что «вместе с усложнением организации живых систем возникают и определенные противоречия между их стремлением к сохранению гомеостазиса, стабильности и тенденцией максимизировать эффективность поглощения и использования внешней энергии и вещества» [8, с. 71].

Способность прогнозировать результаты своего поведения и, соответственно, выбирать наиболее оптимальные его режимы с целью сохранения гомеостазиса системы в целом свойственна только социальным объектам.

Моделирование имеет определенную эвристическую ценность. Так, например, компьютерные «модели мира» позволяют проводить лабораторный эксперимент там, где в силу сложности самих объектов исследования человеческое познание оказывалось до сих пор бессильным. Результаты компьютерного моделирования могут быть использованы при принятии экономических, социальных и политических решений. На основе глобального моделирования могут быть приняты социально приемлемые меры по разрешению глобальных проблем и кризисных процессов.

В последнее время широкое распространение во всем мире получила концепция устойчивого развития. «Устойчивое развитие – это такое развитие, которое удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности» [9, с. 51].

На рубеже 20–21 вв. стало очевидно, что противоречия между нарастающими потребностями общества и сравнительно ограниченными возможностями биосферы ставят под угрозу дальнейшее существование человечества. При сохранении существующих тенденций развития неизбежен серьезный кризис во взаимодействии человека и окружающей среды. Выход из кризиса, по мнению ряда ученых, заключается в сознательном ограничении промышленного производства и численности населения.

В связи со значительным увеличением давления стремительно растущего человечества на окружающую среду и биосферу особое значение в последнее время приобрела экологическая проблематика. Однако, по мнению С.П. Капицы, противопоставление демографического императива экологическому в нынешних условиях практически невозможно. «Поэтому при обсуждении глобальных вопросов безопасности, наряду с военной, экономической и экологической безопасностью, следует включить в анализ, причем далеко не на последнем месте, демографический фактор безопасности и стабильности мира, который должен учитывать не только количественные параметры роста населения, но и качественные, в том числе этнические факторы» [10, с. 260].

Демографическая проблема в настоящее время является одной из важнейших глобальных проблем современности. Суть ее состоит в неравномерном приросте населения нашей планеты. Данные, полученные в ряде стран Азии и Латинской Америки, показывают, что несмотря на проводимую в этих странах политику по регулированию рождаемости, она остается достаточно высокой. В то же время страны Западной Европы имеют отрицательную демографическую динамику коренного населения. Эта проблема актуальна и для Республики Беларусь, где демографическая ситуация характеризуется низкой рождаемостью, дисбалансом в средней продолжительности жизни мужчин и женщин и низким коэффициентом фертильности.

«Без демографического анализа, отмечает А.Г. Злотников, сегодня немыслимо составление любой эффективной социально-экономической программы развития ни в одной из стран мира, обоснование крупных экономических проектов. Без знания демографической ситуации, демографических тенденций, демографических прогнозов невозможно обеспечить научно выверенное, взвешенное развитие ни одной страны. Демографические исследования необходимы для бизнеса и торговли, сельского хозяйства и промышленности, здравоохранения и просвещения, обороны и силовых структур» [11, с. 87].

Среди демографов нет единого взгляда как на причины ярко проявившихся в 20 в. демографических вызовов, так и на возможные последствия поисков ответов на них. В концептуальном разнообразии исследовательских подходов в этой области выделяется «теория демографического перехода», которая «концентрирует свои интенции не только на выявлении причин демографических вызовов, но и настаивает на необходимости использования теоретических построений в практике регулирования демографических процессов на разных уровнях» [12, с. 121]. Демографический переход характеризуется как быстрым возрастанием скорости роста, так затем и столь же стремительным его уменьшением.

В настоящее время все возрастающий рост населения приводит к тревожным прогнозам. Методы классической демографии позволяют рассчитать изменение населения на одно-два поколения вперед. Однако с помощью данной методологии сложно прогнозировать развитие человечества на сколько-нибудь длительное время. Расширить диапазон прогнозирования и охватить развитие всего человечества можно благодаря построению математической модели, рассматривающей все население нашей планеты как эволюционирующую и самоорганизующуюся систему.

Долгое время демография использовала методы линейного моделирования. Зависимость скорости увеличения населения полагалась пропорциональной числу людей, откуда следовал экспоненциальный закон роста населения. В последнее время в демографии все шире стал применяться системный подход, в рамках которого все население Земли рассматривается как единая система.

Системный подход расширяет синергетику. Она учитывает не только временные закономерности процессов, но и пространственное распределение населения, взаимное влияние процессов, происходящих в разных регионах мира. Краткая характеристика любой синергетической модели сложной системы включает в себя три основные идеи: нелинейность, открытость, диссипативность. «Нелинейность, избирательность, необычная реакция на внешние воздействия, когда “правильное” воздействие оказывает большее влияние на эволюцию системы, чем воздействие более сильное, но организованное не адекватно ее собственным тенденциям. Открытость как необходимое условие существования неравновесных состояний. Диссипативный фактор – это аналог диффузии самого разного рода: миграция населения, распространение инфекционных болезней, передача знаний, научной и культурной информации» [13, с. 263–264].

Таким образом, системное моделирование представляет собой новый интеллектуальный инструмент, позволяющий более глубоко понимать явления. Демографический анализ мирового развития дает достаточно полную и объективную картину реального мира и процессов, в нем происходящих, в первую очередь для концепции устойчивого развития при стабилизации населения мира.

Литература

1. Горелов, А. А. Экология – наука – моделирование / А. А. Горелов. – М. : Наука, 1985. – 207 с.
2. Лукашевич, В. К. Модели и метод моделирования в человеческой деятельности / В. К. Лукашевич. – Минск : Наука и техника, 1983. – 120 с.
3. Герасимов, И. П. Методологические проблемы экологизации современной науки / И. П. Герасимов // Общество и природная среда. – М. : Знание, 1980. – С. 66–86.
4. Зеленков, А. И. Динамика биосферы и социокультурные традиции / А. И. Зеленков, П. А. Водопьянов. – Минск : Университетское, 1987. – 235 с.
5. Природа моделей и модели природы. – М. : Мысль, 1986. – 270 с.
6. Логинов, А. А. Гомеостаз / А. А. Логинов. – Минск : Вышэйшая школа, 1979. – 176 с.
7. Пригожин, И. Порядок из хаоса / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М. : Прогресс, 1986. – 432 с.
8. Моисеев, Н. Н. Человек и ноосфера / Н. Н. Моисеев. – М. : Молодая гвардия, 1990. – 352 с.
9. Наше общее будущее : Доклад Международной комиссии по окружающей среде и развитию (МКОСР) ; пер. с англ. / под ред. С. А. Евтеева, Р. А. Перелета ; предисл. Г. Х. Брундтланд. – М. : Прогресс, 1989. – 371 с.
10. Капица, С. П. Рост населения Земли и судьба человечества / С. П. Капица // Синергетика, философия, культура. – М. : РАГС, 2001. – С. 247–262.
11. Злотников, А. Г. Потенциал демографии как системной отрасли научного знания / А. Г. Злотников // Интеллектуальная культура Беларуси : методологический капитал философии и контуры трансдисциплинарного синтеза знания : материалы Третьей Международной научной конференции, Минск, 15–16 ноября 2018 г. : в 3 т. – Минск : Четыре четверти, 2018. – Т. 2. – С. 85–89.
12. Лапина, С. В. Развитие социальной демографии как ответ на демографические вызовы современного общества / С. В. Лапина // Системная трансформация общества: инновации и традиции : сб. науч. тр. кафедр социально-гуманитарных наук. – Брест : УО «БГТУ», 2012. – Вып. IX. – С. 120–123.
13. Белавин, В. А. Синергетический подход к моделированию глобальных демографических процессов / В. А. Белавин // Синергетика, философия, культура. – М. : РАГС, 2001. – С. 262–272.

УДК 14+159.9

Диалектика коллективизма и индивидуализма в размышлениях философов и в восприятии современных студентов

В.Н. ЯХНО

В статье рассматриваются два значимых принципа общественной жизни: коллективизм и индивидуализм. Автор обращается к работам Маркса, Фромма, Бубера, Фукуямы, рассматривая данные мировоззренческие позиции как совокупность социокультурных установок. Предполагается, что наступление информационной эпохи формирует новое поколение с другим менталитетом и системой компетенций. Анализируются результаты опроса студентов и магистрантов Гомельского государственного технического университета имени П.О. Сухого.

Ключевые слова: общество, личность, индивидуальность, индивидуализм, коллектив, коллективизм, одиночество.

The article is devoted to two significant principles of social life: collectivism and individualism. Following Marx, Fromm, Buber, Fukuyama, we are considering these worldview positions as a set of sociocultural attitudes. The author believes that the advent of the information era is forming a new generation with different mentality and system of competencies. The results of a survey of students and master students of the Suchoi State Technical University of Gomel are analyzed.

Keywords: society, person, individuality, individualism, collective, collectivism, loneliness.

Современная эпоха, как этап глобализации, все ярче демонстрирует процессы вовлечения человечества в единое цивилизационное пространство, в сложные и разноплановые взаимодействия разных народов и культур. Сегодня не только экономическая или политическая деятельность имеет планетарный масштаб, но и большинство иных областей общественной жизни, включая науку, образование, культуру, язык, спорт. И, конечно, сами народы, и страны оказываются вовлеченными в глобальные процессы. Данные тенденции формируют новую социокультурную реальность: происходит трансформация мировоззрения, переоценка традиционных ценностей, наблюдается кризис индивидуальной и коллективной идентичности. Новый тип интенсивного взаимодействия различных культур, благодаря современным информационно-коммуникативным технологиям, демонстрирует активное устранение личной и общественной сфер жизнедеятельности, личного и публичного пространства. Все эти изменения вновь актуализируют проблему соотношения индивидуального и коллективного. Коллективизм и индивидуализм – два противоположных типа мировоззрения, принципа общественной жизни и, наконец, два различных вида деятельности людей. Это универсальные убеждения, а потому этические, хозяйственные, политические, педагогические или иные аспекты данных позиций понятны как отдельной личности, так и любому сообществу. Дилемма личного и общественного, индивидуального и коллективного стала особенно популярной благодаря марксистской философии, но подобная направленность чувств и мыслей, необходимость выбора между личным и общим, индивидуализмом и коллективизмом востребована и в иных социально философских концепциях. Теоретические, философские и нравственные аспекты индивидуалистических или коллективистских убеждений, поиск предпочтительности той или иной позиции достаточно актуальны и сегодня.

Цель работы состоит в определении значимых характеристик индивидуализма и коллективизма как социокультурных феноменов на основе изучения творчества известных философов и результатов опроса студентов и магистрантов ГГТУ им. П.О. Сухого. Основными источниками для написания статьи послужили труды классиков философии и социологии: К. Маркса, Ф. Энгельса, Э. Фромма, В. Франкла, М. Бубера и Ф. Фукуямы. Работа выполнена на основе анализа и систематизации научной философской литературы, использования метода анкетного опроса, а также количественного и качественного анализа полученных эмпирических данных.

Марксизм отдавал предпочтение коллективистскому мировоззрению и анализировал, прежде всего, его особенные возможности и роль для социально-экономического развития человека и общества. Для Карла Маркса коллективизм – прежде всего принцип общественной жизни и деятельности, который противостоит индивидуализму. Коллективизм в нравственном содержании не допускает эгоизма, себялюбия, личностной корысти и противопоставления человека обществу. В общественной идеологии – это безусловное подчинение человека обществу. Маркс и Энгельс были убеждены, что формирование человека посредством трудовой деятельности в конечном итоге и определило становление коллективизма из формальной предпосылки в мировоззренческую позицию и обязательную основу жизни общества. Только в совместной трудовой деятельности, полагали ученые, человек «действительно утверждает себя как родовое существо». Уже в «Немецкой идеологии», одной из самых ранних работ, для обоснования исторической миссии пролетариата, Маркс и Энгельс значительное внимание уделяют становлению индивидуальности. Они утверждают, что истинное богатство индивидуальности выражается в богатстве ее связей с окружающим миром, в многогранности ее участия в общей жизни коллектива: «Только в коллективе индивид получает средства, дающие ему возможность всестороннего развития своих задатков, и, следовательно, только в коллективе возможна личная свобода» [1, с. 75]. Таким образом, развитие индивидуальности и коллективизм не противоречат друг другу. Напротив, их единство – главный критерий правильного воспитания личности и правильной организации самого коллектива. Маркс и Энгельс характеризуют исторический процесс, в том числе и как переход от неразвитых форм коллектива к мнимым, но развитым формам коллектива (понятия «истинный коллектив» и «мнимый коллектив»). Если коллективообразование и коллективизм в капиталистическом обществе носят классовый характер, то в марксизме коллективизм – непереносимое условие развития человеческой личности, что осуществимо только в коммунистическом обществе.

Философ и социолог, основатель фрейдомарксизма Эрих Фромм в своей социальной философии постоянно обращается к анализу роли сотрудничества, проблеме «связанности с другими», необходимости для индивида «жить среди людей», обладать «чувством общности» и «принадлежности», иметь общие социальные стандарты и моральные ценности. По убеждению мыслителя в любом обществе «человек должен объединяться с другими, если вообще хочет выжить..., чтобы иметь возможность трудиться и производить средства к жизни» [2, с. 27]. В своих работах Фромм постоянно обращается к современным индивидуалистическим характеристикам экономической системы. Он подчеркивает, что в общепринятых концепциях капитализма человек стал центром и целью всякой деятельности. А все что он делает – делает для себя. Основными движущими силами деятельности человека стали собственные интересы и эгоцентризм, поэтому господствует индивидуализм. Известный ученый-гуманист, исследуя процесс индивидуализации, подчеркивает, что главным результатом растущей индивидуальности является развитие личности. Но другим и уже негативным аспектом данного процесса будет утрата идентичности с остальными людьми, индивидуализм, возможно, одиночество.

Другое следствие возрастающей индивидуализации – растущая творческая деятельность, «спонтанная активность», стремление к содеятельности и сотрудничеству, так как уникальность каждой личности не противоречит стремлению к равенству. Исследуя личность, Фромм акцентирует внимание на роли общества и социальной группы и использует термин «социальный характер». «В социальный характер входит лишь та совокупность черт характера, которая присутствует у большинства членов данной социальной группы и возникла в результате общих для них переживаний и общего образа жизни» [2, с. 230]. Он не использует термин «коллективизм», рассуждая о роли общества в формировании социального характера, однако подчеркивает, что характер формируется «в процессе динамической адаптации человеческих потребностей к определенному образу жизни в определенном обществе». Современное общество, по мнению Фромма, увлекает людей в рамки сообщества и сотрудничества возможностью трудиться, реализовать себя и достичь успеха, а также из-за боязни одиночества.

Виктор Франкл, как теоретик психологии личности, был убежден, что каждый человек не только индивидуален, незаменим и невосполним, но и «каждый несовершенен на свой

манер». Люди всегда стремятся к неповторимости, но любая личность постоянно связана с сообществом, в котором она существует. Поэтому «смысл человеческого индивида как личности трансцендирует его собственные границы в направлении к сообществу: именно направленность к сообществу позволяет смыслу индивидуальности превзойти собственные пределы» [3, с. 198]. Однако, не только личности необходимо сообщество, но и, наоборот, сообщество, чтобы иметь смысл, не может обойтись без отдельных личностей. Смысл сообществ держится на индивидуальности каждого его члена, а смысл личности проистекает из смысла сообщества. Таким образом, по мнению Франкла необходимо сохранять баланс между личным и общественным, индивидуальным и коллективным. Безусловно, индивидуальное приоритетно: чему человек отдает предпочтение, какому образу жизни – все это можно описать фразой: «быть – значит отличаться», то есть «своеобразие каждого означает, что он отличается от всех остальных людей». Что касается коллективизма, то важно понимать, что в «оценке человеческих поступков, коллективизм нередко приводит к нелепым заблуждениям» [3, с. 201]. Для мыслителя чрезвычайно важна личная ответственность, иначе вместо нее, возможно, наблюдать лишь приверженность социальным нормам и конформность. Поэтому в нравственном плане идея коллективизма приводит к понятию коллективной вины, что неправильно, да и тот, кто судит и обвиняет подобным образом, не несет ответственности за свой приговор. Удивительно актуально звучат следующие слова Виктора Франкла: «гораздо проще возвышать или унижать “расы” целиком, чем пытаться оценить каждого отдельного человека – то есть отнести его к одной из двух групп, на которые с точки зрения нравственности делятся все люди: к “расе” людей порядочных или к “расе” нравственно испорченных» [3, с. 202].

Экзистенциальный анализ проблемы человеческой судьбы через призму индивидуализма и коллективизма был предпринят и немецким философом Мартином Бубером. Исследуя проблему одиночества и путей его преодоления, философ критически оценивает возможное предпочтение какой-то одной позиции. По его убеждению, индивидуализм не позволяет «по-настоящему узнать человека», потому что интересуется лишь частью личности, а коллективизм, в свою очередь, не в состоянии мыслить всего человека иначе как часть; «к человеческой целостности ни тот ни другой пробиться не в состоянии. Индивидуализм видит человека только в его обращенности к самому себе, коллективизм же вообще не замечает человека: он видит лишь “общество”. Там человеческий лик искажен, здесь он замаскирован» [4, с. 228]. Выход из сложившейся ситуации, полагает мыслитель, должен быть в ниспровержении «ложной дилеммы – индивидуализм или коллективизм», дилеммы которой «пронизана современная мысль». Это выбор между «индивидуалистической антропологией и коллективистской социологией». Он уверен в необходимости формирования нового научного направления – философской науке о человеке: «Главным предметом этой науки будет не индивидуум и не коллектив, но человек с человеком. Особая сущность человека прямо познается лишь в живом отношении» [4, с. 231]. Как известно, согласно Мартину Буберу, Я возникает, познается и существует лишь из отношения к Ты.

В современной западной философской и социологической литературе коллективизм и индивидуализм часто анализируют в ракурсе глобального деления культур на коллективистские – восточно-азиатские и индивидуалистические – западно-европейские. Коллективистские культуры характеризуются как сообщества, где личные интересы приносятся в жертву интересам группы, коллектива, общества. Концептуально уверенную последовательность в снятии противоречий дилеммы коллективизм – индивидуализм демонстрирует американский философ и политолог японского происхождения – Фрэнсис Фукуяма. Начиная с исследования теоретической совместимости или несовместимости конфуцианства с демократическими принципами, он анализирует изменения, которые стали происходить в мире с конца 80-х годов прошлого века и пишет: «Ни индивидуализм, ни коллективизм в отдельности, но взаимодействие этих двух противоположных начал привело к успешному развитию демократии и экономическому прогрессу в США» [5]. Фукуяма утверждает, что на самом деле западные и восточные социумы абсолютно неоднородны с точки зрения соотношения данных мировоззренческих принципов. Например, стремление и подходы к формированию добровольных объединений роднит Японию и с Соединенными Штатами, и с Германией.

Однако, отмечает ученый, «только на протяжении жизни двух последних поколений равновесие между индивидуализмом и коллективизмом-общинностью в Соединенных Штатах Америки явно сместилось в сторону первого. Целый ряд разнообразных исторических причин привел к тому, что общинные институты ослабели – либо намеренно были ослаблены государством – в то время как число и объем основных индивидуальных прав, которые американцы считают своими неотъемлемыми правами, постоянно увеличиваются» [5]. В результате, как полагает Фукуяма, американская модель демократии утратила свою привлекательность в странах Азии. Необходимо заметить, что и сам термин «коллективизм» все реже встречается в современной американской научной литературе. Как правило, дихотомию «коллективизм – индивидуализм» они заменяют понятием «коммунитаризм», который рассматривается как средство снятия антиномии коллективного и индивидуального, однако, это тема отдельного анализа.

Работая в университете, автор статьи постоянно сталкивается с дискуссионными высказываниями студентов о значимости и предпочтительности индивидуализма или коллективизма в настоящее время. Интерес к данной проблеме и ее общезначимость подвигли нас к проведению исследования, которое позволило бы прояснить особенности восприятия данных феноменов современной учащейся молодежью. Для достижения цели была разработана и использована анкета-опросник «Индивидуализм и коллективизм как два мировоззренческих принципа: характерные черты и Ваше понимание». Исследование проводилось в 2021–2022 учебном году на базе УО «Гомельский государственный технический университет имени Павла Осиповича Сухого». Выборочную совокупность составили 60 студентов (1-ого и 2-ого курсов) и 57 магистрантов.

Для выявления приоритетности коллективизма или индивидуализма, как совокупности определенных убеждений, студентам и магистрантам был задан вопрос: «Современная информационная эпоха, как правило, характеризуется как время преобладания индивидуалистического мировоззрения. Какая позиция более близка Вам: индивидуализм или коллективизм?» Результаты исследования показали, что у большинства студентов – 60 % – преобладают индивидуалистические убеждения. У более взрослых магистрантов также преобладает показатель индивидуализма, но он меньше – 52,6 %.

Таким образом, индивидуалистическое мировоззрение оказалось более предпочтительным среди опрошенных молодых людей нашего университета. Комментируя результаты, стоит заметить, что у индивидуалистов чаще наблюдается приоритетность личного над общественным, преобладание индивидуальных целей над групповыми. Однако, студент с индивидуалистическим настроем более самостоятелен и в большей степени способен действовать автономно, полагаясь лишь на себя. Опираясь на собственный педагогический опыт последних лет, автор хотел бы поделиться наблюдением, согласно которому студенты стали чаще и жестче конкурировать между собой, а также реже подсказывать друг другу, делиться шпаргалками или наработанным материалом. Что, на наш взгляд, тоже свидетельствует о востребованности индивидуалистических установок. Сравнительный анализ полученных данных можно представить в виде диаграммы (рисунок 1).

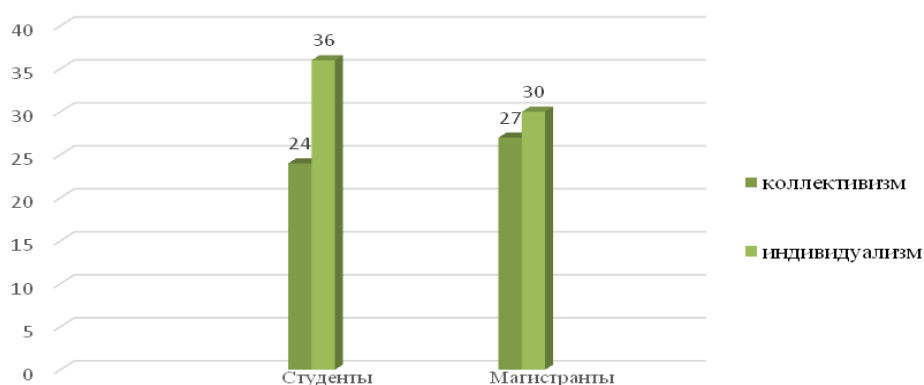

Рисунок 1 – Показатели предпочтительности коллективистских или индивидуалистических позиций среди студентов и магистрантов (%)

Чтобы понимать и учитывать особенности мировоззрения наших студентов и магистрантов, автор счел необходимым прояснить особенности восприятия и понимания ими как коллективизма, так и индивидуализма. Тем более, применительно к сфере образования и науки, принято наряду с индивидуальным выделять и коллективного субъекта как носителя определенных норм и форм деятельности. Без коллективных усилий немыслимы межличностные взаимодействия, наставничество и ученичество, приобщение к науке, выбор научной темы, первые публикации, обсуждение знаковых событий и другое [6]. Кроме того, сопровождение процесса образования воспитательной практикой – важнейшая задача любого педагога, поэтому владение знанием о мировоззренческих позициях молодежи представляется автору необходимым. Для выявления ассоциативного ряда в восприятии категории «коллективизм» студентам и магистрантам был задан вопрос: «Какие положения и характеристики, по Вашему мнению, можно соотнести с коллективистской культурой? (Возможно несколько вариантов ответов)».

Опрос показал, что большинство респондентов понимают коллективизм как необходимое условие, позволяющее «легче и быстрее справиться с трудовыми проблемами». В этом убеждены 68,3 % опрошенных студентов и 64,9 % магистрантов. С небольшим отставанием в 1,8 % второй по значимости позицией у магистрантов оказалась «вовлеченность в коллектив» – 63,1 %. У студентов же эта позиция лишь на третьем месте – 45 %. Важным показателем для студентов стала характеристика коллектива как психологически комфортной среды обитания, которая способна помочь в преодолении психологических проблем: 50 % респондентов-студентов выбрали этот вариант. И это второй по значимости показатель. Понимание важности коллектива, как источника духовной поддержки, в жизни магистрантов тоже явно обозначено – позиция собрала 59,6 %. Серьезные различия у студентов и магистрантов практически отсутствуют в уверенности относительно способности студенческой группы предоставлять «возможность перенести часть личной ответственности на коллектив». Согласно полученным результатам, этот показатель у магистрантов – 15,7 % и 18,3 % – у студентов. Наименее популярной характеристикой коллективизма и у студентов, и у магистрантов стал вариант «время личностей миновало»: только один человек выбрал такую позицию среди магистрантов (1,7 % – от числа опрошенных) и 3 человека среди студентов первых курсов (5 %).

Далее студентам и магистрантам было предложено выбрать позиции, которые, по их мнению, соответствуют содержанию более приоритетной для них категории «индивидуализм». Анализ ответов на вопрос: «Какие положения и характеристики, по Вашему мнению, можно соотнести с индивидуалистической культурой? (Возможно несколько вариантов ответов)» обозначил, что чаще всего студенты и магистранты выбирали позицию, согласно которой индивидуалистическое мировоззрение позволяет успешно реализовать свои профессиональные надежды: «успех и карьера – результат личных усилий». У студентов это положение соответствует убеждениям 60 % респондентов, а у магистрантов – 61,4 %. Определенная взаимозависимость убеждений и возраста проявилась в выборе второй позиции. У магистрантов более значимой оказалась уверенность в уникальности переживания счастья: формулировка «счастье индивидуально» набрала 54,3 % опрошенных; у студентов – 41,6 %. У респондентов студентов на второй по значимости позиции находится тезис «жизнь отдельного человека – главная цель и ценность»: она набрала 45 %. Результаты опроса магистрантов – 40,3 %. Интересна, на наш взгляд, общая убежденность опрошенных относительно значимости индивидуализма и уникальности личности в рамках именно коллектива. Популярным оказался выбор положения «только всестороннее развитие личности – основа развития коллектива». Среди студентов эта позиция набрала 25 %, результат опроса магистрантов – 21 %. Данные результаты актуализируют рассмотренные выше тезисы Виктора Франкла о «поисках смысла жизни».

Следующая, предложенная для анализа, характеристика индивидуализма: «личность не должна иметь обязательных, общих для всех правил» показала большую «радикальность» позиции студентов и «отстала» от предыдущей позиции лишь на один пункт, набрав 23,3 %. Для магистрантов данная формулировка соответствует представлениям 15 % респондентов. Самой непопулярной оказалась позиция, предполагающая позитивный социальный аспект индивидуализма: «общественные процессы – результат действий индивидов». Только 10 % студентов и 5,2 % магистрантов выбрали данную позицию.

Исследование теоретических оснований индивидуализма в размышлениях философов постоянно пересекается с проблемой одиночества. Данный феномен оказался особенно актуальным в условиях пандемии. Поэтому студентам и магистрантам было предложено ответить на вопрос: «Как Вы полагаете: чувство одиночества связано с индивидуализмом?». Следует заметить, что полученные результаты подтвердили указанное суждение. Расстановка позиций при ответе на сформулированный вопрос приведена в таблице.

Таблица 1 – Распределение ответов респондентов на вопрос: «Как Вы полагаете: чувство одиночества связано с индивидуализмом?» (в %)

Респонденты	Да, конечно	Скорее да, чем нет	Нет не думаю	Затрудняюсь ответить
Студенты	8,3	46,7	40	5
Магистранты	17,5	42,1	40,4	–

Подводя итоги необходимо отметить: коллективизм и индивидуализм – актуальные мировоззренческие позиции и убеждения, конституирующие коллективную или индивидуальную идентичность человека. Приверженность к той или иной системе социальных, моральных, экономических или иных характеристик этих философских и социокультурных категорий вызывает интерес и дискуссии среди молодежи, акцентируя их значимость. Современное студенчество, согласно данному исследованию, предпочтение отдает индивидуализму, что, возможно, свидетельствует о процессе трансформации прежней, советской коллективистской мировоззренческой парадигмы. При этом дискурс философов-классиков, например, о коллективизме и его непосредственной связи с трудовыми, профессиональными достижениями и карьерой, или индивидуализме, как источнике одиночества, по-прежнему актуальны и могут быть полезны и интересны нашему студенчеству.

Литература

1. Маркс, К. Немецкая идеология / К. Маркс, Ф. Энгельс // Сочинения. 2-е изд. : в 39 т. – М., 1955–1965. – Т. 3. – С. 7–544.
2. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм ; пер. с англ. / Общ. ред. П. С. Гуревича. – М. : Издательская группа «Прогресс», 1995. – 256 с.
3. Франкл, В. Человек в поисках смысла / В. Франкл ; пер. с англ. и нем. // Сборник / Общ. ред. Л. Я. Гозмана, Д. А. Леонтьева. – М. : Прогресс, 1990. – 368 с.
4. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер ; пер. с нем. / Под ред. П. С. Гуревича, С. Я. Левит, С. В. Лёзова. – М. : Республика, 1995. – 464 с.
5. Фукуяма, Ф. Конфуцианство и демократия / Ф. Фукуяма ; пер. на рус. яз. Т. Чернышева // Journal of Democracy. – 1995. – Vol. 6, № 2. – P. 20–33.
6. Яковлева, А. Ф. Коллективная и коммуникативная память научного сообщества : особенности формирования и исследования / А. Ф. Яковлева // Вопросы философии. – 2020. – № 6. – С. 23–27.

Гомельский государственный
технический университет имени П.О. Сухого

Поступила в редакцию 30.06.2022

Технический редактор: *О.Г. Шляхтова*. Корректоры: *В.А. Бобрик, И.А. Хорсун*

Подписано в печать 06.07.2022. Формат 60 × 84 1/8. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 24,65. Уч.-изд. л. 21,47. Тираж 100 экз. Заказ № 353.
Цена свободная

Издатель и полиграфическое исполнение:
учреждение образования
«Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины».

Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 3/1452 от 17.04.2017.
Специальное разрешение (лицензия) № 02330 450 от 18.12.2013.
Ул. Советская, 104, 246028, Гомель.